

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ
В ГОД

НАУКА
МОСКВА

В НОМЕРЕ:

Над чем работают уральские ученые

*Распад СССР в контексте теорий модернизации
и имперской эволюции*

*Культурный уровень и политические настроения
рабочих крупной промышленности Урала в годы нэпа*

Временное областное правительство Урала

Землепроходец П.И. Бекетов

*Участие иностранных мастеров в развитии
горнорудного дела в России*

*Применение структурно-демографической истории
к изучению истории России XVI в.*

*Поверстание в дети боярские представителей
других сословий*

Безработица в дореволюционной России

*Этноконфессиональный компонент внутренней
политики России начала XX века*

*Перспективы изучения рабочей истории
в современной России. *Окончание**

*Отечественная историография «холодной войны».
*Окончание**

*Номенклатурная борьба вокруг журнала
«Вопросы истории» в 1954–1957 годах*

Историческая публицистика

*Почему распался Советский Союз. *Окончание**

5

сентябрь
октябрь

2003 * 5

Центральная городская
публицистика библиотека
им. Н.В. Малковского
С-Петербург, наб. р. Фонтанки 44/46

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.В. ТЮТЮКИН (*главный редактор*),
А.И. АКСЕНОВ, В.Я. ГРОСУЛ, П.Н. ЗЫРЯНОВ, А.Е. ИВАНОВ, А.В. ИГНАТЬЕВ,
А.П. КОРЕЛИН, Ю.С. КУКУШКИН, В.А. КУЧКИН, В.С. ЛЕЛЬЧУК,
В.А. НЕВЕЖИН, Л.Н. НЕЖИНСКИЙ, Ю.А. ПЕТРОВ, Е.И. ПИВОВАР,
Ю.А. ПОЛЯКОВ, М.А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
А.Н. САХАРОВ, С.С. СЕКИРИНСКИЙ, В.В. ТРЕПАВЛОВ

Адрес редакции:

117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 123-90-10; 123-90-41
Наша электронная почта:
otech_ist@mail.ru

Ответственный секретарь Ю.В. Мочалова
Тел. 123-90-10

EDITORIAL BOARD

S.V. TIUTIUKIN (*Editor-in-chief*),
А.И. АКСИОНОВ, В.Я. ГРОСУЛ, П.Н. ЗЫРЯНОВ, А.Е. ИВАНОВ, А.В. ИГНАТЬЕВ,
А.П. КОРЕЛИН, Ю.С. КУКУШКИН, В.А. КУЧКИН, В.С. ЛЕЛЬЧУК,
В.А. НЕВЕЖИН, Л.Н. НЕЖИНСКИЙ, Ю.А. ПЕТРОВ, Е.И. ПИВОВАР,
Ю.А. ПОЛЯКОВ, М.А. РАХМАТУЛЛИН (*Assistant editor-in-chief*),
А.Н. САХАРОВ, С.С. СЕКИРИНСКИЙ, В.В. ТРЕПАВЛОВ

Address:

19, Дм. Ульянова, Moscow, Russia. Tel. 123-90-10; 123-90-41

Managing Editor Yu.V. Mochalova
Tel. 123-90-10

**РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ЧЕТЫРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ
НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКИХ ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА),
А ТАКЖЕ В ЭЛЕКТРОННОМ ВАРИАНТЕ (ДИСКЕТА И РАСПЕЧАТКА НЕ БОЛЕЕ
1,5 ПЕЧАТНЫХ ЛИСТА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ МАТЕРИАЛА РУКОПИСИ И ДИСКЕТА
НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.**

Над чем работают уральские ученые

© 2003 г. В.В. АЛЕКСЕЕВ, Е.В. АЛЕКСЕЕВА*

РАСПАД СССР В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИМПЕРСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Постановка проблемы

Распад великой державы современности – Союза Советских Социалистических Республик – явился одним из важнейших событий всемирной истории конца XX в. Его активно комментируют общество, политики, ученые. Почему рухнула страна, в которой развивались производство и наука, работала разветвленная система социального обеспечения, граждане бесплатно получали новые квартиры и давали образование детям, проводили отпуск на юге, страна, в которой не было нищеты и голодов? Согласно различным социологическим опросам, о распаде СССР сожалеют три четверти всех россиян, причем показатель этот практически не меняется с течением времени¹. «Кто не сожалеет об этом, у того нет сердца», – сказал через 10 лет после ликвидации СССР Президент РФ В.В. Путин.

Последствия выбора, сделанного в начале 1990-х гг., теперь очевидны. Граждане, политики и ученые признают, что для большинства бывших советских республик распад СССР стал национальной катастрофой. Падение производства и уровня жизни, рост социальной дифференциации разрушили целостность общества. Некогда могучая держава развалена. Этнические конфликты, территориальные претензии и вооруженные столкновения стали удручающей повседневностью. Шесть из пятнадцати бывших советских республик прошли через войны. За годы горбачевской перестройки, ельцинских реформ и последних преобразований на территории СССР возникло более 240 кровавых конфликтов и войн, общее число жертв которых, по подсчетам экспертов Государственной Думы, составило до 600 тыс. человек². Так что о мирном характере гибели советской империи говорить трудно. 10 лет деградации привели к сокращению доли России в мировой экономике почти в 10 раз – с примерно 6% в 1990 г. (доля СССР – около 9%) до 0.65% в 2000 г. Безвозвратная потеря технологического лидерства и целых научных школ лишила Россию возможности участвовать в мировой конкуренции, отбросила ее в положение страны «третьего мира». В целом по странам СНГ за 1992–2000 гг. валовой внутренний продукт сократился на 38%, объем промышленного производства – на 45, продукция сельского хозяйства – на 36, инвестиции в основной капитал – на 71%³. Упал культурный уровень, деформированы системы образования и здравоохранения, демографические показатели характеризуются отрицательными значениями.

Распад СССР и возникновение на его территории независимых государств нарушили политический баланс, сложившийся в мире во второй половине XX в., существенно повлияли на ход мирового интеграционного процесса, подбросив пороха в огонь десятков «горячих точек», расширив международные потоки вынужденной миграции, усложнив борьбу со всеми видами преступности. Общая нестабильность системы международных отношений резко возросла.

* Алексеев Вениамин Васильевич, академик РАН, директор Института истории и археологии УрО РАН.

Алексеева Елена Вениаминовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Так почему же все это произошло? В мировой историографии присутствует широкий спектр мнений, отражающих сложность и многомерность этого эпохального явления⁴, но нам представляется, что они еще не осмыслены до конца. Одни авторы излагают хронологию финального периода советской истории, не обращаясь к анализу цивилизационных причин и оценке всемирно-исторической значимости гибели супердержавы⁵. Своими публикациями они отвечают на вопрос: в силу каких конкретных причин и обстоятельств произошел распад СССР в декабре 1991 г.? Другие исследователи пытаются преодолеть этот *par excellence* эмпирический подход, выходя за рамки событийных оценок и стремясь увидеть *глубинные причины* национальной катастрофы, понять ее значение для судьб Отечества и мира⁶.

Продолжая двигаться в русле такого подхода, кратко обозначим некоторые полярные позиции, присутствующие в современной историографии проблемы.

1. В объяснении краха СССР значительное место исследователи отводят *внутренним причинам*, несовершенству социальной организации коммунистически ориентированного государства. Многие пишут о «самораспаде СССР», утверждая, что кризис социалистической системы хозяйствования, стагнирующая плановая экономика и авторатическая политическая система обрекли его на гибель, что советская система изжила себя⁷. В этом «лагере» доминирует точка зрения, что конец империи – это во многом «заслуга наций» (прежде всего национальных элит), а СССР развалился как колониальная империя под влиянием центробежных сил, в результате внутреннего кризиса «имперской политики» и нараставшего национально-освободительного движения⁸.

2. Некоторые авторы акцентируют внимание на *внешних причинах распада страны*. Патриотически ориентированные публицисты указывают, что причины прошедшего – в предательстве правящей элиты, действовавшей под влиянием заинтересованных в распаде внешних сил. Уничтожение СССР было декларированной задачей лагеря, который целенаправленно использовал ослабление СССР, потерю geopolитической бдительности, вырождение идеологии, дряхление элит, разложение правящей верхушки⁹.

Примечательно, что это объяснение высказывают и сами западные авторы. Американский исследователь П. Швейцер, основываясь на эксклюзивных интервью с К. Вайнбергером, Дж. Шульцем, Д. Пойндекстером, Р. Макфарлейном, В. Кларком и множестве документов, в деталях рассматривает, как секретная стратегия США, разработанная в Белом доме при Р. Рейгане в начале 1982 г., ускорила низвержение Советского Союза¹⁰.

3. *Водораздел между исследователями* также проходит по вопросу о *неизбежности гибели Советского Союза*. В своих публикациях они ищут ответ на вопрос: явилось ли это событие итогом «исторической необходимости» или стало результатом простого стечения обстоятельств, предопределенных злой волей участников политического процесса? Некоторые из них убеждены, что кризис советского общества конца 1980-х гг. был *непреодолим* и, следовательно, с неизбежностью вел к распаду СССР¹¹.

4. Другие утверждают, что глобальные процессы *не вели с фатальной неизбежностью к гибели СССР*, учитывая тот факт, что Советский Союз сумел после потрясений и огромных людских и материальных потерь в первой половине XX в. не только выдержать в «холодной войне» более чем 40-летнее противостояние с крупнейшими высокоразвитыми странами капиталистического мира, но и добиться ощутимых его наследием и признаваемых во всем мире успехов в социальном, культурном и научном развитии¹². Высказывается мысль, что это была случайность, обусловленная незддоровьем последних советских лидеров, не распад, а «развал», инициированный властной элитой. Особую роль в нем сыграла борьба за власть в высших эшелонах политического руководства страны, кульминировавшая во враждебных отношениях между Горбачевым и Ельциным.

Поляризация мнений отражена и в массовом сознании: свыше 60% участников опроса общественного мнения, проведенного РОМИР, считали, что распада СССР можно было избежать, 25% полагали, что он был неизбежен¹³.

5. Наконец, *ценностная шкала оценок* варьируется от осуждения развала, ностальгии по великому прошлому до удовлетворения результатами свершившегося. Отражением первой позиции является принятие Государственной Думой РФ 15 марта 1996 г. постановлений «Об углублении интеграции народов, объединявшихся в Союз ССР, и отмене постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года "О денонсации Договора об образовании СССР"» и «О юридической силе для Российской Федерации результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза ССР». Как известно, позднее нижняя палата российского парламента создала специальную комиссию по рассмотрению вопроса об отрешении Президента РФ от власти. Первыми среди выдвинутых обвинений значились развал СССР и участие в Беловежских соглашениях, «которые привели народ и государство к катастрофе». Содеянное в Беловежской пуще осуждается как «самая чудовищная ошибка за всю историю Российского государства»¹⁴.

Л. Баткин, Ю. Буртин, Вяч.Вс. Иванов в газете «Демократическая Россия», напротив, объявили, что развал СССР «можно только приветствовать», и говорили об опасности «заявки на преобладающую роль России, малейших проявлений великодержавности». Разделяя эту позицию, некоторые исследователи апеллируют к историческим прецедентам: «Пример Австро-Венгрии показывает, что распад СССР в 1991 г. вряд ли можно считать негативным последствием горбачевских реформ. Если бы многонациональная держава сохранилась, и без того не простое осуществление экономических преобразований столкнулось бы с еще большими трудностями»¹⁵. Риспуск СССР оценивается как избавление от «насквозь прогнившего имперского альянса» или как спасение от потенциальной «полномасштабной национально-освободительной (или имперско-восстановительной) резни»¹⁶.

Конечно, имеются и другие мнения по поводу крушения СССР¹⁷, но нет возможности рассмотреть их все в краткой статье. Главную задачу мы видим в другом – попытаться теоретически осмыслить этот феномен¹⁸.

На наш взгляд, объяснение гибели Российской (советской) империи следует искать в теоретической плоскости, координаты которой заданы *имперским и модернизационным* векторами. Обращаясь к России XVIII–XX вв., невозможно не заметить, что этот период ее истории отмечен разворачиванием двух необычайно важных процессов: имперского и модернизационного. Определяя суть первого из них, отметим, что в нашем понимании **империя** – это прежде всего этнически гетерогенная великая держава, стремящаяся к максимальному увеличению своей мощи и расширению идеологической, политической, экономической, культурной власти над другими территориями. С этой точки зрения, форма государственного правления оказывается второстепенным фактором. Главным выступает сущностное содержание – метаисторическая реализация доминирующей власти над крупными регионами мира. Как писал Ф.И. Тютчев, «Империя не умирает. Она передается». В этом смысле к империям, бесспорно, можно отнести и современное демократическое государство США, и канувший в Лету, традиционный в своей основе, социалистический Советский Союз. Таким образом, мы фиксируем историческую преемственность великой державы – Российской (советской) империи – и интерпретируем историю ее становления – расцвета – гибели в рамках единого имперского цикла.

Любая историческая эпоха есть результат ответа человеческого общества на те вызовы, которые ставит перед ним жизнь. Главным вызовом России в XVIII–XX столетиях стала **модернизация**, понимаемая как комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций традиционного общества, происходивших в мире с XVI в. и достигших своего апогея в XX в. в облике современности (modernity). Российские революции и застои, беды и победы являлись плодами перехода от традиционного, патриархального, сельского, аграрного общества к современному, индустриальному, городскому, демократическому. Россия вошла в XX в. аграрной страной, а вышла индустриальной. Поэтому такое значительное событие, как **крушение**

ние одной из крупнейших империй современности, логично осмысливать в контексте модернизационного перехода.

Модернизация и жизненный цикл традиционной империи: от симбиоза к антагонизму

Если суммировать ключевые характеристики рассматриваемых понятий – империи и модернизации, то мы получим их следующие обобщенные характеристики.

Типичным набором признаков традиционной империи являются:

1. Авторитарное правление; сильная централизация; стремление к неограниченной гегемонии; интеграция гетерогенного в этнокультурном отношении пространства в единый социально-политический организм;

2. Доминирование одной нации над другими; контроль имперского центра над ресурсами, идеологией, территорией и народами, удерживаемыми в рамках полного или частичного подчинения силой; дифференциация уровней политического, экономического и культурного развития территорий (метрополии и колоний, центра и периферии); ограниченность ассимиляции народов вновь включаемых в состав государства территорий, сохранение ими своих этнокультурных особенностей;

3. Ведущая роль в формировании политики, ценностей и культуры эпохи; опора на традиционную легитимацию; универсальная политическая и культурная ориентация; религиозное или идеологическое сплочение; сакральный характер власти, осуществляемой без посредства промежуточных (между правителем и народом) органов и учреждений¹⁹.

В свою очередь, модернизационный переход предстает совокупностью таких субпроцессов, как индустриализация, урбанизация, демографический рост, эрозия традиций, бюрократизация, профессиоанализация, демократизация, диверсификация, плюрализм и т.д. В качестве критерии модернизации в различных областях общественной жизни выделяются:

1. В *экономике*: применение технологий, основанных на использовании научного (рационального) знания, высокоэффективных источников энергии; углубление разделения труда и обмена деятельностью; появление вторичного (индустрия, торговля) и третичного (услуги) секторов хозяйств; развитие рынков товаров, капиталов и труда; растущие уровни производительности труда, а также промышленного и аграрного производства; увеличивающаяся доля промышленного (в противоположность аграрному) сектора в валовом национальном продукте; расходование на накопление как минимум до четверти валового национального продукта;

2. В *социальной сфере*: разделение функциональных ролей, выполняемых индивидами в обществе, в частности, разделение между обязанностями в общественном производстве, политике, семье; вытеснение отношений личной зависимости между людьми отношениями их личной независимости; смена социального критерия сословности или этнической принадлежности на критерий классовой принадлежности; вытеснение традиционной сословной элиты «новыми людьми»; высокая урбанизация; растущее равенство между полами и увеличение числа женщин, работающих вне дома и получающих зарплату; низкая смертность; позднее вступление в брак; невысокие темпы рождаемости и естественного прироста населения;

3. В *политике*: образование централизованных национальных государств и разделение властей; интеграция широких масс населения в политический процесс; формирование осознанных интересов различных общественных групп;

4. В *области культуры*: дифференциация культурных систем и ценностных ориентаций; секуляризация образования и распространение грамотности; развитие средств трансляции информации; утверждение ценностей индивидуализма; рационализация сознания на основе научных знаний с отказом от поведения в соответствии с традициями²⁰.

Будучи сложнейшими историческими явлениями, оба процесса существуют в многофакторной взаимосвязанной динамике, нередко, особенно на начальных этапах,

придавая друг другу мощные импульсы для дальнейшего обобщенного развития. В то же время теоретическая рефлексия убеждает в том, что традиционный имперский и модернизационный векторы по многим параметрам оказываются разнонаправленными. Антагонистами, оппозиционное напряжение между которыми динамицирует историю, выступают: авторитарность – демократия; зависимость – свобода; централизация – диверсификация; стремление к неограниченной гегемонии – высокотехнологичные механизмы сдерживания; интеграция гетерогенного в этнокультурном отношении пространства в единый социально-политический организм – регионализация; ведущая роль одной из наций, ее стремление осуществлять контроль над ресурсами, идеологией, территорией и народами, удерживаемыми силой, – самостоятельное развитие в рамках национальных государств; сохранение ярко выраженных этнокультурных особенностей – интернационализация и космополитизм; дифференциация уровней развития центра и периферии – тенденция к сглаживанию различий в уровнях развития; опора на традиционную легитимацию – эрозия традиций; религиозное или идеологическое сплочение – конфессиональный и идейный плюрализм; сакральный характер власти – рационализация сознания на основе научных знаний с отказом от поведения в соответствии с традициями, интеграция широких масс населения в политический процесс.

Переходя от понятий к явлениям, рассмотрим, на каком этапе и при каких обстоятельствах модернизация становится катализатором развития российского общества, в конечном итоге уничтожившим традиционную империю. Позиционируя российский имперский цикл на шкале модернизации, сделаем это в соответствии с градациями, предлагаемыми ее ведущими исследователями. В.А. Красильщиков и др. выделяют три модернизации, разворачивавшиеся в мировом историческом процессе²¹. Адаптируя их применительно к России, авторы коллективного труда «Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века» пишут о доиндустриальной модернизации, раннеиндустриальной модернизации, индустриализации 1930–1940-х гг. и позднеиндустриальной модернизации²². Разумеется, история не однолинейна, и говорить об отдельных империях в рамках четко очерченных циклов создания, процветания, упадка, дезинтеграции и постимперского существования – упрощение. Тем не менее грубое деление эволюции империй на определенные стадии представляется эвристически полезным. Кратко (не разворачивая фактическую аргументацию), используя в качестве критерии лишь наиболее значимые политические, социальные и территориальные рубежи, имперскую и модернизационную эволюцию России можно представить в следующей динамике:

		<i>Доиндустриальная модернизация (XVIII – середина XIX в.)</i>
1. Появление предпосылок зарождения империи (середина XVI – первая четверть XVIII в.)		Опираясь на результаты укрепления Русского государства в ходе социально-экономического развития и территориальной экспансии второй половины XVI–XVII в. (к концу XVII в. оно занимало уже 15.5 млн кв. км), первый российский император Петр I заложил основу глубоких модернизационных реформ, охвативших все стороны жизни общества и способствовавших превращению страны в могучую державу. С одной стороны, политика российских самодержцев была традиционно нацелена на расширение и упрочение единого централизованного государства, объединяющего более сотни народов и десятки разнородных регионов под эгидой Православия и самодержавия. С другой стороны, в течение XVIII – первой половины XIX в., в большей или меньшей степени отвечая требованиям современности, в России были преобразованы государственное и административное управление, экономика, военное дело, Церковь, просвещение, культура, повседневная жизнь. Это позволило Российской империи сплотить под своим покровительством огромные земли в Европе, Азии и Америке и на равных играть партию в европейском концерте.
2. Официальное провозглашение Российской империи 22 октября 1721 г.		
3. Укрепление и восходящее развитие империи (1720–1760-е гг.)		
4. Расцвет империи (1770–1840-е гг.)		

	<p style="text-align: center;"><i>Кризисprotoиндустриализации и развертывание раннеиндустриальной модернизации (вторая половина XIX – начало XX в.)</i></p>
<p>5. Появление и нарастание кризисных явлений (середина XIX – начало XX в.)</p> <p>6. Провозглашение России республикой 1 сентября 1917 г. (клиническая смерть империи)</p>	<p>Во второй половине XIX в. страна достигла пределов вмещения. Российская империя уже прошла стадии зарождения, возрастания и расцвета. В то же время стали ощущаться серьезные симптомы кризиса ее традиционной имперской системы, не отвечавшей требованиям современности. Он проявился в неудачах в Крымской, Русско-японской и Первой мировой войнах, в социально-правовых потрясениях основ российского бытия, связанных с отменой крепостного права (1861), последовавшими реформами (1860–1870-е), контрреформами (конец 1880 – начало 1890-х) и политическими катализмами конца XIV – начала XX в.</p>
	<p>Эти события были вызваны борьбой старого и нового укладов, требованиями модернизации социальных, политических, экономических отношений внутри страны, а именно: развитием демократических требований в обществе, необходимостью создания неограниченного рынка наемного труда, ростом национального самосознания и стремлением к более широкой реализации региональных и политических интересов, эрозии традиционного мировоззрения, достижениями в научно-технической сфере, а также борьбой за мировое влияние с более продвинувшимися по пути модернизации странами Европы и США. Реформы Александра II явились ответом на кризис доиндустриальной модернизации, возникший на первых этапах экономического роста, который не приобрел еще устойчивый характер, однако существенно расщатал традиционные структуры и использовал весь адаптивный потенциал, которым они обладали²³.</p>
	<p>В конце XIX – начале XX в. царская Россия предприняла попытку индустриализации (<i>раннеиндустриальная модернизация</i>), однако война и революции не позволили ее завершить. В 1913 г. Россия по объему промышленного производства в 2.5 раза отставала от Франции, в 4.6 – от Англии, в 6 раз – от Германии, в 14.3 – от США²⁴. В промышленности и строительстве было занято только 9% населения, тогда как в сельском хозяйстве – 75%. Доля промышленности и строительства в национальном доходе составляла 29%, а сельского хозяйства – 54%²⁵. На данном этапе разворачивается драма российских революций, расшатавших и приведших к краху династический строй Российской империи. Начался процесс интенсивного распада империи: были потеряны Польша, Финляндия, Прибалтика, Западная Украина и Западная Белоруссия, Бессарабия, некоторые анклавы в Закавказье. Геополитическое влияние и экономическое значение государства в мире резко упало.</p>
<p>7. Реанимация империи (середина 1920 – середина 1930-х гг.)</p> <p>8. Новый виток восходящего развития (середина 1930-х – 1950-е гг.)</p>	<p style="text-align: center;"><i>Индустриализация 1930–1940-х гг.</i></p> <p>Образование СССР в 1922 г. и дальнейшая стимуляция центростремительных процессов создали основу для восстановления положения великой державы. Движение в этом направлении стало возможным благодаря проведению сталинской <i>индустриализации 1930–1940-х гг.</i>, которую можно рассматривать как продолжение раннеиндустриальной модернизации и решение ряда проблем позднеиндустриальной модернизации. Государство, находившееся на ранних стадиях промышленного развития, перешло к модели «импортозамещающей индустриализации, предусматривающей резкое увеличение роли государства в экономике и снижение роли рыночных стимулов»²⁶. Категоричная система идеологического сплочения и непререкаемая вертикаль власти, соединившая столицу с окраинами, несмотря на огромные издержки, способствовала победе СССР во Второй мировой войне, в результате которой была существенно расширена сфера geopolитического влияния новой советской империи.</p>

Позднеиндустриальная модернизация

9. Расцвет советской империи (1960–1970-е гг.)

10. Появление и нарастание кризисных явлений (конец 1970-х–1980-е гг.)

11. 8 декабря 1991 г., после подписания Беловежских соглашений СССР как субъект международного права и geopolитическая реальность прекратил свое существование

12. Утрата системообразующих признаков империи (1990-е гг.)

В течение отечественной *позднеиндустриальной модернизации* 1950–1980-х гг. расширялись сферы применения механизированного, поточного производства, начался процесс соединения производительного труда с научным знанием в ходе научно-технической революции. Успехи на этом пути в совокупности с жесткой централизацией власти привели к серьезному укреплению позиций СССР на международной арене.

Однако Советский Союз не преодолел основные барьеры на пути адаптации инноваций постиндустриальной эпохи в технико-экономической и социально-политической областях в отличие от многих других стран, устранивших эти препятствия на предшествующих этапах. Кризис ранней постмодернизации вызвал в советском государстве полномасштабную революцию, начавшуюся в середине 1980-х гг.²⁷ Новая социалистическая империя в очень короткий срок лишилась двух поясов защиты, в 1991 г. распалась, а ее несущий сегмент – Россия – оказалась в середине 1990-х гг. перед реальной угрозой внутренней дезинтеграции. Произошло стремительное падение мирохозяйственной и мировополитической роли России (как правопреемницы распавшегося СССР).

Таким образом, в истории Российской (советской) империи можно очень условно выделить большой (1721–1991) и два малых (1721–1917 гг. и 1917–1991) цикла. Доиндустриальная модернизация, сопряженная с первоначальным вызовом, брошенным патриархальному укладу современностью, появлением и консолидацией новой элиты, началом тектонических подвижек от традиционности к современности коррелирует с восходящим периодом имперской эволюции. Первый имперский цикл реализуется на последней стадии развития традиционного общества, являясь его «лебединой песней». Индустриальная модернизация страны – основа модернизационного перехода – оказалась «разорвана» на два этапа (до- и послереволюционный) социальным взрывом. «Запал» к нему, созданный из противоречий традиционного и нового, имперской формы государственной организации и требований современности, был ее же (модернизации) собственным производным, а под осколками чуть было безвозвратно не рухнула империя, основанная Романовыми.

Впустив современность в распахнутое в начале XVIII в. окно, имперская Россия в течение двух столетий переживала фундаментальный кризис традиционализма. Восстав Фениксом из пепла войн и революций, в новом имперском облике она просуществовала до 1990-х гг. Первый цикл занял около 200 лет, второй – менее 100. Финал оказался предсказуемым – все империи рано или поздно распадались под напором требований перемен в обществе, неспособном разрешить накопленный конфликтный потенциал традиционными способами. (Высшая и в значительной степени не оспаривавшаяся имперская власть Рима просуществовала также около трех столетий.)

Исчерпанность традиционной империи как исторического явления обусловлена прежде всего введением в действие новых, неимперских механизмов мондиализации, наиболее адекватно описываемых теорией модернизации. «В эпоху, когда эти механизмы начинают определять государственную политику, традиционная (средневековая) имперская система перестает быть основным "орудием" созидания мировой истории, что последовательно приводит любую империю к кризису идентичности, а затем к неминуемому распаду»²⁸. Кризис традиционной империи реализуется на фоне интенсивных технологических, социальных, ментальных подвижек, характеризующих этапы индустриальной и позднеиндустриальной модернизации. «Системная модернизация,

модифицирующая все стороны социальной действительности и приводящая к рождению качественно нового общества, влечет за собой, таким образом, крах империй...»²⁹

Возрождение империи в облике СССР переплетается с индустриальным и позднеиндустриальным этапами модернизации. *Империя СССР* была воссоздана на основе советской индустрии, став уникальным примером не только евразийской, но и синтетической традиционно-современной империи, своеобразное развитие которой, ее прорывы и провалы детерминировались геополитическими, культурно-историческими и социально-политическими реалиями XX в. Не сумев вписаться в постиндустриальный этап модернизации, социалистическая империя в очень короткий срок их лишилась и оказалась в начале 1990-х гг. в ситуации тотального социально-экономического, политико-административного и культурно-цивилизационного кризиса.

Историческая динамика развития СССР во взаимосвязи с процессами его модернизации и имперской эволюции

1. Восходящее развитие. Размышая о причинах гибели СССР, сконцентрируем внимание на советском периоде имперской истории России. Наряду с внутренними неблагоприятными факторами ее развития (природно-климатическими, пространственными, региональными диспропорциями) действовали и внешние. Страна шла по пути модернизации в условиях, когда основные игроки на мировой политической сцене – ведущие государства Западной Европы и США – практически завершили свою модернизацию, разорвав сплетенный из традиционных запретов и условностей кокон средневековья, сковывавший семимильную поступь материальной цивилизации Запада. Дистанцию, которую компактная Европа шла около четырех столетий, Россия, выведенная на дорогу модернизации Петром I, была вынуждена преодолеть по просторам одной шестой части земной суши за период почти вдвое короче. Отсюда сталинский прессинг для последнего рывка: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»³⁰. Ценой огромных человеческих жертв эта задача была решена.

В результате двух первых пятилеток (1929–1937) СССР существенно продвинулся по пути индустриализации. К концу второй пятилетки уровень промышленного производства 1913 г. был перекрыт в 8.2 раза. Если по объему валовой продукции промышленности дореволюционная Россия занимала пятое место в мире, а ее доля в мировом промышленном производстве составляла 2.6%, то СССР к концу второй пятилетки вышел по объему валовой продукции на первое место в Европе и второе в мире, его удельный вес в промышленности всего мира достиг 13.7%. В 1937 г. на промышленность приходилось 77.4% общей стоимости народно-хозяйственной продукции³¹.

Накануне первой пятилетки рабочие и служащие составляли 17.6% населения страны, а в 1939 г. уже 50.2%. Доля рабочих в социальной структуре выросла за эти годы с 12.4 до 33.5%³². Индустриализация кардинально изменила соотношение городского и сельского населения. Если в 1926 г. в городах проживало 18% населения СССР, то к началу 1938 г. горожанами стали 30%. За 1929–1940 гг. среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве сократилась на 19.6 млн человек (36%), а в промышленности и строительстве выросла на 8.9 млн (в 3.2 раза)³³. Приведенные цифры советской статистики, видимо, нуждаются в уточнении, но их порядок убедительно доказывает принципиальные изменения в экономической и социальной структурах государства, что свидетельствует о крупных шагах на пути модернизации России, переходе от традиционного аграрного общества к индустриальному. В подтверждение этой тенденции можно привести факты из других сфер общественной жизни.

В политической области произошла дальнейшая централизация государства, превзошедшая исторические precedents. Состоялось разделение власти, но оно носило формальный характер и не отвечало требованиям модернизации. Широкие массы населения активно включались в политический процесс, но со временем их энтузиазм был узурпирован тоталитарной властью. Гигантские изменения произошли в области

культуры. Ярко выраженный характер получила секуляризация культурных систем и ценностных ориентиров, правда, с однобокой социалистической ориентацией. По темпам и масштабам побили мировые рекорды секуляризация образования и распространение грамотности. Число специалистов с высшим и средним специальным образованием (без военнослужащих) в 1929–1940 гг. возросло с 521 тыс. человек до 2.4 млн, т.е. с 4.8 до 7.7% всех рабочих и служащих³⁴.

Названные успехи позволили совершить гигантский экономический рывок. За 12 лет масштабы экономики страны возросли в 4 раза. Среднегодовые темпы прироста национального дохода составляли в среднем 12.2%, продукции промышленности – 14.5%. Советский Союз превратился в страну с современным производственно-техническим и научно-образовательным потенциалом³⁵.

Модернизация была важна для укрепления обороноспособности страны, что имело принципиальное значение накануне Второй мировой войны, знаменовавшей собой очередную историческую схватку за лидирующее место на мировой арене. В 1937–1940 гг. темпы производства военной продукции втройне превышали общепромышленную динамику³⁶. В то время как изготовление боеприпасов для наземных систем вооружений и авиации в Германии в период Второй мировой войны в 2.6 раза превышало тот же показатель во время Первой мировой войны, объем советского военного производства в 1941–1945 гг. был в 24.5 раза выше, чем в Российской империи в годы Первой мировой войны³⁷. Именно модернизация спасла Россию от фашистского рабства, что сыграло решающую роль в ее судьбе. Она обеспечила централизацию государства, восстановила историческую преемственность великой империи. «Изумительные достижения сталинизма» в области модернизации признает даже такой ненавистник Советской России и апологет западного мира, как З. Бжезинский³⁸.

Из приведенных фактов вытекает однозначный вывод о том, что страна шла по пути модернизации в русле мирового прогресса и добилась здесь огромных успехов, завоевав мировое признание в качестве великой державы. Другое дело, что модернизация насаждалась сверху железной диктатурой, ее темпы ускорялись в ущерб качеству процесса и здоровью нации. Она имела форсированный и очевидный военно-политический характер, не решала многих задач классической модернизации, таких, как создание полноценного рынка товаров, капиталов и труда, не обеспечивала свободу личности, являющуюся главным залогом успехов и необратимости ее процессов. В этом коренились причины, сыгравшие позднее негативную роль в трансформации страны, сохранившей очевидные признаки традиционной империи, в современную постиндустриальную мировую державу.

2. Расцвет Советской державы. Послевоенные годы советской империи отмечены крупными достижениями научно-технического прогресса. Мировые беспрецедентные достижения были получены в атомной энергетике, ракетно-космической технике, электроэнергетике, машиностроении и в других отраслях экономики. Они хорошо известны современному читателю и не требуют детализации. СССР (наряду с США) стал страной, способной производить любой вид промышленной продукции. Тем самым было преодолено стадиальное отставание России от индустриально развитых стран мира. В середине 1980-х гг. СССР входил в число мировых промышленных гигантов, занимая ведущие места по многим показателям индустриального прогресса. К 1985 г. его промышленная продукция составляла около 85% от американской.

Советская экономика постепенно двигалась к постиндустриальному развитию. В 1989 г. в структуре производственного ВВП на долю услуг приходилось около 32% и более 60% занимало производство товаров. Около 40% занятых в народном хозяйстве РСФСР имели высшее и среднее специальное образование, что вплотную приблизилось к показателям США. Советский приоритет в сфере развития образования и науки широко признавался в мире. В силу этого советская экономика на начальном этапе движения к постиндустриальному обществу была в состоянии справиться с задачами научно-технического прорыва при условии концентрации ресурсов в перспективном направлении. В 1960–1970-х гг. удалось сформировать основу такого технологическо-

го уклада в виде совокупности отраслей (электроника, аэрокосмическая и телекоммуникационная техника), который соответствовал мировому уровню, а по ряду позиций (в аэрокосмической области) превосходил его³⁹. Что же мешало развивать эти успехи?

С середины 1970-х гг., когда новый уклад потребовал активного вытеснения отмиравших и неэффективных технологий, этого не произошло, что привело к падению темпов роста в стране. Культом советской индустриализации была тяжелая промышленность, но в ее структуре слишком большой удельный вес занимали добывающие отрасли, производящие продукцию на экспорт. Сырьевая направленность экономики, с одной стороны, не обеспечивала должного развития высоких технологий, которые приходилось ввозить из-за рубежа, а с другой – обрекала великую страну на роль сырьевого придатка западного мира. С 1970 по 1985 г. стоимость импортных машин и оборудования выросла почти в 7 раз, а их доля в оборудовании, связанном с реализацией капитальных вложений, увеличилась с 13 до 37%⁴⁰.

Решающее влияние на ход экономического развития СССР оказало противостояние с США. Историческое соперничество двух сверхдержав – СССР и США – вместе с возглавляемыми ими военно-политическими блоками породило горы оружия, базировавшегося на достижениях модернизации, и пожирало львиную долю ее выдающихся свершений. Военно-промышленный комплекс (ВПК) СССР, стержнем которого было ядерное оружие и средства его доставки, использовал 13–17% валового внутреннего продукта страны, что было непомерно много для хозяйственной системы, пытающейся выйти из мобилизационного режима развития. Расходы на оборону возросли с 16.2 млрд руб. в 1950 г. до 51.3 млрд руб. в 1970 г. (в сопоставимых ценах). Численность занятых в ВПК увеличилось с 1135 тыс. человек в 1946 г. до 2850 тыс. в 1956 г. и 4 533 тыс. в 1965 г. (17% занятых в промышленности)⁴¹. В 1980-е гг. на долю оборонного комплекса приходилось уже 20–25% валового национального продукта. Треть всех занятых в добывающих и обрабатывающих отраслях работала непосредственно на военные нужды. Для размещения заказов ВПК существовали целые отрасли гражданской промышленности, которые обслуживали миллионы людей. В общей сложности за годы «холодной войны» на нужды обороны было потрачено около 10 млрд долларов⁴². К концу 1980-х гг. Советский Союз опережал любую страну мира по количеству производимых основных видов вооружений. На долю вывоза оружия приходилось до 20% советского экспорта⁴³.

В результате такого напряжения удалось добиться стратегического паритета с США. Если в 1945 г. США имели 6 атомных боезарядов, а СССР ни одного, то в 1978 г. у СССР было 25 393, а у США – 24 424 боезаряда с соответствующими средствами доставки⁴⁴. Формальный паритет принципиально важен, но нужен ли он был на столь высоком уровне? Такая гонка за лидером привела Россию к разорению, на что и рассчитывали США. Советская империя «рухнула… потому, что… финансовый гнет из-за военных затрат оказался ей не по силам», – утверждает Р. Макфарлейн, бывший в начале 1980-х гг. помощником советника президента США Р. Рейгана по национальной безопасности и вошедший в историю американской внешней политики главным идеологом и организатором программы «стратегической оборонной инициативы» (СОИ). Макфарлейн полагает, что СОИ была «экономической стратегией, задуманной для того, чтобы разрушить экономику советского государства». «Мы победили в науке и технологии, не в количестве вооружений. Мы обременили вашу страну так, что она этого не заметила, заставили тратить денег больше, чем их было на самом деле», – считает он⁴⁵.

В тесной связи с военно-стратегическими задачами Советского Союза находилась интеграция его хозяйственной системы в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Удельный вес стран-членов СЭВ во внешнеторговом обороте СССР составлял в рассматриваемый период 53–57%. Во второй половине 1960-х гг. доля экспорта СССР в национальных доходах этих стран достигала в среднем 18–20%⁴⁶. Если учесть активные экономические отношения Советского Союза с азиатскими, латиноамериканскими и африканскими странами, то станет ясно, что под его влиянием находилась

чуть ли не четверть мира. Это был апогей геополитического горизонта советской империи.

3. Гибель империи. В последней четверти XX в. над империей сгустились тучи. С одной стороны, их нагоняли ветры мировых перемен уходящего столетия, а с другой – пытал внутренний вулканизм советской тектоники, давшей глубокие трещины, из которых поднимались наболевшие проблемы. Мировые перемены проявились прежде всего в кризисах индустриализма и национальной государственности, глобализации мировой экономики и послевоенного устройства мира. Внутренние проблемы Советского Союза накапливались по мере нарастания противоречий между имперской формой его существования и углублением модернизации; гипертрофированным развитием военно-промышленного комплекса и сдерживанием прогресса гражданских отраслей, утверждения в них высоких технологий; жестким укладом командно-административной системы и требованием перемен в обществе. Все это привело к глубокому кризису империи и ее гибели.

Условно можно выделить **три главные причины распада СССР**: историческая предрасположенность; внутренняя эрозия; внешняя «мировая» агрессия. *Первая причина* связана с рассмотренным противоречием империи и модернизации. Хотя развитие империи теснейшим образом переплеталось с модернизацией, инициируя и постоянно подталкивая ее, она же и уничтожила традиционную империю. А незавершенность российской модернизации, неспособность Советского Союза выйти на постиндустриальный виток развития, в конечном счете, привели к распаду великого государства, к потере исторической возможности его трансформации в мощную современную державу.

Непосредственным поводом к этому послужило объявление, а затем и реализация принципа самоопределения наций, составлявших великую страну. Стремление формирующихся национальных государств разрушить империю – яркий индикатор процесса этнополитической модернизации. Возможность распада советской империи была изначально заложена в тех основах, на которых строился СССР. Все входившие в него республики и созданные в них автономные образования были сформированы по национальному признаку, хотя в некоторых регионах нация, давшая имя республике или автономной области, составляла меньшинство ее населения. За каждой республикой признавалось право свободного выхода из Союза, чего нет ни в одной федерации мира. Право выхода из Союза подтверждалось Конституциями СССР 1936 и 1977 гг., а в последней к тому же был провозглашен безусловный суверенитет каждой союзной республики. Делалось это в пропагандистских целях, для украшения политического фасада: руководители СССР были уверены, что этими правами никто и никогда не воспользуется – вернее, не осмелится воспользоваться.

Действительно, СССР оставался нерушимым, пока существовала строго однопартийная система и страна не вошла в экономический и политический кризис. Но он не выдержал первых же испытаний демократией и свободой. Как только ослабла зависимость руководителей промышленности и сельского хозяйства от центра, директивная плановая экономика оказалась дезорганизованной. Предоставленные самим себе хозяйственники вышли из-под партийно-государственного контроля, сокрушив прежнюю систему управления де-факто, до начала рыночных реформ. Сокращение функций министерств и лишение центрального партийного аппарата властных полномочий, возможности устанавливать директивные плановые задания, лимиты снабжения, назначать цены на продукцию разрушили «нервную систему», объединявшую экономическое и правовое пространство СССР.

Административно-политическое деление по национальному принципу такой огромной многонациональной и мультиконфессиональной страны привело к тому, о чем еще в начале XIX в. предупреждал декабрист П. Пестель. Убежденный в неприемлемости федеративного устройства для России, состоящей из разнородных в социально-экономическом, этноконфессиональном, политико-административном плане регионов, в своем основном программном документах – «Русской Правде» – выдающийся общественный деятель России писал, что «ежели сию разнородность еще более усилить через федера-

тивное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое могущество, величие и силу, но даже, может быть, и бытие свое между большими или главными государствами»⁴⁷.

Экономический кризис, сочетавшийся с кризисом вертикальных структур власти, усилил рост национального самосознания и стремление к самостоятельности у коренного населения республик. Сепаратизму способствовала также кадровая и национальная политика КПСС. При назначении руководителей партийных и государственных органов, общественных организаций, научных и социально-культурных учреждений преимущества отдавались национальным кадрам, что привело к появлению в республиках национальных элит. Они стали доминировать над «некоренными» национальностями и стремились уйти из-под контроля со стороны союзного центра. Многие национальные лидеры мечтали стать во главе независимых государств.

Модернизация национальных окраин страны способствовала их значительному экономическому и культурному росту, подъему национального самосознания, которое в условиях заката империи начало перерастать в национально-сепаратистские движения, пытавшиеся воскресить нереализованные национальные притязания прошлых эпох. В последний год существования СССР на его территории было зафиксировано свыше 100 таких ситуаций⁴⁸. Они имели глубокие корни, уходящие в предшествующие столетия и даже тысячелетия. Территорию СССР населяли многочисленные народы, пришедшие сюда в разные исторические эпохи с разным цивилизационным багажом. В отличие от стран Западной Европы многие из них вплоть до конца XX в. не прошли стадию формирования гражданского общества, не сложились в многонациональные государства, да и не могли этого сделать в силу уникальной пестроты этнического состава и принципиально иных социально-экономических и внешнеполитических условий.

Вторая причина, порожденная первой, связана с неуклонным нарастанием центробежных тенденций в империи по мере осложнения экономического положения государства и ослабления его политической роли, разложением центральной власти, зарождением в ней предательских элементов, криминогенных кланов, возрастанием претензий национальных элит на окраинах, стремящихся к поиску собственного выхода из затруднительного положения. Она требует более детального рассмотрения.

Долговременная ориентация на экстенсивные факторы индустриального развития привела к тому, что по мере их исчерпания страна оказывалась во все более критическом положении. Масштабы ресурсоемкого типа воспроизводства, характерные для ранних стадий индустриализации, не только не сокращались, но и возрастали, обрекая великую страну на положение сырьевого приданка Запада.

Неспособность советского руководства провести своевременно коррекцию экономического курса привела к тому, что страна споткнулась на переходе от среднеразвитого к зрелому индустриальному обществу. Позднее акцент был сделан на критике индустриальной модели социализма, в то время как кризис переживал и индустриальный капитализм. Если западный мир нашел выход из своего кризиса на пути своевременно го построения постиндустриального общества, то Россия надолго застряла в самобичевании социализма и упогании диким, давно отжившим капитализмом.

Достигнутое благодаря модернизации относительно высокое благосостояние народа со временем деформировалось, когда советская экономика втянулась в «потребительскую гонку» с Западом. Ей оказались не под силу две беговые дорожки одновременно – соревнования в области вооружений и массового высокого потребления. Западная система, имея многовековой опыт модернизации, загнала неокрепшую советскую экономику в тупик, что трагически сказалось на судьбе России в конце XX столетия.

Мировые достижения советской модернизации уживались с отставанием в важных областях. Индустриальный прогресс гражданских отраслей терял темпы, не поспевая за техническими достижениями Запада, особенно в области высоких технологий. Гипертрофированное развитие тяжелой промышленности сужало сферу потребления и

услуг, ограничивало рост благосостояния народа. Набравшая высокий темп урбанизация активно распространяла городской образ жизни на село, тем самым свидетельствовала о важных шагах перехода от аграрного общества к индустриальному, но по причине догматической трактовки она вела к опасным социальным и экологическим последствиям.

Сельскохозяйственный труд все более превращался в разновидность труда индустриального, что также доказывало движение по пути модернизации, однако в связи с волонтеристской политикой на селе сельское хозяйство все более деградировало, перестав удовлетворять потребности народа в продовольствии, а промышленности – в сырье. Индустриализация, осуществлявшаяся в значительной степени за счет крестьянства и сельского хозяйства, привела к их деградации, от которой они не могли оправиться до конца Советской власти, когда страна, имевшая максимальные посевные площади на душу населения, импортировала более 40 млн т зерна ежегодно, тратя на это огромные валютные резервы, и оказывалась неспособной преодолеть дефицит продуктов питания. Советская модернизация фактически уничтожила многовековую крестьянскую Россию.

В этом же контексте необходимо отметить неоправданно затратный характер модернизационных преобразований и прогрессирующую потерю качества продукции советской экономики. Трудности начального периода советской модернизации, ограничение потребления, возведенные позднее в норму, привели к тому, что у одной части общества сформировались лимитированные потребности, а у другой развилось стремление получать незаработанное.

Одна из важнейших закономерностей модернизационного перехода, связанная с расширением свободы личности, тоже оказалась деформированной в условиях советской системы. Формально эта свобода гарантировалась конституцией, а на деле она отсутствовала, особенно в экономической сфере, что вело к расширяющейся пропасти между интересами личности и общества, придавало односторонность процессу модернизации.

Советская система хозяйствования становилась все менее эффективной, росла денежная эмиссия, деньги обесценивались, потребительский рынок разрушался. Темпы роста nominalных денежных доходов вышли из-под контроля. Назревала гиперинфляция, грозившая всеобщей разрухой и обнищанием. Стремительно таяли золотовалютные резервы. К концу 1991 г. золотой запас сократился до беспрецедентно низкого уровня – 289.6 т (царское правительство после двух с половиной лет тяжелой войны сохранило к февралю 1917 г. и передало Временному правительству 1.3 тыс. т золотого запаса).

Развивался процесс внутреннего разложения советского общества. Повышался экономический интерес, связанный с личными доходами и собственностью. Все большее значение приобретала близость индивида к товаропроводящей сети. Административный ресурс постепенно конвертировался в личные привилегии, а государство между тем утрачивало монополию на власть, уступая ее политическим кланам, военной и хозяйственной бюрократии. Собственность государства постепенно переходила в руки отраслевых и региональных корпораций. Расцвели «черные рынки», через которые перекачивалась все возрастающая часть государственных ресурсов⁴⁹.

Наряду с официальной формировалась теневая экономика, которая вела к постепенному перерождению советского строя и социалистических методов модернизации, усиливала центробежные тенденции. Она существовала всегда, но в годы правления Брежнева, когда возможности развития директивной плановой экономики за счет сверхэксплуатации сельского населения, распродажи нефти и газа были исчерпаны, получила невиданный размах. Многие предприятия, особенно на Кавказе и в Средней Азии, создавали подпольные производства. В те годы теневая экономика обеспечивала, по некоторым оценкам, не менее 25% доходов населения. В первой половине 1980-х гг. оборот теневой экономики достиг 70–90 млрд руб. На дефиците продуктов промышленности и сельского хозяйства вырастали тысячи подпольных миллионеров. К концу

1980-х гг. масштаб теневой экономики увеличился до 120–130 млрд руб., приблизившись к пятой части национального дохода СССР⁵⁰, а к концу 1990-х гг. достиг 50%⁵¹.

Подпольные буржуа («цеховики») в условиях всеобщего дефицита и «черного рынка» сколотили солидные капиталы. Обогащались и чиновники, которые распределяли дефицитные товары и сырье, сотрудничали с «цеховиками». Чем дальше, тем больше они хотели пользоваться своим богатством не тайком, а явно, жить по стандартам западных стран. Многие были готовы создать легальные частные коммерческие структуры и поддержать политиков, обещавших благоприятные условия для коммерции. Апеллируя к либеральным ценностям, теневая экономика тем самым меняла вектор политического развития.

Горбачевская перестройка во второй половине 1980-х гг. и либеральные реформы 1990-х гг. не дали положительных результатов, не способствовали завершению модернизационного перехода, а привели к развалу страны, откату назад по многим принципиальным показателям. После официально провозглашенного разрыва с социалистической идеологией в духовной жизни российского общества образовался вакуум. Поощрялось возрождение архаических форм социальной, экономической и политической жизни (религиозные организации, сельские сходы, казачий круг и др.).

Третья причина проистекает из поражения страны в «холодной войне» и «мирного» наступления ее главного соперника – США. «Советский Союз потерпел крах не сам по себе, – пишет П. Швейцер, – не потому, что время было на нашей стороне. Если бы Кремль не столкнулся с кумулятивным эффектом СОИ, ростом расходов на оборону, геополитическими препятствиями в Польше и Афганистане, потерей десятков миллиардов долларов в твердой валюте, поступавших за экспорт энергоресурсов, ограничением доступа к технологиям, разумно полагать, что он бы смог выдержать бурю. Советский коммунизм не был организмом, обреченным на самоуничтожение в любой международной среде. Американская политика могла изменить и изменила курс советской истории»⁵².

Известны откровенные признания виднейших американских государственных и общественных деятелей, утверждающих, что «победа США в «холодной войне» была результатом целенаправленной, планомерной и многосторонней стратегии США, направленной на сокрушение Советского Союза». В частности, Дж. Вулси во время сенатских слушаний при утверждении его директором ЦРУ сказал о бывшем Союзе ССР: «Да, это мы прикончили гигантского дракона». Тогдашний президент США Дж. Буш после развала Союза заявил, что это «наша победа, победа ЦРУ». Б. Скаукрофт (советник Буша по национальной безопасности) сообщал в своем интервью корреспонденту «Независимой газеты», что его «первой реакцией на окончательный спуск советского флага над Кремлем было чувство гордости за ту роль, которую мы сыграли в достижении этого. Мы упорно работали над тем, чтобы продвинуть Советский Союз в этом направлении...»⁵³

За этим стояли специальные программы президентов Р. Рейгана, Дж. Буша, не говоря уже о широко известных директивах предшествующих администраций, начиная со стратегии борьбы с СССР, предложенной в конце Второй мировой войны А.Л. Даллесом⁵⁴. В основе всех этих планов ведения «холодной войны» против СССР лежала установка взорвать Советский Союз изнутри с помощью его разложения и старых, как мир, приемов натравливания одних народов на другие. Целью не только США, но и других стран Запада было не просто уничтожение расползающегося по планете коммунизма, но и ослабление, расчленение Советского Союза, овладение его огромными природными ресурсами в условиях глобализации мировой экономики. Следовательно, это была борьба гигантов за гегемонию в мире, имевшая геополитический, всемирно-исторический характер.

Таким образом, рассмотренные глубинные причины распада СССР имели долгосрочную тенденцию и не могут трактоваться как его автоматический крах в 1991 г. Каталитирующую, роковую роль сыграла горбачевская перестройка, которая не имела четкой программы и привела к хаосу в стране. Непродуманная политика уско-

ренного прогресса закончилась стремительным регрессом. В результате номинальный объем ВВП России конца 1990-х гг. соответствовал 15% советского ВВП (1990) и составлял 5% ВВП современных США⁵⁵. Между тем мировой опыт указывает на необходимость завершения технологической модернизации для продвижения крупной экономики к постиндустриальной модели развития. При декларации курса на постиндустриальное развитие катастрофически терялись и заделы, существовавшие до перестройки. С 1985 по 1997 г. из научной среды ушли 2.4 млн человек. Численность работающих по специальности ученых возвратилась к уровню первых послевоенных лет, а выезд научных работников за рубеж в отдельные годы достигал 300 тыс. человек. Потери, вызванные утечкой за рубеж интеллектуального капитала за годы реформ, составили порядка 60–70 млрд долларов⁵⁶. Широко известны провалы в образовании и потери квалификации рабочих на остановившихся предприятиях. С таким багажом в постиндустриальной обществе делать нечего. Вопрос о судьбе России после крушения СССР остается открытым.

* * *

Российская модернизация стартовала в начале XVIII в. как единственно возможный ответ на вызов времени и Европы, в соревнование с которой вступил Петр I, как основа для военных побед России на западе и востоке. На протяжении последующих трех столетий постоянными императивами империи выступали оборона и экспансия, что не могло не отразиться на ходе российской модернизации. Ядром имперской модернизации России было создание мощного военно-промышленного комплекса, сильной армии, оснащенной хорошим вооружением, и обслуживающих ее производств. Опыт мировой истории показывает, что только государство, сделавшее фундаментальное открытие в промышленной и военно-технической областях или быстро освоившее такое изобретение, сделанное другими, может претендовать на статус великой державы (great power) или империи⁵⁷. Россия обладала им, создав на уральских металлургических заводах победоносную артиллерию при Петре I, освоив атом в мирных и военных целях при Сталине, но она не смогла удержать империю в микропроцессорном мире конца XX столетия.

В значительной степени это произошло под давлением новой (американской) империи. Да и успехи советской модернизации не означали ее завершения. Мобилизационная экономика обеспечила беспрецедентный рывок для модернизационного перехода, но он не был закреплен необходимым механизмом саморазвития, что породило кризис системы. Несмотря на огромные изменения в мире, она двигалась в направлении, заданном в 1930–1950-е гг. Сама модернизация осуществлялась путем «революций сверху» (реформы Петра I, Екатерины II, Александра II, сталинские преобразования) и охватывала преимущественно технологическую, военно-промышленную сферы и систему управления, не подкрепляясь в достаточной степени политическими и социальными преобразованиями⁵⁸.

В ходе процесса модернизации под влиянием демократизации, усилившейся самодостаточности регионов, атомизации общества и его региональных структур, уменьшения вероятности иноземного захвата территорий в условиях атомного противостояния узы, скреплявшие централизованное государство, ослабли. С одной стороны, это есть проявление общемировых тенденций XX столетия, распада в ходе модернизации империй и образования национальных государств, а с другой – выражение системного кризиса, потери управляемости страной. В итоге вместо многовековой тенденции к централизации Российской государства, укреплению его имперского могущества в последнем десятилетии ХХ в. произошла его дезинтеграция, и империя рухнула.

Примечания

¹ <http://www.rambler.ru/db/news/8.12.2001>.

² <http://www.slovo.odessa.ua/10.08.2001>.

³ В а р д о м с к и й Л.Б. Десять лет после распада СССР: некоторые результаты и перспективы эволюции пространства СНГ // Россия и современный мир. 2002. № 2. С. 112–113.

⁴ Б р у м б е р г А. Советология и распад Советского Союза // Куда идет Россия? Вып. 2. М., 1995; Г р а - ч е в А. Подлинная история распада Союза. Кораблекрушение Горбачева // Новое время. 1993. № 24; Д ж у н у с о в М. Союз народов – союз сердец: Анатомия развала великой державы // Правда. 1995, 29 де-кабря. С. 2; Ж и р и н о в с к и й В.В. Как «демократы» разрушали Союз ССР // Ж и р и н о в с к и й В.В. Пол-литическая классика. Т. 10. М., 1997. С. 83–188; З и н о в' е в А.А. Гибель «империи зла» (очерк Российской трагедии) // Социологические исследования. 1994. № 10, 11; 1995. № 1, 2, 4; З л а т о п о л ' с к и й Д.Л. Раз-рушение СССР. (Размышление о проблеме). М., 1998; К о р т у н о в А.В. Дезинтеграция Советского Союза и политика США. М., 1993; К о с о л а п о в Н.Н. От союзного договора к распаду Союза: логика дезинтеграции // СНГ: надежды, иллюзии и действительность. М., 1995; К о с т и н а Р.В. О причинах распада соци-алистических федераций // Отечественная история. 1993. № 5; К р а в ч у к Л.М. Крах СССР и перспективы СНГ // Независимая газета. 1998, 21 января. С. 11; М е ж у е в В.М. Империи создают гиганты, а разрушают пигмеи // Правда-5. 1997, 28 января. С. 1, 2; Р у ц к о й А. Кто и как развалил СССР? // Наш современник. 1995. № 12; Р о г о з и н Д.О. Формула распада. М., 1998. С. 4; С л о б о д к и н Ю.М. Кто разрушил СССР и распял Россию. Л., 1995; Ч е л и н о к о в М.Б. Россия без Союза, Россия без России... М., 1994; Т и ш к о в В.А. Самоубийство Центра и конец Союза (политическая антропология путча) // Советская этнография. 1991. № 6; Т я г у н е н к о Л.В. Причины и последствия распада югославской и советской федераций // Вестник научной информации. 1996. № 4; У т к и н А.И. Почему исчез Советский Союз: Еще одна попытка ответить на вопрос, кажущийся многим банальным // Независимая газета. 1997, 31 декабря. С. 11; Ч е ш к о С.В. Рас-пад Советского Союза; этнополитический анализ. М., 1996; Я к о в л е в А. Новый Советский Союз. М., 1995. С. 17; Кто развалил Советский Союз: история, Запад, Ельцин, Горбачев? // Независимая газета. 1997, 16 января (НГ-сценарии. С. 1, 4–5); и др.

⁵ А к о п о в С.С., Г у р е е в Н.Д. История России. 1953–1996. Личности и эпохи. М., 1997. С. 557–680; Б о ф ф а Д. От СССР к России. История неоконченного кризиса 1964–1994. М., 1996. С. 236–254; В е р т Н. История Советского государства. М., 1995. С. 519–528; Г е л л е р М.Я. Глазами историка. 1990–1995. М., 1996; П и х о я Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 1998. С. 702–711; Х о с к и н г Д. Исто-рия Советского Союза (1917–1991). Смоленск, 2000. С. 433–488 и др.

⁶ А л е к с е е в В.В. От централизации к дезинтеграции России // Россия на рубеже XXI века. Огляды-ваясь на век минувший. М., 2000. С. 8–25; З и н о в' е в А.А. Гибель русского коммунизма. М., 2001; Б ј е - з и н с к и й З. Великая шахматная доска. М., 1999. С. 108–148; Б о н д а р е в В. Самораспад: Можно ли го-ворить о закономерностях раз渲ла СССР? // Родина. 1993. № 4; С о г р и н В. Политическая история совре-менной России. М., 1994. С. 91–108; У ль я н о в В.М. Кризис СССР. Причины и последствия. М., 1999; Ч е ш к о С.В. Указ. соch.; Ш и ш к о в Ю. Распад империи: Ошибка политиков или неизбежность? // Наука и жизнь. 1992. № 8.

⁷ См.: А ф а н а с ь е в Ю.Н. Неопределенное прошлое // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 633–657; М е д в е д е в Ж.А. Не гонка во-оружений погубила СССР // Международная жизнь. 1998. № 1; П е в з н е р Я.А. Мировая революция: вели-кая авантюра и ее крах // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 11. С. 67; С а х а р о в А.Н. О причинах саморазрушения СССР // Советское общество: возникновение развитие, исторический финал. Т. 2. С. 615; е г о ж е . История все расставит по своим местам // Россия и современный мир. 1995. № 4. С. 23; е г о ж е . К вопросу о причинах распада СССР // СССР и «холодная война». М., 1995; Стратегия для России: 10 лет СВОП. М., 2002. С. 137–138.

⁸ В д о в и н А.И., К о р е ц к и й В.А. Распад СССР и проблемы национально-политического развития России // <http://www.vyborg.ru/2000> вып. 1; В и н о г р а д с к а я Т. Распад СССР как системный фактор нацио-нальных конфликтов // Обозреватель. 1993. № 7; З д р а в о м ы с л о в А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1999; К а п п е л е р А. Россия – многонациональная империя. Возникно-вение. История. Распад. М., 2000; Стратегия для России: 10 лет СВОП. С. 138; С а г г е г е д 'Е н с а у с с е Н. L'Empire eclate. Paris, 1980; i d e m. Le Gloire des nations: ou le Fin de l'Empire Sovietique. Paris, 1990; S z о r l u k R. The Fall of the Tsarist Empire and the USSR. The Russian Question and Imperial Overextension // The International Politics of Eurasia. Vol. 9. The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective. Ed. K. Dawisha, B. Parrot. N.Y.; L., 1997. P. 65–66.

⁹ З и н о в' е в А.А. Гибель русского коммунизма. С. 63, 353, 354.

¹⁰ S c h w e i z e r P. Victory. The Reagan Administration's Secret Strategy that Hastened the Collapse of the Soviet Union. N.Y., 1994. P. 282.

¹¹ И грицкий Ю.И. Россия в меняющемся мире: geopolитические последствия системной трансформации. М., 2000. С. 9; Сахаров А.Н. История все расставит по своим местам. С. 23; е го же. К вопросу о причинах распада СССР.

¹² Затулин К.Ф. Последствия распада СССР и будущее Содружества // Независимая газета. 1996, 15 декабря; Леонов Н.С. В тени измени // Русский Дом. 1997. № 1. С. 34–37; Лигачев Е.К. Предостережение. М., 1998. С. 401, 425–433; Рыжков Н.И. Я из партии по имени «Россия». М., 1995. С. 107; Шенин О.С. Родину не продавал, а меня обвинили в измене. М., 1994. С. 42; Хасбулатов Р. Распад СССР не был неизбежным // Правда. 1992, 29 декабря. С. 2.

¹³ <http://www.romir.ru/socpol/actual/25.12.1999>.

¹⁴ Бурацкий Ф.М. Русские государи: Эпоха реформации: Никита Смелый, Михаил Блаженный, Борис Кроткий. М., 1996. С. 333.

¹⁵ Травин Д. Новый мир старой империи. Модернизация в Австро-Венгрии // <http://www.ideal.ru/213/25.html>.

¹⁶ Назарбаев Н. Пять лет независимости. Алматы, 1996. С. 41; Драгунский Д. Распад во спасение // Итоги. 1996. № 32. С. 11.

¹⁷ См.: Распад СССР: 10 лет спустя. Доклады и выступления на международной научной конференции 21–24 июня 2001 г. Т. 1. М., 2002.

¹⁸ Развиваемый в статье подход был апробирован нами на международных конференциях «Причины распада СССР и его влияние на Европу» (Пекин, май 2000 г.); «Распад СССР и глобальный кризис капитализма» (Варна, август 2001 г.), а также на Урало-Сибирских исторических чтениях, посвященных 275-летию РАН (Екатеринбург, апрель 1999 г.).

¹⁹ Сформулировано на основе анализа следующей литературы: А ла е в Л.Б. Империя: феномен или этап развития? // Вопросы истории. 2000. № 4/5; Г а т а г о в а Л.С. Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996; Д у г и н А.Г. Основы geopolитики. М., 1997; Империя нового времени: типология и эволюция (15–20 вв.). Вторые Петербургские Каравеевские чтения по новистике. 22–25 апреля 1997. СПб., 1999; К а с п е С.И. Империя: генезис, структура, функции // Полис. 1997. № 5; е го же. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001; К на б е Г.С. Империя изживает себя, когда провинции догоняют центр // Восток. 1991. № 4; Л у - рь е С.В. Российская и Британская империи: культурологический подход // Общественные науки и современность. 1996. № 4; е е же. От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // Там же. 1997. № 4; Ф е о к т и с т о в Г.Г. Империя как тип структурного деления мира. (Опыт классификации) // Там же. 2000. № 2; Я к о в е н к о И.Г. От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса) // Полис. 1996. № 6; Chopard - Le Bras A. Empire // Dictionnaire constitutionnelle. P. 39; Doyle M. Empires. Ithaca: Cornell University Press. 1986; E i s e n s t a d t S.N. Empires // International Encyclopaedia of the Social Sciences. Vol. V. N.Y., 1968; Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1987; le concept de l'empire / Ed. M. Duverger. Paris, 1980; Le D o n n e J. The Russian Empire and the World, 1700–1917. The Geopolitics of Expansion and Containment. N.Y., Oxford, 1997; Nationalism and Empire: The Habsburg Empire and the Soviet Union. N.Y., 1992; P a g d e n A. Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France. С. 1500 – 1800. New Haven, 1995; The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective. Ed. K. Dawisha and B. Parrott. N.Y., L., 1997.

²⁰ Красильников В.А., Гутник В.П., Кузнецова В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 7–9; Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург, 1997. С. 88–89.

²¹ Красильников В.А., Гутник В.П., Кузнецова В.И., Белоусов А.Р. и др. Указ. соч. С. 32–36.

²² Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века / Под ред. академика В.В. Алексеева. М., 2000. С. 8.

²³ Стародубровская И.В., М а у В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина. М., 2001. С. 59.

²⁴ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1948. С. 288.

²⁵ Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 57.

²⁶ Стародубровская И.В., М а у В.А. Указ. соч. С. 65.

²⁷ Там же. С. 77.

²⁸ К а с п е С.И. Империя: генезис, структура, функции. С. 45.

²⁹ Е го же. Империя и модернизация. С. 83.

³⁰ Стalin И.В. О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Стalin И.В. Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 329.

³¹ История советского рабочего класса. Т. II. М., 1987. С. 426–427.

³² Там же. С. 199.

³³ Белоусов А. Становление советской индустриальной системы (1) // Россия XXI век. 2000. № 2. С. 36.

³⁴ Там же. С. 35.

³⁵ Там же. С. 39.

- ³⁶ Там же. С. 41.
- ³⁷ Олсон М. Возышение и упадок народов / Пер. с англ. М., 1997. С. 411.
- ³⁸ См.: Бжезинский З. Между двумя веками. М., 1972. С. 136–139.
- ³⁹ Рязанов В.Т. Кризис индустриализма и перспективы развития России в XXI в. // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 508–511.
- ⁴⁰ Вишневский А. Указ. соч. С. 60.
- ⁴¹ Белоусов А. Указ. соч. (2) // Россия XXI век. 2000. № 3. С. 49.
- ⁴² Горбачев М.С. Верх взяло революционное разрушительство (Беседа) // Постиндустриальный мир и Россия. С. 441.
- ⁴³ Вишневский А. Указ. соч. С. 63.
- ⁴⁴ Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. М., 1999. С. 167.
- ⁴⁵ Цит. по: Наумов Н.В. Исторические аспекты разрыва СССР // <http://law.pp.ru/stt.php?rd=konst&what=showdetail&num=1&page=0>.
- ⁴⁶ Белоусов А. Указ. соч. (2). С. 41.
- ⁴⁷ Пестель П.И. Русская Правда. Гл. 1. § 4 // Восстание декабристов. Документы. Т. VII. М., 1958.
- ⁴⁸ Петров Н.В. Что такое полиэтнлизм? // Полис. 1993. № 6. С. 8.
- ⁴⁹ Белоусов А. Указ. соч. (1). С. 57, 77.
- ⁵⁰ Платонов О.А. Указ. соч. Т. II. С. 386, 539.
- ⁵¹ Куликов А. Преступление и наказание // Слово не воробей... М., 2001. С. 143.
- ⁵² Schweizer P. Op. cit. P. 282.
- ⁵³ Цит. по: Вдовин А.И., Корецкий В.А. Указ. соч.
- ⁵⁴ См. подробнее: там же; Широнин В.С. КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М., 1997. С. 77.
- ⁵⁵ Стратегия для России: 10 лет СВОП. С. 471–472.
- ⁵⁶ Иноzemцев В.Д. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспектива. М., 2000. С. 273.
- ⁵⁷ Запарий В.В., Личман Б.В., Недедов С.А. Технологическая интерпретация новой истории России // Наука и образование в стратегии национальной безопасности и регионального развития. Материалы международной конференции. Екатеринбург, 1999. С. 143–150.
- ⁵⁸ Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Указ. соч. С. 91–92.

© 2003 г. М. А. ФЕЛЬДМАН*

КУЛЬТУРНЫЙ УРОВЕНЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ РАБОЧИХ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА В ГОДЫ НЭПА

Изменения в культурном уровне рабочих Урала в 20-х гг. XX в. были не столь глобальными, как это представлялось властным структурам. Утверждения политиков и публицистов того времени о «культурной революции», «невиданно быстром росте культуры»¹ не были подтверждены каким-либо статистическим материалом. В мировоззрении рабочих в значительной мере сохранились присущие им консервативно-патриархальные представления, актуализировались традиционалистские парадигмы сознания и менталитета², что способствовало сохранению прежнего культурного уровня рабочих. В наибольшей степени это касается рабочих бывших казенных заводов. Вывод Л.Н. Бехтеревой, оценившей образ жизни потомственных рабочих Ижевских заводов в 1920-е гг. как «нравственно-бытовой традиционализм с достаточно высоким

* Фельдман Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, доцент Уральского государственного университета.

культурно-образовательным уровнем и религиозностью»³, подтверждается и материалами Мотовилихи, Златоуста, других предприятий бывших казенных округов.

Обратим внимание на сохранение религиозных традиций даже среди рабочих-коммунистов. В 1923 г. в Пермском уезде, в основном в Мотовилихе, при обследовании 498 коммунистов 41.7% из них сохраняли дома иконы; а у 39% члены семей посещали церковь⁴. В 1927 г. в Перми иконы имели 70% жителей, не менее 30% совершили религиозные обряды, 22.4% посещали церковь⁵. Сводка ОГПУ по Вотской обл. (1924), называя 20% рабочих Воткинского завода верующими, отмечала наличие религиозных убеждений и у «части остальных». Попытки властей сделать рабочими днями церковные праздники наталкивались на повсеместное сопротивление горнозаводского населения. В конце 1920-х гг. на работу в пасху не выходила даже часть рабочих-коммунистов. Ограничение и постепенный запрет религиозных праздников встречали наиболее широкий протест в среде рабочих-мусульман⁶. В 1925 г. только 25% рабочих Ижевского завода считали себя атеистами⁷. Я разделяю мнение тех, кто считает, что сохранение религиозных убеждений было одним из проявлений «сопротивления народной культуры размыванию соборных начал»⁸.

В 1920-е гг., как и ранее, характеристики культурного уровня рабочих зависели от наличия или отсутствия у них земельного участка. На Урале в 1923–1924 гг. взрослый мужчина-рабочий в среднем в месяц тратил на работу в личном хозяйстве 51.2 часа, а на культурные развлечения (включая общественно-политические мероприятия) – 29. У женщин-работниц эти показатели составляли соответственно 30 и 12 часов⁹.

Анализ грамотности рабочих цензовой промышленности Урала в отраслевом разрезе в 1926 г. (табл. 1) позволяет выделить среди них несколько групп. У печатников этот показатель был близок к 100%. В противовес им у горнорабочих и транспортников он составлял 70%, у металлистов и рабочих силовых установок в горной промышленности – 86–87%. У кожевников, пищевиков, текстильщиков, швейников грамотных было 72–85%. Между мужчинами и женщинами разрыв в уровне грамотности составлял по всей цензовой промышленности 18.2%. Лишь у печатников и писчебумажников он был не более 1%, а у химиков – 3%.

Аналогичные показатели по Вотской обл., Башкирии, Оренбургской губ. не имеют принципиальных отличий¹⁰. Анализ данных табл. 2 свидетельствует: чем выше у рабочего квалификация, тем выше уровень его грамотности. Причем между квалифицированными и полуквалифицированными рабочими в этой сфере наблюдается больший разрыв (8.65%), чем между полу- и неквалифицированными рабочими (5.18%).

Как и в дореволюционные годы, сохранялся высокий уровень грамотности на крупных, бывших казенных заводах. Так, на Мотовилихинском он был более 90%. При этом, по моим подсчетам, около 16% рабочих имели здесь образование 4 класса и выше, что в 1.5 раза превосходило показатель 1913 г.¹¹

Результаты переписи 1926 г. отразили существенное выравнивание показателей грамотности внутри уральского региона. Например, в Башкирии у рабочих цензовой промышленности он составлял 73.8%, т.е. был только на 6% ниже, чем в Уральской обл., а у молодых рабочих Башкирии (от 14 до 24 лет) – более 80% (лишь на 3–5% уступал аналогичным данным по Уральской обл.)¹². Эта специфика в промышленности Уральской, Вотской обл., Башкирии, Оренбургской губ. объясняется во многом преобладанием здесь русских рабочих. По переписи 1926 г., их удельный вес составлял 80.7% в Оренбургской губ., 82.6% – в Башкирии, 91.2% – в Вотской и 93.7% – в Уральской обл., а в целом по Уралу – 92.4%¹³. Более яркие отличия связаны с сохранением очагового характера индустриализации в целом. Если доля грамотного населения Уральской обл. в декабре 1926 г. была равна 39.2%, то в пяти наиболее развитых округах она достигала 45–50%¹⁴.

При этом между городскими и сельскими поселениями отличий было мало: соответственно 83% и 80% грамотных у мужчин, 65% и 59% – у женщин¹⁵. Эта особенность, не отмеченная прежде в литературе, носила знаковый характер, учитывая преобладание на Урале «поселковой», т.е. промежуточной между городом и деревней, цивилизации

Таблица 1*

Грамотность рабочих Урала в зависимости от профессиональной группы и пола по переписи 1926 г.

Группы занятых	% грамотности рабочих фабрично-заводской промышленности		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
Все группы	82.39	64.18	79.83
Печатники	99.40	98.84	99.27
Металлисты	88.51	71.99	87.41
Рабочие силовых установок	86.43	66.00	85.75
Деревообделочники	86.85	64.75	84.99
Кожевники	85.60	77.40	84.10
Писчебумажники	83.51	83.59	83.54
Пищевики	84.56	68.92	82.39
Химики	83.11	80.18	82.39
Строители	79.28	77.05	79.25
Минеральщики	84.85	59.69	76.41
Швейники	87.27	67.63	73.79
Текстильщики	83.63	65.90	72.10
Горнорабочие	73.29	52.20	70.34
Местнотранспортники	71.78	56.81	70.05
Прочие фабр.-заводские рабочие	78.50	61.25	74.42

* Сост. по: Просвещение на Урале. Труды Уральского областного статистического отдела. Серия 6. Т. 8. Свердловск, 1930. С. 38.

Таблица 2*

Грамотность рабочих Урала в зависимости от квалификации по переписи 1926 г.

Группы занятых	% грамотности рабочих		
	Квалифицированные	Полуквалифицированные	Неквалифицированные
Все группы	85.93	77.28	72.10
Печатники	99.43	97.80	94.12
Металлисты	90.34	83.61	71.05
Рабочие силовых установок	91.69	80.57	нет данных
Деревообделочники	90.81	76.56	70.86
Кожевники	85.09	77.04	75.56
Писчебумажники	88.46	81.05	83.53
Пищевики	83.74	81.35	79.01
Химики	87.09	81.75	77.68
Строители	79.39	82.74	75.00
Минеральщики	84.45	72.14	78.78
Швейники	76.13	68.69	66.67
Текстильщики	73.20	69.09	81.31
Горнорабочие	72.01	70.95	63.67
Местнотранспортники	100	68.42	71.45
Прочие фабр.-заводские рабочие	82.92	80.09	73.01

* Сост. по: Просвещение на Урале... С. 39.

ции. Технический уровень промышленности Урала допускал сохранение широких масс рабочих с низким общеобразовательным уровнем, позволяя достигать квалификационных навыков не столько за счет образования, сколько за счет длительного производственного стажа. Это утверждение верно даже с учетом того, что, по моим подсчетам, коэффициент отставания удельного веса квалифицированных рабочих Урала в 1926 г. от общесоюзного показателя (0.87) был ниже соответствующего коэффициента отставания уровня грамотности рабочих (0.95)¹⁶. Таким образом, при росте показателей грамотности рабочих Урала с 57.2% в 1913 г.¹⁷ до 79.8% в 1926 г. можно предполагать сохранение низкого уровня общеобразовательной подготовки.

Увеличение притока рабочих из сельской местности в 1927–1928 гг. вело к понижению уровня их общеобразовательной подготовки, угрожая откатом назад, к рубежам довоенного времени. По профсоюзной переписи 1929 г. в среднем у металлургов было 3.3 класса, у шахтеров – 3 класса образования, у 86% металлургов и 91% шахтеров не выше 4 классов. Только 4.3% металлургов-рабочих, прошедших какое-либо школьное обучение, или 3.4% всех рабочих отрасли, обучались в школах второй ступени всех видов. У шахтеров этот показатель был еще ниже: соответственно 1.6 и 1.3%¹⁸. Большинство квалифицированных рабочих закончили 2–4 класса. Материалы переписи 1929 г. также свидетельствуют о близости школьной подготовки у квалифицированных и неквалифицированных рабочих, что говорит о несоответствии общеобразовательного уровня рабочих Урала задачам индустриализации.

В уральской периодике 1920-х гг. не скрывалось, что не более 10% рабочих региона было вовлечено в мероприятия культурно-просветительных учреждений. В 1926–1928 гг. процент рабочих, охваченных клубным членством, оставался стабильным – 9.7%¹⁹. На Мотовилихинском заводе из более чем 8 тыс. рабочих только 330 человек являлись членами клуба²⁰. На Верх-Исетском в 1927 г. лишь 24% рабочих регулярно посещали клубы, 67% никогда не были в кино, а 81% – в театрах²¹. Объясняется это прежде всего тем, что в 1920-е гг. расходы на культурно-социальные нужды и государства, и самих рабочих были весьма невелики²². Число клубов и народных домов за 1920/21–1926/27 гг. выросло незначительно, а библиотек даже сократилось²³. Однако причины крылись не только в этом. О какой-то активности рабочих в деятельности учреждений культуры можно говорить лишь применительно к молодежи. По материалам переписи весны 1929 г., 19.4% металлургов Урала в возрасте до 22 лет участвовали в работе клубов. У основных же категорий (23–29 и 30–39 лет) аналогичные показатели составляли 8.1% и 5.1%. У шахтеров – соответственно 16.4%, 5.5%, 4.8%²⁴. Согласно результатам обследования 1923 г. коммунистов Пермского уезда (из них 80% рабочих), 31% посещали библиотеки, 27,2% регулярно читали книги и газеты, 24.7% посещали клубы и народные дома²⁵. Между тем речь шла о жителях ведущего культурного центра в регионе. В целом же по Уралу доля рабочих, пользовавшихся районными библиотеками в 1927 г., составляла от 9 до 19% всех читателей²⁶. В определенной степени такое положение объяснялось тем, что книжный фонд библиотек не был рассчитан на эту категорию людей. По свидетельству профсоюзного журнала, политическая периодика, сборания сочинений Ленина, Плеханова и Шекспира лежали в шкафах неразрезанными²⁷. Знаменательно и другое. Журнал призывал: «Надо посыпать в наши библиотеки больше "лубочной" литературы. Этую литературу рабочие будут читать охотно»²⁸.

Доля рабочих Урала, участвовавших в работе клубов, снижалась с ростом квалификации. Такое использование досуга привлекало 6% высококвалифицированных, 9.1% квалифицированных, но 11.6% неквалифицированных рабочих²⁹, что в значительной мере объяснялось преобладанием в работе этих учреждений агитационных и пропагандистских мероприятий, различных форм политической учебы³⁰. Среди участников клубов и кружков, рабочих театров наибольшую часть составляла пролетарская молодежь, зачастую обладавшая низкой квалификацией, но наиболее близкая к власти в силу принадлежности к правящей партии либо к комсомолу.

В сфере культурных ценностей в 1920-е гг. в рабочем социуме складывалась примечательная ситуация: социально активная часть молодежи тянулась к романтизирован-

ным ценностям революции и Гражданской войны, носителями которых, по мнению американского историка Ш. Фицпатрик, выступали как рабочие – ветераны Красной армии³¹, так и официальная пропаганда.

Пассивная, маргинальная часть молодежи видела в тезисе о «ведущей роли рабочего класса» возможность вести себя разнозданно, не опасаясь наказания. Этим отчасти можно объяснить взлет хулиганства на Урале и в СССР³². Характерной чертой криминальной обстановки 1920-х гг. в регионе было преобладание среди жителей городских поселений рабочих, осужденных за нарушения правопорядка: в 1926 г. – 63% и в 1928 г. – 50%. Если удельный вес рабочих в самодеятельном населении Уральской обл. составлял, по данным переписи 1926 г., 8.7%, то их доля среди осужденных была равна 24.3%³³, т.е. почти втрое больше.

Обратим внимание на еще один показатель социального напряжения внутри рабочего социума – количество разводов в семьях уральского населения. На эту часть жителей региона в 1928 г. приходилось 28.4% всех разводов, что в 3.3. раза превышало их долю в самодеятельном населении³⁴. Эти данные позволяют предполагать, что наиболее существенной причиной роста преступности в 1920-е гг. на Урале являлась социальная напряженность в среде рабочих крупной промышленности, ставшая следствием разочарования в реалиях нэпа.

Рабочие старших возрастов, для которых период 1914–1922 гг. стал временем материальных и духовных страданий, разрушения привычной социальной иерархии и этических норм, стремились к сохранению традиционных культурных ценностей. В принципе это расхождение можно было бы рассматривать как поведенческо-возрастное, если бы не одно существенное «но». В основе традиционных ценностей уральских рабочих лежал постоянный труд, передача секретов мастерства во всех областях трудовой деятельности³⁵. Большинству же советских руководителей в центре трудовая деятельность рабочих за пределами завода была чужда. Точно так же, как собственность, стремление к высокому заработка, совершенствованию мастерства. Парадокс заключался в том, что, официально ориентируясь на поддержку кадровых рабочих, правящая партия не стремилась к расширению связей с ними. Правда, и среди кадровых рабочих имелся слой с менталитетом подлинных пролетариев, готовых поддержать любой передел собственности. Полемику в рабочей среде по этому поводу отразила пресса³⁶.

Если до 1914 г. культурная политика государства была близка ценностям наиболее квалифицированной части рабочих, то после 1917 г. власть (не на словах, а по сути) ориентировалась прежде всего на неимущие слои населения. На Урале в этой роли выступали малоквалифицированные рабочие, преобладавшие, например, в партийных организациях крупнейших на Урале Мотовилихинского и Ижевского заводов. Так, в отчете мотовилихинского парткома (1923) говорилось: среди коммунистов завода большинство составляет «беднота со средней, а то и низкой квалификацией». Среди рабочих-коммунистов в возрасте от 20 до 28 лет преобладали люди, выбитые из нормальной колеи, без определенных профессий, «зарывающиеся» и малоустойчивые, отмечал секретарь парткома Румянцев³⁷. В 1926 г. в партийной организации Ижевского завода было 61.2% неквалифицированных рабочих³⁸.

Понижению культурного уровня рабочего населения способствовала не только цензура компетентных органов, но и мнение партийных комитетов, а также малообразованных слоев рабочего социума, выносивших вердикты о целесообразности демонстрации того или иного кинофильма, театрального спектакля, лекции. Культурная отсталость части рабочих, политика правящей партии по отношению к культуре прошлого, к интеллигенции усиливали антиинтеллигентские настроения в рабочей среде и прежде всего «спецеедство»³⁹, которое, в свою очередь, рождало ответную реакцию интеллигенции, направленную на защиту своей чести и достоинства. В 1920-е гг. это были, как правило, публикации специалистов, содержащие информацию о подлинном состоянии дел в экономической и социальной сфере страны⁴⁰.

Негативные тенденции в социально-экономической сфере очевидно и наиболее заметно сказывались на положении квалифицированных рабочих. Обследования их бю-

джетов свидетельствуют, что в 1920-е гг. у них снизился удельный вес расходов на культурные нужды: с 5.4% в начале XX в. до 3.8% в 1928 г., сблизившись с этим показателем у неквалифицированных рабочих⁴¹.

Итоги Гражданской войны создавали определенную почву для переоценки рабочими своих политических взглядов. Те из них, кто влился в правящую элиту, выступали наиболее рьяными сторонниками советской власти. Речь идет о довольно многочисленной социальной группе. Но существовал и слой рабочих, с недоверием относившихся к новой власти⁴². Конечно, дискуссии в рабочей среде Урала характеризовались преобладанием экономических требований. О сколько-нибудь осознанном политическом выступлении можно говорить лишь применительно к событиям марта 1922 г. на бывшем казенном Мотовилихинском заводе, где рабочие поддержали требование Г.И. Мясникова о необходимости свободы слова и печати⁴³. В знак солидарности с Мясниковым 164 рабочих-коммуниста Мотовилихи (44% членов парторганизации) вышли из РКП(б)⁴⁴.

Рабочие Урала самой жизнью были вынуждены сверять лозунги и обещания большевиков и реалии 1920-х гг., и подобная сверка выливалась в различные формы давления на власть, о чем можно судить, например, по жалобе летом 1922 г. партийной фракции ВЦСПС на действия уральского профсоюза металлистов, обвиненного в подготовке общеуральской забастовки и создании стачечного фонда. Власти (вопрос 24 июля 1922 г. разбирался на Оргбюро ЦК) отрицали в принципе саму идею общеуральской забастовки, но были не прочь локализовать недовольство рабочих рамками частных и концессионных предприятий или фигурами отдельных буржуазных специалистов⁴⁵, пользуясь тем, что на ряде предприятий Урала отношения рабочих со специалистами носили напряженный характер и в целом «спецеедство» на Урале было явлением более распространенным, чем в других районах СССР.

Наиболее многочисленная и активная часть рабочих Урала – металлисты – в 1922 г. поставили вопрос о том, кто виноват в бедствиях населения края? В резолюции собрания трудового коллектива Мотовилихинского завода (июнь 1922) прозвучала оценка существующей зарплаты как нищенской в сравнении с довоенной⁴⁶. Близкими к такому выводу были резолюции рабочих Лысьвенского завкома, других предприятий Урала⁴⁷. В условиях диктатуры одной партии ответ на этот вопрос мог звучать только в плоскости вины какой-то социальной группы, а логика деления народа на «трудовые» и «нетрудовые» слои суживала диапазон поиска виноватых до специалистов. Объективная оценка происходящего была дана самими старыми специалистами. Во вводной статье к статистическому сборнику «Положение труда на Урале в 1923 году» известный уральский экономист В.А. Овсянников подчеркивал: «Современный рабочий отдает работе времени больше, чем в довоенное время, а отдыхает вдвое меньше»⁴⁸. Он отмечал, что советское государство является почти монополистом в области использования живого труда, охватывая 94.4% всех работников на Урале. Таким образом, если несвоевременная выплата заработной платы стала на Урале общим правилом и отнимала почти четверть причитающейся заработка, то виновник такого положения был очевиден. А выручало рабочего, как и до революции, собственное хозяйство с преобладанием огородничества и содержанием домашнего скота.

Выводы В.А. Овсянникова – главы уральского областного статистического управления – совпадали с содержанием публикаций его коллег из отдела статистики труда при Уралпрофсовете Д.А. Антонова, Д. Майзельса, М. Мудрика и др. В их статьях, опубликованных в «Рабочем журнале», говорилось о неумении руководителей трестов наладить сбыт товаров, о значительных масштабах хищений на производстве, низкой культуре быта в рабочих поселках. На первый план в анализе причин выдвигались объективные факторы, а не вредительство отдельных лиц. Подобные публикации я рассматриваю как своеобразную форму воздействия интеллигенции Урала на рабочую среду. В Москве также существовал кружок интеллигенции из числа видных экономистов (В.Г. Громан, Л.Б. Кафенгауз, Н.В. Валентинов и др.), выступавших за улучшение жизни и быта населения и веривших в возможность «заразить культурностью» большевиков⁴⁹.

Правящая партия оперативно приняла меры, по-своему услышав голос специалистов. В 1926 г. был ликвидирован «Рабочий журнал» – наиболее правдивый источник сведений о жизни и быте рабочих. Брались на учет и «прорабатывались» наиболее принципиальные специалисты. Однако «зерна прозрения» были посеваны: статьи уральских ученых стали образцом аналитического подхода к проблемам экономики для думающей части Урала.

В 1921–1926 гг. на Урале продолжало расти число трудовых конфликтов. В 1925/26 г. оно увеличилось втрое по сравнению с 1924/25 г. Степень конфликтности на госпредприятиях была выше, чем на частных и концессионных⁵⁰. В 1925/26 г. из 411 558 участников трудовых конфликтов на Урале 404 800 работали на госпредприятиях⁵¹. Сводки ОГПУ говорили о том, что большинство бастующих составляли металлисты⁵², т.е. та социальная группа, которую власти официально именовали авангардом пролетариата.

Но участие в забастовках, как следствие конфликтов в экономической сфере имело и политический подтекст⁵³. Характерна реакция партийных органов (от райкома до ЦК) на однодневную (12 мая 1927) забастовку мартеновцев Верх-Исетского завода. Чисто экономические требования рабочих получили по сути оценку контрреволюционного выступления, «движущими силами» которого были названы «потомственные пролетарии с домиком», т.е. с собственным жильем. В вину рабочим ведущего предприятия Екатеринбурга было поставлено стремление увязать рост производительности труда с размером заработков. 9 рабочих – инициаторов забастовки, в их числе активный участник Гражданской войны Шалин, были уволены⁵⁴. Расправа над рабочими Верх-Исетского завода сопровождалась массированной проработкой рабочих-коммунистов и должна была стать барьера на пути новых забастовок.

Сама возможность политического прозрения рабочих волновала власть в центре и на местах. В феврале 1922 г. журнал «Уральский коммунист» опубликовал выступление Г.Е. Зиновьева во Всероссийском партийном клубе. «Сейчас настроение рабочих не такое, что стоит побольше обещать, и тогда он за тебя; многострадальные годы Гражданской войны выработали в рядах рабочих в этом смысле критическое отношение»⁵⁵. Аналогичные мысли волновали и партийное руководство Урала. В письме секретаря Уральского обкома ВКП(б) М.М. Харитонова окружкомам партии (1924) подчеркивалось: «Рабочие стали сознательнее и все острее стали реагировать на наши недостатки и упущения»⁵⁶. Сводка ОГПУ, направленная в обком ВКП(б), сообщала о примечательном случае: на собрании трудящихся Сарапула в январе 1924 г. рабочие выступили против исключения из профсоюза тех, кто служил у белых⁵⁷. Приведенный случай, пожалуй, уникален, но его значимость подтверждается поразительным явлением в уральской истории 1920-х гг.: – отсутствием видимых признаков вражды между рабочими, воевавшими у красных и у белых. Информация о сведениях счетов между вчерашними врагами не прослеживается ни в архивных материалах, ни в публикациях. Что перед нами: осознание трагизма Гражданской войны? опустошенность после братоубийства? временное затишье перед бурей? Я не готов к ответу. Но в 1920-е гг. запустить на полную мощность военные заводы Урала без привлечения кадровых, квалифицированных рабочих оказалось невозможно. И до поры, до времени «компетентные органы» только фиксировали: ядро рабочих коллективов военных заводов Урала составляют люди, служившие у белых.

Выход партийным лидерам виделся в максимальном вовлечении рабочих в партию. Однако последние не спешили пополнять ее ряды. К началу 1924 г. в Уральской обл. из 30 тыс. коммунистов насчитывалось около 5 тыс. промышленных рабочих с производства. Массовое обследование рабочих Урала (1924) на пяти крупных предприятиях показало, что 20% рабочих категорически не желают вступать в партию; и еще 57% свой отказ объясняли условиями быта, малограмотностью и т.д., что также являлось скрытой формой отказа⁵⁸. Правда, 13–14 тыс. рабочих, став выдвиженцами, занимали самые различные руководящие посты⁵⁹. Но источники начала 1920-х гг. еще не скрывали процесса их отдаления от основной массы пролетариев, указывая, например, в от-

чете обкома РКП(б) на уральской областной конференции (1923) на высокомерие выдвиженцев по отношению к рядовым коммунистам и беспартийным рабочим⁶⁰.

К 1928 г. ситуация несколько изменилась. Коммунистами являлись 28 тыс. рабочих, однако большинство из них составляли молодежь и малоквалифицированные рабочие, и такая картина была характерной для крупных предприятий⁶¹.

Отмеченное явление не было региональным. Информационная сводка ЦК, поступившая в 1927 г. в Уралобком, сообщала: партийная прослойка среди рабочих промышленности СССР снижалась по мере роста трудовых коллективов, составляя, например, на небольших предприятиях (от 100 до 500 рабочих) 13.1%, на средних от 1 000 до 3 000 человек – 8.5% и на крупных (от 3 000 и выше) – 6.4%⁶². Такое политическое поведение рабочих вообще и рабочих крупных предприятий в частности противоречило ленинским выводам и было определенной неожиданностью для руководства СССР.

Еще одним «моментом истины» стали результаты выборов в Советы в 1926 г.: участие в выборах рабочих Урала составило менее 56%, что немногим превышало показатели у крестьян. Потребовалась массированная идеологическая обработка, чтобы на выборах 1927 г. власти могли отчитаться об участии в них 70% рабочих⁶³.

Анализ архивных материалов 1920-х гг. позволяет выделить еще одну закономерность: участие рабочих цензовой промышленности в выборах зависело от статуса городского поселения и возможности контроля за ним со стороны власти. В Уральской обл. в 1927 г. в заводских поселках приняли участие в выборах 54% рабочих, в районных городах – 68.7%, в окружных городах – 75%⁶⁴. Следует учитывать, что специфика Урала 1920-х гг. заключалась в том, что большинство крупных предприятий располагалось вне окружных городов.

Недовольство у лидеров партии вызывала и позиция профсоюзов. В них за годы нэпа вступило большинство рабочих Урала: этим гарантировалось получение страховых льгот⁶⁵. Однако еще сохранившийся демократический потенциал, как у «низов», так и у профсоюзного руководства, выливаясь в форму трудовых конфликтов, критических статей в печати⁶⁶, объективно становился препятствием на пути политики «закручивания гаек». И ответом руководства партии стали чрезвычайные меры: полное обновление профсоюзного аппарата⁶⁷, что вело к утрате тех «самозащитных» функций пролетариата, которые делали его самостоятельным субъектом социально-политической жизни страны.

Проблематичным становилось и использование рабочих-выдвиженцев. С одной стороны, многие из них оказались слабыми администраторами, в связи с чем их приходилось либо увольнять, либо перемещать на должности с меньшим масштабом работы. С другой стороны, та часть выдвиженцев, которая выдержала испытание нэпом, во все большей степени прислушивалась к мнению старых специалистов. Отметив отличительные признаки этой социальной группы – достаточно зрелый возраст (в среднем 36 лет), начальное образование, участие в Гражданской войне в рядах Красной армии и безусловную поддержку советской власти⁶⁸, добавим – для большинства было характерно стремление на деле улучшить положение рабочих. Аргументом в пользу данного утверждения служит то, что уральские органы власти значительно чаще и в ряде случаев по-иному, чем центральные, подходили к материально-бытовым условиям жизни рабочих. Так, в июне 1922 г. секретариат Уралбюро РКП(б) опротестовал решение Наркомата продовольствия об обложении особым налогом хозяйств рабочих Урала, производящих масло и яйца⁶⁹, а в информационных сводках в центр сообщал, что «настроение рабочих неудовлетворительное и колеблется в зависимости от степени удовлетворения материальных потребностей»⁷⁰. 3 января 1928 г. бюро Уралобкома выступило против проведения тарифной реформы, мотивируя это возможным снижением заработков рабочих. В том же году в сводке Мотовилихинского РК ВКП(б) в ЦК партии отмечалось: стабильность рабочего коллектива орудийного завода во многом связана с тем, что большинство рабочих имеет собственные дома и свое хозяйство. Аналогичные взгляды высказывало и руководство Вотского обкома партии⁷¹. Не секрет, что у руководства СССР в конце 1920-х гг. существовал иной приоритет ценностей.

Таким образом, руководство правящей партии не чувствовало твердой поддержки тех слоев рабочего класса, которые, согласно марксистской теории, должны были стать ее надежной опорой. Крупные оборонные предприятия сохраняли значительное число рабочих с «мелкобуржуазной психологией», а среди них – массив участников белого движения. Приоритетными ценностями для пролетариев Урала оставались не мировые проблемы, а улучшение своего материального положения.

Результаты Всесоюзной переписи населения 1926 г. показали: за короткий срок рабочий класс Урала восстановил ряд количественных и качественных характеристик довоенного времени. Вот почему, соглашаясь с суждением об архаизации всей общественной жизни после Гражданской войны⁷², я утверждаю, что изменения качественных характеристик внутри самого рабочего социума региона не могут рассматриваться как «культурная катастрофа, постигшая нас в первой четверти XX в.»⁷³ Препятствием на пути культурной аннигиляции стали прочность традиций хозяйственного быта, повседневных занятий и привычек, во многом определявших социокультурный уклад промышленных рабочих, а также цивилизационная граница между горнозаводским населением и городской элитой.

Примечания

¹ Гусев А. О культурной революции // Уральский коммунист. 1928. № 1. С. 10.

² Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. С. 158, 182.

³ Бехтерева Л.Н. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 20-е гг. (количественные и качественные характеристики). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1998. С. 19.

⁴ Подсчитано по: Государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений Пермской обл. (ГАНИОПД ПО), ф. 557, оп. 4, д. 101, л. 202 об.

⁵ Просвещение на Урале. 1928. № 5. С. 14.

⁶ Центр документации общественных организаций Свердловской обл. (ЦДОО СО), ф. 4, оп. 2, д. 63, л. 51, 70; оп. 7, д. 433, л. 3; Уральский коммунист. 1929. № 15. С. 38.

⁷ Бехтерева Л.Н. Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х годов // Отечественная история. 2000. № 2. С. 172.

⁸ Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 173.

⁹ Шевцов А.В. Проблемы развития личных хозяйств уральских рабочих (1917–1927 гг.) // Современные концепции проблем истории советского Урала. Свердловск, 1991. С. 39.

¹⁰ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 20. М., 1929. С. 255–256; Т. 21. М., 1929. С. 29–30, 130–144, 451–452.

¹¹ Производственно-технический журнал завода им. Молотова (Пермь). 1932. № 16–17. С. 8–9.

¹² Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 21. С. 451–452.

¹³ Там же. Т. 20. С. 314; Т. 21. С. 4–5, 120–121, 436–437.

¹⁴ Там же. Т. 21; Просвещение на Урале. Труды уральского областного статистического отделения. Серия 6. Т. 8. Свердловск, 1930. С. 3.

¹⁵ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 21. С. 451–452.

¹⁶ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 21. С. 130, 440; Васькина Л.И. Рабочий класс СССР накануне социалистической индустриализации. М., 1981. С. 93, 95.

¹⁷ См.: Фельдман М.А. Общеобразовательный уровень рабочих Урала в 1914–1926 гг. // Урал на пороге третьего тысячелетия. Материалы всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 14–15 декабря 2000 г. Екатеринбург, 2000. С. 374.

¹⁸ Подсчитано по: Труд в СССР. 1926–1930. М., 1932. С. 31–32.

¹⁹ Рабочие Урала – рабочим Москвы. (Памятка о положении труда на Урале). М., 1930. С. 15; Уральский коммунист. 1928. № 1. С. 35.

²⁰ Уральский коммунист. 1928. № 6; Рабочий журнал. 1924. № 5. С. 13.

²¹ Материалы о культурном строительстве на Урале. Свердловск, 1928. С. 8.

²² См.: Локачков Ф.И. Хозяйственно-политическое состояние и задачи Советов Уральской области. Свердловск, 1927. С. 5.

²³ Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. 1920–1937 г. Свердловск, 1970. С. 135.

²⁴ Рашин А.Г. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930. С. 149; Культурное строительство в Оренбургье. Челябинск, 1978. С. 83.

²⁵ ГАНИОПД ПО, ф. 557, оп. 4, д. 101, л. 202.

²⁶ Чуфаров В.Г. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса Урала в 1920–1927 гг. //

Формирование и развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Свердловск, 1982. С. 60.

²⁷ Рабочий журнал. 1924. № 5. С. 10.

²⁸ Там же.

²⁹ Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Свердловск, 1930. Вып. 3. С. 36–37.

³⁰ См.: Рабочий журнал. 1925. № 4. С. 15.

³¹ См.: Фицпатрик Ш. Гражданская война в Советской истории: Западная историография и интерпретации // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 354.

³² См., напр.: Уральский коммунист. 1928. № 10. С. 56–57; Рожков А.Ю. Молодой человек 20-х гг.: протест и девиантное поведение // Социс. 1999. № 7. С. 112.

³³ Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. Социальная статистика. Свердловск, 1930. С. 72.

³⁴ Там же. С. 48–49.

³⁵ Крупянская В.Ю., Будина О.Р. и др. Культура и быт горняков-металлургов Нижнего Тагила (1917–1970 гг.). М., 1974. С. 255.

³⁶ См.: Звезда (Пермь). 1922, 25, 28 июля.

³⁷ ГАНИОПД ПО, ф. 557, оп. 4, д. 91, л. 1; ЦДОО СО, ф. 1494, оп. 1, д. 118, л. 94.

³⁸ Рустанов В.И. Повышение политической активности рабочих Удмуртии в 1926–1932 гг. // Вопросы истории Удмуртии. 1975. № 3. С. 71.

³⁹ См.: Делицой А.И. Инженерно-технические кадры и власть на Урале в конце 1919–1931 гг.: проблема взаимоотношений. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998. С. 16–17; Бехтерева Л.Н. Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х годов. С. 174.

⁴⁰ См.: Фельдман М.А. Рабочие Урала и старые специалисты в 20-е гг. XX в. // Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России. Екатеринбург, 2000.

⁴¹ См.: Бюджеты горнозаводского населения Урала в 1926/27 г. Свердловск, 1928. С. 108; Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г. Свердловск, 1929. С. 145.

⁴² См.: Бехтерева Л.Н. Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х годов.

⁴³ См.: Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1995. № 18. С. 152–154.

⁴⁴ Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие Советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С. 136–137.

⁴⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 359, л. 3–23.

⁴⁶ Звезда (Пермь) 1929, 29 июня. См. также: ГАНИОПД ПО, ф. 58, оп. 16, д. 164, л. 35.

⁴⁷ Государственный архив Пермской обл. (ГА ПО), ф. 135, оп. 1, д. 32, л. 161; Государственный архив Челябинской обл. (ГА ЧО), ф. 153, оп. 1, д. 53, л. 446.

⁴⁸ Положение труда на Урале в 1923 году // Труды Уральского областного статистического бюро. Серия 3. Т. 2. Екатеринбург, 1924. С. 50.

⁴⁹ Телицын В.Л. Судьбы российской революции в оценках лиги наблюдателей // Меньшевизм и меньшевики. Сб. статей. М., 1998. С. 123.

⁵⁰ На государственных предприятиях в 1924–1926 гг. работали 95% рабочих. Число же участников конфликтов составило 98.5%.

⁵¹ Вопросы труда. 1927. № 1. С. 114.

⁵² Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг. М., 1998. С. 63.

⁵³ Яров С.В. Рабочий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999. С. 221.

⁵⁴ ЦДОО СО, ф. 4, оп. 5, д. 317, л. 11–13; д. 32, л. 16–17.

⁵⁵ Уральский коммунист. 1922. № 2. С. 18.

⁵⁶ ЦДОО СО, ф. 4, оп. 2, д. 46, л. 55.

⁵⁷ Там же, д. 63, л. 16.

⁵⁸ Уральский коммунист. 1924. № 7–8. С. 45.

⁵⁹ Там же. С. 3.

⁶⁰ ЦДОО СО, ф. 4, оп. 2, д. 1, л. 18.

⁶¹ См.: Там же, д. 109, л. 22; ГАНИОПД ПО, ф. 557, оп. 4, д. 91, л. 1.

⁶² ЦДОО СО, ф. 4, оп. 5, д. 45, л. 3.

⁶³ См.: Куликов В.М., Шевчикова В.А. Рост и улучшение качественного состава рядов Уральской областной партийной организации // Из истории партийных организаций Урала. Сб. 1. Свердловск, 1973. С. 73, 76.

⁶⁴ ЦДОО СО, ф. 4, оп. 6, д. 104, л. 3.

⁶⁵ В 1928 г. до 80% рабочих промышленности Урала являлись членами профсоюзов. См.: ЦДОО СО, ф. 4, оп. 6, д. 64, л. 31.

⁶⁶ См.: Вопросы труда. 1925. № 7–8. С. 22; 1926. № 7–8. С. 171; 1927. № 10. С. 14, 16; 1928. № 11. С. 128–129.

⁶⁷ См., напр.: Вопросы труда. 1928. № 1. С. 13–26.

⁶⁸ Савцов Э.Г. К вопросу о составе и формировании руководящих кадров промышленности в 1917–1923 гг. // Сб. науч. трудов МИНХа. Свердловский филиал. Свердловск, 1967. С. 43, 48, 49, 51, 59.

⁶⁹ ЦДОО СО, ф. 1494, оп. 1, д. 70, л. 43.

⁷⁰ Там же, д. 78, л. 1.

⁷¹ Там же, ф. 4, оп. 6, д. 30, л. 2; д. 104, л. 57; РГАСПИ, ф. 17, оп. 31, д. 10, л. 26.

⁷² См.: Михайлов И.В. Рецензия на: «Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению» // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 156.

⁷³ Скоробогатый В.В. Россия на рубеже времен: новые пути и старые вехи. Екатеринбург, 1997. С. 70.

© 2003 г. Е.А. ПЛЕШКЕВИЧ*

ВРЕМЕННОЕ ОБЛАСТНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО УРАЛА: ДИСКУССИЯ О ПРИЧИНАХ ОБРАЗОВАНИЯ

Одной из малоизученных проблем Гражданской войны на Урале является история возникновения его Временного областного правительства (19 августа – 4 ноября 1918 г.). Основной причиной образования этого органа власти, по мнению уполномоченного Временного сибирского правительства И. Иванова-Ринова, высказанному в августе 1918 г., была необходимость создания «буфера» между эсеровским правительством Комитета членов Учредительного собрания в Самаре (Комуча) и более правым по составу Временным сибирским правительством в Омске, претендовавшими на включение Урала и в особенности его горнозаводской части с центром в Екатеринбурге в сферу своего влияния¹. Этой точки зрения придерживаются некоторые советские, российские и зарубежные исследователи². Свердловский историк О.А. Васьковский и авторы книг, написанных с его участием, челябинский исследователь Е.П. Сичинский подчеркивают необходимость учета при этом наличия в регионе развитой промышленности и особенностей расстановки классовых сил, а также возможность рассматривать историю данного правительства в связи с вопросом о «третьем пути» развития русской революции³. Исследователи обращают внимание также на другие факторы, определившие ход событий в 1918 г. Однако представляется, что вопрос о причинах создания областного правительства Урала еще далек от окончательного решения и это обусловлено заданной идеологической направленностью изучения белого движения в советской исторической литературе и узостью используемой источниковской базы.

На мой взгляд, следует прежде всего внимательно разобраться в том, какую роль играли в этой истории Чехословацкий корпус и страны Антанты. Все исследователи отмечают их активное вмешательство в организацию уральского правительства, подчеркивая их единство в борьбе с большевизмом, но не уделяя должного внимания противоречиям между ними по другим вопросам. Не дана объективная оценка позиции сибирского правительства и руководства его армии в отстаивании общероссийских интересов. При всей своей враждебности к большевизму «союзники» в целом не отличались и особенной симпатией к белым. Французы считали достаточным отгородить большевизм от Европы санитарным кордоном, а англичане – отколоть все окраины от России, создав, таким образом, буферные государства на северо-западе и юге Российской

* Плешкевич Евгений Александрович, кандидат исторических наук.

ской империи. Эти планы были не только антибольшевистскими, но и антирусскими. Великая, единая Россия отпугивала очень многих⁴. Наиболее активно политику территориальной экспансии проводила Англия, стремившаяся к увеличению своих владений за счет русских земель.

Основной силой «союзников» летом 1918 г. выступал Чехословацкий корпус, который с января этого же года являлся составной частью французской армии⁵. В современной литературе сложилось два подхода к его оценке. Иностранные исследователи и участники интервенции, а также русские, находившиеся в эмиграции, в основном в Чехословакии⁶, видели в легионерах оспект демократии в России. По мнению Н. Перейра, «эти люди не были бандитами, это были солдаты и офицеры высокого профессионального уровня: 20% из них имели высшее образование, 80% среднее, неграмотных не было вообще»⁷. Три четверти из них были демократами, – делился своими впечатлениями бывший председатель Омской думы И. Якушев⁸. Между тем советская историческая литература и русскоязычная мемуаристика правого направления⁹ рассматривали легионеров как бандитов, ничем не отличавшихся от белогвардейцев.

Анализ источников, отражающих эту проблематику, позволяет внести корректировки в эти оценки. Руководители Чехословацкого национального комитета в России и его органа – Временного исполнительного комитета Чехословацкого корпуса – Й. Давид, Б. Павлу, Ф. Рихтер и др. придерживались левых взглядов. Военные руководители легионеров – полковник Войцеховский, генералы Я. Сыровой и Р. Гайда – были радикально настроенными военными, ориентировавшимися на диктатуру. Корпус не был един в своих демократических настроениях, в нем достаточно широко были представлены маргинальные группы. Легионеры – это, как правило, бывшие военнопленные австро-венгерской армии, перешедшие на сторону России, вооруженные в первую очередь на русские деньги. Что касается демократических начал, то они присутствовали в основном лишь в обращении солдат к офицерам, а также в поддержке русских эсеров. Подобную демократию трудно соотнести с расстрелом пленных мадьяр и немцев, а также русских, выступавших (причем не обязательно с позиций силы) против присутствия легионеров на территории России. Так, 4 сентября 1918 г. на базаре в Красноярске за призывы к выступлению против чехов легионерами был арестован рабочий А. Хворостянский. По решению военно-полевого суда 7 сентября он был расстрелян¹⁰. Ну, а если говорить об уровне образования чехов, то, как отмечает Л. Кроль, у них не было своих офицеров, окончивших военные академии, и действовали они весьма не-профессионально¹¹. После захвата какого-либо населенного пункта легионеры немедленно приступали к реквизициям не только военного, но и гражданского имущества. Как отметил в своих воспоминаниях К.В. Сахаров, «точное количество награбленного чехами имущества не поддается даже учету. По самым скромным подсчетам эта своеобразная контрибуция обошлась русскому народу во многие сотни миллионов золотых рублей и значительно превышала контрибуцию, наложенную прусаками на Францию в 1871 г.»¹²

Реальной властью в легионе обладали как раз наиболее радикальные его элементы, определившие впоследствии и характер взаимоотношений легионеров с Сибирским правительством. На всей территории вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали корпус распространял свою власть и на военную, и на гражданскую сферы. Офицеры корпуса требовали от Сибирского правительства подчинить себе части, формировавшиеся в Сибири и на Урале. Р. Гайда предъявил сибирскому правительству в Омске в качестве основного условия помощи легионеров в наступлении на Иркутск требование об участии подразделений Сибирской армии под командованием полковника Пепеляева в наступлении и назначение Р. Гайды командиром объединенных сил¹³. После захвата Иркутска, как докладывал в Омск уполномоченный Сибирского правительства Н.В. Фомин, Р. Гайда был недалек от того, чтобы объявить о взятии гражданской власти в свои руки¹⁴. Такого рода попытки чехов повторялись по мере удаления корпуса от Омска на восток не раз.

Организация Временного правительства Урала связана с именем лидера уральских кадетов, члена Союза возрождения, предпринимателя и инженера Л.А. Кроля. Понять его роль в создании автономного правительства можно только с учетом его взаимоотношений с представителями «союзных» держав. Будучи избранным членом Всероссийского Учредительного собрания, в январе 1918 г. он прибыл из Екатеринбурга в Москву. После разгона Учредительного собрания Кроль в качестве одного из руководителей Союза возрождения при посредничестве французского посланника Ж. Нуланса вступил в контакт с представителями союзных миссий, находившихся в Москве, Петрограде, Вологде¹⁵, занял позицию активного сотрудничества с ними, считая необходимым допустить интервенцию в Россию. Более того, он говорил об обязанности кадетской партии вести пропаганду симпатий к «союзникам», поскольку им необходимо «иметь за собой сочувствие населения»¹⁶. Кроль являлся убежденным сторонником единоличной власти диктаторского типа.

Арест в мае 1918 г. большинства кадетов сделал невозможной борьбу с большевиками в Москве. Выступление Чехословацкого корпуса, образование Комуча в Самаре и областного правительства Сибири в Омске создали условия для продолжения борьбы с большевизмом при опоре на российские регионы. Союз возрождения командировал Аргунова, Павлова и Кроля на восток для установления связи с региональными правительствами и координации их деятельности. 26 июня Кроль выехал из Москвы и 11 июля прибыл в Самару¹⁷, где встретился с представителем французской военной миссии майором Альфонсом Гинэ¹⁸ в его служебном вагоне. 13 июля, по прибытии в Челябинск вместе с Аргуновым и Павловым. Кроль, представляя Союз возрождения и ЦК кадетской партии, принял участие в совещании по организации всероссийской власти. По-видимому, именно в этот период майор Гинэ поставил перед Кролем вопрос об организации автономной власти на Среднем Урале. Решение было конфиденциальным и вряд ли документально зафиксированным. Скорее всего это был договор о намерениях. Итогом первого челябинского совещания стало образование объединенного командования, которое до прибытия «союзников» возглавил находившийся на службе у чехов русский генерал-майор В.В. Шокоров и, кроме того, было решено провести 6 августа второе совещание по вопросу об организации всероссийской власти. По окончании переговоров делегация Союза возрождения отправилась в Омск, откуда Кроль 25–26 июля был вызван через чешский штаб телеграммой Гинэ обратно в Челябинск для поездки оттуда в Екатеринбург.

После освобождения Екатеринбурга от большевиков 25 июня власть в городе была взята чешским комендантом поручиком Миллером, назначенным на эту должность генералом Шокоровым еще 23 июня¹⁹. Для организации гражданской власти в Екатеринбурге Комуч отправил туда двух своих членов и попросил Кроля о содействии. Сюда же прибыли уполномоченный Сибирского правительства по Челябинскому уезду Будеско, консулы союзных миссий и чешский уполномоченный Ф. Рихтер, поддерживавший эсеровский Комуч. Началась работа по образованию в городе автономной уральской администрации. Комитет народной власти, как орган подчиненный Комучу, был упразднен, власть передана городской думе. Процесс организации нового правительства занял 19 дней. 1 августа приступила к работе межпартийная комиссия по организации правительства, а уже 19 августа Временное правительство Урала в одностороннем порядке объявило о принятии власти, опубликовав соответствующую декларацию. На этот период и приходятся основные столкновения интересов «союзников» и чехословаков, с одной стороны, и Сибирского правительства – с другой. «Союзники» стремились установить оккупационный режим над наиболее развитым в промышленном отношении Уральским регионом, целью чехов были грабежи. Как отмечал в своих воспоминаниях Л. Кроль, «чехи довольно свободно распоряжались "войной добычей", присваивая ее почти полностью себе»²⁰. Действия же Сибирского правительства и в особенности его военного командования были направлены на сохранение целостности Российского государства.

Организация областного правительства не встретила особой поддержки местного населения. Открыто оккупировать находящийся в центре России Средний Урал, опираясь на легионеров, «союзники» не решались. Это означало бы вступление в борьбу и с антибольшевистским фронтом. Поэтому на серии совещаний «союзники» рассматривали вопрос о создании подконтрольного им правительства. Если опираться на воспоминания Кроля, то впервые официально этот вопрос был поставлен на совещании, руководимом, по-видимому, Гинэ, с участием французского консула Буаяра, английского консула Престона, Рихтера, Кроля и начальника екатеринбургского гарнизона полковника Шереховского. Следующее совещание проходило в Челябинске 6–7 августа, о чем свидетельствуют документы Сибирского правительства. Оно было расширенным по составу, и в нем, вероятно, принял участие американский консул Гаррис, прибывший в Челябинск 7 августа. Находился там и английский консул. В докладе в Омск 13 августа командир Уральского корпуса генерал от артиллерии М.В. Ханжин сослался на некую договоренность о границе Уральской автономии, якобы достигнутую на имевших место в Челябинске трехсторонних переговорах с участием Омска, Самары и «союзников»²¹. Кроль отметил в своих воспоминаниях, что около 10 августа в Екатеринбург прибыл А.Н. Гришин-Алмазов в сопровождении В. Голицына²². Судя по архивным документам, последний приехал в Екатеринбург еще 6 августа²³. Кроль этого не знал, потому что его самого тогда не было в городе. О достигнутом на челябинском совещании между чехами и Сибирским правительством соглашении по вопросу о гражданской власти на освобожденной от большевиков территории председатель Совета министров Сибирского правительства П.В. Вологодский сообщил уполномоченному Сибирского правительства Н.В. Фомину в Иркутск в середине августа²⁴. После челябинского совещания «союзники» решили упростить свою задачу. Опираясь на чехословацкие части, расположенные в городе, они предполагали взять власть в Екатеринбурге. Председатель чехословацкого национального совета Б. Павлу утром 13 августа передал на словах генералу Голицыну решение, принятое Чехословацким национальным советом и консулами союзных держав о том, что «ввиду боевой обстановки [с целью] не допустить ни в коем случае образования Уральского правительства и ввиду сложной политической обстановки совет совместно с консулами принял решение сосредоточить в Екатеринбурге всю полноту власти в руках чехов»²⁵.

Командир Уральского корпуса генерал Ханжин приказал Голицыну не передавать власть до особого распоряжения. Начальник штаба Сибирской армии генерал Белов приказал начальнику Екатеринбургского гарнизона Голицыну получить у Павлу письменное заявление по поводу взятия власти, подписанное официальными лицами совета и консулами «союзных» стран, а Ханжину – установить связь с казачьими подразделениями. Между чехами и частями Сибирской армии назревал вооруженный конфликт. Несмотря на значительное превосходство чехов в Екатеринбурге, в целом на Урале войска Сибирской армии превосходили их по численности. По сводкам штаба Сибирской армии, на 2 августа на Екатеринбургском фронте русских было 6 443 человека, а чехов всего тысяча²⁶.

Отношения между чехами и командующим Западно-Сибирской армией Гришиным-Алмазовым были напряженными. Нежелание интервентов идти на открытое противостояние с превосходящими их по численности и выучке частями Сибирской армии повлияло на принятие «союзниками» (скорее всего под давлением французов) иного решения. Уже вечером 13 августа Голицын встретил Павлу, который передал, что «союзники» изменили решение и «в данную минуту признают желательным существование Уральского правительства»²⁷.

Таким образом, Временное правительство Урала возникло как некий компромисс в целях противодействия попыткам чехов и «союзников» оккупировать Средний Урал. Активно в защиту территориальной целостности страны выступили военные. В данном контексте фраза командующего Западно-Сибирской армии Гришина-Алмазова, адресованная английскому консулу Престону на банкете в начале сентября («Еще кто в ком больше нуждается: Россия в союзниках или союзники в России»²⁸), приобретает со-

вершенно иной смысл, нежели ей пытались придать. После этого инцидента «союзники» добились увольнения Гришина-Алмазова, который впоследствии трагически погиб.

Одной из основных целей «союзников» был захват российских ресурсов. Полезные ископаемые и уральские заводы – это нужно было им в первую очередь. Слабость и аморфность антибольшевистских правительств давала надежду на исполнение этих замыслов. «Наша интервенция в Архангельск и в Мурманск оправдала себя результатами, которых мы добились с экономической точки зрения... Вскоре обнаружится, что наша промышленность в четвертый год войны нашла дополнительный ценный источник сырьевых материалов, столь необходимых демобилизованным рабочим и предпринимателям», – отметил Ж. Нуланс в своих воспоминаниях в 1933 г.²⁹ Попытка оккупации уральской территории была одной из первых, предпринятых в этом направлении. Она провалилась прежде всего вследствие противодействия со стороны русского офицерского корпуса. Способствовали этому также несогласованность действий и противоречия между французами и англичанами, а также между «союзниками» и чехами.

Примечания

¹ См.: Кроль Л.А. За три года (воспоминания, впечатления и встречи). Владивосток, 1922 (1921). С. 84.

² Си лин г Р. Временное областное правительство Урала (краткий очерк) // Уральский коммунист. 1929. № 9; Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.). Сб. ст. Свердловск, 1929; Си чин ский Е.П. Из истории Областного правительства Урала (историография вопроса) // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: история, историография. Свердловск, 1990; е го же. Из истории временного областного правительства Урала (к вопросу о «третьем пути» русской революции) // История СССР. 1992. № 1; П ерейра Н.О.Г. Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. М., 1996; Р ени ви цев М.В. О флаге области Урала 1918 г. // Уральский родовед. Екатеринбург, 1998. Вып. 3 и др.

³ В а сь ков ский О.А. Проблема Гражданской войны на Урале в современной исторической литературе // Вопросы историографии на Урале. Свердловск, 1967; Урал в Гражданской войне. Отв. ред. О.А. Ва ськовский. Свердловск, 1989; Си чин ский Е.П. Из истории временного областного правительства Урала.

⁴ Ш м е л е в А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–19 гг.). Автореферат. М., 1995. С. 23.

⁵ К леван ский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 138.

⁶ П ерейра Н.О.Г. Указ. соч.; Н уланс Ж. Моя посольская миссия в Советской России 1917–1918 гг. // Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 84–162; П апоу шек Я. Причины чехословацкого выступления в 1918 г. // Воля России. 1928. № 8–9. С. 287–350; Я ку шев И.А. Очерки областного движения в Сибири // Там же. 1928. № 4. С. 3–21 и др.

⁷ П ерейра Н.О.Г. Указ. соч. С. 49.

⁸ Я ку шев И.А. Указ. соч. с. 7.

⁹ Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923; и др.

¹⁰ ГА РФ, ф. 200, оп. 1, д. 152, л. 58.

¹¹ Кроль Л.А. Указ. соч. С. 87.

¹² Сахаров К.В. Указ. соч. С. 222.

¹³ РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 6, л. 2.

¹⁴ ГА РФ, ф. 200, оп. 1, д. 26, л. 79 об.

¹⁵ Аргунов А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919. С. 6.

¹⁶ Цит. по: Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгон (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1982. С. 16.

¹⁷ Кроль Л.А. Указ. соч. С. 51, 59.

¹⁸ Альфонс Гинэ – майор французской армии, сопровождавший эшелоны чехословацких войск до гавани отбытия во Францию. В июле 1918 г. от имени «союзного» командования выразил благодарность Чехословацкому корпусу за выступление против большевиков.

¹⁹ РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 11, л. 9.

²⁰ Кроль Л.А. Указ. соч. С. 82.

²¹ РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 11, л. 6 об.

²² Кроль Л.А. Указ. соч. С. 76.

²³ ГА РФ, ф. 131, оп. 1, д. 357, л. 1–2.

²⁴ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 26, л. 79.

²⁵ РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 11, л. 6.

²⁶ Там же. ф. 39617, оп. 1, д. 6, л. 4.

²⁷ Там же, д. 11, л. 8.

²⁸ В о л к о в Е. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999.

С. 99.

²⁹ Ну лан с Ж. Указ. соч. С. 100.

© 2003 г. Е. В. ВЕРШИНИН*

ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ ПЕТР ИВАНОВИЧ БЕКЕТОВ

Имя Петра Бекетова стоит в ряду тех землепроходцев XVII в., которым Россия обязана присоединением огромных территорий Восточной Сибири. В научной литературе о русской колонизации Сибири П.И. Бекетов упоминается часто, и это создает впечатление, что его судьба и деятельность хорошо изучены. Между тем единственная специальная работа об этом первопроходце содержит ошибочные интерпретации и на современном этапе развития науки представляется устаревшей¹. На фоне усилившегося интереса сибиреведов к жанру биографического исследования личность П.И. Бекетова, безусловно, заслуживает пристального внимания². Но дело не только в систематизации и дополнении накопленных историками фактов. Бурная судьба покорителя «немирных землиц» таит в себе загадки, на которые у исследователей до сих пор нет определенных ответов.

Нарушая общепринятую схему изложения биографий, начнем с обстоятельств смерти П.И. Бекетова, которые вроде бы хрестоматийно известны благодаря замечательному «Житию» протопопа Аввакума. Версия Аввакума, часто повторяемая историками, сводится к тому, что в начале марта 1655 г. Петр Бекетов, «сын боярский лутчей», проживал в Тобольске в своем дворе и был назначен в приставы к дьяку Тобольского архиепископского дома Ивану Струне. Последний, будучи посажен на цепь для «смирения» архиепископом Симеоном, бежал к гражданским воеводским властям и объявил «государево слово» как на Аввакума, так и на самого архиепископа. Именно поэтому воеводы не выдали его обратно Симеону, а назначили к нему пристава. Если верить Аввакуму, то 4 марта 1655 г. архиепископ предал Струну анафеме «в церкви большой». Эта процедура вызвала протест со стороны Бекетова, который в церкви бранил Симеона и Аввакума, после чего «взбесился, ко двору своему идучи, и умре горькою смертию зле». Тело Бекетова якобы 3 дня лежало на улице и только потом было погребено сердобольными владыкой и протопопом³. Между тем известный енисейский землепроходец сын боярский Петр Бекетов в это время находился на Амуре в «войске» Онуфрия Степанова. С 13 марта по 4 апреля 1655 г. он «былся явственно» при защите осажденного маньчжурами Кумарского острога, о чем свидетельствуют сохранившиеся и заслуживающие доверия документы⁴. Рассказ Аввакума о смерти в Тобольске именно землепроходца Бекетова следует признать недостоверным. Однако какой-либо другой Петр Бекетов, служивший в 1650-е гг. в Сибири, на сегодняшний день исторической науке неизвестен.

Сомнения в истинности рассказа Аввакума о смерти Бекетова высказал А.К. Бороздин, отметивший, что в 1655 г. «мы находим какого-то боярского сына Петра Бекетова действующим на Амуре под начальством Афанасия Пашкова»⁵. В.К. Никольский, воз-

* Вершинин Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

ражая Бороздину, попытался разобраться в обстоятельствах этого дела. Он правильно указал, что в 1652 г. Бекетов был послан из Енисейска в Забайкалье и в 1654 г. ушел с реки Шилка и что воевода Пашков в 1655 г. находился еще в Енисейске. Но поскольку Никольский не знал, что Бекетов отправился не в Енисейск, а дальше на Амур, то его следующие построения о судьбе землепроходца (в соответствии с «Житием» Аввакума) оказываются неверными⁶. В.Г. Изгачев, автор статьи о Бекетове (местами весьма путаной), на сведения Аввакума не обратил внимания. Современный исследователь Д.Я. Резун в одной из своих работ, следуя за разноречивыми источниками, утверждает, что Бекетов присутствовал в марте 1655 г. одновременно и на Амуре, и в Тобольске⁷. В энциклопедической статье о Бекетове ее авторы (Д.Я. Резун и В.И. Магидович), очевидно, заметили противоречия в источниках и попытались их разрушить, передвинув время смерти Бекетова в Тобольске на март 1656 г.⁸ Однако известно, что ссылочный протопоп был отправлен из Тобольска далее в Восточную Сибирь 29 июня 1655 г. Грамоту из Москвы о переводе Аввакума с семьей в Якутский острог тобольские власти получили 27 июня 1655 г. Если верить воеводе кн. В.И. Хилкову, то он выполнил указ в тот же день⁹. Аввакум в сопровождении красноярского сына боярского Милослава Кольцова отправился в Енисейск обычным водным путем по Иртышу, Оби и через Маковский волок на реке Кеть. Зиму 1655/56 г. Аввакум провел в Енисейске, куда пришел очередной указ из Москвы – отдать протопопа под начало бывшего енисейского воеводы А.Ф. Пашкова, который формировал в это время полк для похода в Забайкалье. Аввакум, между прочим, хорошо помнил, что из Тобольска в якутскую ссылку он отправился в Петров день (29 июня), а с воеводой Пашковым из Енисейска – «на другое лето»¹⁰. Пашков выступил из Енисейска 18 июля 1656 г.¹¹. Маловероятно, чтобы Аввакум с семьей одолел расстояние от Тобольска до Енисейска (при наличии тяжелого волокового пути) за 3 недели. Наконец, для практики воеводского управления было совершенно нехарактерно тянуть с исполнением такого рода указов целый год. Таким образом, этот фрагмент «Жития», даже если бы он был достоверен, не может относиться к 1656 г. Упорное доверие историков к рассказу Аввакума объясняется, очевидно, отсутствием каких-либо иных свидетельств об обстоятельствах смерти землепроходца.

О начале жизненного пути П.И. Бекетова, как и о его завершении, известно немногое. В родословных схемах дворянского рода Бекетовых, составлявшихся, видимо, на основе семейных преданий при Екатерине II и Павле I, Петр Иванович не упоминается¹². Надо сказать, что Бекетовы в XVIII–XIX вв. вообще имели смутное представление о своем происхождении, тем более что в знаменитой Бархатной книге конца XVII в. они по каким-то причинам не были зафиксированы. Контуры генеалогии Бекетовых можно наметить, исходя прежде всего из документов XVI и XVII столетий. В 1641 г. сам Петр Бекетов в челобитной указывал: «А родители, государь, мои служат тебе... по Твери и по Арзамасу по дворовому и по выбору»¹³. Таким образом, старшие родственники Петра Ивановича числились в списках «дворовых» и «выборных» детей боярских своих уездов. В тогдашней иерархии чинов-званий служилых людей «по отечеству» ниже их были городовые дети боярские, выше – жильцы и дворяне московские. Достоверность показаний Петра Ивановича о родственных связях подтверждается сохранившейся жалованной грамотой (от 30 августа 1669 г.) «тверитину» Богдану Бекетову: за боевые заслуги во время войны с Польшей часть поместных земель Богдана была по-жалована ему в вотчину¹⁴. В нескольких актах за 1510–1541 гг. отмечены дмитровский землевладелец Константин Васильевич Бекетов и его сын Андрей¹⁵. Представляется, что Бекетовых в XVI в. и следует искать среди тверских и дмитровских детей боярских. В Арзамас кто-то из представителей данной фамилии мог быть переведен после основания этого города в 1578 г.

Итак, есть основания считать, что ближайшие предки П.И. Бекетова принадлежали к слою провинциальных детей боярских. Мы не знаем, когда и где будущий землепроходец начал свою карьеру служилого человека. В уже упоминавшейся челобитной 1641 г. срок службы в Сибири он исчислял в 17 лет. Эта цифра является, возможно, пло-

дом чьей-то ошибки, поскольку в двух очень важных для него челобитных 1651 г. Бекетов уверенно говорит о своей службе только в Енисейске и только с 7135 (1626/27) г.¹⁶. Что побудило потомственного сына боярского связать свою судьбу с Сибирью, нам пока неизвестно, но в январе 1627 г. Бекетов лично подал в приказ Казанского дворца челобитную с просьбой о назначении его стрелецким сотником в далекий Енисейский острог: «Чтоб я, холоп твой, волочась меж двор, голодною смертию не умер». О месте сотника Бекетов хлопотал не наугад, а зная о появившейся вакансии. Осенью 1625 г. в Оби утонул занимавший эту должность атаман Поздей Фирсов. Енисейский гарнизон подал воеводе челобитную, в которой просил назначить сотником местного подьячего Максима Перфильева, уже проявившего себя в походах на «немирные землицы». Воевода А.Л. Ошанин согласился с выбором енисейских стрельцов и отоспал их челобитную на рассмотрение в Москву. В столице, однако, предпочтение отдали Петру Бекетову. Благоприятному для него решению способствовал, надо полагать, чин сына боярского, более почетный, чем должность подьячего (Перфильев, впрочем, получил должность енисейского атамана). В связи с назначением Бекетова сотником в сибирский гарнизон, состоявший во многом из людей своеольных и ссыльных, представляется невероятной указываемая в литературе приблизительная дата его рождения – 1610 г. Ее следует отнести, по крайней мере, к концу XVI в. В январе 1627 г. воеводам Тобольска (единственного тогда разрядного центра в «сибирской украине») было указано поверстать Бекетова денежным и хлебным жалованьем и отправить в Енисейск¹⁷.

Основанный в 1619 г. Енисейский острог был в то время форпостом русской колонизации, откуда небольшие отряды служилых людей упорно продвигались по Ангаре, приводя в русское подданство многочисленные, но рассеянные роды эвенков и бурят. В 1628 г. енисейский гарнизон состоял из сотника Бекетова, атамана Перфильева и 105 стрельцов, но уже в 1631 г. увеличился в 3 раза. К концу 1630-х гг. число служилых Енисейска достигло 370 человек, однако в связи с учреждением Ленского (Якутского) воеводства, возникновением Илимска и братских острогов их количество сократилось к 1650-м гг. до 250 человек¹⁸. Весной 1628 г. Бекетов отправился в свой первый поход во главе отряда из 30 служилых и 60 «промышленных» людей. Целью похода было усмирение нижнеангарских тунгусов (эвенков), которые в 1627 г. напали на возвращавшийся от устья Илма отряд М. Перфильева; атаман отбился, но отряд понес потери. Бекетов имел указание от воеводы не начинать военных действий, а воздействовать на тунгусов уговорами и «ласкою». С этой задачей Петр Иванович успешно справился, а его отряд построил в низовьях Ангары Рыбинский острожек. В Енисейск Бекетов вернулся с тунгусскими аманатами и собранным ясаком¹⁹.

Отдых в Енисейске оказался кратким, поскольку осенью 1628 г. Бекетов был снова отправлен вверх по Ангаре, имея в подчинении всего 19 служилых людей. Выступление в поход осенью (обычно это делалось весной) указывает на спешный и экстраординарный характер экспедиции. Дело в том, что летом 1628 г. к Енисейску по Оби приближался отряд Я.И. Хрипунова, который после зимовки в Енисейске должен был отправиться на Ангару для поисков месторождений серебра. Многочисленный отряд Хрипунова (150 человек) мог оказаться серьезным конкурентом в деле разведки и объясачивания новых «землиц». В.А. Аргамаков подозревал (впоследствии его подозрения оправдались), что не подчинявшийся ему «полк» Хрипунова может дезорганизовать с большим трудом устанавливаемую систему сбора ясака с народов Приангарья. Летом 1628 г. через Енисейск к Братскому порогу проследовал М. Воейков с 12 казаками – разведывательный отряд, высланный Хрипуновым²⁰. Вслед за ним к большим ангарским порогам спешно выступил Бекетов.

Во время этого похода именно Бекетову довелось впервые представлять русскую власть перед предками современных бурят. Собирая по пути ясак с тунгусов, отряд Бекетова преодолел ангарские пороги и достиг устья реки Оки. Здесь в первый раз с несколькими «братских» князцов был собран ясак (хотя и скромный по размерам). Позднее Петр Иванович вспоминал, что он «ходил ис Братского порогу по Тунгуске вверх и по Оке реке и по Ангаре реке и до усть Уды реки... и братских людей под твою го-

судареву высокую руку привел», при этом 7 недель, «ходя в Братцкой земле, терпели голод – ели траву и коренье». В Прибайкалье и Забайкалье есть несколько рек с одинаковым названием Уда. В данном случае речь идет об Уде, впадающей справа в Ангару в районе современных поселков Усть-Уда и Балаганск. Впоследствии Бекетов не без гордости подчеркивал: «А преж, государь, меня в тех местех никакой руской человек не бывал». Не известно точно, где зимовал Бекетов со своими казаками; видимо, где-то возле Братского порога или в устье Иlimа. В январе 1629 г. Аргамаков отправил Бекетову небольшое подкрепление во главе с В. Сумароковым. Последний вез сотнику предписание о срочной постройке нового острога, «чтобы Яков Хрипунов Иlimа реки не отнял и ясаку по Иlimу збирать не послал». Но Бекетов не стал заставлять уставших казаков возводить острог и весной-летом 1629 г. вернулся в Енисейск, сдав в казну 689 соболиных шкурок²¹.

Русские первоходцы открыли в Восточной Сибири бескрайние земли, населенные неведомыми народами. Десятник Василий Бугор и атаман Иван Галкин с помощью тунгусов находят волоковые пути с Иlimа на верховья Лены. В 1630 г. Бекетов «отдыхает» в Енисейске, а отряды И. Галкина и М. Перфильева отправляются на Лену и по Ангаре до устья Оки. В самом Енисейске в эти годы часто оставалось не более 10 казаков. До нас дошла челобитная енисейских стрельцов от 26 июля 1630 г. (первый в списке – Петр Бекетов), в которой они не без оснований указали, что «таких нужных (тяжелых. – Е.В.) и жестоких служб, что в Енисейском остроге, и во всей Сибири нет», и просили увеличить их денежное и хлебное жалованье, приравняв его к жалованью сибирских конных казаков²².

Усилиями в основном енисейских служилых людей в 1630-е гг. происходит присоединение земель центральной Якутии. Достигший в 1631 г. бассейна Средней Лены Иван Галкин не мог сдержать удивления: «Места людные и земли широкие и конца им неведомо...» На смену Галкину 30 мая 1631 г. из Енисейска выступил Бекетов с отрядом в 30 человек. Он был послан на «дальную службу на Лену реку на один год», однако поход продолжался 2 года и 3 месяца. За это время в полной мере проявились военные и дипломатические таланты Бекетова, сочетавшиеся с личным умением владеть саблей. Петр Иванович ни в чем не хотел уступать сослуживцу-сопернику атаману Галкину, известному своей отчаянной храбростью. В сентябре 1631 г. Бекетов, взяв с собой 20 казаков, отправился от Илимского волока вверх по Лене. Отряд осмелился отойти от реки и направился к улусам бурятов-эхэритов. Однако бурятские князцы отказались платить ясак далекому царю, заявив через находившихся с Бекетовым четырех тунгусов, что они сами собирают ясак «со многих землиц». Маленький отряд успел построить какую-то «крепь» и на 3 дня сел в осаду. К укреплению прибыли 60 человек во главе с князьями Бокоем и Борочеем, которые пошли на военную хитрость. Они стали «прошатца в крепь», якобы для сдачи ясака. Однако, проникнув в укрепление и тайно пронеся с собой сабли, бурятские вожди бросили казакам всего 5 «недособолишек» и высокомерно заявили: «Вас к себе в холопи розберем, ис свой земли вас не выпустим». Поскольку енисейцы стояли «наготове с ружьем», то бой, видимо, начался с единственного возможного залпа и продолжился рукопашной схваткой. Натиск попавших в отчаянное положение казаков был стремительным. Впоследствии с разных отписках Бекетов докладывал, что буряты потеряли от 40 до 56 человек (вероятно, это преувеличение). В бою погибли 2 тунгуса и был ранен один казак. Пользуясь замешательством противника, служилые люди захватили бурятских лошадей и сутки добирались до устья реки Тутуры. Здесь Бекетов поставил небольшой острог, ожидая дальнейших действий со стороны эхэритов. Последние, услышав про острог, предпочли откочевывать к Байкалу, но платившие им прежде дань тунгусы-налягиры «государские высокие руки устрашились» и принесли Бекетову ясак²³.

В апреле 1632 г. Бекетов получил от нового енисейского воеводы Ж.В. Кондырева подкрепление из 14 казаков и указ идти вниз по Лене. Якутская эпопея отряда Бекетова заслуживает отдельного рассмотрения. Сохранилось подробнейшее описание этого похода, исходящее от самого Петра Ивановича. Укажу на основные итоги пребывания

Бекетова в Якутии. Лето 1632 г. прошло в активном объясачивании якутских тойнов Средней Лены. Некоторые из них принимали подданство, не рискуя вступать в бой; другие оказывали сопротивление. Удача сопутствовала казакам Бекетова – «Божьей милостью и государским счастьем» из военных столкновений с якутами они выходили победителями. В сентябре 1632 г. Бекетов построил первый в Якутии государев острог (на правом берегу Лены, ниже Якутска на 70 км), перенесенный в 1634 г. И. Галкиным на новое место. В общей сложности 31 тойон-князец признал в результате действий отряда Бекетова русскую власть. Помимо сбора ясака Бекетов занялся в Якутии взиманием десятой пошлины с соболиных промыслов частных промышленников и казаков. Разбирал он и возникавшие между ними споры, а пошлину «с судных дел» (96 соболей) честно сдал в енисейскую казну. В июне 1633 г. Бекетов передал Ленский острожек прибывшему ему на смену сыну боярскому П. Ходыреву, оставил в Якутии на разных службах 23 казака, а с остальными 6 сентября был уже в Енисейске. Одним из итогов длительного похода стрелецкого сотника по землям тунгусов и якутов являлась сдача в казну 2471 соболя и 25 собольих шуб²⁴.

К 1635–1636 гг. относится новая служба Бекетова. В эти годы он ставит Олекминский острог, совершает походы по Витиму, Большому Патому и «иным сторонним речкам» и возвращается почти с 20 сороками соболей²⁵. Пребывание в Енисейске, где у Петра Ивановича жила семья, снова оказывается недолгим. По установившейся, видимо, очередности весной 1638 г. он отправляется на годовую службу в Ленский острог на смену И. Галкину. Интересно отметить, что к этому времени Бекетов уже лишился чина сотника и числился просто енисейским сыном боярским. За отсутствием источников оценить данное изменение в служебной карьере Бекетова трудно. На Средней Лене Бекетов застал тревожную обстановку. Несколько местных тойнов от «государевой руки» отложились, нападали на русских людей и ясачных якутов. Более того, незадолго до прибытия Бекетова якуты «приступом приходили» под Ленский острог. Инициатором «шатости» являлся князец Нюриктецкой волости Кириней, ушедший со своим родом с Лены на Алдан. Именно поэтому Галкин и Бекетов, объединив свои отряды, совершили поход на Киринея. Рассматривать это событие как своевольный казачий «поход за зипунами» неверно²⁶. Князец Кириней был приведен в русское подданство Бекетовым еще в 1632 г. Его «погром» в 1638 г. с захватом 500 коров и 300 кобыл носил, конечно, характер неблаговидной карательной акции, но с точки зрения центральной власти был вполне законным. Приказчиком в Ленском остроге Бекетов прошел год, собрав за это время ясак в 2250 соболей и 456 лисиц. Кроме того, он купил для казны 794 соболя и 135 лисиц, истратив всего 111 руб. (в Енисейске эта пушнина была оценена в 1247 руб.)²⁷. Самые дорогие шкурки соболя, привезенные Бекетовым, стоили по 8 руб. за штуку.

В 1640 г. Бекетов был послан с енисейской соболиной казной в Москву. Сибирские служилые люди, как правило, не упускали возможности, будучи в столице, лично похлопотать о своих нуждах и карьере. В начале 1641 г. Бекетов подал в Сибирский приказ 2 челобитные²⁸. Из первой выясняется, что в Енисейске у Бекетова была жена, дети и «людишки» (т.е. холопы). В отсутствие землепроходца воеводы брали из его двора лошадей для выполнения подводной повинности, которые гибли на Илимском волоке. Петр Иванович просил избавить его двор от «волоковой возки», а также от постоя служилых людей, следовавших в Восточную Сибирь. В другой челобитной Бекетов сжато изложил все свои сибирские походы и просил о назначении его казачьим головой на место Б. Болкошина, который «стар и увечен, такой твоей государевой дальней службы служить не может»²⁹. Должность головы в Енисейске появилась, очевидно, в связи с увеличением числа служилых людей в 1630-е гг. В Сибирском приказе составили подробную справку, подтвердившую правдивость челобитчика. Приказные дельцы скрупулезно подсчитали, что походы Бекетова принесли государству прибыль в 11 540 руб. Просьба Бекетова была удовлетворена, и 13 февраля он получил память о назначении его головой енисейских пеших казаков. Ранее жалованье землепроходца составляло

10 руб., 6 четей ржи и 4 чети овса. Новый оклад равнялся 20 руб., но вместо хлебного жалованья Бекетов должен был получить землю под пашню³⁰.

1640-е гг., были, наверное, самыми спокойными в жизни Бекетова. Поскольку в Якутии было образовано свое воеводство с большим гарнизоном, то внимание енисейцев переключилось на Байкал. Атаман Василий Колесников, бывший в 1632 г. рядовым казаком в отряде Бекетова, вышел к северным берегам Байкала и основал в 1647 г. Верхнеангарский острог. Земли Забайкалья активно «проводывали» Иван Галкин и Иван Похабов. Если судить по известным источникам, Бекетов в этих экспедициях участия не принимал. Однако должность казачьего головы отнюдь не являлась синекурой. Бекетов должен был следить за комплектованием гарнизона и состоянием вооружения, устанавливать очередность служебных посылок, разбирать драки и мелкие иски между казаками, пресекать в служилой среде незаконную торговлю вином и азартные игры. Другими словами, казачий голова в Енисейские являлся первым помощником воеводы в делах военных.

Занимался Петр Иванович и своим хозяйством. Известно, что в 1637 г. он имел 18 десятин пашни и 15 перелога. Обрабатывали пашню, скорее всего, наемные крестьяне. Какую-то часть своих земель (видимо, полученных после 1641 г. в засчет хлебного жалованья) Бекетов продал крестьянам С. Костыльникову и П. Бурмакину³¹. Сохранилось 2 коллективных челобитных енисейцев от 1646 г., подписанных Петром Бекетовым. В первой речь шла о созданном по мирской инициативе Спасском монастыре, который для части состарившихся служилых людей выполнял роль богадельни. Челобитчики просили обеспечить монастырь средствами на приобретение «всякого церковною строения». Во втором случае енисейские казаки просили отменить запрет на торговлю ясырем (т.е. холопами из аборигенных народов, захваченными или незаконно купленными служилыми людьми). На обе просьбы Москва не отреагировала³². В июле 1647 г. Бекетов получил присланную на его имя из Москвы грамоту с необычным предписанием. Ему указывалось посадить на 3 дня в тюрьму воеводу Федора Уварова, который провинился тем, что свои отписки к разрядным воеводам Томска писал «непристойной речью». Если верить донесению Бекетова, то он добросовестно выполнил этот указ, ставивший его в двусмысленное положение³³.

Вскоре, однако, в карьере Бекетова произошли неприятные перемены. В 1648 г. он был «головства отставлен без вины неведомо почему», причем, по словам Петра Ивановича, «переменен без челобитья». Не совсем ясно, какое челобитье здесь имеется ввиду: самого Бекетова или претендента на его место. Кроме того, бывший голова мог подразумевать челобитную енисейских казаков с возможными жалобами на него. Последнее представляется маловероятным. За время долгой службы Бекетова в Сибири нам не известна ни одна жалоба или извет на него (в отличие, например, от Ерофея Хабарова, Ивана Похабова и многих др.). Может быть, к отставке Бекетова приложил руку бывший воевода Уваров, смененный к концу 1647 г. Ф.И. Полибиным. Последнего подозревать в интриге против Бекетова не приходится, поскольку в 1650 г. он спокойно отправил Петра Ивановича с отписками в Москву. Как бы то ни было, Бекетов вновь вернулся к чину сына боярского с понижением денежного жалованья до 10 руб. Этот факт, несомненно, явился причиной его поездки в столицу, куда он прибыл 1 января 1651 г. В Сибирский приказ стареющий землепроходец подал 2 челобитные, несколько различавшиеся по содержанию. В одной он просил восстановить его в должности головы, а другой – назначить ему прежнее жалованье. В 1649–1650 гг. он успел побывать на годовой службе в Братском остроге, поэтому к своим челобитным приложил письмо о перспективах развития земледелия в Прибайкалье. Времена менялись – вместо лихорадочного сбора ясака с «новоприисанных землиц» пришла пора думать о прочном хозяйственном освоении края. Московские бюрократы в очередной раз составили справку о службах Бекетова и оценили, видимо, некоторое неудобство от допущенной в отношении него несправедливости. Петру Ивановичу выдали «сукно англинское добре», назначили оклад в 20 руб. и 5 пуд. соли, «а за наше хлебное жалованье велено ему служить с пашни». Кроме Бекетова, оклад в 20 руб. в енисейском гарнизоне имел

только достигший звания сына боярского Иван Галкин. Должность головы Бекетову, однако, не вернули, и он отправился в Енисейск, где сидел уже новый воевода – Афанасий Филиппович Пашков³⁴.

Зиму 1651–1652 гг. Бекетов провел дома, а весной стал готовиться к длительному походу. Воевода Пашков, как и многие его сибирские коллеги, желал отличиться перед центральной властью, занеся в свой послужной список присоединение и объясачивание новых территорий. Приказчик Баргузинского острога В. Колесников подсказал Пашкову мысль об основании нового острога возле озера Иргень. Прибывшие от Колесникова казаки – Яков Софонов, Иван Чебычаков, Максим Уразов, Кирилл Емельянов, Матвей Сауров – были тщательно расспрошены Пашковым о путях на Иргень и реку Шилку, поскольку они уже бывали там. По словам казаков выходило, что до озера Иргень и реки Нерчи, впадающей в Шилку, можно было добраться из Енисейска за одно лето. У Пашкова окончательно созрел замысел организации экспедиции, которая должна была основать в указанных местах 2 острога. В апреле 1652 г. Пашков информировал томского воеводу, что собирается послать в Забайкалье 100 человек. Во главе экспедиции, в задачи которой входила и разведка месторождений серебра, был поставлен Бекетов. Наряду с казаками в отряд вошли «охочие промышенные люди». Под началом Бекетова оказались пятидесятники Иван Максимов, Дружина Попов, Иван Котельников и Максим Уразов. Среди десятников специально отметим Ивана Герасимова сына Чебычакова. В начале июня 1652 г. енисейский сын боярский Петр Бекетов выступил в свой последний поход³⁵.

Отряд Бекетова насчитывал около 130–140 человек; значит, экспедиция отправилась вверх по Ангаре на 7–8 дощаниках. Несмотря на то, что казаки шли «спешно добре», Братского острога они достигли только через 2 месяца. Бекетову стало ясно, что за лето дойти до конечной цели отряда не удастся, и он решил зазимовать на южном берегу Байкала. Однако еще из Братского острога он отправил 12 казаков во главе с И. Максимовым «налегке через Баргузинский острог на Иргень-озеро и на великую реку Шилку». С Максимовым шли уже бывавшие на Иргене Софонов и Чебычаков. Расчет Петра Ивановича был вполне понятен. Имея указание Пашкова идти на Селенге и Хилоку (в источниках XVII в. – река Килка), Бекетов не имел в отряде никого, кто бы знал этот водный маршрут. Максимов должен был через забайкальские степи выйти к озеру Иргень, где находились верховья Хилока, и по этой реке спуститься навстречу Бекетову.

Основной отряд Бекетова, пройдя левый приток Ангары Осу, подвергся ночью нападению «братских воровских неясачных мужиков», кочевавших «на край Байкал озера». Казаки с боем отошли, в то время как буряты «похвалялись» не пропустить служилых за Байкал. Следуя живучим в Сибири XVII в. традициям казачьего самоуправления, Бекетов «поговорил» со служилыми людьми, «чтоб над теми братцкими неясачными мужики учинить ему поиск». Ответная акция, проведенная И. Котельниковым, оказалась успешной. Казаки напали на «станы» бурят, убили в бою 12 человек, захватили несколько пленных, а сами «ис той посылки пришли все здоровы». Среди пленных обнаружилась жена верхоленского ясачного князца Торома (не вовремя приехавшая в гости), по поводу которой между Пашковым и илимским воеводой Оладьиным возникла переписка. Пашков оправдал действия Бекетова, тем более что тот вернулся женщину в Верхоленский острог.

Бекетов переправился через Байкал и остановился на зимовку в устье Прорвы. Для идентификации этой реки с современными географическими названиями следует обратиться к фольклорным источникам. Среди старожилов Забайкалья сохранилось историческое предание о неком царском после Ерофеем, который был убит возле Прорвы. Предание говорит, что именно здесь позднее возникла деревня, которая ныне является селом Посольским³⁶. В основе данного предания лежит совершенно достоверное историческое событие. В 1650 г. около Байкала буряты перебили посольство тобольского сына боярского Ерофея Заболоцкого, направлявшегося к одному из прави-

телей Северной Монголии³⁷. Таким образом, Бекетов зимовал в районе нынешнего села Посольского, расположенного на Большой Речке (историческая р. Прорва).

В апреле 1653 г. он отправил в забайкальские степи трех казаков, знаяших тунгусский, бурятский и монгольский языки. Казаки должны были призвать в русское подданство все окрестные роды и племена, а также объявить, что Бекетов идет «не с войною и не с боем», а выполняет посольскую миссию. Бекетов приказал казакам распространять ложную информацию о том, что его отряд состоит из 300 человек. Многочисленность «посольства» казаки без стеснения должны были мотивировать тем, что «иноземцы братцкие и тунгуские люди малоумны, глупы, как видят государевых людей мало, и они побивают государевых служилых людей...» В конечном итоге разведчики Бекетова вышли к юртам монгольского царевича Кунтуцина и были хорошо им приняты. При царевиче находился лама Тархан, ездавший в 1619–1620 гг. в Москву и знаящий о масштабах того государства, которое представляли три явившихся пешком казака. Разумеется, Кунтуцин отказался передать своих бурятских и тунгусских кишиштыров в русское подданство, но отпустил служилых людей с миром.

После возвращения разведки Бекетов 11 июня 1653 г. выступил из зимовья на Прорве. За половину дня отряд по Байкалу достиг устья Селенги и поднимался по ней 8 суток. Возле устья Хилока Бекетов остановился, надеясь на прибытие Максимова, который действительно 2 июля приплыл сверху Хилока с ослабевшими от голода людьми. Тем не менее Максимов привез 6 сороков соболей и чертеж новых земель. С устья Хилока Бекетов отправил в Енисейск 35 служилых во главе с Максимовым. На Ангаре они снова подверглись нападению бурят. Максимов отбился и сохранил соболиную казну, хотя во время боя 2 казака было убито и 7 ранено. Путь по течению рек казаки проделали быстро и уже 22 августа предстали перед Пашковым. Последний отправил Максимова в Москву, куда енисейский пятидесятник прибыл 10 января 1654 г. Невероятная мобильность сибирских казаков XVII в. способна вызывать только удивление.

Тем временем эпопея отряда Бекетова продолжалась. Для мелководного Хилока дощаники имели слишком глубокую осадку, поэтому 3 недели ушло на их переделку в плоскодонные суда. Плавание против течения по Хилоку оказалось трудным, и к месту назначения экспедиция подошла только в конце сентября 1653 г. К середине октября был поставлен Иргенский острог, а 19 октября казаки на плотах начали спускаться по Ингоде. Бекетов, очевидно, рассчитывал до зимы добраться до устья Нерчи. Однако, проплыв по Ингоде около 10 верст, отряд был встречен ранним ледоставом реки. Здесь наскоро возвели зимовье с укреплениями, куда сложили часть запасов. В зимовье осталось 20 человек, еще 10 казаков под командой М. Уразова были отправлены к устью Нерчи, а с остальными Бекетов вернулся в Иргенский острог. В конце 1653 г. Уразов построил недалеко от устья Нерчи, на правом берегу Шилки, «малый острожек», о чем доложил Бекетову. Последний изложил это в отписке Пашкову, заверив воеводу, что весной 1654 г. он поставит на выбранном Уразовым месте большой острог³⁸.

За время зимовки Бекетов не терял времени – собирал ясак с местных тунгусов и десятую пошлину с промыслов бывших с ним людей. Занимался он, видимо, и поисками серебра. Любопытно, что фольклорное предание, записанное в середине XX в., именно Бекетову приписывало открытие нерчинских месторождений («про то, как он на Амур прошел, тут теперь никто не помнит, а про то, как он на Нерче серебро открыл, все знают»³⁹). Соболиную казну и отписки 9 мая 1654 г. Петр Иванович отправил в Енисейск с отрядом из 31 казака. Среди них были пятидесятники Д. Попов, М. Уразов и все десятники, за исключением Ивана Чебычакова. Этот факт требует объяснения. В общей сложности Бекетов отоспал в Енисейск 65 казаков и среди них – наиболее опытных. Думается, причин для такого решения было несколько. Соболиная казна – важный критерий службы землепроходца – должна была дойти до Енисейска в целости. Жалованье казакам Пашков перед походом выдал на 2 года; надо думать, что многие из них уже поговаривали о возвращении в Енисейск. Очевидно, Петр Иванович не принадлежал к числу тех командиров, для которых мнение подчиненных ничего не значило. С Бекетовым остались в основном «казачьи наемщики» и «охочие служилые лю-

ди», т.е. лица, не входившие в состав енисейского гарнизона. Предусмотрительность опытного землепроходца оправдала себя. Во время плавания по Хилоку на Уразова и его товарищей напали «братцкие немирные мужики улусные люди Турукая Табуна». Бой длился весь день, но в конечном итоге отряд сохранил себя и соболиную казну. До май енисейцы прибыли 12 июня и сдали воеводе пушнины на 3728 руб.

А Бекетов был уже на Шилке, где собирался возвести, в соответствии с приказом Пашкова, большой острог. О намерениях Петра Ивановича свидетельствует тот факт, что казаки даже посеяли на выбранном месте яровой хлеб. Однако возведение русских укреплений и зимний сбор ясака заставили тунгусские племена взяться за оружие. Казаки так и не успели построить острог, когда «приехали изгономвойной многие тунгусские люди». Русский отряд сел в осаду (видимо, в острожке, построенным Уразовым). Тунгусы отогнали лошадей и вытоптали хлеб. Среди казаков начался голод, поскольку рыбной ловлей тунгусы заниматься не давали. В противниках Бекетов узнал тех, кто еще недавно приносил ему ясак⁴⁰. Ни речных судов, ни лошадей у енисейцев не было. У них оказался единственный путь к отступлению – на плотах, вниз по Шилке на Амур. Оставил ли Бекетов перед уходом на Шилку какую-то часть отряда в Иргенском остроге? Я не располагаю такими сведениями, но А.П. Васильев указывает (без ссылки на источник), что Бекетов оставил там 18 казаков⁴¹.

На Амуре в это время самой серьезной русской силой являлось «войско» приказного человека Онуфрия Степанова, официального преемника Е.П. Хабарова⁴². К нему амурское течение и принесло казаков Бекетова. Возможно, что в отряде енисейского землепроходца уже на Нерчи произошел раскол, и часть служилых от него откололась. По крайней мере, к Степанову казаки Бекетова прибыли разными группами. В 1650-е гг. русское население Восточной Сибири было охвачено «даурской лихорадкой»; на Амур шли не только партии вольных промышленников, но и отряды служилых людей, сбежавшие из своих гарнизонов. Можно допустить, что Бекетов в сложившихся обстоятельствах и в связи с угрозой голодной смерти уже не мог сдержать людей, наслышанных о благодатной даурской «землице». В конце июня 1654 г. к Степанову присоединились 34 енисейца, а через несколько дней появился и сам Петр Бекетов, который всему казачьему войску «бил челом, чтобы ему жить на великой реке Амуре до государева указу». Всех «бекетовцев» (63 человека) приняли в сборное амурское войско⁴³. Потомственный сын боярский и бывший голова енисейского гарнизона без амбиций подчинился Степанову, который еще недавно был только пушкарем с чином есаула. За этим и другими скучными свидетельствами проглядывает характер Бекетова – человека уравновешенного и даже мягкого. Но стальной стержень этого характера вне сомнений.

Почему сам Бекетов остался на Амуре в войске Степанова? Об этом можно высказать только относительно достоверные предположения. Обстоятельства не позволили землепроходцу выполнить задание Пашкова полностью и возвести острог при устье Нерчи. Гарнизон Иргенского острога оказался предоставлен сам себе. При таких обстоятельствах Бекетову, видимо, не хотелось возвращаться к Пашкову, который мог поставить крест на его дальнейшей службе. На Амуре же разгоралась война с маньчжурами, в ходе которой можно было отличиться и загладить невольный проступок. Характерная деталь – присоединившись к Степанову, Бекетов сдал ему 10 соболей, собранных им уже во время плавания по Амуру. Впрочем, не все в жизни измеряется эгоистичными и карьерными интересами. Как знать, не поманили ли стареющего первоходца новые неведомые земли, где не было ни спесивых воевод, ни московских приказных дельцов, взирающих на Сибирь как на большой сундук с «мягкой рухлядью»?

Судьба Бекетова на Амуре прослеживается лишь до определенного момента. Осенью 1654 г. войско Степанова, в котором насчитывалось чуть более 500 человек, построило Кумарский острог (при впадении в Амур р. Хумархэ). 13 марта 1655 г. острог был осажден 10-тысячным войском маньчжуротов. Казаки выдержали многодневную бомбардировку острога, отбили все приступы и сами совершили вылазку. Потерпев неудачу, маньчурское войско 3 апреля ушло от острога. Сразу после этого Степанов составил послужной именной список казаков, которые «бились явственно». Этот список

подтверждает мое предположение о расколе отряда Бекетова, поскольку 30 казаков, бывших на Шилке у него в подчинении, записаны здесь отдельно. Верными Бекетову остались 27 человек, из них 12 были «охочими служилыми людьми». Поэтому, видимо, последние отсутствуют в челобитной, которую составил Бекетов от имени енисейских служилых людей и присоединил к отпискам Степанова. Помимо самого Петра Ивановича челобитную подписали десятник Иван Герасимов Чебычаков и 14 рядовых казаков. В этом документе Бакетов кратко изложил причины ухода с Шилки и просил пощаловать за службу, проявленную при защите Кумарского острога⁴⁴. Смысл челобитной ясен – довести до сведения официальных властей тот факт, что он со своими людьми продолжает находиться на государевой службе. Данный документ, датируемый апрелем 1655 г., является пока что последним достоверным известием о Бекетове. Тем не менее ясно, что закончить свой жизненный путь в марте этого года в Тобольске Петр Иванович никак не мог.

Получив в июне 1654 г. отписки Бекетова, Пашков имел все основания считать, что тот успешно выполнил свою задачу. В соответствии с обычной практикой воевода отправил ему на смену новых годовальщиков во главе с сыном боярским Никифором Кольцовы. Отряд насчитывал около 40 служилых людей и 2 ссыльных крестьян, которых следовало «посадить» на пашню. Следуя примеру Бекетова, Кольцов зимовал на Прорве и в Иргенский острог прибыл к осени 1655 г. Судя по всему, Кольцов поставил новый острожек на Шилке, который располагался выше устья Нерчи. По неизвестным причинам Кольцов не стал дожидаться очередной смены. В начале весны 1656 г. он отпустил 20 человек в Енисейск (это были, скорее всего, те «бекетовцы», что остались в Иргенском остроге). Затем 30 марта в обратный путь двинулся и сам Кольцов с 10 казаками, оставил на Иргене и Шилке только 26 человек⁴⁵. В зимовье на Прорве Кольцов встретил В. Колесникова, посланного в 1655 г. ему на смену и для возведения острога в устье Хилока. Здесь приказные стали свидетелями бунта, который подняли 53 казака во главе с Филькой Полетаем. Последние забрали у Колесникова оружие и все запасы, «а говорили промеж себя, будто хотят бежать в Дауры». Летом бунтовщики ушли вверх по Селенге. Экспедиция Колесникова везла с собой «пашенный завод» (семенной хлеб, серпы, косы, сошники), который пришлось под небольшой охраной оставить на Прорве. Кольцов и Колесников с 18 служилыми направились в Енисейск. Бунт и бегство со службы казаков Колесникова, таким образом, сорвали планы Пашкова по прочному военному закреплению в Забайкалье и заведению там земледелия.

Брошенные на произвол судьбы, казаки Кольцова не ушли из Иргенского и Шилского острожков. В первом находились 9 служилых, во втором – 14 во главе с десятником Калиной Полтининым. В середине сентября 1656 г. мимо Шилского острожка прошли «воровские» казаки Ф. Полетая, которые хотели присоединить к себе небольшой гарнизон. Полтинин с товарищами «у них, воров, слезами отплакались». Полетай ограничился конфискацией барабана и нового струга; кроме того, 4 казака Полтинина добровольно присоединились к бунтовщикам. Плыя по Шилке, беглые казаки «погромили» людей эвенкийского кн. Гантиума, захватив пленных и скот. Расплачиваться за это пришлось служилым людям, сидевшим в острожках. 10 октября тунгусы во главе с шаманом Зягарой захватили и сожгли Иргенский острог. Спасти удалось только Петру Новгородцу и Никите Ситнику, которые, будучи ранены, добрались до Ингоды и на плоту спустились к Шилскому острожку. Ночью 18 декабря острожек покинули 7 казаков, посланные Полтининым к Пашкову с отпиской. В отписке говорилось, что на Шилке остается 6 человек – Калина Полтинин, Гришка Антонов, Гришка Федоров, Петрушка и Оська Харитоновы, Микитка Трофимов, – которые сидят в осаде и питаются «сосною, травою и кореньем». Тем не менее служилые люди надеялись продержаться до весны и только затем, при отсутствии помощи, покинуть укрепление. Но еще до наступления весны острожек был взят тунгусами, и все его защитники погибли⁴⁶. Посланные Полтининым казаки благополучно избежали опасностей и 10 мая 1657 г. вручили отписку Пашкову, который, теперь уже в качестве будущего да-

урского воеводы, зимовал со своим «полком» в Братском остроге (Енисейск Пашков сдал новому воеводе 18 августа 1655 г., а в поход вышел 18 июля 1656 г.).

В мае 1657 г. дощаники Пашкова двинулись к Байкалу. В отписке, отправленной с дороги, воевода помянул недобрый словом тех казаков, кто самовольно бежал на Амур. Среди них оказался и Бекетов: «В прошлом во 162 году с великия реки Шилки, с Иргеня озера, покиня ваши государевы остроги, енисейской сын боярской Петрушка Бекетов с … служилыми людьми с 70 человек, збежали в Даурскую ж землю…»⁴⁷. Воевода предлагал семью таких «изменников» заключать в тюрьмы, а самих «воров», если они объявятся в сибирских городах, предавать смертной казни. Так Бекетов, с легкой руки Пашкова, оказался в одном ряду с М. Сорокиным и Ф. Полетаем, предводителями казацкой вольницы. Очевидно, эта оценка является неверной.

До озера Иргень экспедиция Пашкова добралась только осенью 1657 г. Здесь Пашков «в самом угожем месте у больших рыбных ловель» поставил новый Иргенский острог – с жилыми избами и надолбами вокруг него. Оставил в остроге 20 служилых, воевода в конце зимы переправился за волок на Ингоду. Весной 1658 г. берега Ингоды огласились стуком топоров. По приказу Пашкова казаки рубили лес сразу на 2 острога, которые предстояло поставить возле устья Нерчи и в Даурии. На последний срубили 8 башен и 200 сажень городового леса на стены. Для Верхнешилского острога (так сначала назывался будущий Нерчинский острог) были полностью заготовлены 4 башни и стены. Весь острожный лес был связан в 170 плотов. Путь по Ингоде до Нерчи занял 3 недели; на каждом плоту находилось всего по 2–3 человека, поэтому плоты часто разбивало. В начале лета Верхнешилский острог был поставлен. Только теперь на собственном опыте Пашков убедился, что удержать забайкальских тунгусов в русском подданстве малыми силами невозможно. В очередной отписке в Москву он выдвинул идею о поселении в Иргенском и Верхнешилском острогах 300 служилых людей. По его словам, к «немирным иноземцам» он обращался с «лаской и приветом». С другой стороны, Пашков провел карательную акцию в отношении тех, кто сжег первые русские острожки в этих краях. Несколько тунгусов в присутствии своих соплеменников были повешены в Верхнешилском остроге.

На Амур, однако, «даурский» воевода так и не попал. 18 июня 1658 г. он послал 30 казаков во главе с сыном Еремеем выяснить, где на Амуре можно поставить острог. Вернувшись 13 июля, младший Пашков доложил, что, по его мнению, острог можно возвести на Албазинском городище. Одновременно с Еремеем на поиски амурского войска Степанова на легких стругах отправился пятидесятник А. Потапов с небольшим отрядом. Именно он и принес 18 августа печальную весть о поражении («богдойском по-громе»), которые потерпели амурские казаки от маньчжуков⁴⁸. Пашков напрасно ожидал, что остатки войска Степанова придут на соединение с ним. Его самодурство и жесткое обращение с казаками (что красочно описал протопоп Аввакум) служили достаточным препятствием для поступления под его начало. Когда Пашков пересекал Байкал, с ним шло около 500 служилых людей (и 70 человек его дворни). Новый приказной в забайкальских острогах Л. Толбузин в мае 1662 г. принял у Пашкова 75 человек⁴⁹. Голод, болезни, смерть от тунгусских стрел – все это привело к гибели большей части отряда Пашкова. Государев воевода покинул Забайкалье, оставив 3 острога (Иргенский, Нерчинский, Телембинский) и несколько сот погибших и неизвестно куда исчезнувших служилых людей. Любопытную оценку итогов экспедиции Пашкова дали казаки енисейского гарнизона, подавшие в июле 1665 г. коллективную челобитную. В ней они напоминали, что именно енисейцы разведали пути в Забайкалье, а Петр Бекетов и Никифор Колыцов поставили Иргенский и Шилкский остроги; они же начали приводить местных тунгусов в ясачное состояние. По мнению енисейцев, Пашков, «не дошед до Даурской земли, остановился на великой реке Шилке и на Иргене озере и остроги поставил новые в тех же местах, в которых местах мы, холопи твои, преж ево, Офонасья, остроги поставили». Таким образом, Пашков «отнял ту службу от Енисейского острога» и обманывал Москву, именуя район своих действий «новой Даурской землей и китайской границей»⁵⁰.

Все известные материалы о забайкальском походе Пашкова позволяют утверждать, что Бекетов к этой экспедиции не присоединился. Таким образом, находившийся с Пашковым Аввакум лично с Бекетовым в Сибири не встречался, но наверняка не раз слышал его имя. Остается загадкой, почему много лет спустя память многострадального протопопа зачислила Бекетова в ряды его противников. Где же завершился жизненный путь землепроходца? Как уже говорилось, последние достоверные сведения о Бекетове относятся к апрелю 1655 г. И.Э. Фишер, чей труд является сокращением и переложением до сих пор не опубликованной полностью «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, утверждал: «В 1660 г., возвратясь он (Бекетов – Е.В.) через Якутск и Илимск назад в Енисейск, привез с собою не мало соболей, которые ему служили защитой к отвращению наказания, коего за оставление острога опасался»⁵¹. Никакими источниками это мнение пока не подтверждено. Л.А. Гольденберг мимоходом заметил, что на знаменитом Тырском утесе в низовьях Амура зимой 1655–1656 гг. побывали казаки Бекетова и Степанова, обнаружив там развалины старинного храма⁵². К сожалению, на источник своих сведений исследователь не указал.

Мне представляется, что с Амуром Бекетов уже не вернулся. В 1655–1658 гг. О. Степанов со своим войском буквально кочевал по Амуру. Казаки зимовали в наспех поставленных острогах и собирали ясак с разноэтнических племен, сильно страдавших от военных действий между русскими и маньчжурами. Угроза голода и маньчжурская опасность постоянно нависали над войском Степанова. Амурские народы, обозленные жестокостью Е.П. Хабарова, безжалостно истребляли небольшие отряды казаков, рискувших действовать на свой страх. В июле 1656 г. Степанов докладывал в Якутск: «И ноне все в войске оголодали и оскудали, питаемся травою и кореньем... А сойти с великия реки Амура без государева указу не смеем никуда, а богдойские воинские люди под нами стоят близко, и нам против них... стоять и дратца стало нечем, пороху и свинцу нет нисколько»⁵³. Приближался трагичный финал эпопеи амурских казаков, среди которых, вероятно, продолжал оставаться Бекетов.

Историки несколько по-разному излагают детали разгрома войска Степанова и ближайших последовавших за этим событий, что обусловлено разноречиями в показаниях А.Ф. Петриловского с товарищами, данных в октябре 1659 г. в Енисейске и сентябре 1660 г. в Москве. Учитывая восстановленный мною полный текст опроса Петриловского в Сибирском приказе, эта события можно реконструировать следующим образом⁵⁴. В июне 1658 г. казаки Степанова поднимались вверх по Амуру от устья Сунгари. Получив от дючеров сведения, что на него надвигается флотилия маньчжуров, Степанов выслал на легких стругах разведочный отряд (180 человек) во главе с Климом Ивановым. Последний разошелся с судами противника в островах. Атака 47 кораблей маньчжуров на неповоротливые дощаники Степанова, не ожидавшего нападения, была сокрушительной. До абордажного боя, в котором казаки еще могли бы сохранить шанс на победу, дело не дошло. Расстреливаемые из пушек, служилые люди пытались добраться до берега, нотонули вместе с дощаниками. Вместе с Онуфрием Степановым погибли 270 казаков⁵⁵. Артемий Петриловский (племянник Ерофея Хабарова) и еще 45 человек, многие из которых были ранены, ушли в приамурские сопки. От преследования удалось уйти дощанику, на котором находилась Спасская походная церковь и 40 казаков. Вернувшийся отряд К. Иванова наткнулся на суда победителей, перегородившие всю реку. Развернув струги, казаки пошли вверх по Амуру и через 3 дня встретили посланного от Пашкова А. Потапова. Очевидно, амурские служилые вовсе не горели желанием оказаться в «полку» Пашкова, как это было приказано им через Потапова. Отряд разделился: 37 человек отправились к Пашкову, а остальные снова поплыли в низовья Амура. Во время похода Иванов погиб при столкновении с дючерами, зато к отряду присоединились Петриловский и его казаки. Проведя зиму в остроге, построенном в землях гиляков и жучар, остаток войска Степанова снова двинулся вверх по Амуру, якобы на соединение с Пашковым. По пути Петриловский встретил тех 40 казаков, которые ушли от «погрома» на Спасском дощанике. Отряд счастливо разминулся с кораблями маньчжуров, стремившихся окончательно разгромить рус-

ских на Амуре. В Кумарском остроге отряд разделился: 120 казаков отправились на реку Зею «кормиться», а 107 человек во главе с Петриловским поплыли навстречу Пашкову, но затем передумали и через Тугирский волок ушли на Олекму и далее в Илимск. Местный воевода отправил выборного атамана Петриловского и 5 рядовых казаков с амурской ясачной казной в Москву. Уже 3 октября 1659 г. станица приехала в Енисейск, где служилых внимательно расспросил воевода И.И. Ржевский.

Следует обратить внимание на тот факт, что среди 5 казаков, сопровождавших Петриловского, был Иван Герасимов Чебычаков. Напомним, что десятник Чебычаков с 1652 по 1655 г. неизменно находился под началом Петра Ивановича. Его возвращение в Енисейск без Бекетова означало, видимо, что командира уже не было в живых. Может быть, удача изменила старому землепроходцу в тот памятный день 30 июня 1658 г. Как встретил свой смертный час енисейский сын боярский П.И. Бекетов мы, скорее всего, уже никогда не узнаем...

Верно то, что в 1660-е гг. Бекетов, вопреки мнению И.Э. Фишера, уже не числился среди енисейских служилых людей. Например, упомянутую челобитную 1665 г. подписали дети боярские И. Галкин, И. Максимов, Я. Похабов, Н. Кольцов и другие; Бекетов среди них отсутствует. В переписной книге Енисейского уезда 1669 г. среди продавцов земли названа вдова сына боярского Петра Бекетова⁵⁶. Возможно, после гибели мужа она уехала обратно за Урал, почему мы и не находим потомков Петра Ивановича в служилой среде Енисейска.

Фольклорный образ Бекетова – первопроходца, «человека с доброй душой» и не бывало удачливого охотника – столетиями сохранялся в исторических преданиях русских старожилов Забайкалья. Сказитель Ф.Е. Горбунов (1875–1948) передал такое поверье: «Раньше уж как-то в охотничьих семьях заведено было: родится первый сын, значит, обязательно Петром нарекут. Пусть, дескать, таким же фартовым будет, как тот казак Бекетов»⁵⁷.

Примечания

¹ Из гаче в В.Г. Русский землепроходец Петр Иванович Бекетов // Ученые записки Читинского педагогического института. 1959. Вып. 4. С. 79–100.

² См.: Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991; ее же. Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки. М., 1997; Никитин Н.И. Землепроходец Семен Дежнев и его время. М., 1999; Турاء в.А. И на той Улье реке... Русский землепроходец И.Ю. Москвитин: правда, заблуждения, догадки. Хабаровск, 1990.

³ Житие протопопа Аввакума. М., 1960. С. 69; Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С. 39.

⁴ Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. С. 134–140; РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 556, л. 44–45.

⁵ Бороздин А.К. Протопоп Аввакум. СПб., 1900. С. 66.

⁶ Никольский В.К. Сибирская ссылка протопопа Аввакума // Ученые записки Института истории (РАНИИОН). М., 1927. Т. 2. С. 147–149.

⁷ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий. Новосибирск, 1993. С. 27–29.

⁸ Магидович В.И., Резун Д.Я. Бекетов Петр Иванович // Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. Т. 1: А–Д. М., 1994. С. 188.

⁹ Никольский В.К. Указ. соч. С. 160–161. Об этом же свидетельствует отписка тобольского воеводы Хилкова якутскому М.С. Ладыженскому, которую последний получил 11 июня 1656 г. (См.: РГАДА, ф. 1177, оп. 3, д. 1118, л. 1–2.).

¹⁰ Житие протопопа Аввакума. С. 363, 317–318.

¹¹ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 508, л. 269.

¹² Петров П.Н. История родов русского дворянства. Т. 1. СПб., 1986. С. 338–339.

¹³ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века: Сб. док. М., 1951. С. 95.

¹⁴ РГАДА, ф. 199, оп. 3, № 150, ч. 9, д. 1, л. 1–10.

¹⁵ Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII вв. М., 1998. С. 119–120, 448.

¹⁶ Сборник документов по истории Бурятии: XVII век. Улан-Удэ, 1960. С. 175, 177.

¹⁷ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 12, л. 88–93.

¹⁸ Сборник документов по истории Бурятии. С. 23–24; Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. М., 1964. С. 81; Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 56.

¹⁹ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 12, л. 210, 500–501; Сборник документов по истории Бурятии. С. 26; Павлинская Л.Р. Коренные народы Байкальского региона и русские. Начало этнокультурного взаимодействия // Народы Сибири в составе Государства Российского. СПб., 1999. С. 190.

²⁰ Манькова И.Л. Экспедиция Я. Хрипунова 1627–1630 гг.: первый опыт геологоразведок в Восточной Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 151–154.

²¹ Открытия русских землепроходцев. С. 93–94; Сборник документов по истории Бурятии. С. 22–23; 26–27; Павлинская Л.Р. Указ. соч. С. 194–195, 198.

²² РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 12, л. 452–453. Как показал Н.И. Никитин, между стрельцами и казаками пешей службы в сибирских гарнизонах никакой разницы по существу не было (Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 34–37; егоже. Начало казачества Сибири. М., 1996. С. 46–47). Поэтому, говоря о енисейских «казаках», которые какое-то время формально назывались стрельцами, мы не делаем никакой ошибки. Ложное противопоставление стрельцов и казаков в Сибири иногда присутствует в работах исследователей (См.: Павлинская Л.Р. Указ. соч. С. 200–201).

²³ Сборник документов по истории Бурятии. С. 27; Материалы по истории Якутии XVII века. Ч. III. М., 1970. С. 1072–1077; Павлинская Л.Р. Указ. соч. С. 214–215; 221; Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 24.

²⁴ Материалы по истории Якутии XVII века. Ч. I. М., 1970. С. 5–14; Ч. III. С. 1072–1096; Открытия русских землепроходцев. С. 94.

²⁵ Сборник документов по истории Бурятии. С. 181; Открытия русских землепроходцев. С. 95.

²⁶ Бородинов А.А. Алданские события 1639 г. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 48; егоже. Теткин просчет: Как казаки за ясаком ходили // Родина. 2000. № 5. С. 86.

²⁷ Материалы по истории Якутии XVII века. Ч. III. С. 791–802. В связи со второй службой Бекетова в Якутии хочу внести уточнение, имеющее отношение к биографии С.И. Дежнева. В литературе утверждалось мнение, что Дежнев прибыл в Якутию из Енисейска в составе отряда Бекетова не позднее зимы 1637/38 г. (Никитин Н.И. Землепроходец Семен Дежнев и его время. С. 41; Бородинов А.А. Дежнев Семен Иванович // Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. Т. 2: Д–К. М., 1996. С. 5). Это мнение основано на том факте, что в 1639 г. П. Ходырев, прибывший на смену Бекетову, принял у него в Ленском остроге отряд в 30 казаков, среди которых был и Семен Дежнев (Открытия русских землепроходцев. С. 502). Представляется, что Дежнев появился в Якутии не с отрядом Бекетова, который определенно указал на свою посыпку туда в 7146 г. (т.е. не ранее 1 сентября 1637 г.). На годовые службы из Енисейска, тем более на Лену через Илимский волок, отправлялись весной. В таком случае непонятно, как 23 марта 1638 г. Семейка Иванов (в котором историки видят Дежнева) мог нести службу уже на Индигирке. Или последний не был Дежневым, или будущий знаменитый мореход прибыл в Якутию не с Бекетовым, а, например, с его предшественником Галкиным. Факт же нахождения Дежнева в 1639 г. в Ленском остроге под командой Бекетова не вызывает сомнений.

²⁸ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 339, л. 204–205; Открытия русских землепроходцев. С. 93–95.

²⁹ В 1631 г. Богдан Болкошин был головой у служилых татар Томска (Бородинов А.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Томск, 1950. Т. 112. С. 108).

³⁰ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 339, л. 215–216, 221, 224.

³¹ Резун Д.Я. Указ. соч. С. 29; Александров В.А. Указ. соч. С. 191–192.

³² Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 167–168, 223.

³³ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 289, л. 54.

³⁴ Сборник документов по истории Бурятии. С. 175–186; Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сб. док. М., 1974. С. 364–365.

³⁵ При описании похода Бекетова за Байкал использованы источники: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 446, л. 47–56; Сборник документов по истории Бурятии. С. 190–197, 203–208; Дополнения к Актам историческим (далее: ДАИ). Т. 3. СПб., 1848. С. 343–345.

³⁶ Байкальские легенды и предания. Фольклорные записи Л.Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1984. С. 135.

³⁷ Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958. С. 74–76; Сборник документов по истории Бурятии. С. 192.

³⁸ Крадин Н.П., Тимофеева Н.Ю. О дате основания Нерчинского острога // Вопросы истории. 1988. № 1. С. 172–173.

³⁹ Байкальские легенды и предания. С. 132.

⁴⁰ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 556, л. 44–45.

⁴¹ Васильев А.П. Забайкальские казаки. Т. 1. Чита, 1916. С. 49.

⁴² О действиях русских служилых людей на Амуре после отъезда Е.П. Хабарова в Москву осенью 1653 г. см.: Бахрушин С.В. Казаки на Амуре. Л., 1925. С. 52–61; Леонтьев Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. С. 106–115; Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 30–34.

⁴³ Русско-китайские отношения в XVII веке. В 2 т. 1608–1683. Т. 1. М., 1969. С. 194.

⁴⁴ Леонтьев Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. С. 134–140; РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 556, л. 44–45.

⁴⁵ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 508, л. 200, 268–269, 341.

⁴⁶ Там же, л. 333–334, 337–339, 341–344.

⁴⁷ Там же, л. 240.

⁴⁸ Там же, л. 317–335.

⁴⁹ Там же, стб. 132, л. 161.

⁵⁰ Там же, стб. 1560, л. 430–433.

⁵¹ Фишер И.Э. Сибирская история. СПб., 1774. С. 569.

⁵² Гольденберг Л.А. Изограф земли Сибирской. Магадан, 1990. С. 278.

⁵³ Русско-китайские отношения в XVII веке. 1608–1683. Т. 1. С. 213.

⁵⁴ Показания амурских казаков о разгроме Степанова опубликованы в: Русско-китайские отношения в XVII веке. 1608–1683. Т. 1. С. 238–241 (№ 102, 103). Как указали составители сборника, в документе № 103 утрачен один лист. Между тем в этом же томе, в примечаниях к документу № 102 (с. 554–555) опубликован краткий отрывок без начала и конца, который, без сомнений, и является недостающим листом к документу № 103.

⁵⁵ А.Р. Артемьев настаивает на том, что Степанов был не убит, а взят маньчжурами в плен (См.: Артемьев А.Р. Указ. соч. С. 33). Эта информация взята из отписки (декабрь 1661 г.) Пашкова, который здесь же утверждал, что казаки Степанова «государю изменили» и сдались без боя (ДАИ. Т. 4. СПб., 1851. С. 260). Не вижу причин, почему следует больше доверять обозленному на амурских казаков Пашкову, чем самим участникам сражения.

⁵⁶ Александров В.А. Указ. соч. С. 191.

⁵⁷ Байкальские легенды и предания. С. 133–134.

© 2003 г. Е. А. КУРЛАЕВ, И. Л. МАНЬКОВА*

УЧАСТИЕ ИНОСТРАННЫХ МАСТЕРОВ В РАЗВИТИИ ГОРНОРУДНОГО ДЕЛА РОССИИ В XVII ВЕКЕ

Сведения об участии иностранных специалистов в геологоразведочных экспедициях и развитии металлургического производства в XVII в. давно изучаются отечественными историками. Исследователи по-разному оценивали роль иностранцев в данной сфере. Историки XIX – первой половины XX в. отдавали должное знаниям иностранных рудознатцев и организаторов металлургического производства. Их приглашение оценивалось как необходимость ввиду отсутствия отечественных специалистов¹. В 1930 г. Археографическая комиссия АН СССР издала объемный сборник документов «Крепостная мануфактура» (Т. 1–2. Л., 1930) о тульских, каширских и олонецких металлургических заводах, принадлежавших гамбуржцам Марселисам и голландцу Ф. Акеме. Вслед за этим появилось монографическое исследование Н.Б. Бакланова, В.В. Мавродина и И.И. Смирнова «Тульские и каширские заводы в XVII веке» (М.; Л., 1934). В конце 1940–1950-х гг., когда одной из важнейших идеологических установок ста-

* Курлаев Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Манькова Ирина Леонидовна, ученый секретарь Института истории и археологии УрО РАН.

Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 98-01-00400.

ла борьба с космополитизмом, появились работы, в которых упор делался на критический анализ «легенды об иностранцах, как "пионерах" рудосыскного дела на Руси»².

В более поздних исследованиях по истории горного дела в России идеологические акценты были смягчены, но изучение роли иностранных специалистов в горном деле в основном сводилось к констатации факта их участия в геологоразведочных экспедициях³. В изучении металлургического производства внимание вновь было обращено на тульские и каширские заводы. В связи с активным обсуждением в советской исторической науке проблемы генезиса капитализма в России появилась монография Е.И. Зазерской «У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков». Рассматривая деятельность железных заводов, автор отмечает, что новая техника (замена ручных мехов вододействующими), позволившая увеличить производство и улучшить качество металла, была заимствована с Запада и на практике осуществлялась иностранными специалистами, предпринимателями-иностраницами, обладателями значительных средств⁴. В предлагаемом исследовании анализируются технологические и социально-экономические аспекты деятельности металлургических заводов Марселисов и Ф. Акемы.

Участие иностранных специалистов в развитии железоделательного производства России уже получило довольно широкое освещение в исторической литературе. Менее исследована роль иностранцев в разведке и освоении месторождений цветных и драгоценных металлов. В XVII в. экономическая политика Российского государства развивалась в русле идей раннего меркантилизма. Считалось, что прибыль создается в сфере обращения, богатство нации заключается в деньгах и накопление денежного богатства может быть достигнуто с помощью государственной власти. На том этапе путь обогащения виделся российской власти через обретение собственных источников серебра, золота и меди. Разработка месторождений серебра и золота являлась монополией государства на протяжении всего XVII в. В поиске же этих месторождений с конца 1670-х гг. наблюдается эволюция государственной политики в русле использования предпринимательской инициативы. То же самое происходит и с поиском меди. Но в производстве меди государство пошло дальше, постепенно отказавшись от своей монополии в этой области. Первый частный медеплавильный завод в России появился в середине XVII в. Поэтому в статье деятельность немецких специалистов рассматривается в двух аспектах: выполнение государственной службы и частное предпринимательство.

Почти во всех экспедициях, посыпавшихся из Москвы, принимали участие иностранные специалисты. Практика приглашения на русскую службу зарубежных мастеров различных профессий существовала в России с конца XV в. Еще Иван III просил у венгерского короля прислать рудознатцев в Москву, но получил отказ⁵. Царскими посланниками, отправлявшимися за границу для приглашения «знающих людей», в основном были иностранцы, принявшие русское подданство или давно и успешно жившие российскому монарху.

Такого рода поручения могли выполняться двумя путями. Как правило, посланцы самостоятельно собирали информацию о мастерах в той или иной стране, находили необходимых специалистов и договаривались с ними о приезде в Россию на службу. Возможен был и другой путь – приглашение мастеров через официальные каналы при посредничестве местных правителей. Так, в 1621 г. московский немчин Юрий Родионов и Андрей Кекурлин были отправлены под видом английских купцов в немецкие государства для разведки обстановки в Европе и приглашения рудознатцев. В Дрездене Ю. Родионов добился встречи с саксонским курфюрстом и обсудил с ним проблему приглашения немецких мастеров в Россию. Саксонский правитель позволил вербовать ремесленников, однако высказал сомнение, что кто-то решится поехать в Россию из-за дальности расстояния и шедшей войны. Курфюрст предложил русскому царю непосредственно обратиться к нему с просьбой о присылке ремесленников. В свое время таким образом уже поступил датский король, и мастера из Саксонии были к нему присланы. Ю. Родионову действительно не удалось найти немецких мастеров, желавших выехать в Россию. Он привез лишь золотаря, аптекаря и лекаря из Парижа⁶.

Наказы Р. Бекману (выезжал в Любек в 1600 г. для найма различных специалистов), Ю. Родионову, П. Миниусу (послан в Рим, Венецию и немецкие земли в 1672 г. для приглашения трубачей и рудознатных мастеров) показывают, что при подборе рудознатцев главное внимание обращалось на их умение находить золотую, серебряную, медную руды и производить плавку. Мастера должны были иметь «свидетельствованные грамоты» – своеобразные аттестаты, удостоверявшие их профессиональные качества. Тем, кто соглашался ехать к российскому монарху «послужить своим ремеслом», обещалось полное обеспечение на время пути до Москвы, государево жалованье, «доброй» двор в столице и свободный выезд назад. Мастер, нашедший серебряные и золотые рудники, мог рассчитывать на четвертую часть прибыли от их разработки⁷.

Возможность приезда иностранных специалистов в Россию необходимо было обеспечить дипломатическими мероприятиями. Известны случаи, когда уже нанятых на службу мастеров не пропускали через территории других государств. Так, например, в 1620 г. царь Михаил Федорович просил гамбургских бургомистров, чтобы они не запрещали «ремесленным людям и рудокопным мастерам приезжать в Россию». Особенно остро эта проблема встала после того, как по Столбовскому миру Россия утратила последние выходы к Балтийскому морю. В Кардисском договоре 1661 г. между Россией и Швецией отдельной статьей было зафиксировано условие свободного проезда через шведские владения всех иностранцев, ехавших на российскую службу⁸. В середине XVII в. для иноземцев за пределами Москвы была организована Ново-Немецкая слобода, в которой, по данным 1665 г., проживали 33 мастера различных специальностей⁹. Для некоторых Россия становилась второй родиной, они перевозили сюда свои семьи, обзаводились собственными домами и хозяйством.

Сохранились отрывочные свидетельства о том, что впервые месторождения меди и серебра были обнаружены еще в конце XV в. в бассейне реки Печоры. Из надписи, частично просматривавшейся на кресте, установленном на том месте и обнаруженному в 1619 г., стало известно, что в поисковой экспедиции принимали участие «немцы Иван и Виктор». Необходимо помнить, что на Руси по традиции всех иностранцев называли «немцами», поэтому не следует рассматривать подобное определение как этническое, если нет более точных указаний на место, откуда приехал тот или иной специалист. С того времени Печорский край на несколько столетий стал районом, куда периодически отправлялись поисковые экспедиции. В 1499 г. был построен Пустоозерский острог, игравший роль российского северо-восточного форпоста и отправного пункта всех геологоразведочных экспедиций по Печоре и ее притокам, на полуостров Канин и атлантические острова.

В первой половине XVII в. районом активных поисков руд стала территория Прикамья. Самая первая экспедиция – под руководством дворянина Ч.И. Бартенева и пodyачего Г. Леонтьева (1618–1620). В качестве главного специалиста в ее состав был включен английский мастер Джон Ватер (Джон Ворт). В начале июня 1618 г. экспедиция приехала в Орел-городок, который до середины 1619 г. был ее основной базой. За этот период проводились неоднократные разведки по реке Яйве, у Григоровой горы на реке Каме, по рекам Чусовой, Вилье, Усьве. Из Москвы шли указы, чтобы «над медяною рудою промышляли великим радением, копали вниз и золото в той меди смотрели накрепко».

Очевидно, в это время в Москве еще не было специалистов, способных провести опыты с присыпавшимися образцами руды и оценить работу Ватера. Возможно, ему самому не хватило знаний, чтобы осуществить полноценную разведку и по достоинству оценить найденные месторождения. По его мнению, найденные на Яйве и Григоровой горе руды имели очень низкое содержание меди, и строить завод по ее выплавке было невыгодно, хотя спустя 20 лет другая экспедиция на этом месте открыла промышленные залежи меди, после чего был построен Пыскорский медеплавильный завод. Одновременно велись поиски серебряной руды на реках Сылве и Печоре. Но и там результаты опытов оказались неудовлетворительными¹⁰.

Несмотря на неудачу этого отряда, интерес государства к поиску руд в Прикамье и Поморье не погас. В конце марта 1626 г. туда была послана экспедиция под руководством московского дворянина Г.А. Загряжского и подьячего С. Беликова для поисков месторождений золота, серебра, олова, меди и свинца. В ней принимали участие рудознатцы немцы Цесарской земли Ганц Герольт (Анц Ерольт, Яган Ярольт), Самуил Фрик и Павлик Шмоль. С ними были отправлены служилый немчин Иван Федоров Зорен (Анц Зорен Кукольник) для посылок и переводчик Тимофей Фаннемин. До недавнего времени в литературе имелись лишь отрывочные сведения о деятельности этой экспедиции. Обнаруженные нами документы в собрании И.Л. Гамеля (Архив Санкт-Петербургского института истории РАН) и уже частично использовавшиеся ранее документы из фондов РГАДА позволяют восстановить более или менее полную картину ее деятельности.

Лозоходец «ко всякому рудознатному делу» Ганц Герольт и «золотознатец» Самуил Фрик были приглашены в Россию для рудознатного дела английским купцом Фабиным Ульяновым в 1626 г. О С. Фрике известно, что он уже бывал в России и в 1616 г. делал корону к царскому жезлу. Его брат Яков, алмазных и золотых дел мастер, жил в Москве с 1624 по 1642 г. Братья вместе выполняли царские заказы. Так, например, в 1624 г. они изготавлили царскую корону, в 1629 г. – саадак¹¹. В одном из документов П. Шмоль назван племянником Г. Герольта и С. Фрика¹². Он был взят мастерами в экспедицию подмастерьем.

В конце марта 1626 г. экспедиция выехала из Москвы в Пермь Великую (Верхнее Прикамье). Управление экспедицией осуществлялось через Посольский приказ. До весны 1627 г. ее база находилась в Соли Камской. За этот период были проведены разведки в тех местах, где вела поиски предыдущая экспедиция на Григоровой горе и по Яиве. Территория поисковых работ была значительно расширена в северном и восточном направлениях. Были обследованы низовья рек Колвы и Вишеры (Помяненая и Полюдовы горы – отроги Северного Урала), бассейны рек Чусовой и Косьвы с их притоками. Добирались поисковики и до границы Соликомского и Верхотурского уездов. Но ожидаемых результатов не было, лишь на Яиве в Абрамовой горе были найдены медные признаки в незначительном количестве.

По распоряжению из Москвы, в конце марта 1627 г. экспедиция переехала в Поморье для проведения поисков в бассейнах рек Пинеги, Кевролы и Мезени. Поисковики должны были расспрашивать местных жителей о рудах и полученным сведениям проводить разведки. В результате проверки сообщений местных жителей был найден лишь «камень колчедан», однако после проведения опытов немецкие мастера заявили, что из того камня никакой руды «не объявилось». В этот период базой экспедиции стала Окладникова слобода на Мезени¹³.

В середине июня 1627 г. отряд Г. Загряжского и С. Беликова отправился на полуостров Канин. Дело в том, что зимой того же года в Москву приехал из Холмогорского уезда крестьянин Иван Федотов и рассказал о находке серебра в устьях двух рек, которые «пали в море позаде Канина Носа», и о том, что там есть высокие каменные горы. В свое время Иван арендовал у самоедов для рыбного промысла эти реки и сам находил камень «сверху по нем что золото, а разломить ево и в нем светло что серебро». На Холмогорах он показал камень серебрянику, который служил еще при дворе царя Бориса Годунова. Мастер сказал, что это серебряная руда, но ее можно разделить на серебро и золото. Однако, по его сведениям, «на Руси» не было специалистов, умевших это делать. Довести камень до Москвы Ивану не удалось, он был у него украден вместе с деньгами.

Из Москвы последовало распоряжение руководителям экспедиции найти Федотова и вместе с ним отправляться на Канин Нос. Экспедиция обследовала указанное место, горы оказались не каменные, а земляные. Были сделаны прокопы в берегах рек, но, кроме черного камня и глины, найти ничего не удалось. С огромным трудом по морю поисковики добрались до Пустоозерска. Как писали Г. Загряжский и С. Беликов в отче-

те об этом путешествии, «на море четыре недели парусы драли, ... переломало и нас мало не потопило».

Фрик и Герольт должны были проводить опыты со всеми взятыми образцами породы. О результатах опытов Фрик составлял заключение на немецком языке, а Фаннемин переводил его на русский. Оригинал заключения и его перевод вместе с образцами породы, результатами опытов и сообщением руководителей экспедиции отсыпалась в Москву. Опыты с материалом, привезенным с Каниного Носа, были проведены мастерами в Пустоозерске. Кроме «серной воды», в нем ничего не было обнаружено¹⁴. Фрик и Герольт проводили плавку в специальных плавильных горшочках, добавляли селитру и «винный камень»¹⁵. Это были традиционные компоненты, которыми, как правило, пользовались в XVII в. рудознатцы.

С середины июля базой экспедиции стал Пустоозерский острог. Были обследованы все течение реки Печоры от устья до верховий, ее притоки Цильма, Уса, Ижма и Пижма. Через волоки поисковики перебирались на Вымь и Колву – к предгорьям Приполярного Урала. В своей отписке, отправленной в Москву с переводчиком Фаннеминым 11 октября 1627 г., Г. Загряжский и С. Беликов сообщили, что были заложены шурфы от 11 до 21 метра в тех местах на реке Цильме, где были обнаружены признаки медной руды экспедицией 1618–1620 гг. Однако и в этом районе деятельность экспедиции не принесла результатов. В Печорском бассейне, кроме «каменя колчедана» и железной руды, ей не удалось найти ни рудных месторождений, ни мест, где могут залегать руды¹⁶. В конце декабря 1627 г. отряд вернулся в Москву.

В одном из докладов в Посольский приказ руководители экспедиции описывают, каким образом были организованы поиски руд. Внимание немецких рудознатцев в первую очередь привлекали горы и курганы. Они обходили с лозами возвышенности с вершин до подножий. В тех местах, где лозы «начинали бить» (т.е. выбиривать) или сами мастера «почают какие руды», по их указанию другие участники экспедиции копали ямы глубиной по 5–6 сажень (10.8–13 м) и более. Каменные породы не останавливали поисковиков, они продвигались вглубь до тех пор, пока мастера не убеждались, что в данном месте руды нет¹⁷.

Этот доклад был написан в ответ на царский указ от 24 февраля 1627 г. К тому времени экспедиция находилась в поездке по Перми Великой уже почти год, но безрезультатно. Это беспокоило центральные власти, в Москве пытались разобраться в причинах неудач. Квалификация мастеров не вызывала сомнений. Как говорилось в царской грамоте, «посланы рудознатцы к тому делу люди знающие, на то они к нам из иных земель и приехали, и грамоты с собой свидетельствованные привезли, и сами нам на Москве свое ремесло объявили (показали. – Авт.), что они такие места, где живет руда золотая и серебряная, и меденая и оловянная, знают достаточно, и где такие места ссыщут, так нам службу свою хотят показать».

При царском дворе причина неэффективности экспедиции виделась в излишней торопливости и поэтому некачественной разведке местности. В государевой грамоте рекомендовалось «делать не скорость, что приехав где да посмотрев на гору или на курган, или на место, и посмотря да прочь, где присмотря такое место, отыскивать и копать надобно гораздо». Руководство Посольского приказа было осведомлено, что «в которых государствах делают золото и серебро и такие места доходят великою глубиною, то рудознатцы и ведают, и знают, с каким трудом то находят, а где руда меденая объявится, тут и золотая и серебряная»¹⁸. По мнению немецких рудознатцев, плачевный итог всей экспедиции был связан с неудачным выбором районов поисков. Они писали, что в тех местах «никакие угодные руды нет, потому что места низкие и холодные, и водяные»¹⁹.

Финансовое обеспечение немецких мастеров на период экспедиции исчислялось следующим образом. Еще при заключении с ними договора на родине был определен ежемесячный денежный оклад: С. Фрику – 13 руб. 80 коп., Г. Герольту – 11 руб. 50 коп. Однако впервые эти договорные деньги были получены ими спустя 10 месяцев пребывания в России и после неоднократных обращений в Посольский приказ. В начале 1627 г. из Москвы для погашения этого долга было послано 253 руб.²⁰. Также на тот период,

пока рудознатцы находились в экспедиции (это являлось государственной службой), им было назначено поденное кормовое жалованье: С. Фрику и Г. Герольту – по 15 коп., П. Шмолью – по 5 коп. Для сравнения отметим, что в экспедиции 1618 – 1620 гг. английский рудознатец Д. Ватер получал кормовые по 20 коп. в день, а месячный оклад – 20 руб.²¹ Кормовые деньги выдавались мастерам сразу на месяц вперед.

Из государственной казны оплачивались и расходы иностранцев на питье. Были установлены следующие поденные нормы: С. Фрику и Г. Герольту – по 4 чарки вина, 6 кружек меда, П. Шмолью – 2 чарки вина, 1 кружка пива и 1 кружка меда. Отправляясь в экспедицию, Г. Загряжский и С. Беликов получили из Посольского приказа на содержание иностранных специалистов лишь 53 руб. 55 коп. Остальные средства им было указано брать в уездных городах из собирающихся на местах государственных доходов (таможенные, кабацкие и прочие пошлины). В Москву неоднократно поступали жалобы руководителей экспедиции, что тот или иной воевода не давал требуемую сумму. На протяжении всей экспедиции из государственных доходов Соли Камской, Пинежского, Кеврольского и Мезенского уездов, Пустоозерска и Еренска было взято 430 руб. 69 коп. Неизрасходованные средства были сданы по возвращении в Москву в Посольский приказ.

Весной 1628 г. по просьбе мастеров П. Шмоль был отпущен на родину в Цесарскую землю, чтобы привезти в Россию семью и закупить рудознатные и водоприводные снасти. А.Г. Герольт и С. Фрик с переводчиком Т. Фаннеминым были отправлены на Терек для поиска золотой и серебряной руд и строительства водопровода. Найти рудные месторождения им вновь не удалось. В 1629 г. терские воеводы И. Дашков и Б. Приклонский сообщали в Москву, что они посыпали людей для добычи серебряной руды в Кабарду, но добывать ее было крайне трудно из-за враждебности местного населения и труднопроходимости горных дорог²². Более успешно у немецких мастеров завершилось дело с подведением водопровода к Терскому городку. Также при участии Фрика и Герольта были составлены чертеж и смета расширения городовых укреплений Астрахани. Немецкие рудознатцы оказались толковыми строителями.

В июне 1631 г. С. Фрик подал челобитную с просьбой отпустить его на родину и выдать ему «проезжие грамоты» на русском и немецком языках. В этих документах он просил указать, что его товарищ Г. Герольт умер в России на государственной службе. Самуил обещал, если понадобится, привезти к русскому царю «всяких статей мастеров разных мудростей, которые делают всякие железные мудростильные деланья». На челобитной имеется резолюция, что царь и патриарх распорядились его отпустить потому, что «за ним дела никаково и руды нигде на сыскан, по даче, по договору и корму емлет (имеет. – Авт.) даром и в том государеве казне истеря (расход. – Авт.) и убытки немалые»²³. Позже С. Фрик приезжал в Россию, но уже в качестве мастера золотых дел. Есть сведения, что вместе с братом Яковом они делали по заказу царского двора в 1632 г. саблю, а в 1633 г. – корону²⁴.

В начале 1630-х гг. вновь стали поступать сведения о находках рудных признаков в Прикамье. 22 февраля 1633 г. из Москвы была послана очередная экспедиция в Пермь Великую «сыскывать золотые руды». Ее возглавляли столыник В.И. Стрешнев и дьяк В. Сергеев. Впервые в экспедиции принимали участие представитель высшего слоя купечества – гость Н.А. Светешников. Для посылок с ними было отправлено 9 служилых дворян. В качестве специалистов в экспедиции участвовали рудознатец Александрик Иванов Тумашев (скорее всего именно по его челобитной отправилась экспедиция), пушечный мастер и рудознатец швед Елисей Коет и лекарь англичанин Матфей Кинфин. Задачей экспедиции было обследование рудных признаков, указанных А. Тумашевым, и выяснение рентабельности месторождения. Отряду В.И. Стрешнева не удалось найти золота, но зато были открыты промышленные месторождения медной руды в Соликамском и Чердынском уездах (в тех же местах, где работали предыдущие экспедиции).

Построенный в 1634 г. первый в России Пыскорский медеплавильный завод находился в подчинении приказа Большой казны и управлялся присыпаемыми из Москвы

администратором, который осуществлял общее руководство, и торговым человеком, занимавшимся учетом средств и продукции.

В том же году московское правительство в срочном порядке отправило в Саксонию золотаря Павла Эльрендорфа и переводчика Аптекарского приказа Захария Николаева для найма мастеров медеплавильного дела. Им предстояло ехать из Москвы через Новгород и Ригу, водным путем в Любок (Любек), далее в Онбарх (Анборх, Гамбург), через Ленборгскую землю «в немецкие вольные города к курфюрсту Сакскому да к Арцху Брунсвикскому... на Брунсвик город, а из Брунсвика города ехати к горам, где серебряная и медная и железная горы в город Гослар. А горам имена: Анненберг, Ондрезберг, Клюзаль, Маринберг, Шнебер»²⁵. По оценке Г. Агриколы, Гослар длительное время был одним из известнейших центров горнорудной промышленности средневековой Европы. Посланцев снабдили грамотами к курфюрстам, чтобы те позволили нанять нужных специалистов и без задержки отпустили их в Москву. Деньги на найм плавильщиков им предписывалось взять у гамбургского купца Гаврила Марселиса. В 1634/35 г. на Пыскор приехали 16 немецких плавильщиков и рудокопов во главе с плавильным мастером Аристом Петцольтом.

Первые заводские постройки были возведены у Григоровой горы еще при В.И. Стрешневе. По мнению А. Петцольта, место для завода было выбрано неудачно, и его перенесли на 25 верст вниз по Каме на реку Камкорку. Построенный на новом месте Пыскорский завод стал центром обучения и распространения передовых для того времени технологий. Саксонцы во главе с Петцольтом организовали технически грамотную разработку рудных залежей, занимались оснащением и пуском завода, обучением русских мастеров. Иностранные методы работы прослеживаются во всех сферах деятельности предприятия: техническом оснащении, процессе выплавки металла, добывче руды, углежжении.

Об организационно-техническом устройстве завода можно судить лишь по отдельным фрагментам его описания. Пойму небольшой речки Камкорки перегораживала плотина длиной около 70 м. При ней действовало мельничное колесо, называемое немецким. От вращения колеса приводились в движение меха плавильных горнов, находившихся в бревенчатом амбаре, покрытом тесом. Одна сторона плавильного амбара была вкопана в левый крутой берег речки. На том же склоне, поблизости находилось несколько кирпичных обжигательных (гармахерских) горнов и кирпичный сарай с печью²⁶.

Наибольшего в то время совершенства горные работы в России достигли на заводских Григоровском и Кужортском рудниках. В описи 1646 г. подробно описана вся сложная система подземных выработок, состоящая из вертикальных шахт и горизонтальных тоннелей. Сохранилось упоминание и о «старых немецких шахтах»²⁷. Первоначально саксонские рудокопы сами вели проходку, но затем уехали, оставив завод на попечение русских мастеров. На этих рудниках осуществлялось толчение и промывка руды, для чего были необходимы технические приспособления. Об этой стороне деятельности на Григоровском руднике в XVII в. сохранилось воспоминание 111-летнего крестьянина Н. Белкина, работавшего там в «раззыльщиках». По его словам, шахты в то время достигали глубины 20–30 м, а руду промывали на единственном ручье, протекавшем в деревне Григорово²⁸.

Деятельность Пыскорского завода привела и к изменениям техники углежжения на Урале, которая впервые упоминается при его строительстве. До этого выплавка небольшого количества железа местными кузнецами в малых печах вполне обходилась относительно малым количеством угля. Пожог его происходил старым традиционным методом, издавна практиковавшимся на Руси, – «в ямах». Первое же достаточно крупное вододействующее медеплавильное производство потребовало значительно большего количества древесного угля. И здесь впервые на Урале и в Сибири на основе саксонского опыта с 1635 г. начался пережог угля в промышленных масштабах – «в кучах». Под заготовку дерна «для пожогов на кровлю» отводились земельные угодья, изъятые у Пыскорского монастыря²⁹.

Метод углежжения «в кучах» получил распространение как передовой при достаточно крупных вододействующих заводах. Его внедрение и одновременное существование наряду со старым методом особенно заметно при строительстве доменных заводов на Урале в начале XVIII в. Так, на Каменском заводе в 1704 г. вместе с новым способом углежжения «в кучах» практиковался и старый – «в малых ямах». Европейское влияние на технику углежжения отмечалось в 1680-х гг. и в центральных районах России. В 1686 г. на «рудянном заводе» у тихвинского кузнеца упоминалась «яма дров нежженая, кладена по-немецки»³⁰. В январе 1642 г. немецкие мастера покинули завод и руководить производством стали русские «урядчики». В 1648 г. завод сильно пострадал от пожара, после чего было решено передать его заводским плавильщикам Тумашевым в частное пользование с условием сдачи меди по фиксированной цене в казну. Этот завод проработал до 1656–1657 гг., пока не закончилась руда.

В процессе деятельности Пыскорского завода происходила передача опыта немецких мастеров русским плавильщикам. Можно предположить дальнейшее распространение на Урале в XVII в. через мастеров этого завода саксонских методов выплавки меди, устройства вододействующих механизмов, добычи руды с помощью шахт, пожога угля «в кучах». Однако данная гипотеза требует документального подтверждения. Пока же имеющиеся факты говорят против нее. Плавильщиков Тумашевых с конца 1670-х гг. на Урале уже не было. К тому времени они перебрались на Казанский медеплавильный завод. Технологическая преемственность была прервана, и в период массового заводского строительства начала XVIII в. в крае уже использовались другие технологические приемы.

Еще одним центром выплавки меди в России в середине XVII в. был медеплавильный завод в районе Казани, условно названный «Казанским». Несомненно, что он, как и Пыскорский завод, был построен и работал не без участия иностранных специалистов, но сведений о нем сохранилось значительно меньше. В 1643 г. сюда был направлен гостиной сотни купец Иван Ануфриев, чтобы принять под свое управление открытое месторождение медной руды³¹. В 1652–1665 гг. на заводе был выплавлен 4641 пуд меди. Завод продолжал работать и в 1670-х гг. Одним из иностранных специалистов, чья судьба была длительное время связана с деятельностью этого завода, был Лаврентий Нейгарт (Нейтгарт, Нейтарт, Нейтор, Кехтер. Правильно Neidhart). Его происхождение точно не установлено. Но скорее всего, судя по его специализации, он мог быть выходцем из немецких земель. Отец Г. Нейгарта – Андрей Нейгарт (Andreas Neidhart) известен как «пушечный литец», работавший в России с 1622 по 1664 гг. Сам Лаврентий упоминается как пушечный мастер и рудознатец³². С 1670-х гг. и до начала XVIII в. он (сначала в звании прaporщика, затем подполковника) был связан с поисками медной руды и выплавкой меди в окрестностях Казани и в Кунгурском уезде. В 1675 г. Л. Нейгарт работал на Х.П. Марселиса и Е. Фандергатена и был послан ими вместе с Еремеем Траделом в Поморье для поисков различных руд³³. С 1687 по 1691 г. Лаврентий находился в Дауре и проводил испытания проб серебряной руды, найденной в бассейне реки Аргуни. При его активном участии воевода И. Власов пытался организовать сереброплавильное производство в Нерчинске, но в силу объективных обстоятельств это удалось сделать лишь в начале XVIII в.

На рубеже 1660–1670-х гг. заметно возросла интенсивность разведки руд драгоценных и цветных металлов. В этот период поиски руды производились практически на всей территории Российского государства. Экспедиции посыпались на север к Архангельску, вверх по Волге за Казань и Симбирск, на Кавказ, Урал и в Сибирь. За редким исключением во всех случаях, связанных с поиском цветных и драгоценных металлов, были задействованы иностранные специалисты. Например, нередко упоминаются греческие мастера. Но часто о национальности специалистов и их участии можно только догадываться. Была развернута широкомасштабная кампания по приглашению из Европы в Россию иностранных мастеров. Большая группа специалистов различного профиля была завербована в Гданьске немцем, полковником Николаем фон Стадиным (Nicolay von Staden). Так, к лету 1669 г. он привез опытного мастера и плавильщика се-

ребряной руды, саксонца Христиана Дробыша родом из Дрездена, селитренного мастера Лаврентия Роланха Мана из Пруссии и двух мастеров-ткачей немецких полотен Ганца Рихтера из Мейсена и Андрея Гофмана из Лондона. По договору, подписанному между Х. Дробышем и Н. фон Стадиным, мастеру было обещано ежемесячное жалование в 40 руб. Для сравнения отметим, что ткачам и селитренному мастеру был установлен ежемесячный оклад в 10 руб. Он получал деньги за три месяца вперед (за апрель, май, июнь) и должен был выполнять функции лозохода и плавильщика, а также проводить пробы руд. По договору рудознатель получал право свободно отъезда назад на родину. Сохранился текст договора на немецком языке с переводом, подписанный мастером. В Гданьске была закуплена и часть составов для плавки руды³⁴.

Осенью 1669 г. Х. Дробыш принимал непосредственное участие в поисках серебряной руды в нескольких уездах Центральной России. В Звенигородском уезде обследовались реки Розверна и Малая Истрица, в Погоцком и в Рузском – река Руза, в Можайском – река Москва от Можайска и Лужецкого монастыря до села Мышикина, в Верейском – озеро Ратуй, в Боровском уезде – Протва от Вышегорода до Боровска, а также реки Исма, Боренка, Нара от Кондратьевской вотчины Черторыжского и села Лобанова до Калужской дороги. Серебряные руды в этих местах не были обнаружены. В то же время признаки серебра нашли в двух местах в вотчине Вознесенского женского монастыря в Рузском уезде³⁵.

Чуть ранее, в июле 1669 г. в Дмитровском уезде и других местах работу неких иностранных рудознатцев, приехавших с Н. фон Стадиным, обеспечивал подьячий приказа Тайных дел Иван Полянский. В другом случае, в июле того же года, полковнику предписывалось выдать деньги двум иноземцам – «подкопщику у сыску серебряной руды и стекольному мастеру, которых он, Миколай, приговорил (нанял. – Авт.) из Риги к Москве послужить»³⁶. Возможно, что в данном случае речь идет и о Х. Дробыше. Есть упоминание о присутствии в Москве знатока серебряной и золотой руд из Саксонской земли Христиана Фалентинова, который не был упомянут среди завербованных Стадиным. Возможно, они и работали в Дмитровском уезде, так как И. Полянский покупал им в Седельном ряду в том же июле 1669 г. три набора для верховой езды, включавших седла, уздечки и плети³⁷.

14 апреля 1670 г. по царскому указу. Н. фон Стадин и прапорщик И. Афенбах вновь были посланы в Курляндию «для призываия к Москве иноземцев мастеровых людей». 18 сентября 1670 г. они привезли очередную группу специалистов, среди которых были плавильщик серебряной руды Альбрехт Куслинский (Климский) с женой и дочерью, «серебряной руды знатец» Хотлиб (Иван, Богдан) Польман (Пульман) из Саксонии, стекольный мастер Юрий Ком, «склянишной резец» Ганц Фридрик, живописец Главандер, двое прапорщиков Кристофф Дещаль и Кристофф Симонс³⁸. Было определено ежемесячное содержание А. Куслинскому – 40 ефимков, И. Польману – 48 ефимков³⁹. Для сравнения отметим, что, по сведениям майора Павла Миниуса, посланного в 1672 г. за мастерами в Рим, Венецию и немецкие земли, в государствах, «где есть серебро и золото», рудознательным мастерам давали ежемесячное жалование по 100 ефимков. Глава Польского приказа А.С. Матвеев, отправляя П. Миниуса с этим поручением, рекомендовал ему искать мастеров «самых добрых», но при этом договариваться с ними о жалованье «ус убавкою против 100 ефимков или как пристойно смотря по тамошнему делу»⁴⁰.

Рудознательные мастера Х. Дробыш, И. Польман и А. Куслинский сразу же были привлечены к проведению рудных проб на серебро. Х. Дробыш принял непосредственное участие в поисках серебра на Южном Урале в 1669–1673 гг. Эти экспедиционные работы отличались от предыдущих своими масштабами, продолжительностью, новыми организационными принципами. Значительная часть документов описывает регулярные и целенаправленные поиски в 1671–1673 гг. на горе при слиянии речек Тасм и в районе так называемой Биябской горы и озера Иртыш⁴¹. Менее всего сведений обнаружено о первых экспедициях до 1671 г. В этот период, по крайней мере не менее двух или трех раз также организовывались поиски.

В 1669 г. поисковые работы велись на горе между реками Тасмами, где предположительно находились серебряная руда. Руководил геологоразведкой тобольский воевода, стольник П.И. Годунов. Работы осуществлялись по указу из Москвы. В составе экспедиции были специально присланный из столицы Х. Дробыш и служилые люди. Для этой поездки мастеру были назначено жалованье в 55 руб.⁴². Судя по росписи снастей и запасов, оставленных в низовых городах и Казани и «принятых в казну из полка стольника и воеводы П. Годунова», состав его экспедиции был значительным. Добытые отрядом П. Годунова 10 пуд. руды были доставлены в Тобольск, часть ее сразу была отправлена в Москву с Х. Дробышем. Первые же проведенные им в Москве опытные плавки на серебро оказались удачными.

В 1670 г. в тот же район, где ранее работала экспедиция П. Годунова, был послан «сибирянин» стольник Михаил Петрович Селин. Используя тюменских и тобольских «знатуших служилых людей, участвовавших в предыдущей экспедиции, М. Селин накопал в тех же местах 60 пуд. руды. Добытая руда была отправлена в Москву, где на Денежном дворе ее испытали Х. Дробыш и И. Польман, и «знак серебру обявился». При плавке получилось 8–9 золотников (около 34–38 гр) серебра из пуда породы (около 2%)⁴³.

Положительный результат опытов подвигнул правительство приступить к более интенсивным поискам серебра в Зауралье. 28 мая 1671 г. по царскому указу М. Селину было велено ехать, «не мешкая ни часу», с Дробышем и переводчиком (он же – надсмотрщик над работными людьми) Карлусом Риманом из Москвы и Сибирь. Эта экспедиция должна была начать добычу серебряной руды в уже разведенном месте между реками Тасмами и организовать ее плавку непосредственно у рудника, а также проводить разведки новых месторождений⁴⁴.

Отряду было предписано ехать к Уральским горам, нигде не задерживаясь, в любом населенном пункте получать подводы в срочном порядке. Но в пути с иностранцами возникли большие проблемы. В члобитной, посланной из Верхотурья, М. Селин сообщал царю, что иноземцы ехали не торопясь, с большими остановками в городах. В дороге били и увечили крестьян, а на Шуйском яму «до смерти застрелили» из пистоли ямщика. С жалобой на иностранцев к царю обратился и верхотурский воевода Федор Большой Хрущев. Несмотря на то, что было приказано ехать прямо к Катайскому острогу, Христиан и Карлус требовали, чтобы их отправили в Тобольск. Тем не менее вновь последовал указ ехать всем в Катайский острог и далее к серебряной руде.

В указанном районе поисковики проверили все вероятные места, но опыты Дробыша не дали положительных результатов. В конце концов мастера заявили, что серебряных руд в тех местах нет, и, нарушив контракт, самовольно отправились в Москву. Столь удачное начало и бездарный конец не устраивали московские власти. В 1671/72 г. для организации и ускорения поисковых работ в Катайский острог был послан думный дворянин Яков Тимофеевич Хитрово, получивший воеводский чин и большие полномочия. С ним отправились его сын стольник Венедикт Хитрово, подьячий из приказа Тайных дел Еремей Полянский, отвечавший за денежную казну, офицеры-рейтары и рудознатец Тимофей Греков. К весне 1672 г. они должны были добраться до Катайского острога, затем, взяв М. Селина и Х. Дробыша, двигаться вверх по реке Миасс к рудным горам за «Урал-камень».

У Я.Т. Хитрово был указ, встретив на пути иностранцев, забрать с собой обратно «к рудному делу». Их пути пересеклись в Великом Устюге. Как утверждал Дробыш, они торопились сообщить в Москву сведения о золотой руде, будто бы имевшейся в Ярославском уезде. О ней им рассказал некий мужик, встретившийся по дороге. Была предпринята попытка также организовать испытания руд, найденных в Устюжском уезде, прямо в Великом Устюге, но из-за отсутствия необходимых плавильных составов и инструментов эти опыты были проведены только в Уральских горах⁴⁵.

С момента, когда экспедицию возглавил Я.Т. Хитрово, ей придали иной статус, и проводившиеся ею мероприятия приобрели значительный размах. 15 апреля 1672 на 362 подводах экспедиция в составе около 900 человек двинулась от Катайского острога

через степь к Уральским горам. В первую очередь на месте разработок для защиты от кочевников был построен Новый Уральский острожек.

Сначала в Катайский острог, а потом и в новопостроенный острожек Дробышу свозили образцы руд из различных мест. Из тех руд, которые в Москве дали положительный результат на серебро, ничего не было выплавлено. Я.Т. Хитрово, «не веря ему, крестьяну», привлек для контроля мастера серебряника Т. Грекова, посланного с экспедицией, и плавильщика медной руды Д. Тумашева. Они испытывали руду порознь в присутствии думного дьяка с записью всех условий плавки. Сохранилось описание 17 опытов. При плавке образцов, похожих на руду, Дробыш использовал «винный камень», силитру, соль, сурьму, свинец, варьируя комбинации и пропорции этих добавок, меняя время плавки⁴⁶. Отсутствие следов серебра во всех опытах позже объяснили тем, что еще Москве признаки драгоценного металла давал плохо очищенный свинец, который использовали в качестве добавки при плавке. В нескольких опытах было обнаружено только железо. Дробыш велел расплавить пушечное ядро, и «из плавки ядра объявилось такое железо, что из уральских руд»⁴⁷.

Условия работы были очень тяжелыми, особенно зимой, запасы подходили к концу. И солдаты, как и крестьяне, насильно посланные для горных работ, убегали с Урала. К 19 августа 1672 г. сбежало 219 служилых и 160 работных людей. Бежавших искали в слободах, ловили, наказывали кнутом и отсылали обратно. Но к концу октября 1672 г. осталось только 20 человек больных и «начальные люди с людичками своими московской присылки», которые поочередно несли караулы в острожке⁴⁸. С наступлением холодов Я.Т. Хитрово с людьми был вынужден вернуться и зимовать в сибирских городах. К весне 1673 г. на усмотрение тобольского воеводы было указано все запасы и снасти с Уральских гор вывезти в Катайский острожек, Новый Уральский городок оставить, а потом и сжечь. А затем был получен указ до зимы перебраться в «русские города для съыску руд». Предстояло еще проверить рассказы Дробыша о виденной им золотой руде в Ярославском уезде. Итог этой крупнейшей экспедиции в Зауралье лаконично подвел летописец: «Ничего не найдено, а государевой казне великая тщета и гибель учинилась»⁴⁹. За несколько лет упорного поиска обнаружить серебряную руду так и не удалось. Были найдены только залежи железа и слюды.

После завершения этой экспедиции Дробыш находился на службе в качестве рудознатного мастера в Сибирском приказе еще не менее 7 лет. В 1680 г. он проводил испытания образцов руд, присланных из Красноярска и Даурии. По поводу красноярской руды он дал заключение, что получавшееся из нее железо плохого качества. В руде, найденной в бассейне реки Аргуни, Христиан смог обнаружить только свинец. Уже тогда, в 1680 г., мастера Золотой палаты нидерландцы Тимофей и Еремей Левкины определили в той же руде содержание серебра. После этих результатов Х. Дробыш провел повторную плавку даурской руды, изменив технологию (вместо большого горна использовал малый), и также получил серебро. Однако из-за низкого содержания серебра он считал нецелесообразным промышленную разработку этого месторождения. Братья Левкины дали совершенно противоположное заключение. Спустя 20 лет в Даурии все-таки был построен первый в России сереброплавильный завод. Но это производство уже было налажено с участием греческих мастеров⁵⁰.

Довольно сложно документально проследить сам факт, момент заимствования техники поиска руд. Тем не менее иногда это удается. Весьма интересно сообщение известного рудознатца Сергея Бабина, который вместе со своими братьями обнаружил в конце XVII – начале XVIII в. несколько крупных месторождений в окрестностях современного Екатеринбурга. Эти открытия положили начало возникновению Уктусского, Екатеринбургского, Полевского, Сысертского и других заводов. Где же обучался С. Бабин? Он не только отыскивал руду, но и плавил ее, будучи штатным плавильщиком Уктусского завода, и даже на свой страх и риск переделывал конструкцию плавильных печей, «чтобы лучше было». При распросе В. Татищевым в 1720 г. С. Бабин сообщил, что «учился он руду плавить в Колчеданском остроге у Василия Голубцова по записям иноземца Х. Дробыша, который промышлял серебряную руду в башкирах

на Тасме реке»⁵¹. Удивительная связь с событиями тридцатилетней давности. Тем более, что Х. Дробыш, как следует из документов, не владел русским языком. При мастере постоянно находился переводчик капитан Карл Риман. Очевидно, С. Бабин не только сумел воспользоваться документами, написанными на незнакомом ему языке, но и освоил сложную науку розыска руд и плавки меди, обучил мастерству своих братьев.

В то же время нельзя однозначно утверждать, что во всех случаях навыки розыска и испытания руд цветных и драгоценных металлов в России являются заимствованием иностранного опыта. В 1697 г. греческие мастера А. Левандиан и С. Григорьев испытывали медную руду в районе реки Чубаровки Тобольского уезда, но безрезультатно: «И из плавки той руды, кроме грязи, у них греков ничего не родилось»⁵². Кузнец К. Андреев сумел из той же руды получить медь по своей методике. Удалось получить медь там, где оказался бессилен А. Левандиан, и крестьянину-плавильщику Ф. Коптяку. Деревенские кузнецы значительно лучше знали условия залегания местных руд и их особенности, и к концу XVII в. постепенно обретали свои методы работы с ними. Скорее всего, наряду с заимствованием русскими рудознатцами опыта иноzemных мастеров, происходил и обратный процесс обучения.

С конца 1660-х гг. государство разрешило заниматься поисками медной руды и строительством медеплавильных заводов частным лицам. Необходимо отметить, что при этом не играло никакой роли иностранец это или русский человек. Первыми заинтересовались медеплавильным делом отец и сыновья Марселисы. В 1669 г. на государственных землях в Олонецком уезде Христиан Петрович Марселис и Еремей Фандергатен нашли два месторождения меди. Они же посыпали искать руду в Фоймогубскую волость Олонецкого уезда рудознатца Ивана Польмана.

В 1666 г. новгородский гость Семен Гаврилов и плавильщик Денис Юрьевич (Кильбургер называет его голландцем Денисом Иовисом, служившим прежде при шведских рудниках) обнаружили медную руду и организовали ее выплавку в Толвуйской волости Олонецкого уезда. Но по каким-то причинам дело у них не пошло. В 1669 г. глава семейства Петр Марселис обратился к царю с просьбой о выдаче привилегии ему и его сыну на разработку этих медных рудников⁵³. Инициатива Марселисов по заведению медеплавильных заводов была поддержана правительством. Казна выдала заводчикам ссуду в 500 руб. на «медные заводы»⁵⁴.

Марселис и Генрих Бутенант фон Розенбош построили медеплавильный завод в Фоймогубской волости Олонецкого уезда. Им было разрешено проводить разведку рудных месторождений и строить медеплавильные заводы на реках Цильме, Пижме и в Пустоозерском уезде⁵⁵.

По сообщению Кильбургера, в 1674 г. Петру Марселису было передано управление тремя рудниками – одним на Олонце, неподалеку от Онежского озера (до этого находился под управлением голландца Дениса Иовиса) и двумя в Кондырской обл. на берегах реки Мезени в 228 верстах от устья⁵⁶.

В июле и августе 1675 г. встревоженные активизацией деятельности в Поморье других поисковиков Петр Петрович Марселис (после его смерти брат Христиан Петрович) и Е. Фандергатен попросили выдать им подорожную грамоту на поиски руд по рекам Цильме, Пижме и Мезени в Пустоозерском уезде (хотя разрешение на работы в этом районе они имели раньше)⁵⁷.

Подорожными грамотами предпринимателям предоставлялся ряд привилегий. Они могли искать руды на любых землях, независимо от их принадлежности (раньше такое право давалось только отрядам, посланным центральными властями). Руды, кроме золотой и серебряной, слюда, краски, «узорочное или простое пригодное каменье», найденные на государственных, вотчинных и помещичьих землях, по жалованной грамоте становились владением их открывателей, которые «на тех местах» могли заводить заводы и промыслы. Но они должны были «о том о всем к великому государю писать и под отписками присыпать росписи имянно в Посольской приказ». Таким образом, государство делилось своим монопольным правом на земные недра с частными лицами.

Относительно устройства заводов прослеживается практика, уже существовавшая на Тульских и Каширских заводах Марселисов и Акемы⁵⁸. Строить заводы и рубить лес разрешалось только на государственных землях. Если возникла потребность в частновладельческих землях, то заводчики должны были договариваться с их хозяевами о найме. Специально оговаривалось, что « заводы заводить и строить и те руды плавить и ковать и делать наемными людьми своими проторми (на свои средства. – Авт.)».

На 20 лет устроители заводов освобождались от уплаты государственных пошлин и оброка. После этого срока ежегодно они должны были с каждой плавильной печи платить до 100 руб. Согласно грамотам, в первую очередь медь (также как и железо) должна была поставляться в казну « сколько понадобится » по льготным для нее ценам. Перед торговой ценой Марселисам и Фандергатену предписывалось уступать по 25 коп. Оставшуюся медь они могли продавать самостоительно, в том числе и за границу. После истечения льготных лет они должны были платить с продаж, согласно Торговому уставу, и оброк с оброчных земель. Из всех желавших завести медеплавильные заводы во второй половине XVII в. Марселису и Фандергатену были предоставлены самые льготные условия, и в этом деле они оказались наиболее удачливыми.

Находки на Урале значительных запасов железных руд в конце XVII в. породили новую волну массового привлечения специалистов из-за границы, в том числе и из немецких земель. Образцы уральских и сибирских руд были переданы на экспертизу различным мастерам в Москве, Туле (Никите Демидову), в Риге и Голландии. А в 1697 г. в своем письме бургомистру Амстердама Николай Висен писал о высоком качестве присланной руды, попутно дав оценку европейского мастерства в горном деле и металлургии. По его мнению, «лучшие у них мастера заводов железных в Луской земле, а в шведской работают дети их, а в серебряных рудных делах лучшие мастера в Линенбургской и Саксонских землях...»⁵⁹. В 1699 г. в Россию прибыли саксонские уроженцы, плавильщики серебра Вульф Мартин Циммерман и Яган Захариас Фрестенер, горные и опытные мастера Георг Шмидерн, Габриэль Шонфильдер и Иоганн Блиер, который впоследствии сыграл исключительную роль в истории возникновения уральской и российской промышленности⁶⁰.

Таким образом, иностранные специалисты сыграли значительную роль в развитии заводского железоделательного и медеплавильного производства России в XVII в. Немалые усилия были потрачены на поиски месторождений серебряной руды, но достичь желаемых результатов не удалось.

Примечания

¹ См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. V. М., 1990; Хмыров М.Д. Материалы, металлические изделия, минералы в Древней Руси. СПб., 1875; Любомиров П.Г. Очерки по истории металлургической промышленности в России. Л., 1937.

² См.: Хабаков А.В. Очерки по истории геологоразведочных знаний в России. Ч. I. М., 1950; Данилевский В.В. Русская техника. Изд. 2. Л., 1949.

³ Кузин А.А. История открытых рудных месторождений в России. М., 1961; Ястребов Е.В. Поиски полезных ископаемых на Урале в XVII веке // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII. М., 1974. С. 54–97; Демкин А.В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып. 2. М., 1994.

⁴ Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков. М., 1970. С. 352.

⁵ Кузин А.А. Указ. соч. С. 53.

⁶ Памятники дипломатических сношений. Т. II. СПб., 1852. Ст. 1366–1370.

⁷ Там же. Т. IV. СПб., 1856. Ст. 800–803.

⁸ Мулюкин А.С. Иностранцы свободных профессий в Московском государстве. // ЖМНП. 1908. № 10. С. 310–311.

⁹ Там же. С. 316; Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой половине XVIII века. М., 1998. С. 40.

¹⁰ РГАДА, ф. 151, оп. 1, № 1. л. 1–17; ф. 365, оп. 1, № 1, л. 14–163.

¹¹ Забелин И. О металлическом производстве в России до XVII столетия. СПб., 1853. С. 133–134.

- ¹² РГАДА, ф. 150, оп. 1, № 9, л. 2.
- ¹³ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – СПб ИИ), ф. 175, оп. 2, № 12, 15.
- ¹⁴ Там же, № 16; РГАДА, ф. 151, оп. 1, № 3. Вновь эти территории привлекут внимание поисковых экспедиций только в 1660-е гг. На современной карте Канин Нос – это самая северо-западная точка полуострова Канин.
- ¹⁵ СПб ИИ, ф. 175, оп. 2, № 172.
- ¹⁶ Там же, № 19.
- ¹⁷ Там же, № 10.
- ¹⁸ РГАДА, ф. 151, оп. 1, № 3.
- ¹⁹ СПб ИИ, ф. 175, оп. 2, № 27.
- ²⁰ Там же, оп. 1, № 4, л. 29; РГАДА, ф. 151, оп. 1, № 2, л. 1–4.
- ²¹ РГАДА, ф. 151, оп. 1, № 1.
- ²² СПб ИИ, ф. 175, оп. 2, № 36.
- ²³ Там же, № 52.
- ²⁴ Забелин И. Указ. соч. С. 133–134.
- ²⁵ Собрание государственных грамот и договоров. Т. III. М., 1822. № 100. С. 347.
- ²⁶ Берх В.И. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С. 45–46.
- ²⁷ Кашинцев Д.А. История металлургии Урала. М.; Л., 1939. С. 235.
- ²⁸ Государственный архив Свердловской обл. (далее – ГА СО), ф. 24, оп. 1, д. 23, л. 145.
- ²⁹ Берх В.И. Указ. соч. С. 43.
- ³⁰ Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М., 1967. С. 56.
- ³¹ Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953. С. 240.
- ³² Железнов В. Указатель мастеров русских и иноземцев, работавших в России до XVIII века. СПб., 1907. С. 39.
- ³³ См.: Дополнения к актам историческим (далее – ДАИ). Т. 6. СПб., 1851. С. 166–167.
- ³⁴ РГАДА, ф. 27, оп. 1, № 285, л. 4–6.
- ³⁵ Там же, л. 34.
- ³⁶ Дела Тайного приказа. Кн. II // Российская историческая библиотека. Т. 23. СПб., 1904. С. 29, 41.
- ³⁷ Там же. С. 37.
- ³⁸ РГАДА, ф. 27, оп. 1, № 285, л. 32.
- ³⁹ Там же, ф. 214, оп. 3, стб. 881, л. 48–49.
- ⁴⁰ Памятники дипломатических сношений. Т. IV. СПб., 1856. Ст. 801–802.
- ⁴¹ Реки Тасмы (Тесьмы) впадают в реку Ай в черте современного г. Златоуста.
- ⁴² РГАДА, ф. 214, оп. 3, № 881, л. 14, 33.
- ⁴³ Там же, л. 174.
- ⁴⁴ Там же, л. 63.
- ⁴⁵ Там же, л. 246–248.
- ⁴⁶ Там же, л. 349–350.
- ⁴⁷ Там же, л. 375.
- ⁴⁸ Там же, л. 440.
- ⁴⁹ ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 165.
- ⁵⁰ РГАДА, ф. 214, оп. 3, № 1081.
- ⁵¹ ГА СО, ф. 24, оп. 1, № 4 а, л. 707.
- ⁵² РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 1280, л. 350.
- ⁵³ ДАИ. Т. VI. СПб., 1851. С. 165–166, 62–63.
- ⁵⁴ Любомиров П.Г. Указ. соч. С. 285.
- ⁵⁵ ДАИ. Т. VI. С. 165–166.
- ⁵⁶ Корнилович А. Известие об успехах промышленности в России, и в особенности при царе Алексее Михайловиче // Северный архив. 1823 г. Ч. 5. № 1. С. 61.
- ⁵⁷ ДАИ. Т. VI. С. 165–167.
- ⁵⁸ Ср.: Крепостная мануфактура. Т. 1.
- ⁵⁹ РГАДА, ф. 214, оп. 3, № 1280, л. 54.
- ⁶⁰ ГА СО, ф. 101, оп. 1, д. 411, л. 9.

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СТРУКТУРНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ РОССИИ XVI ВЕКА

В работе известного американского историка Честера Даннинга¹ было высказано предположение, что при изучении истории России XVI в. возможно использование структурно-демографической теории Дж. Голдстоуна². Эта теория опирается на исследования известной французской школы «Анналов» (в частности, на работы Ф. Броделя, Э. Леруа Ладури, Э. Лабруssa, П. Шоню³), а также ряда известных английских и немецких историков, среди которых в первую очередь, необходимо назвать В. Абеля, М. Постана и К. Хеллинера⁴.

Структурно-демографическая концепция имеет глобальный характер и предназначена для объяснения социально-экономических кризисов, происходивших в средние века и в новое время в различных странах Европы и Азии. Исходным пунктом демографического подхода является утверждение, что эти кризисы, как правило, были вызваны *перенаселением*. Рост населения приводил к нехватке пашен, которая проявлялась в крестьянском малоземелье, повышении цен, падении реальной заработной платы, частых голодных годах. Низкий уровень жизни, постоянное недоедание способствовали распространению эпидемий. С другой стороны, беднеющее население не могло платить налоги в прежних размерах, и это приводило к финансовому кризису государства. По мере сокращения доходов обострялась борьба внутри элиты за их распределение. В конечном счете, кризис выражался в системной катастрофе – голоде и эпидемиях, в междоусобной борьбе, в резком ослаблении государства, открывающем дорогу вторжениям врагов. Катастрофа приводила к значительному сокращению численности населения, после чего начинался новый экологический цикл. Изобилие свободных пашен, недостаток рабочей силы после катастрофы были причиной повышения уровня жизни крестьян и быстрого роста населения. Через некоторое время потери восполнялись, и тогда начинался новый кризис перенаселения⁵.

Даннинг полагает, что демографический подход может использоваться и при объяснении общих тенденций истории России XVI в. В подтверждение своей точки зрения американский историк указывает на такие типичные, с точки зрения демографического подхода, проявления назревающего кризиса, как рост населения, сопровождавшийся повышением цен и обострением социальных конфликтов во второй половине столетия⁶. Однако Даннинг предложил лишь краткий анализ общих тенденций на протяжении всего XVI в., утверждая, что рост населения и цен продолжался вплоть до кризиса времен Смуты. В этой статье я попытаюсь несколько расширить и конкретизировать аргументацию Даннинга и более подробно проследить динамику основных переменных, которыми оперирует структурно-демографическая теория. Я не предполагаю, что мои выводы относительно возможности применения этой теории к изучению истории России являются окончательными, и лишь постараюсь очеркнуть контуры возможной дискуссии, когда может быть более подробно рассмотрен этот вопрос.

Ключевой переменной структурно-демографической теории является численность населения. Его рост в мирных условиях свидетельствует о наличии продовольственных ресурсов, замедление и прекращение – об ухудшении продовольственной ситуации. Статистические данные, позволяющие проиллюстрировать рост населения в России XVI в., относятся в основном к северо-западу страны. Известно, что в Шелонской и Бежецкой пятинах новгородчины численность населения увеличилась

* Нефедов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

за полвека на 20–40%, соответственно возросла и площадь пашни. Для центра, в отличие от новгородчины, нет объемных статистических материалов; имеются лишь отдельные примеры, указывающие на рост числа дворов в отдельных волостках или имениях в 1,5, в 2 и 3 раза. Нормой крестьянского участка в центральных областях в начале столетия считалась выть – 5 десятин в поле, однако в середине века чаще встречаются наделы в 2½, 3, 4 десятины. Об увеличении населения говорит также быстрый рост городов – их общее число увеличилось за полвека с 96 до 160. Эти и другие имеющиеся данные позволили А.И. Копаневу утверждать, что за первую половину XVI в. население в целом увеличилось в 1,5 раза и достигло 9–10 млн⁷.

В соответствии с демографической теорией рост населения должен был привести к исчерпанию ресурсов свободных земель, нехватке продовольствия, что в свою очередь влечет замедление роста населения. «Если в начале XVI века на периферии старых владений еще есть резерв годных к освоению земель, – отмечает Л.И. Ивина, – то к середине XVI века он полностью исчерпывается, как например, во владениях Троице-Сергиева монастыря близ Углича... Плотность поселений внутри владений возрастает... Увеличиваются сами поселения, многие деревни превращаются в сельца и села»⁸. В отдельных районах имеются явные свидетельства нехватки земли и перенаселения. Отмечается это в Белозерском крае; здесь на двор приходилось лишь по 6 десятин и, по расчетам специалистов, зерна не хватало до следующего урожая⁹. Тяжелое положение сложилось в некоторых пятинах новгородчины: по расчетам петербургских историков, в первой половине XVI в. зерновое производство на поместных землях Водской и Деревской пятин не обеспечивало минимального уровня потребления в 15 пудов хлеба* на человека¹⁰. Следствием постоянного недоедания была стагнация численности населения. Так, известно, что во второй половине XV в. население Водской и Деревской пятин значительно возросло, но затем оно стало сокращаться. С 1500 по 1540 г. население уменьшилось в Водской пятине на 17%, а в Деревской – на 13%. Недостаток хлеба заставлял крестьян заниматься торговлей и промыслами – или уходить в более хлебные районы. Низкий уровень потребления способствовал увеличению смертности от эпидемий. При Василии III летописи по крайней мере 4 раза отмечают в этом районе мор, в то время как в центре страны эпидемии не упоминаются¹¹. Мы видим, что рост населения достиг той точки, которая характеризуется исчерпанием природных ресурсов, в результате чего население стало сокращаться. Конечно, это перенаселение было относительным – численность населения достигла максимума, обусловленного уровнем развития сельского хозяйства и уровнем повинностей, т.е. социально-экономическими характеристиками конкретного общества. То обстоятельство, что стагнация началась именно на северо-западе, по-видимому, в немалой степени объясняется скучными почвами этого региона и высоким уровнем ренты, сохранившимся здесь со времен независимой Новгородской республики¹².

Ситуацию на северо-западе можно трактовать как экологическое равновесие, когда увеличение смертности от недоедания и эпидемий компенсирует естественную рождаемость. Экологическое равновесие обычно не бывает устойчивым, случайные колебания внешних факторов, большой неурожай, резкий рост налогов или эпидемия могут привести к катастрофе, подобной произошедшей в Европе в середине XIV в. В те времена связь между недоеданием и «черной смертью» была чем-то очевидным; такого же мнения придерживаются и многие современные исследователи¹³.

Другой важной переменной, акцентируемой структурно-демографической концепцией, является рост цен. По новгородским источникам, в 1470–1500 гг. стоимость ржи увеличилась с 7 до 10 денег за четверть, но затем рост приостановился до середины 1520-х гг. Впоследствии цены на нее снова стали расти, в 1532 г. в Иосифо-Волоколамском монастыре рожь продавали по 23 деньги, во время неурожая 1543–1544 гг. цены

* Здесь и далее исчисление ведется в пудах «хлеба»: четверть ржи (4 пуда) плюс четверть овса (2,7 пуда) составляют «юфть» – 6,7 пуда «хлеба». Четверть овса обычно стоила в 2 раза дешевле ржи, поэтому цена пуда «хлеба» составляла 9/10 от цены пуда ржи.

на новгородчине поднялись до 30–40 денег. В середине XVI в. в Россию после долгого перерыва вновь пришел голод; в 1548–1549 гг. он охватил северные районы страны. Голоду сопутствовали эпидемии; в 1552 г. разразилась страшная эпидемия в Новгороде и Пскове; в Пскове погибло 30 тыс. человек. В 1556/57 г. снова начался голод, свирепствовавший в Заволжье и на Севере; в результате голода и бегства крестьян на юг в северных областях началось запустение. В конце 1550-х гг. на Двине пустовало до 40% пашни¹⁴.

Однако, уточняя построения Ч. Даннинга, нужно отметить, что реальным мерилом избытка или недостатка ресурсов в экономической истории являются не собственно цены, а реальная заработная плата, исчисленная в килограммах зерна. В. Абель в своем фундаментальном исследовании привел десятки графиков, дающих сравнительный анализ динамики реальной заработной платы в различных странах на протяжении XVI–XVIII вв. На этих графиках сопутствующее росту населения падение реальной заработной платы свидетельствует о нехватке ресурсов и перенаселении¹⁵. Приложимо ли общекономическое понятие реальной заработной платы в условиях России XVI в.? Я полагаю, что приложимо, коль скоро в те времена существовали свободные работники на вольном найме. Около 1520 г. обычная дневная оплата неквалифицированного работника в Москве составляла полторы деньги в день, а четверть ржи стоила 10 денег, на дневную плату рабочий мог купить около 11 кг хлеба. По европейским меркам, это весьма высокий уровень оплаты, свидетельствующий об относительном изобилии продовольственных ресурсов. В 1568 г. работник на Белоозере получал 1 деньгу в день, а четверть ржи стоила 20 денег, на дневную зарплату можно было купить 3.6 кг зерна. Так реальная заработная плата за полвека уменьшилась втрое, что свидетельствует об увеличении населения и нехватке продовольственных ресурсов. Дневная плата в 3.6 кг кажется довольно большой, но нужно учесть, что поденников брали на короткие сроки, что большую часть года они не имели работы (в конце XIX в. оплата при поденном найме летом в 3 раза превосходила дневную оплату при годовом найме). В действительности уровень дневной оплаты в 3–4 кг характерен для времен кризиса и голода, во времена «кризиса XVII в.» в Европе оплата составляла 4–5 кг¹⁶.

Правда, я располагаю, лишь единичными данными о поденном найме; гораздо больше информации имеется об условиях годового найма монастырских работников. Монастыри привлекали для различных работ наемных работников, «казаков» или «детенышней», иногда на короткие сроки, но чаще на год; эти работники получали от монастыря продукты и денежное содержание, «оброк». Большинство «детенышней» были взрослыми людьми, они заключали устный договор с монахами и, получая оброк авансом, представляли поручителей, которые отвечали за их добросовестный труд своим имуществом. «Детеныши» были вольны уйти из монастыря, но при этом должны были вернуть оброк¹⁷. В 1550-х г. оброк «детенышней» в Иосифо-Волоколамском монастыре составлял 80 денег в год, что в переводе на хлеб эквивалентно 1.2 кг хлеба в день¹⁸. Впоследствии столь низкий уровень оплаты был лишь 1 раз, во время голода 1588–1589 гг.¹⁹, однако тогда этот голодный уровень держался лишь 1 год, а в 1550-х гг. это была обычная плата. Следовательно уровень жизни этой категории населения в 1550-х гг. был примерно таким же, как в голодные годы, что свидетельствует об ухудшении продовольственной ситуации по сравнению с началом столетия.

Полагаю, что первые симптомы надвигающегося социально-экономического кризиса появились задолго до Ливонской войны и опричнины. Россия не представляла собой экономического единства, в ней были относительно богатые и относительно бедные, перенаселенные области. Обширные пространства Московии производили обманчивое впечатление – в действительности суровый климат и бедные почвы приводили к тому, что многие районы не могли прокормить свое население. Север и новгородчина издавна относились к бедным областям; здесь часто бывали неурожаи, сюда привозили хлеб из центральных районов. В то же время существовали относительно благополучные области; в Замосковном крае положение оставалось довольно благоприятным, и здесь до 1560 г. продолжался рост населения. Однако в 1560–1561 гг.

голод пришел и в Замосковье, цена ржи в центральных районах поднялась до 50–60 денег за четверть. Характерно, что причиной голода старцы Иосифо-Волоколамского монастыря считали недостаток угодий и рост государственных повинностей²⁰.

В 1558 г. началась Ливонская война. Она была тяжелой: события обернулись так, что России пришлось сражаться одновременно с ливонцами, Швецией, Литвой и с Крымом. С началом войны налоги увеличились примерно с 1.7 до 2.8 пудов хлеба на душу населения, однако оказалось, что этого недостаточно. Необходимо было вводить новые военные налоги, и в 1566 г. царь созвал собор, чтобы решить самый важный вопрос, нужно ли продолжать войну? Собор практически единодушно высказался за продолжение войны и за увеличение налогов²¹. Это было роковое решение, приведшее к катастрофе.

Таблица 1

**Динамика государственных повинностей в Бежецкой пятине
(в пуд. хлеба на душу населения)²²**

1525–1535	1536–1545	1552–1556	1561–1562	1568–1569	1582–1584
0.3	0.3	1.7	2.8	3.6	1.0

Таблица 2*

**Процесс запустения Деревской пятины
(в % к общему числу обеж по переписи 1500 г.)²³**

Причины запустения	1551–60	1561	1562	1563	1564	1565	1566	1567	1568	1569	1570	1571	1572
Голод	1.8	2.3	3.3	3.3	3.8	4.4	5.4	7.4	9.5	12.9	18.1	19.1	19.6
Мор	2.0	2.2	2.4	2.6	2.9	3.0	3.6	4.6	5.1	6.2	10.1	10.9	11.1
Подати	5.1	6.7	8.3	9.9	11.5	12.6	16.3	20.7	26.1	33.3	39.8	41.0	41.6
“Дорога”	1.0	1.1	1.3	1.4	1.6	2.0	2.8	3.6	4.9	7.0	9.1	9.4	9.7
Опричнина	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.2	1.9	4.4	6.3	7.9	11.2	11.2	11.2

* При “обыске” в 1573 г. писцы указывали причины запустения обеж, ухода или гибели хозяев: голод, мор, бегство от податей, от насилия войск, двигавшихся в Ливонию по проходившим по пятине дорогам. Часть обеж запустела от вывоза крестьян в поместья опричников.

После собора 1566 г. налоги были еще раз увеличены, теперь они составляли около 3.5 пудов на душу населения, в 2 раза больше, чем в начале 1550-х гг. Здесь необходимо вернуться к ситуации, сложившейся к середине XVI в. на новгородчине. Мы видели, что в некоторых пятинах потребление крестьян было ниже минимума в 15 пудов на душу населения, что крестьяне часто голодали и население пятин уменьшалось. При отсутствии запасов любой большой неурожай мог вызвать голод, а требование повышенных налогов было равносильно неурожаю. Откуда крестьяне могли взять лишние 3–4 пуда на душу, чтобы заплатить увеличившиеся налоги? Изъятие необходимого для пропитания зерна должно было привести к катастрофическому голоду и к вспышке эпидемий. Материалы «Аграрной истории Северо-Запада России» показывают нарастание голода и эпидемий в Деревской пятине с 1560 г. (табл. 2).

Общее впечатление от этой картины – постоянные бедствия, голод и мор. Увеличение податей вызвало повальное бегство, и судьба бежавших остается неизвестной – многие, вероятно, погибли от голода на дорогах. Голод и мор, разразившиеся по всей России в 1568–1571 гг., были подготовлены протекавшими ранее процессами. В Деревской пятине произошло лишь усиление свирепствовавших здесь все 1560-е гг. голода и мора.

В конце 1560-х гг. тревожные сообщения приходят и из других районов. Увеличение налогов должно было привести к сокращению крестьянских запасов, что в случае неурожая было чревато голодом. Большой неурожай случался на Руси в среднем каждые 6–7 лет²⁴, так что катастрофа была неизбежна, дело было только во времени. В 1567/68 г. летописи отмечают неурожай и голод в центральных областях: «Глад был на Руси велик, купили в Москве четверть ржи в полтора рубля»²⁵. Обычная цена ржи была 30–40 денег; стало быть, цены возросли в 8–10 раз! Следующий год снова был неурожайным: «Была меженина велика добра, на Москве, и в Твери и на Волоце ржи четверть купили по полутора рубля по шьтидесят алтын и людей много умерло с голоду»²⁶. В 1569 г. в вотчинах старицкого Успенского монастыря пустовала третья деревень, в имениях Иосифо-Волоколамского монастыря в Рузском уезде не обрабатывалась пятая часть пашни, в имениях Троице-Сергиева монастыря – седьмая часть. В 1570 г. вслед за голодом пришла чума. В современной историографии считается, что большие эпидемии не приходят сами по себе, что они являются следствием хронического недоедания и падения сопротивляемости организма²⁷. «Это была одна из тех страшных эпидемий средневековья, которые возникали примерно один раз в сто лет и оставляли после себя почти полностью обезлюдевшие города и деревни», – писала Е.И. Колычева²⁸. «Великий голод» продолжался и во время эпидемии. «Был тогда великий голод, – свидетельствует Г. Штаден, – из-за кусочка хлеба человек убивал человека...»²⁹ «Даже матери ели своих детей, трупы выкапывали из могил и съедали», – писали Таубе и Крузе³⁰. Весной 1571 г. монахи Троице-Сергиевой обители жаловались, что в монастырских вотчинах «крестьяне от глада и от поветрия вымерли», «крестьяне... у них во всей троицкой вотчине не осталось ни тридцатого жеребья»³¹.

В условиях жестоких войн ослабление одного из противников сразу же влечет военную катастрофу. Перебежчики поспешили донести крымскому хану о трагедии Руси. «На Москве и во всех городах по два года была меженина великая и мор великой», – говорил татарам галицкий сын боярский Сумароков³². Хан Девлет-Гирей решил воспользоваться ситуацией, собрал огромное войско и пошел на Москву. В мае 1571 г. крымцы окружили в Москве русскую армию и сожгли осажденный город, в огне погибли сотни тысяч людей. Татары подвергли страшному опустошению весь Московский уезд и уезды, лежавшие южнее столицы³³.

Каковы были масштабы катастрофы? Наиболее подробные данные по этому вопросу предоставляют новгородские материалы. В Деревской пятине треть обеж была заброшена из-за голода и мора, т.е. хозяева погибли; остальные бежали от царевых по-датей и правежей. В Водской пятине запустили $\frac{3}{5}$ всех обеж, но неизвестно, сколько крестьян погибло, а сколько ушло в другие места. В одной из волостей Бежецкой пятине от мора и голода погибло 40% населения. Для центральных областей статистических данных гораздо меньше; имеется, в частности, информация о запустении в расположенных в различных уездах вотчинах Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей. В опустошенном татарами Московском уезде в этих вотчинах было заброшено 90% пашни, в Сузdalском – 60, в Муромском – 36, в Юрьев-Польском уезде – 18%. Масштабы запустения были велики, часть крестьян погибла, часть переселилась в другие места. Однако массовое переселение во время эпидемии было невозможно: во избежание распространения болезни дороги были перекрыты заставами. Бежать на окраины не имело смысла: 1570-е гг. были временем больших восстаний в Поволжье, а южные области в этот период трижды подвергались опустошению кочевниками. Таким образом, крестьянам было некуда уходить, и приведенные выше цифры говорят об огромных масштабах гибели населения³⁴.

В рамках демографической теории анализ экономических процессов, следующих за катастрофой, был дан в статье М. Постана, включенной впоследствии в его классическую монографию «Очерки средневекового сельского хозяйства и общие проблемы средневековой экономики»³⁵. Анализируя последствия «черной смерти» XIV в., Постан подчеркивал следующие основные моменты. Убыль населения приводит к тому, что на смену прежней нехватке земли приходит ее избыток, появляется нехватка рабочей си-

лы. Первым следствием недостатка рабочей силы является резкое возрастание реальной заработной платы (платы, исчисленной в зерне). Вторым – понижение ценности земли, т.е. уменьшение земельной ренты, оброков и барщины. Эти выводы Постана сделаны на основе анализа положения в различных странах Западной Европы; они приводятся в современных учебниках экономики как пример действия общего закона труда и заработной платы³⁶.

По расчетам Постана, после Великой чумы реальная заработная плата возросла в 1.7 раза³⁷. Такой же, даже более резкий рост мы видим в 1570-х гг. в России: в 1576 г. работники на вологодчине получали по 3 деньги в день, а четверть ржи стоила 23 деньги³⁸, дневная плата составляла 9.3 кг хлеба, она возросла в 2.5 раза.

Резкий рост оплаты монастырских работников в 1570-х гг. отмечался многими исследователями; причем Б.Д. Греков еще в 1920-х гг. предполагал, что оплата выросла вследствие нехватки рабочей силы³⁹. Данные об оброках «детенышей» Иосифо-Волоколамского монастыря свидетельствуют, что реальная (и номинальная) заработная плата после катастрофы 1570–1571 гг. возросла примерно в 2.5 раза⁴⁰. Оплата квалифицированных работников, например плотников, портных, возросла в 2 раза. Подобное увеличение оплаты имело место и в других церковных учреждениях. В Новгородском Софийском доме оплата дворовых работников увеличилась в 1547–1577 гг. с 60 до 120 денег; в Кирилло-Белозерском монастыре оброк дворовых слуг возрос в 1568–1581 гг. с 42 до 126 денег, а портных – с 90 до 200 денег⁴¹. М. Постан особо отмечает, что после Великой чумы оплата чернорабочих увеличилась в большей степени, чем оплата квалифицированных рабочих⁴², это явление мы отмечаем и в России.

По Постану, вторым признаком резкого сокращения численности населения является значительное уменьшение земельной ренты. В Англии нехватка рабочей силы привела к тому, что крестьяне и батраки стали передвигаться по стране в поисках лучших условий. Они отказывались занимать освободившиеся после чумы обремененные барщиной тяглые «вилланские» наделы, землевладельцы были вынуждены сдавать эти земли в аренду по пониженным расценкам, и арендная плата упала на 20–30%⁴³. Мы наблюдаем аналогичный процесс и в России, здесь происходит резкое сокращение величины тяглого надела и распространение аренды по пониженным оброчным ставкам. В первой половине XVI в. размеры тяглого надела крестьянина приближались к 1 выти, а аренды за оброк практически не существовало. Теперь же крестьяне отказываются брать полные тяглые наделы, они сокращаются до $1/3$ – $1/6$ выти; появилось множество безнадельных крестьян, «бобылей». Остальную необходимую им землю крестьяне арендовали у своего или у соседнего землевладельца; с этой не платили казенные налоги, а плата, полагавшаяся землевладельцу, была намного ниже, чем на тяглых землях⁴⁴. Имеющиеся в литературе сведения о размерах оброков и налогов приведены в таблице 3.

В этой таблице не учтена арендная плата за вненадельные земли. Обычно на дворцовых землях она составляла 12 денег за 3 десятины в 3 полях⁴⁵. Крестьянский двор вряд ли арендовал больше 6 десятин, тогда плата за аренду составляла максимально 24 деньги на двор. При цене четверти ржи в 40 денег и четверти овса в 20 денег это эквивалентно 2.7 пудам хлеба на двор или 0.5 пуда на душу. На монастырских землях аренда обходилась немного дороже⁴⁶, но в целом, аренда за оброк была чрезвычайно выгодна для крестьянина, и, по некоторым оценкам, арендуемая пашня значительно превышала тяглую. Мало того, во многих случаях крестьяне распахивали заброшенные земли и вообще ничего не платили. При обыске, проведенном в Бежецкой пятине в 1586 г., выяснилось, что безоброчных пашен было в 1,3 раза больше, чем тяглых⁴⁸.

Арендная плата была лишь небольшой добавкой к платежам за тяглую землю, и можно считать, что данные таблицы 2 в целом достаточно адекватно показывают общую динамику ренты. Из этих данных следует, что сразу после катастрофы 1570–1571 гг. оброки на поместных землях упали примерно в 3 раза (с 10–12 пудов до 3–4 пудов на душу), на дворцовых землях – примерно в 2 раза. Это падение произошло за счет уменьшения тяглого надела (роста числа дворов на выть). В то же время размеры государст-

Таблица 3

Данные об оброках и налогах в 1540–1601 гг. (в пуд. хлеба)⁴⁵

	Годы	Район	Число дворов	Земли	Дворов на выять	Цена ржи	Оброк		Налог		Всего	
							со двора	с души	со двора	с души	со двора	с души
1	1540	Деревская пятна		поместные	1.9	15	39	7.9	6.6	1.3	45.6	9.2
2	1540	Водская пятна		поместные	1.3	15	66	12.5	6.2	1.2	72.2	13.7
3	1540	Шелонская пятна, Старорусский у.		поместные	1.2	15	68	11	9.2	1.6	77.2	12.8
4	1554/55	Владимирский у., с. Борисовское и др.	191	дворцовые	2.4	40	34.0	6.8*				
5	1564	Белозерский у., с. Ярогомж и др.	42	дворцовые	1.4	24	28.0	5.6				
6	1567	Костромской у., с. Цибино и др.	26	дворцовые	2	24	28.7	5.8				
7	1568	Водская пятна, Новгородский у.		поместные	1.1	28	36.0	6.9	20.0	4.0	56.0	10.9
8	1576	Шелонская пятна, Михайловский погост	55	поместные	2.5	24	12.0	2.3	20.1	4.0	31.8	6.3
9	1576	Шелонская пятна, Порховский у.	297	поместные	2.5	24	9.3	1.9	20.1	4.0	29.5	5.9
10	1570-е	Тверской у., с. Марьино и др.	122	дворцовые	9	24	9.3	1.9				
11	1577/78	Нижегородский у.	613	дворцовые	3.7		16.0	3.3				
12	с 1580-х	Подворное обложение в сев.-вост. районах		черные		30–60	7.3–14.6	1.5–2.9				
13	1582–1584	Водская пятна	172	дворцовые	3.5	62	10.7	2.1	15.5	2.9	26.3	5.0
14	1584	Шелонская пятна, Порховский у.		дворцовые	4	60	16	3.1	5.5	1.1	24.7	4.8
15	1584	Владимирский у., с. Красное и др.	135	дворцовые	3.4	52	15.3	3.1	2.5	0.5	17.9	3.6
16	1585	Себежский у., Никольская губа	23	дворцовые	2.5	60	31.3	6.2				
17	1586	Муромский у., с. Пурок и др.	693	дворцовые	1.8		44.7	8.9				
18	1588/89	Каширский у.	2030	дворцовые			14.0	2.8				
19	1589	Вологодский у., с. Юг и др.	657	дворцовые	3.9	71	10.0	2.1	1.7	0.3	11.9	2.4
20	1590 – 1594	Ботчины Троице-Сергиева монастыря		монастырские		30	6–12	1.2–2.4				
21	1594	Деревская пятна, Сытинский и Листовский погосты	66	монастырские	4	60	11.3	1.7				
22	1596/97	Рязанский у., с. Федотьево и др.	152	дворцовые	4	30	9.3	1.8	1.5	0.3	10.5	2.1
23	1598	Вологодский у.		монастырские			14.0	2.8				
24	1598 – 1599	Поместье Степана Рахманова	13	поместные	6.5	58	20.7	4.2				
25	1601	Бежецкий у., с. Алабузино	21	монастырские	4.5	32	12.7	2.5				
26	1601	Бежецкий у., с. Михайловы горы	37	монастырские	7	32	10.0	2.1				

* В некоторых случаях населенность двора неизвестна, тогда она принимается за 5 человек, и соответствующая цифра выделяется курсивом.

венных налогов оставались большими, и это было одной из причин, заставлявших помещиков соглашаться на уменьшение тяглых наделов. В 1580–1590-х гг. уменьшение тяглых наделов привело к дальнейшему сокращению оброков, причем в этот период снижаются и налоги. Правда, имеются два исключения. В Муромском уезде (с. Пурок и др.) оброки сохранились на высоком уровне, но Е.И. Колычева объясняет это обстоятельство необычайным плодородием этого района. В другом случае (Себежский у.) в ренту были, по-видимому, включены государственные налоги. Кроме того, малый объем выборки (23 двора) не исключает наличия каких-либо местных особенностей⁴⁹.

Мы можем проверить гипотезу об уменьшении оброка после 1572 г. по статистическому критерию Уилкоксона. Показатели оброка со двора объединим в две группы: первая группа с табличными номерами 1–7 (оброки до 1572 г.) и вторая – с номерами 8–26 (оброки после 1572 г.). Эти группы можно рассматривать как случайные выборки (случайность объясняется тем, что я привел все встречающиеся в литературе цифры, не производя специального отбора). После этого, подсчитав число инверсий (7), получим значение критерия Уилкоксона (59.5), намного превосходящее критическое (44.5). Это означает, что две рассматриваемые группы с вероятностью 99% имеют разные законы распределения, т.е. после 1572 г. оброки понизились⁵⁰.

Уменьшение оброков для оброчных крестьян шло параллельно с уменьшением барщины в барщинных хозяйствах. Известно, что в первой половине XVI в. норма барщины составляла 1 десятину с выти в одном поле; в подавляющем большинстве известных случаев эта норма сохранялась вплоть до 1590-х гг. Но количество дворов на выти за это время возросло в 2–3 раза, т.е. объем барщины в расчете на двор значительно уменьшился⁵¹.

Итак, нормы оброка и барщины снизились, свободной земли было более чем достаточно, можно было выбирать лучшие участки. Напрашивается вывод о том, что крестьяне стали жить намного лучше, однако у нас нет массовых данных, которые бы позволили реконструировать бюджет крестьянского хозяйства. Крестьяне скрывали свою безоброчную пашню и указывали в качестве тяглых наделов мизерные участки, поэтому размеры средней запашки известны лишь в редких случаях. В Прибужском погосте Старорусского уезда в 1580-х гг. на крестьянский двор приходилось 3 десятины тяглой, 5 десятин арендной земли и, вероятно, кое-что обрабатывалось безоброчно. В Бежецкой пятине известно много случаев, когда крестьяне безоброчно распахивали очень большие дворовые наделы⁵². Естественно предположить, что в сложившихся благоприятных условиях крестьяне пахали столько, сколько считали нужным – и во всяком случае, не меньше, чем раньше. Г. Штаден свидетельствует, что в то время среди крестьян были богатые люди; известно, что некоторые сельчане делали большие вклады в монастыри⁵³. О высоком уровне жизни крестьян говорят и высокие оброки монастырских «детенышей».

В период, последовавший за катастрофой 1570-х гг., уровень эксплуатации крестьян не увеличился (как утверждают некоторые историки), а напротив, значительно снизился – в полном соответствии с экономической теорией.

Уменьшились не только подати, уплачиваемые землевладельцам, сокращение тяглых наделов привело к снижению крестьянских платежей в казну. Реальный размер податей с одного двора сократился в 3–4 раза. В Новгородском уезде Шелонской пятине в 1573–1588 гг. реальные платежи крестьянского двора уменьшились в 5 раз! Казна опустела; сборы с новгородских земель к 1576 г. уменьшились вдвое, а к 1583 г. в 12 раз⁵⁴!

Суммируя сказанное, можно признать, что имеются некоторые аргументы в пользу того, что экономическое развитие России в 1500–1580-х гг. соотносится с общими представлениями структурно-демографической теории. В соответствии с ними, в первой половине XVI в. произошел рост населения, который привел к нехватке свободных земель и к относительному перенаселению в отдельных районах. Перенаселение особенно сказывалось в некоторых пятинах новгородчины, где недостаток земли усугублялся высоким уровнем оброков, которые крестьяне платили своим помещикам. Эти пятини

были очагами хронического недоедания и эпидемий, и население там сокращалось уже в первой половине XVI в. Продовольственное положение здесь было неустойчивым, и любой неурожай или новый налог могли привести к катастрофическому голоду. Налоги, введенные во время Ливонской войны, особенно тяжело ударили по депрессивным районам и почти сразу же привели к голоду и эпидемиям. Принятое в 1566 г. решение о дальнейшем увеличении налогов стало роковым; рост податей вызвал истощение хлебных запасов не только в депрессивных, но и в более благополучных областях. В этих условиях два неурожая породили страшный голод, а вслед за голodom пришла чума. Крымский хан воспользовался кризисом, чтобы нанести Москве сокрушительный удар – к эпидемиологической катастрофе присоединилась военная. Численность крестьянского населения намного уменьшилась; в соответствии с общими экономическими законами это должно было привести – и привело – к значительному снижению оброков и барщины. Следовательно, согласно структурно-демографической теории, период после 1572 г. можно рассматривать как начало нового экологического цикла.

Я не считаю, что эта схема применения структурно-демографической теории к реальности России является вполне обоснованной, это лишь один из гипотетических вариантов, вокруг которого может вестись дискуссия. Возможно, в ходе этой дискуссии будут приведены аргументы критического характера. Тем не менее, очевидно, что обсуждение применимости этой концепции к российской действительности может быть полезным в плане лучшего понимания природы и динамики внутренних социально-экономических процессов.

Примечания

¹ Dunning Ch. The Precoditions of Modern Russia's First Civil War // Russian History. 1998. Vol. 25. № 1–2. P. 119–131.

² Goldstone J.A. Revolution and Rebellion in the East Modern World. Berkeley, 1991.

³ Braudel F., Spooner F. Price in Europe from 1450 to 1750 // The Cambridge Economic History of Europe. Vol. IV. Cambridge, 1967. P. 368–486; L adurie, Le Roy E. Les paysans de Languedoc. T. 1–2. Paris, 1966; Chaunu P. La civilisation de l'Europe classique. Paris, 1966.

⁴ Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935; idem. Crises agraires en Europe (XII^e–XX^e siècle). Paris, 1973; Postan M. Same economic evidence of declining population in the later middle ages // The Economic History Review. Ser. 2. 1950. Vol. 2. № 3; idem. Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy. Cambridge, 1973; H e l l i n e r K. The Population of Europe from the Black Death to the Eve of the Vital Revolution // The Cambridge Economic History of Europe. Vol. IV. Cambridge, 1967. P. 1–95.

⁵ Goldstone J.A. Op. cit. P. 24–27, 393.

⁶ Dunning Ch. Op. cit. P. 127.

⁷ Аграрная история Северо-Запада России XVI века (далее – АИСЗР Т. II). Л., 1974. С. 267, 290; Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 104; Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 86; Копанев А.И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. 1959. Т. 64. С. 237–244; Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 64.

⁸ Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель в России в XVI в. Л., 1985. С. 233.

⁹ Прокофьев А.С. «Хлебный бюджет» крестьянского хозяйства Белозерского края в середине XVI в. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С. 102.

¹⁰ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978 (далее – АИСЗР. Т. III). С. 178. Табл. 60. Авторы этой работы подвергались критике за то, что брали в своих расчетах слишком большую урожайность: сам-4 для ржи и сам-3 для овса (см.: Горская Н.А., Милов Л.В. Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. 1982, № 2. С. 73–74). Тем не менее даже при столь высокой урожайности крестьянские хозяйства имели дефицит хлеба.

¹¹ АИСЗР. Т. II. С. 32, 33, 42, 53, 67, 287, 290; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 3. М., 1989. С. 312.

¹² АИСЗР. Т. II. С. 173, 373.

¹³ Klapisch-Zuber C. Plague and family life // The New Cambridge Medieval History. Vol. VII. Cambridge, 2000. P. 130; История крестьянства в Европе. Т. II. М., 1986. С. 292.

¹⁴ Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951. С. 104; Колычева Е.И. Указ. соч. С. 172–174.

¹⁵ Abel W. Crises agraires en Europe (XII^e–XX^e siècle).

¹⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 121; АИСЗР. Т. II. С. 23; Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII века. Т. I. Вып. 2. СПб., 1910. С. ОХСII–ОХСVI; Маньков А.Г. Указ. соч. С. 106; Abel W. Crises agraires en Europe (XII^e–XX^e siècle). Р. 189.

¹⁷ Тихомиров М.Н. Российское государство XVI–XVII веков. М., 1973. С. 142–143.

¹⁸ Книга ключей и долговая книга Волоколамского монастыря XVI века. М.; Л., 1948. С. 31–37; Расходная книга Костромского Ипатьевского монастыря около 1553 г. упоминает оброки «детенышей» в 66–72 деньги. См.: Сборник Археологического института. 1898. С. 129. Цена четверти ржи в 1557 г. составляла 40 денег (Маньков А.Г. Указ. соч. С. 106). Юфть хлеба стоила 60 денег, и на годовой оброк можно купить 1.3 юфти. В книгах денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря встречаются упоминания о том, что работники получали натурой на год 2 четверти ржи и 2 четверти овса (т.е. 2 юфти). Всего с оброком получается 3.3 юфти. Юфть весила 6.7 пуда, 3.3 юфти – 22.1 пуда. Из расчета 300 рабочих дней в году получается 1.2 кг хлеба в день.

¹⁹ Книга денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря. 1573–1595 гг. Вып. 2. М.; Л., 1978. С. 190–204; Маньков А.Г. Указ. соч. С. 106.

²⁰ Каштанов С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963. № 2. С. 114; Колычева Е.И. Указ. соч. С. 176.

²¹ Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Т. I. Смоленск, 1996. С. 410, 412, 437.

²² Для построения таблицы использованы данные Г.В. Абрамовича: АИСЗР. Т. II. С. 23–27, табл. 5, 8, 9; с. 185, табл. 151; с. 194, табл. 157.

²³ АИСЗР. Т. II. Табл. 36.

²⁴ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI века (далее – АИСЗР. Т. I). Л., 1971. С. 37.

²⁵ Цит. по: Скрынников Р.Г. Россия после опричнины. Л., 1975. С. 162.

²⁶ Цит. по: Там же. С. 162.

²⁷ Klapisch-Zuber C. Op. cit. P. 130; Slicher van Bath B.H. The Agrarian History of Western Europe F.D. 500–1850. L., 1963. P. 88.

²⁸ Колычева Е.И. Указ. соч. С. 178.

²⁹ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С. 92.

³⁰ Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 55.

³¹ Цит. по: Каштанов С.М. Указ. соч. С. 115.

³² Цит по: Скрынников Р.Г. Россия после опричнины. С. 163.

³³ Колычева Е.И. Указ. соч. С. 182.

³⁴ АИСЗР. Т. II. С. 65, 169, 191; Колычева Е.И. Указ. соч. С. 180–186; Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 396.

³⁵ Postan M. Same economic evidence of declining population in the later middle ages; idem. Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy.

³⁶ Idem. Same economic evidence... P. 225, 236; Мэнкью Н.Г. Принципы экономикс. СПб., 1999. С. 404.

³⁷ Postan M. Same economic evidence... P. 233. Table 3.

³⁸ Вотчинные хозяйствственные книги XVI века. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. М.; Л., 1979. С. 301–304; АИСЗР. Т. II. С. 21.

³⁹ Петров В.А. Слуги и деловые люди монастырских вотчин XVI века // Вопрос экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. М.; Л., 1960. С. 169; Щепетов К.Н. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря // Исторические записки. 1948. Т. 18. С. 99; Тихомиров М.Н. Монастырь-вотчинник XVI века // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 159–160; Гревков Б.Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского Дома // Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–25 годы. Вып. 33. Л., 1926. С. 268, 270.

⁴⁰ Книга ключей и долговая книга Волоколамского монастыря XVI века. С. 31–37; Книги денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря. 1573–1595 гг. Вып. 2. С. 190–204.

⁴¹ Там же; Никольский Р. Указ. соч. С. ОХС–ОС.

⁴² Postan M. Same economic evidence... P. 236.

⁴³ Idem. Op. cit. P. 236–237; История крестьянства в Европе. Т. 2. М., 1986. С. 329.

⁴⁴ Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Борьба русского крестьянства с податной политикой феодального государства в XVI–XVII вв. // Генезис и развитие феодализма. Л., 1985. С. 147–153; Шапиро А.Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л., 1987. С. 71–73.

⁴⁵ Я пересчитал в пуды хлеба на двор и на душу населения данные об оброках, приведенные в АИСЗР. Т. II. С. 74–75, 104–106, 127, 142, 154, 180, 182; Т. III. С. 177–178; Колычева Е.И. Указ. соч. С. 64–65; Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. М., 1977. С. 245; Тихонов Ю.А. Помещичье крестьянство в России. Феодальная рента в XVII – начале XVIII в. М., 1974. С. 157, 162; История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. М., 1990. С. 261; Данные о налогах; Колычева Е.И. Указ. соч. С. 164–165; АИСЗР. Т. II. С. 27. Данные о ценах: АИСЗР. Т. II. С. 21; Маньков А.Г. Указ. соч. С. 104. В Каширском уезде оброк брался пшеницей: Колычева Е.И. Указ. соч. С. 66.

⁴⁶ Колычева Е.И. Указ. соч. С. 70.

⁴⁷ В Иосифо-Волоколамском монастыре в 1588 г. брали 20 денег с десятины. См.: Горская Н.А. Указ. соч. С. 318.

⁴⁸ Абрамович Г.В. Указ. соч. С. 80; АИСЗР. Т. II. С. 133, 218, 238–239.

⁴⁹ Колычева Е.И. Указ. соч. С. 49.

⁵⁰ Бронштейн И.Н., Семеняев К.А. Справочник по математике для инженеров и учащихся втузов. М., 1981. С. 607–608.

⁵¹ История крестьянства СССР... С. 257; Тихонов Ю.А. Указ. соч. С. 159; Колычева Е.И. Указ. соч. С. 89–91.

⁵² Шапиро А.Л. Указ. соч. С. 228; АИСЗР. Т. II. С. 239; История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 109.

⁵³ Штаден Г. Указ. соч. С. 122; Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России. М., 1970. С. 44.

⁵⁴ Абрамович Г.В. Указ. соч. С. 80, 81; Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до конца петровских реформ. Л., 1986. С. 168.

© 2003 г. А.Т. ТЕРТЫШНЫЙ, А.В. ТРОФИМОВ*

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**

В последнее десятилетие в отечественной исторической науке наблюдался быстрый процесс смены методологических пристрастий и ориентиров. От острой дискуссии сторонников формационного и цивилизационного подходов ученые приходят к признанию методологического плюрализма, пониманию относительной ценности любой теории. Эта ситуация, несомненно, стала стимулом для консолидации усилий исследователей, в том числе и региональных, в поиске объединяющей научное сообщество парадигмы. Свидетельством этого является издание «Уральского исторического вестника», задуманного с целью содействия объединению историков Урала, ускорению обмена информацией, перестройке и совершенствованию исторического образования. Подход, направленный на интеграцию историков региона, нашел отражение в составе редколлегии «Вестника», в которую вошли как научные сотрудники РАН, так и вузовские преподаватели.

Каждый выпуск «Вестника» открывается разделом «Статьи и сообщения», где публикуются теоретико-методологические и конкретно-исторические исследования. При отборе материала большое внимание, естественно, уделяется уральской истории. Однако редколлегия, не замыкаясь на региональной проблематике, представляет и работы, в которых проблемы истории региона рассматриваются в контексте российской и всеобщей истории. Раздел «Публикации» призван обеспечить введение в научный оборот неопубликованных источников. Проблемные лекции, учебно-методические

* Тертышный Анатолий Тихонович, доктор исторических наук, первый проректор Уральского государственного экономического университета.

Трофимов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой Уральского государственного экономического университета.

** Уральский исторический вестник. Вып. 1–7. Екатеринбург: УрО РАН; Академкнига, 1994–2001.

материалы печатаются в разделе «В помощь преподавателю вуза и школы». Раздел «Научная жизнь» содержит информацию о конференциях, важнейших изданиях по истории региона, рецензии на монографии.

Каждый выпуск «Вестника» раскрывает определенную тему. Первый (1994) был посвящен 380-летию восстановления российской государственности после Смутного времени (1613–1993). В нем были опубликованы преимущественно материалы Международной научной конференции «Династия Романовых в истории России», которая была проведена Институтом истории и археологии УрО РАН в Екатеринбурге 14–15 июля 1993 г. Особое внимание уделялось личной роли монархов в историческом развитии России. Так, в статье Д.Н. Алыпова (Санкт-Петербург) «Люди и нравы эпохи становления Российской государственности XVI–XVII вв.» проанализировано влияние правительственної политики на жизненные условия и менталитет российской протобуржуазии XVI–XVII вв. На основе письменных источников XVII в., относящихся в основном к поморским Японскому и Усть-Сысольскому уездам, автор нарисовал яркие портреты «героев» первоначального накопления, описав их жизненный путь, обычаи, взаимоотношения с государством. В работе И.В. Побережникова (Екатеринбург) «Народная монархическая концепция на Урале (XVII – первая половина XIX в.)», основанной на фольклорных и документальных источниках, изучены представления крестьян, горнозаводских рабочих, казаков о царской власти и характере взаимоотношений между государством и обществом. Автор выделяет в качестве базовых элементов народной политической концепции сакрализацию монарха, патерналистскую модель взаимоотношений государя и народа, идентификацию его собственных интересов с интересами монарха. Н.А. Миненко (Екатеринбург) в статье «Отношение государственных крестьян Урала и Западной Сибири к местной бюрократии в первой половине XIX в.» выявила интересную тенденцию: чем ближе к крестьянам был тот или иной орган власти, тем негативнее они его оценивали, считая ненужным. В материале Л.Г. Захаровой (Москва) «О “личном факторе” в истории: роль императора Александра II в проведении Великих реформ 60–70-х годов XIX века в России» обоснована точка зрения, что именно благодаря значительной автономии самодержавия и огромной власти монарха удалось преодолеть сопротивление помещиков-землевладельцев и провести отмену крепостного права. Весьма существенным считает автор влияние самого Александра II на проводимые в стране реформы.

В статье академика РАН В.В. Алексеева (Екатеринбург) «Гибель императорского дома: взгляд три четверти века спустя» на основе новых источников, извлеченных из ранее засекреченных архивных фондов, проанализированы причины и обстоятельства казни царской семьи, дипломатическая канва трагических событий, судьба останков царской семьи. Работа Г.Н. Чагина (Пермь) «Праведный верою жив будет» посвящена судьбе духовного подвижника игумена Белогорского Свято-Николаевского монастыря Пермской епархии Серафима, вывезшего в 1920 г. из России в Иерусалим гроб с телом вел. кн. Елизаветы Федоровны. К.И. Зубков (Екатеринбург) в статье «Россия и Урал на переломе geopolитических эпох (1890–1920-е гг.)» показал, как изменялось геополитическое положение Уральского региона в конце XIX – первой трети XX в. По мнению исследователя, в рассмотренный период комбинация различных факторов диктовала усиление тенденций к хозяйственному самодовлению, к построению такой территориально-экономической организации, которая позволяла бы стране опираться на собственные ресурсы. В материале А.В. Бакунина (Екатеринбург) «Генезис советского тоталитаризма» выявляются особенности становления тоталитарного режима в СССР с 1917 по начало 1930-х гг.

Тема второго выпуска «Уральского исторического вестника» (1995) – «Культура провинциальной России». Издание открывается теоретическими статьями Л.Н. Когана и К.И. Зубкова (оба – Екатеринбург). Первый, исходя из понимания культуры как общественного воспроизведения человека, определяет особенности ее функционирования в советский период, выделяет субкультуры различных социальных сегментов общества.

К.И. Зубков («Модернизация, либерализм и русская консервативная мысль») на методологическом уровне рассматривает соотношение модернизации и либерализма.

В ряде публикаций анализируются различные аспекты культурной истории российской провинции, преимущественно Урала. В работе Н.А. Миненко «Традиционная русская культура в условиях горнозаводского Урала XVIII–XIX вв.» представлены особенности складывания традиционной культуры в процессе колонизации и промышленного освоения Уральского региона, влияние на нее географических особенностей края, этноконфессиональной структуры населения, его хозяйственной специализации. В материале Т.А. Тарабановой (Челябинск) «Правовая культура пореформенного крестьянства (волостное судопроизводство)» отражены особенности традиционного крестьянского судопроизводства пореформенной эпохи. Остальные авторы выпуска представляют Екатеринбург. А.М. Сафонова («В.Н. Татищев и горнозаводские школы Урала (1730-е гг.)») исследует роль выдающегося ученого и администратора в становлении системы горнозаводского образования на Урале. И.В. Побережников в материале «Общественные настроения в уральской деревне XVII–XIX вв.: опыт классификации слухов» проанализировал различные типы слухов, циркулировавших среди уральских крестьян, и показал их воздействие на социальное поведение земледельцев. Д.В. Гаврилов в работе «Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце XIX в. (1885–1900 гг.)» сосредоточился на развитии системы образования в Уральском регионе в конце XIX в., оценив уровень грамотности населения. Проблемы происхождения советского тоталитаризма, места интеллигенции в рамках тоталитарного общества находятся в центре внимания А.В. Бакунина – автора статьи «Интеллигенция в системе советского тоталитаризма». В публикациях А.С. Мыльникова и В.В. Алексеева на основе новых документов пересматриваются версии гибели двух российских императоров. А.С. Мыльников в статье «Петр III: ропшинская трагедия в свете новых данных», опираясь на источники, извлеченные из шведских архивов, уточняет дату гибели Петра III, доказывает, что смерть императора была не случайностью, а акцией, спланированной Екатериной II. В материале В.В. Алексеева «Новые документы для идентификации предполагаемых останков царской семьи Романовых» вводятся в научный оборот документы из архива Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, которые содержат медицинские свидетельства о состоянии здоровья последнего российского императора в период его пребывания в Тобольске в 1917 г.

Тема «Региональное развитие России» обсуждается в третьем выпуске «Уральского исторического вестника» (1996). Обращение к ней обусловлено, как отмечается в предисловии к номеру академиком В.В. Алексеевым, ее актуализацией в конце XX столетия, превращением сложных этнополитических процессов и вопроса о распределении полномочий между властями разных уровней едва ли не в основную проблему современной России. Особую остроту она приобрела в связи с разрывом связей между взаимодополнявшими друг друга хозяйственными организмами, гипертрофированным процессом «суверенизации» отдельных регионов.

Авторов выпуска (почти все они работают в Екатеринбурге) объединяет стремление выявить исторические корни региональных проблем, реконструировать исторический опыт их решения. В числе методологических материалов этого выпуска – статья В.В. Алексеева и Е.Т. Артемова «Регионализм в России: история и перспективы», раскрывающая интенсификацию региональных конфликтов в современной России в контексте фундаментальных изменений в мире, особенностей экономического и политического положения страны (нарушение единого хозяйственного пространства, несовершенство законодательства, амбиции местных элит, исторические условия складывания российской и советской империй). В публикации К.И. Зубкова «Концепт региона в геополитическом измерении» делается интересная попытка определить географические и исторические составляющие этого понятия. По мнению автора, регионом может считаться однородная территория, формирование которой обусловливается как объективными «средовыми», так и субъективно-историческими детерминантами.

Региональный срез современных преобразований экономики нашел отражение в работах исследователей-экономистов А.И. Татаркина («Диалектика федерального и регионального в макроэкономическом формировании экономики») и Ю.В. Перевалова («Уральский регион: проблема структурных преобразований в экономике»).

В материале А.Т. Шашкова («Воеводское управление на Урале в XVII в. (верхотурский "розыск" о служилых людях 1678–1679 гг. и судьба Я.Б. Лепехина)») на примере биографии и служебной карьеры выходца из крестьян, ставшего атаманом верхотурских беломестных казаков, основателем Красноярской слободы на реке Пышме (1670), слободским приказчиком, рассматривается формирование и функционирование местного управления в XVII в., его взаимодействие с центральными органами власти. Н.А. Миненко («Организация управления и самоуправления приписными крестьянами Урала и Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.)»), анализируя двойное подчинение приписной деревни горнозаводской и общегражданской администрации, делает вывод о принципиальном сходстве управления приписной деревней на Урале и Алтае. В.А. Шкерин в статье «Государственное управление Уральским горнозаводским регионом в XVIII – первой половине XIX в.» проанализировал эволюцию центральных и местных органов управления горнозаводской промышленностью края в связи с изменениями в экономической политике и международной экономической конъюнктуре. В работе Н.С. Корепанова «Уральское горное управление в XVIII – начале XX в.: исторический опыт» выявлена эволюция территориально-экономического управления на Урале, структуры и функций горной администрации края. Уникальная попытка внедрения кабинетского опыта хозяйственного управления (децентрализация, передача широких полномочий на местный уровень власти, непосредственно начальнику заводов) в деятельность Государственного ассигнационного банка, которому в конце XVIII в. был подчинен Богословский горный округ, рассмотрена в статье М.В. Кричевцева (Новосибирск) «Управление Богословским горным округом в 1791–1796 гг. (опыт внедрения кабинетской системы хозяйственного управления)». В материале М.Ю. Нечаевой «Взаимодействие центральных и местных властей в управлении монастырями Урала в XVII в.» проанализирован механизм управления монастырями, эффективность которого, по мнению автора, во многом зависела от размежевания полномочий между центральными и местными органами власти, степени проработки схемы их взаимодействия. В работе Е.В. Алексеевой «Управление российскими колониями в Америке (1741–1867 гг.)» изучена организация управления российскими владениями в Америке, определяется ее эффективность и адекватность историко-географическим условиям. Е.Ю. Рукосуев («Государственный контроль за добычей золота и платины на Урале») проанализировал законодательные акты XVIII – начала XX в., регулировавшие поиск и добычу золота и платины, а также систему административного контроля за деятельностью золото- и платинопромышленников, которую осуществляли институт окружных инженеров и горная полиция. В статье Д.В. Гаврилова «Уральское земство второй половины XIX – начала XX в.: опыт и уроки» говорится о формировании, социальной структуре и функционировании органов земского самоуправления на Урале. Портрет одного из деятелей уральского городского и земского самоуправления нарисован В.П. Микитюком («Деятель местного самоуправления на Урале начала XX в. П.В. Иванов»). Государственное регулирование хозяйственной деятельности и государственной службы еврейского населения в горных округах Урала рассмотрено в статье Т.В. Проценок «Еврейская диаспора горнозаводского Урала XIX – начала XX в. (проблема государственной регламентации правового и социально-экономического статуса)». В публикации А.В. Бакунина «Формирование большевиками управленческих структур в экономике (1917–1920-е гг.)» анализируется складывание советских органов хозяйственного управления в контексте создания тоталитарного государства. Существенный интерес представляют впервые вводимые в научный оборот В.В. Алексеевым в разделе «Публикации» документы о гибели царской семьи на Урале из архива Гуверовского института войны, революции и мира (США).

Тема четвертого выпуска «Уральского исторического вестника» (1997) – «Урал в системе культурных и хозяйственных связей в древности и средневековье». Авторы этого выпуска (все они представляют Екатеринбург) пишут о древней истории Урала и сопредельных территорий, быте и мировоззрении древних уральских этносов, месте края и населявших его народов в культурогенетических процессах на просторах северной Евразии. В статье С.Н. Паниной «История археологических исследований в верховьях реки Исеть» рассмотрено становление археологических знаний на Урале, выделяются основные этапы археологического изучения верховьев реки на протяжении 1860–1990-х гг. В работе Л.Л. Косинской «Новокаменный век: хозяйство и образ жизни населения по обе стороны Урала» анализируются археологические памятники таежного неолита Приуралья и Западной Сибири, миграция и производственные навыки населения. Н.М. Чайкина («Зауральско-североказахстанская культурно-историческая область эпохи энеолита») обращает внимание читателей на основные черты энеолитической культурно-исторической области, выделяя составлявшие ее провинции и районы. В статье В.Д. Викторовой, Н.М. Чайкиной и В.Н. Широкова «Гора и водоплавающая птица в мировидении древнего уральского населения» реконструируются мифологические представления народов Урала разных археологических эпох. В.Т. Ковалева, автор статьи «Скрытые символы древнего знания», обосновывает возможность применения герменевтического подхода при анализе археологических источников. Л.Н. Корякова в работе «Золотой век зауральской лесостепи» рассматривает проблемы саргатской археологической культуры. В статье Е.А. Курлаева «Летописная "югра": исчезнувшее имя или исчезнувший народ?» обсуждается гипотеза протoperмского происхождения югорского народа.

Тема пятого–шестого выпуска вестника (2000) – «Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений». В нем рассматриваются теоретико-методологические и конкретно-исторические проблемы перехода России и, в частности, Урала от традиционного к современному обществу в XVIII–XX вв., анализируются модели и стратегии развития, воздействие на модернизацию геополитических, институциональных, политico-экономических, социокультурных факторов, трансформация традиционных институтов и ценностей в условиях модернизации.

Сама теория модернизации, сформулированная в середине XX в. как комплексное междисциплинарное направление исследований, прошла длительный путь эволюции и породила огромную разноплановую литературу – философскую, историко-социологическую, экономическую, политологическую. Историографический аспект теории модернизации проанализирован в статье академика В.В. Алексеева и И.В. Побережникова «Школа модернизации: эволюция теоретических основ». Авторы выявили социально-политические и теоретические предпосылки формирования и развития модернизационной парадигмы, остановившись на постепенном переходе от достаточно односторонней эволюционистской концепции развития к более многоаспектной, учитывающей историческую специфику познавательной модели.

Важнейшими составляющими процесса модернизации являются трансформация государственного устройства, бюрократизация. Эта проблема затронута в статье профессора Уппсальского университета Р. Торстендаля (Швеция) «Модернизация и потеря управляемости». Автор выделяет четыре основных типа бюрократизации, присущих в XX в. авторитарным, социалистическим, постколониальным и демократическим режимам. Ослабление эффективности государственного управления вследствие роста бюрократического аппарата он считает универсальной тенденцией. Проблема поиска путей развития в посткоммунистических странах в рамках интегрированной Европы обсуждается в статье директора Института европейской политики Католического университета Лёйвена (Бельгия) К. Малфлит «Сотрудничество культур и регионов: гарантия стабильности и безопасности в расширяющейся Европе». Философские аспекты модернизации рассматриваются в работе В.И. Шарина (Екатеринбург) «Россия и Запад – стратегии модернизации». По мнению автора, проблема модернизации для современной России принципиально несводима к политическим, технологическим или эко-

номическим преобразованиям по западному образцу. Успех ее решения невозможен без учета глубинных представлений о базовых ценностях, управляющих развитием общества.

Интересная проблема поднята в статье В.В. Алексеева «Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы?». По мнению автора, на протяжении почти всего столетия эти два процесса шли параллельно и во многом переплетались. К.И. Зубков доказывает в своей работе «Пространственно-географический фактор российской модернизации», что в процессе территориальной экспансии расширялись возможности обеспечения самодостаточной военно-технологической базы развития для государственной модернизации. Противоречивость отечественной политики модернизации, по его мнению, состояла в том, что она, с одной стороны, ослабляла естественную социально-экономическую поляризацию более развитого центра и отсталой периферии, а с другой – со временем стала тормозить капиталистическую эволюцию периферийных регионов. Взаимосвязь между моделями имперского строительства и колонизации, характером модернизации на основе сопоставления опыта Великобритании (морская империя) и России (континентальная империя) проанализирована в статье Е.В. Алексеевой «Империя и модернизация: двуликий Янус исторического целого». Проблемы урбанизации, роста городов и городского населения, миграций из деревни в город обсуждаются в работе А.С. Сенявского (Москва) «Российский путь к городскому обществу в контексте модернизационных процессов». Автор выделяет стадии перехода от традиционного сельского к городскому обществу, основные черты российской урбанизации. В оригинальной публикации В.В. Алексеева, С.А. Нефедова, И.В. Побережникова «Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии» рассматривается развитие средневековой России в военно-технологической и социокультурной сферах под влиянием внешних импульсов. Становление государственной промышленной политики исследовано в материале И.Л. Маньковой «У истоков российской модернизации». Автор аргументирует мысль о преемственности преобразований первой четверти XVIII в. по отношению к начинаниям предыдущего столетия. Технико-экономическим параметрам модернизации посвящены статьи Д.В. Гаврилова «Техносфера уральской черной металлургии в XVIII – первой половине XIX в.», Л.В. Сапоговской «Промышленная политика в контексте российской модернизации XVIII – начала XX в.», В.П. Тимошенко «Внешнеэкономические факторы модернизации хозяйства Урала на рубеже XIX–XX вв.», А.В. Жука «Война и модернизация: Златоустовский горный округ в годы Первой мировой войны». Проблемы преобразований в связи с модернизацией социальных институтов, культурных ценностей, образа жизни нашли отражение в статьях В.А. Шкерина «Идея свободы в контексте российской модернизации XVIII – первой половины XIX в.», М.Ю. Нечаевой «Церковь в модернизирующемся обществе России XVIII – начала XX в.», С.В. Голиковой «Становление демографической статистики как элемент модернизации», Л.А. Дашкевич «Социальная политика горного ведомства на Урале в первой половине XIX в.», Е.Ю. Рукосуева «Съезды уральских промышленников в конце XIX – начале XX в. как особая форма взаимодействия правительства и предпринимателей», М.А. Фельдмана (все – Екатеринбург) «Рабочий класс Урала в контексте модернизации в 1900–1940 гг.», О.Л. Лейбовича (Пермь) «Реформы 1950–1960-х гг. в контексте отечественной модернизации».

Наконец, в седьмом выпуске «Уральского исторического вестника» (2001) поднимаются теоретико-методологические и историографические проблемы современной отечественной исторической науки, в том числе вопросы специфики исторического знания, места истории в обществе научных дисциплин, оцениваются познавательные возможности современных теоретико-методологических и концептуальных подходов, обобщается опыт изучения актуальных проблем отечественной истории.

В статье В.В. Алексеева рассматривается общий ход исторического развития России в XX в., который, по его мнению, определялся императивами модернизации, выявляется взаимосвязь между политическими и идеологическими программами модерниза-

ции и результатами их реализации, влияние внутренних и внешних факторов на процесс исторической динамики страны, противоречия российского варианта модернизации. Академик РАН В.А. Виноградов и С.Я. Веселовский проанализировали динамику отношений собственности в контексте исторического развития России XX в., их влияние на ход экономического развития страны. Значительное внимание уделено проблемам российской приватизации в 1990-е гг., к недостаткам которой авторы относят отсутствие увязки «в единый комплекс мероприятий по управлению сложнейшим процессом системного преобразования российского экономического пространства».

В.Э. Лебедев рассматривает переход от нововременной (классической) к постмодернистской (постклассической) парадигме изучения истории. Сопоставляя их, автор выделяет присущие им принципы: рационализм, веру в прогресс и единство истории (классическая традиция); антропологизм, внимание к иррациональным источникам знания, признание качественного разнообразия исторического опыта (в рамках постклассической традиции). Попытка определения специфики исторического знания на основе сопоставления исторического и математического мышления представлена в статье В.И. Шарина. Говоря о фундаментальном сходстве гуманитарного и естественнонаучного познания, в основе которого лежит совпадение познавательных процедур, автор выделяет и различия, заключающиеся, по его мнению, в разной организации структурного соответствия между понятиями теории и объектами моделируемой реальности. О.Г. Дука обосновывает вероятностно-смысловой подход, сформулированный на основе синтеза идей семиотики, герменевтики, когнитивной психологии и вероятностной логики, для анализа научно-исторических теоретических систем. И.В. Побережников определяет понятие социального изменения; сопоставляет различные теоретико-методологические подходы, в рамках которых оно изучается, – эволюционный, циклический, структурно-системный, конфликтологический; оценивает их познавательные возможности и недостатки. Обоснование теории демографических циклов содержится в статье С.А. Нефедова. Автор выделяет около 40 демографических циклов в древней и средневековой истории стран Востока на основе сконструированной им математической модели.

Познавательные возможности теории модернизации, специфика ее применения в исторических исследованиях стали предметом обсуждения в статьях Е.В. Алексеевой и О.Л. Лейбовича. Алексеева подвергает критике прогрессизм, униформизм и универсализм социологической теории модернизации. Лейбович рассматривает культурологическое применение этой теории, эффективное, по его мнению, при изучении исторических аспектов развития. Роль науки как фактора социального развития, соотношение научной революции и модернизации, механизмы воздействия научно-технического прогресса на темпы и характер советской модернизации анализируются Е.Т. Артемовым. В статье О.С. Поршневой освещены методологические аспекты исторического исследования менталитета. В качестве перспективного направления изучения ментальности она предлагает комплексный подход, включающий анализ социальных, психологических и лингвистических процессов и явлений.

Эволюция методологических и концептуальных подходов в региональной (уральской) исторической науке конца XX в. находится в центре внимания В.Д. Камынина. Автор обнаруживает сходство в динамике исторических исследований в регионе и в стране в целом, подчеркивая при этом некоторое «запаздывание» провинциальной историографии. Историографические аспекты изучения местного управления и самоуправления в России XVIII – начала XX в. рассматриваются в статьях Д.Е. Хохолева и Е.Ю. Апкаrimовой. Структуралистские и альтернативные, основанные на концепции жизненного цикла семьи теоретические подходы к ее исторической типологии сопоставляются в статье С.В. Голиковой. Л.А. Дацкевич обсуждает историографические и исторические аспекты становления системы социальной защиты на Урале в XIX в. Методологические проблемы изучения истории повседневности обсуждаются в статье О.Н. Яхно, которая пишет о необходимости привлечения в качестве источника для реконструкции повседневного мира горожан сохранившихся вещей, характеризуя ин-

формационный потенциал материально-вещной среды. В.П. Тимошенко проанализировал основные концепции западных исследователей по проблемам освоения восточных регионов СССР.

В седьмом выпуске было продолжено обсуждение роли личностного фактора в истории. А.В. Трофимов проанализировал различные интерпретации роли личностного фактора в отечественной и зарубежной историографии, выявив на материале истории СССР 1945–1964 гг. различные подходы к трактовке политического лидерства, мотивации и механизмов принятия решений, степени интеграции групп политических интересов, взаимосвязи политических практик и идеологических пристрастий политиков.

Г.Н. Чагин обобщил опыт историко-этнографических исследований Среднего Урала, выделил перспективные направления изучения уральских народов.

В ряде статей седьмого выпуска затрагиваются проблемы истории Урала в XX в. М.А. Фельдман раскрывает характер социальных перемен в среде промышленных рабочих Урала в 1897–1926 гг. Динамика и основные тенденции электротехнической революции в регионе в первой половине XX в. проанализированы в статье А.В. Ермакова. Социокультурные процессы на Урале в период Великой Отечественной войны стали объектом исследования А.В. Сперанского. Новые материалы по истории немецких военнопленных на Урале вводятся в научный оборот А.С. Смыкалиным.

В целом анализ материалов, опубликованных в 1994–2001 гг. в семи выпусках «Уральского исторического вестника», позволяет с полной уверенностью говорить о том, что его появление стало заметным событием в современной российской историографии. На страницах издания представлен широкий круг разнообразных публикаций: от глубоких теоретических разработок до конкретно-исторических сюжетов. Их постановка и решение отличаются новизной подходов, взвешенностью выводов, фундированной аргументацией. Редакционному коллективу и авторам удалось решить основную задачу: наполнить страницы «Вестника» статьями и сюжетами, вызывающими интерес у широкой читательской аудитории – от школьника и студента до представителей академической науки.

В качестве пожелания при работе над следующими выпусками «Вестника» хотелось бы обратить внимание редколлегии на наметившийся дефицит публикаций по экономической истории. Следует, по возможности, расширить рубрику «В помощь преподавателю вуза и школы», включая в нее материалы, обобщающие опыт преподавания исторических дисциплин в средней и высшей школе в Уральском регионе. Формат «Вестника» позволяет также информировать научную общественность о работе региональных специализированных советов по защитам докторских и кандидатских диссертаций.

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВИЯ В XVII ВЕКЕ (поверстание в дети боярские представителей других сословий)

Предмет исследования в данной статье – поверстание в дети боярские представителей других сословий, главным образом служилых людей «по прибору», а также неслужилых и находившихся на более низких ступенях социальной лестницы.

Вопрос этот, за редким исключением, не привлекал внимания исследователей. Единственным дореволюционным историком, упомянувшим о том, что в XVII в. встречались случаи верстания из казаков в дети боярские, был В.Н. Сторожев. В пояснении к изданным им «Десятням XVI в.» он писал, что это явление существовало и в XVI, и в XVII вв. и находилось в противоречии со всем последующим законодательством Алексея Михайловича¹. Однако никакого объяснения этому Сторожев не дает. Советские историки этому феномену уделили уже большее внимание. О фактах перехода казаков в чин детей боярских в конце XVI – начале XVII в. писали Р.Г. Скрынников и А.Л. Станиславский, связывая это прежде всего с возрастанием политической роли казачества в данный период². В книге В.А. Загоровского «Белгородская черта» для объяснения процесса поверстания «неслужилых» в дети боярские привлекается фактор времени – в первой половине XVII в., когда дворянское сословие в России еще не сложилось, доступ «вольных» людей, тяглого населения и крестьян в сословие детей боярских был более легким, чем во второй половине того же столетия, когда этот доступ постепенно закрывается, положение служилых людей «по прибору» сближается с положением крестьян, а дворянство замыкается в привилегированный класс-сословие³. Однако Загоровский не сделал более глубоких выводов и само расширение сословия детей боярских связывал лишь со строительством Белгородской черты. Сомнения вызывает и сам вывод о затруднении доступа в сословие во второй половине XVII в.

О фактах записи беглых крестьян в дети боярские упоминал в своем исследовании и А.Г. Маньков⁴, тщательно изучивший и законодательство по этому вопросу. Он подчеркивал, что определяющими для политики правительства были интересы феодалов, а «во имя государственных задач охраны южных границ» делались лишь небольшие уступки⁵. Здесь, по его мнению, не шла речь даже о компромиссе, так как большинство бежавших на черту возвращалось прежним владельцам. Этот вывод, на мой взгляд, также не является бесспорным. Кроме того, автор ставил перед собой задачу изучения положения крестьянства, а не изменений в положении самого дворянства. В недавно изданной его книге «Законодательство и право России второй половины XVII в.» на основе идентичного фактического материала сделаны более обоснованные теоретические обобщения, говорится о том, что «интересы обороны южных рубежей вынуждали правительство использовать пришлый элемент в качестве служилых людей по прибору и даже испомещать в качестве детей боярских», и что «некоторая часть крестьян и холопов стала проникать в ряды низшего разряда служилых людей по отечеству – детей боярских»⁶. Это, по мнению Манькова, вызывало обеспокоенность дворян и правительства. Поэтому в конце 1670-х гг. в «Статьях о смотре и разборе детей боярских» появилось «едва ли не первое запрещение писать крестьян детьми боярскими»⁷. Одна-

* Лаптева Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов.

ко подобные запреты практиковались в наказах о верстании и раньше⁸. Причину «ограждения неприкосновенности» служилых людей Белгородского и Севского полков Маньков видит в подготовке борьбы за выход к Черному морю, что и заставило правительство «потеснить интересы помещиков». Подобный вывод не отражает, по-видимому, всей полноты и глубины процесса проникновения «низшего элемента» в среду детей боярских. Оценить его масштаб возможно лишь при обращении к источникам, что практически не было сделано с достаточной полнотой ни одним из указанных исследователей.

Источниковой основой предлагаемой статьи послужили столбцы Разрядного приказа, в описании которых имелись указания на поверстание тех или иных лиц в дети боярские. Все эти столбцы были просмотрены и значительная их часть проанализирована мною.

Первым свидетельством о переводе из казаков в дети боярские является епифанская десятня 1585 г. верстания боярина кн. Д.И. Хворостинина и дьяка В. Шерапова. Поверстано было 300 казаков в 2 статьи – по 40 и 30 четей. В первую статью было поверстано 70 человек, во вторую – 230⁹. Многие из поверстанных упоминаются и в следующих десятнях по Епифани. В десятне 100 (1591/92) г. упомянуто 272 епифанца, им дано денежное жалование по 5 и 4 руб.¹⁰

Анализируя муромскую десятню 1605 г., в частности ее 16-ю рубрику, где говорится: «Муромцы ж дети боярские, сказали про них окладчики, что они по Борисову велению Годунова верстаны в дети боярские из холопов за доводы (взятки. – Т.Л.), а в нынешнем 114-м году по государству цареву и великого князя Дмитрия Ивановича всея Руси указу от службы отставлены и отданы по прежнему в холопство» (2 человека, № 31 и 181 из десятни 105 г.), В.Н. Сторожев приходил к выводу о «суровой политике Лжедмитрия I по отношению к распоряжениям царя Бориса, касавшимся зачисления в служилые люди из холопей и вольных людей»¹¹. Далее Сторожев рассматривал случаи верстания из казаков в дети боярские и отмечал, что эти факты встречаются в XVII в. Однако Уложение 1649 г. ничего не говорит о такой возможности, и, наоборот, в наказе 1652 г. «неслужилых отцов детей» верстать поместными и денежными окладами было запрещено, позволено верстать только тех, у кого отцы были в детях боярских и «служили с городы». Наказ 1675 г., замечает Сторожев, также запрещает верстать в дети боярские «холопей боярских, и стрелецких и казачьих и неслужилых никаких чинов и пашенных мужиков». Вопрос о верстании казаков в целом остается нерешенным, хотя Сторожев оговаривал тот факт, что «запрещение верстать неслужилых отцов детей не заключает в себе запрещения верстать в дети боярские казачьих детей»¹².

В.А. Загоровский отмечал, что для «вольных» людей, верстанных в дети боярские, был установлен меньший, чем для потомственных детей боярских, оклад – 70–80 четвертей и 3–3.5 руб.¹³ Автор связывал массовую запись служилых людей «по прибору» в дети боярские с началом строительства Белгородской черты, которое относится к 30-м гг. XVII в. Первым построен был город Козлов. Летом 1636 г. туда и в Тамбов объявлялся набор из «вольных, охочих людей». Указано было принимать также крепостных, которые раньше были служилыми людьми – детьми боярскими, казаками и стрельцами – и оставили службу после 1613 г.¹⁴ В 1637 г. в Козлове уже насчитывалось 1056 служилых людей, в том же году начали строиться Яблонов и Усерд. Летом 1647 г. был построен г. Коротояк. В эти города также «прибирали» служилых людей.

Правительство должно было, с одной стороны, удерживать стабильность общества, препятствуя размыванию сословий и закрепляя их на той службе или на том тягле, которые они несут; с другой – в связи с проведением активной внешней политики и расширением границ государства необходимо было увеличивать численность служилых людей. Южные города заселялись в основном вольными людьми (казаками), «прибранными на государеву службу». Эти люди и верстались в дети боярские. Верстание следовало проводить строго по государевым указам, запрещалось верстать крепостных людей и холопов. Верставшимся в дети боярские необходимо было сдавать свою преж-

нюю службу родственникам или «охочим людям», чтобы государева служба «не запустила».

О том, как проходило верстание, дает представление сохранившаяся в документах Разряда верстальная книга по Коротояку 157 (1648/49) г. Коротояк здесь назван «новым городом». В книге указывались происхождение и прежние занятия вновь поверстанных, от них требовалось указать службу отцов и их оклады. В первую статью (150 четвертей и 5 руб.) верстались дети детей боярских, отцы их в большинстве своем были убиты на службе, служили они в основном по Мценску и Орлу. Поверстанных по первой статье было, вероятно, 10 человек (имеются утраты). Во вторую статью (100 четвертей и 4 руб.) были поверстаны также потомственные дети боярские, отцы которых оставили прежнюю службу и служили в солдатах или казаках. Лишь один из них был «вольным человеком», сыном донского казака. Во вторую статью было поверстано 7 человек, а в третью (70 четвертей, 3 руб.) – 13, в основном казачьи дети. Эти люди называли себя «гулящими» или «свободными», «всвободными». Среди них находился и сын посадского человека. При верстании требовалось подтверждение, что они не числились ни за кем в крестьянстве и не дали на себя какие-либо крепости. Всего было поверстано 30 человек. Воевода Д.С. Яковлев «устроил» их дворовыми и огородными местами и землями из дикого поля по 15 четвертей каждому¹⁵.

К сожалению, не сохранились тексты указов, регулирующих верстание в дети боярские в городах Белгородской черты. Имеются лишь ссылки на эти указы, например на указ 158 (1649/1650) г. об испомещении казаков и однодворцев, служивших в солдатских полках: «...И во 158-м году даны ис порозжих земель и из диких поль указные чети и тем землям межи и грани в воевоцких строельных книгах того году написаны по урочищам»¹⁶. Несомненно, существовал указ о поверстании в дети боярские в новых городах Белгородской черты 161 (1652/1653) г. Известен наказ окольничему кн. Д.А. Долгорукому и дьяку Ив. Тимашеву о верстании детей боярских и недорослей всех городов в Москве от 20 октября 1652 г.¹⁷ В нем категорически запрещалось верстать «без государева указу» «несслужилых отцов детей», «поповых детей и холопей боярских». Казачьи дети могли быть поверстаны при условии, что их отцы были верстаны и владели поместьями. Низший оклад по украинным городам и для казачьих детей устанавливался в 40 четвертей и 3 руб. Однако верстание происходило не только в Москве. Указы о верстании и испомещении, безусловно, посыпались и во вновь построенные города. В Поместном столе Разрядного приказа сохранилась ссылка на указ Алексея Михайловича 161 (1652/53) г.: «А со 161-го году по указу блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца по розборам и по разсмотрению в полках бояр и воевод и по розбором ж в городах розборщиков ис тех казаков и их дети и братья и племянники, от семей полные и пожиточные люди, писаны в полковую в копейную и в рейтарскую и в драгунскую и в салдацкую и в городовую службы и верстаны поместными и денежными оклады. И по их члобитю велено им тех городов с посадов выселиватца и на своих землях дворами и усадьбами и огородами строитца тех городов в уездах к своей пашенной земли и теми их землями и сенными покосы и всякими угодьи владеть по своим дачам против их помесных окладов»¹⁸.

Таким образом, в связи с необходимостью укомплектования полков нового строя и защиты черты от набегов правительство, по всей вероятности, прибегло к указу о поверстании в дети боярские большого количества казаков и «вольных людей», живших на границах государства. Подтверждением того, что подобный указ существовал, может служить верстальная книга 161 г. по г. Коротояку. В 161 г. по государеву указу коротоякский воевода Осип Сукин поверстал в дети боярские полковых казаков и «иностранцев всяких чинов и гулящих людей» «по роспросу» – Титка Борисова сына Паршина «с товарыщи» (18 человек)¹⁹. Оклады их составляли 100 четвертей и 4 руб. Земли они получили также «из дикого поля» по 20 четвертей на человека. Вместо себя в казачью службу они оставляли детей и братьев.

Однако такая практика верстания и отдаленность городов часто приводили к злоупотреблениям. В столбцах Разряда довольно много челобитных о поверстании неправильном и за взятки. Так, например, в 152 (1643/44) г. ефремовский воевода сообщал о шести ефремовских казаках, поверставшихся в дети боярские «ложно», «утоя свои казачьи службы», называвшихся «розных городов неверстаными детьми боярскими». Об этом донесли ефремовцы дети боярские, причем сообщали также, что при прежних воеводах Я. Хрущове и Н. Колтовском «писали подьячие в списку детей боярских ефремовских и из розных городов беглых казаков и неверстаных детей боярских и гулящих людей в больших окладах в 300 и в 250 и в 200 четвертях, а верстанья им на Москве и ни в котором городе не бывало»²⁰. Другие дети боярские считали себя ущемленными. Резолюции по этому делу в столбце нет, однако известно, что царские указы нередко запрещали верстать в том или ином городе или по всей черте казаков и стрельцов в дети боярские.

Как правило, указы о поверстании связаны с военными действиями или набегами татар. Так, в мае 1658 г. в Новом Осколе по государеву указу и отписке воеводы А.И. Хилкова были поверстаны в дети боярские 25 полковых казаков, и их тотчас же послали в Белгород в полк воеводы²¹. Перед верстанием нововерстанных обычно пересматривали, «что конен и оружен». Так поступили, например, с 44 болховскими драгунами, поверстанными в дети боярские в 1649 г. Однако они продолжали нести драгунскую службу и просили о том, чтобы их от этой службы отставить, «служить в детях боярских»²². Их имена предписывалось написать в Разряде в списке с детьми боярскими.

Иногда правительство под давлением воевод или городовых корпораций тех сословий, откуда были взяты вновь поверстанные в дети боярские, устраивало «сыск» (расследование) о правомерности верстания и даже издавало указы о возвращении в прежнюю службу. Однако такие случаи были чрезвычайно редки.

Так, в 1647 г. Стрелецкий приказ прислал запрос («память») в Разряд о том, по какому указу «на Лебедяни велено в дети боярские из стрельцов и ис казаков выпускать». В Разряде была обнаружена выписка, согласно которой в прошлом 154 (1645/46) г. давалось челобитье лебедянцев, стрельцов и казаков, «которые з бедности и от разореня от татарской войны из детей боярских писались на Лебедяни в стрелецкие и в казачьи службы». Отцы же их служили в детях боярских и были «побиты» или «в полон поиманы». Лебедянцы просили поверстать их государевым жалованьем, поместными и денежными окладами и велеть служить с детьми боярскими, с лебедянцами, гарантируя представить за себя «снимщиков». По их челобитью последовала положительная резолюция, причем требовалось выяснить, «дети ли они боярские вековые»²³.

В 1653 г. проводился «сыск» на Короче – когда, по какому указу и при каком воеводе верстаны в дети боярские короченские полковые казаки и кого они оставили «в свое место на службах своих». Причиной стало «запустение» казачьей службы на Короче, так как многие казаки передали свои службы «гулящим людям», а те бежали со службы. Воевода писал в Разряд, что в дети боярские в прошлых годах, начиная со 152 (1643/44) г. верстались «лучшие семьянистые люди» и испомещены по 25 четвертей в поле. В процессе «сыска» оказалось, что «запустили казачьи службы» у 15 человек, поверстанных в дети боярские (из них 1 – стрелец). Службы «запустили» из-за побегов, смерти и других обстоятельств. На местах же 58 сдавших свою службу казаков служили исправно. Указа же, предписывающего поверстание в дети боярские казаков и казачьих детей, на Короче в съезжей избе найдено не было²⁴.

В 1660 г. опять последовал запрос из Стрелецкого приказа в Разряд о донковских и лебедянских стрельцах и казаках, поверстанных в дети боярские. Указывалось, что некоторые из них, не желая нести казачьи и стрелецкие службы, верстались в Разряде в дети боярские по неизвестному указу и по-прежнему владеют казачьей землей. Был представлен список на 164 человек. Из Разряда направили ответ, что эти люди «поместными и денежными оклады верстаны... за службы и за раны и за полонное терпение, а иные верстаны, что у них на государевых службах побиты отцы их и братья и племянники». По государеву указу им предписывалось оставаться на «нынешних службах»,

неиспомещенных испоместить землями из дикого поля, а «стрелецкими и казачьими землями им не владеть»²⁵.

В 1663 г. в Разряд поступило челобитье казачьего и стрелецкого головы Аврама Кожухова о поворстании многих стрельцов и казаков в Белгороде и Новом Осколе в дети боярские и вследствие этого «малолюдство» в казачьей и стрелецкой службе. Из Разряда была послана грамота в Белгород воеводам кн. Г.Г. Ромодановскому «с товарыщи», где говорилось, что «в прошлых годах и в нынешнем во 171-м году Нового Оскола полковые казаки и стрельцы... многие в Белгороде и в Новом Осколе поворстались в дети боярские, а живут в старых своих дворех и землями и всякими угоды владеют теми, как в казачьей службе были, без нашего государева указу, а наши государевы службы с казаками и с стрельцами не служат, и оттого многие казачьи и стрелецкие службы запустели, и ныне в казачье службе малолюдно и за малолюдством в посылки для наших государевых дел послать неково»²⁶. Воеводам предписывалось впредь «без нашего государева указу» не верстать в дети боярские казаков и стрельцов.

Такое же положение с «запустением» казачьей и стрелецкой службы было и в Хотмышске, новый голова которой, Фрол Прозоров, также подал челобитную в Разряд в 1665 г. с жалобой на действия прежнего головы Ивана Амосова: «...При нем, Иване Амосове, ис твоей великого государя службы многие стрельцы и казаки верстались в дети боярских»²⁷. Стрелецкие пятидесятники в Хотмышске подали роспись стрельцам, поворставшимся в дети боярские в 160, 169 и 170 гг., «а по какому де они государеву указу и за какия государевы службы и за раны верстаны в дети боярских, и нам де тот государев указ неведом...»²⁸. Всего за это время было поворстано 14 стрельцов и 18 казаков по сказкам казачьих пятидесятников. Белгородскому воеводе Б.А. Репину приказывалось «розыскать» и составить указ «по своему разсмотрению» по челобитью Ф. Прозорова.

В августе 1672 г. из Разряда послана грамота во все города Белгородской черты, предписывающая «служилых и посадских и жилецких всяких людей и беглых боярских холопей и крестьян без твоево государева указу и без отписок твоево государева боярина и воевод князя Григория Григорьевича Ромодановского с товарыщи отнюдь не принимать и в службу не писать и помесными и денежными оклады не верстать и на усадьбу и на пашню земель им не давать, чтоб... из украинных и из резанских и из северских и из замосковных ни из которых городов никакие люди тем от службы и от тягло, а боярские беглые холопи и крестьяне от холопства и от крестьянства не отбывали»²⁹. Грамоту следовало записать в приказных избах в записные книги, чтобы указ «всегда был ведом незабвенно». Грамоты записаны в Хотмышске, Чугуеве, Воронеже, Олешне, Яблонове³⁰. Сам факт отправки этих грамот свидетельствует о том, что в этих городах повсеместно нарушались установленные правила приема служилых людей. Так, воевода С. Хрущов писал из Яблонова: «...Белгородского полку воеводы и приказные люди из резанских и из украинных городов служилых и посадских людей, которые покиняя прежние свои службы и тягло, збежали и боярских холопей и крестьян беглых принимают и пишут их в службы и в тягло без твоево великого государя указу самовольством, для своих прихотей и многих взятков»³¹.

9 апреля 1673 г. Разряд отправил грамоту в Белгород боярину и воеводе кн. Г.Г. Ромодановскому о необходимости проверить законность поворстания в дети боярские в Землянске. В ней говорилось, что в Разряде получены сведения о том, что «в прошлых во 179-м и во 180-м и в нынешнем во 181-м году изо многих городов служилые и жилецкие люди, покиняя в городех службы свои и тягло, и беглые боярские холопи и крестьяне бегут в Землянск и пишутца в службу, а иные живут в Землянском уезде в селех и в деревнях и в захребетниках, избывая и укрываясь от службы и от тягло и от холопства и от крестьянства»³². В то же время землянские воеводы ничего не писали об этом, поэтому стольнику Степану Нелединскому указывалось ехать в Землянск и вновь переписать принятых «служилых и жилецких людей», расспросить их, а беглых разобрать по городам и выслать назад в те города, из которых они бежали. Кроме того, воеводе Г.Г. Ромодановскому предписывалось приостановить набор в Землянске в солда-

ты в Белгородский полк до окончания розыска. Но указ опоздал – в отписке, присланной в Разряд 14 мая 1673 г., Ромодановский докладывал, что в Землянске 60 человек уже набраны в солдаты и посланы в Белгород 7 апреля, еще до получения грамоты³³.

В 1680 г. атаман «новопостроенного города Полатова» Василий Климов «с товарищи» «был челом» на воеводу, который, несмотря на царский указ и посланную к нему грамоту, «беглых служилых людей и боярских крестьян и людей приимает и оттого нам, холопем твоим, чиняще великие обиды и от таких людей воровство и разорене велико, лошадей и скотину и пчолы крадут и под дорогами стоят для воровства». В связи с этим 6 мая 1680 г. отправлена еще одна грамота из Разряда в Белгород боярину и воеводе кн. П.И. Хованскому с предписанием под угрозой жестокого наказания запретить полатовскому воеводе принимать таких людей³⁴.

Таким образом, вопреки утверждению В. Загоровского о том, что «доступ в число детей боярских из других групп населения не был очень трудным на юге России в первой половине XVII в., особенно в 30-х–40-х годах, когда развернулось строительство новых городов и Белгородской черты», и о затруднении этого доступа во второй половине века, факты позволяют предположить, что реальная картина была как раз противоположной. Многочисленные указы и грамоты правительства скорее свидетельствуют о бессилии остановить приток в южные города нововерстанных из других сословий детей боярских.

В делах Разрядного приказа сохранилось несколько дел по челобитным помещиков о возвращении беглых крестьян. Лишь одна такая челобитная относится к первой половине XVII в. Она от Клементия Борисова сына Хрущова о бегстве из его поместья, села Перехвали Донковского уезда четверых крестьян: «...И ныне... живут на Козлове городе, написалися в дети боярские, в стрельцы и казаки... воевода Иван Кикин их сыскал, на поруки их не дал... а Кленьку Лазуткина... не велел ссыкать». Помещик просил послать грамоту в Козлов о выдаче его крестьян на поруки и предании их суду. Его просьба была удовлетворена. 15 февраля 1639 г. в Козлов к воеводе И.Ф. Кикину отправлена грамота с предписанием выслать разыскиваемых крестьян в Москву в Разряд к Рождеству 148 (1639) г.³⁵ Дальнейший ход дела неизвестен. В 1654 г. помещику Захарию Хрущову было отказано в возвращении двоих его крестьян, записавшихся в дети боярские в Усмани. Отказ обосновывался ссылкой на царский указ 5 марта 1653 г.: «Которые крестьяне и бобыли и их дети и братья и племянники, бегая из-за них, и поселились по черте и в украинных городех до Уложенья, и тех их беглых крестьян и бобылей с черты и из украинных городов не отдавать, потому что черты не опустошить, и им выдавать за них деньгами, за семьянистово человека по двадцати рублей, а которой не семьянистой, и за тех по десяти рублей. А которые бежали из-за них после Уложения, и тех по писцовым и переписным книгам отдавать судом, а впредь принимать не велено»³⁶. 15 марта 1654 г. последовала резолюция суда: «Захарью Хрущову в Еремее Сьянове отказать, потому что в писцовых книгах за ним не написан. А что в писцовых книгах написан в бегах, и по Уложению таких отдавать не велено. А за Федьку Сьянова по государеву указу дать денег десять рублей, потому что он по исковой челобитной написан в побеге до Уложения. А быть им обоим по-прежнему в службе на Усмони»³⁷. Хотя А.Г. Маньков пишет, что «в обстановке начавшейся войны с Польшей указ 1653 (5 марта 1653 г.), видимо, не был использован»³⁸, данный эпизод позволяет предположить, что указ этот широко применялся к подобного рода судебным делам. Правительство оказалось в связи с ведением широкомасштабных военных действий в сложном положении – оно должно было обеспечивать пополнение контингента гарнизонов Белгородской черты и украинных городов и, с другой стороны, защищать имущественные и служебные интересы дворянства. Впоследствии был принят указ 1656 г., по которому не возвращали владельцам бежавших от них до 161 (1653) г.

Другие дела по челобитным о возвращении крестьян относятся к 70-м гг. XVII в., когда правительство издало указы, регламентирующие подобный «ссык». В делах Разрядного приказа сохранились четыре дела 70-х гг. Первое – по челобитью подключни-

ка Кормового дворца Варлама Неустроева сына Ушакова – относится к 1671 г. Ушаков просил о содействии в возвращении его крестьян Антильевых из села Демьянова Ряского уезда, бежавших «в прошлых годех» и поверставшихся «в твою великого государя службу в дети боярские, а живут в Козловскому уезде в селе Чюлкове»³⁹. Ушаков просил дать грамоту в Козлов о розыске бежавших. 14 декабря 1671 г. такая грамота была послана воеводе С.И. Хрущову, однако в ней предписывалось узнать, с какого года эти крестьяне записаны в службу: «И буде... написаны после 161-го году..., и ты б Варламу Ушакову на них в крестьянстве по писцовым и по переписным книгам дал суд... А буде по сыску те крестьяне в Козлов пришли и в службу и в тягло написаны до 161-го, и ты б на них во крестьянстве исцу Варламу Ушакову суда не давал, а велел им быть в службе или в тягле по-прежнему»⁴⁰. Исход этого дела также неизвестен. Однако даже в случае, если бы был суд, следовало еще доказать, что именно эти крестьяне записаны за данным владельцем по писцовым и переписным книгам. Это было иногда нелегко сделать, так как бежавшие меняли свои имена и прозвища, а свидетелей по прошествии времени уже не существовало.

В 1675 г. происходил общий разбор Белгородского полка. Большинство из тех, кто был записан в разборные книги, уже не возвращались помещикам и оставались на службе, так как они служили «старо», были ранены и побывали в плену⁴¹. Помещикам указывалось «бить челом» о возвращении крестьян только в Разряде. К 1675 г. относится дело Разрядного приказа по челобитной помещика А.М. Маслова о возвращении ему беглого крестьянина Левки Семенова. Дети Левки, Савка и Евсютка, также обвинялись Масловым в приезде из Землянска к нему в рязанскую деревню и подговоре крестьян к побегу. Лев Семенов вначале не признался в том, что он был крепостным Маслова, а назывался Василько Семеновым сыном Колосова, сыном пушкаря из Веневы («а молитвенное ему имя Левка»)⁴². Он жил у разных помещиков в дер. Окуловой Рязанского уезда, а потом, 10 лет назад, сбежал и записался в Доброму в драгунскую службу, затем перешел в Землянский уезд в село Горяиново и служил в Землянске городовую службу. За помещиком же Масловым, по его словам, он никогда не числился в крестьянстве и на него, и на детей его нет никаких крепостей. В ходе следствия выяснилось, что Василий Семенов сын Колосов записан в землянских переписных книгах с четырьмя сыновьями в 177 (1669) г., именно тогда, когда, по словам Маслова, он сбежал от него. В Доброму же в «смотренных списках» имя Василия Колосова не значилось. Последовала резолюция о судебном решении дела по иску помещика. В связи с этим Поместный приказ представил выписку из писцовых книг. Вынесенный приговор гласил: «Отдать того крестьянина по крепостям Алексею Маслову з женою и с детьми во крестьянство»⁴³. Приговор был вынесен 25 июля 1675 г. и подкреплялся ссылкой на указ 164 (1656) г. о возвращении крестьян, бежавших на черту с 161 (1653) г. Однако через 2 года Алексей Маслов подал новую челобитную, в которой говорилось о повторном побеге Левки Семенова с женой и детьми и краже им денег и имущества: «...И ныне он, Левка, поиман в Землянску и сидит за караулом з детьми...»⁴⁴ Помещик вновь просил о содействии в возвращении ему крестьянина. Чем завершилось дело на этот раз – тоже неизвестно.

В марте 1676 г. новосибирец Остафий Савенок подал челобитную в Разряд о возвращении ему беглого крестьянина «Олферка Гаврилова сына», который объявился в Москве в Садовниках⁴⁵. Доставленный в Разряд Алферий Гаврилов на допросе сказал, что его зовут «Олферком Гаврилов сын Смирного», отец его был стрельцом в Белеве и умер «в моровое поветрие». Своим дядей он «сведен» в Воронеж и отдан для обучения портному мастеру. Через 3 года Алферий «сшел на Усмонь», женился на дочери сына боярского Ивана Соломахина и записался в дети боярские. В детях боярских он служил 6 лет и по своим делам приехал в Москву. По его словам, он никогда не был крестьянином Савенка⁴⁶. В ходе разбирательства обратились к книгам Стрелецкого приказа, однако в них ни отца, ни дяди Алферию Гаврилова Смирнова не значилось. Зато сам Алферий Гаврилов сын Смирнова оказался записанным в усманской разборной книге, «служит с 177-го году», поместье за ним в Усманском уезде в с. Пчельниках

10 четвертей. Эта запись и была признана решающим документом в ходе расследования. В Разряде ссылались на указ Алексея Михайловича 183 (1675) г.: «Которые люди Белогороцкого полку в городах на черте по разбору 183-го году написаны в службы в разные строи, и таких до ево государева указу отнюдь никому в холопство и во крестьячество отдавать не велено»⁴⁷. В июне того же года Алферия Смирнова взяли на поруки и отпустили обратно на службу в Усмань.

В книге А.Г. Манькова упоминается еще о двух случаях возвращения крестьян, записавшихся в дети боярские в Ельце и на Короче, их владельцам, относящихся к 1677 г. В одном из них для подкрепления решения привлечен указ и боярский приговор 2 июля 1676 г. по челобитью дворянства – «беглых людей и крестьян из украинных городов и с черты отдавать по крепостям им, помещикам и вотчинникам, по прежнему указу... 164 году»⁴⁸. Таким образом, запись в разборные книги не освобождала беглых от «сыска». Этот указ действовал до 1683 г.

К 1679 г. относится сохранившееся в документах Разрядного приказа дело по челобитной стряпчего Степана Петрова сына Елагина о возвращении его крестьян, бежавших в 1677–1678 гг. из дер. Мавриной Рязанского уезда – Лариных (Ильиных), Фильки Борисова сына, Оски Борисова сына с братьями и детьми и Офоньки Осипова сына, которые «написались в дети боярские и солдаты» в Костенске. По ней указывалось произвести розыск, длившийся почти 3 года, причем костенский воевода ссыпался на то, что Ларины записаны в разборных книгах. В 1682 г. наконец состоялось решение по делу: «190-го июня в 14 день по указу великого государя... велить им в Костенском жить по-прежнему в домех своих и дать их на поруки добрые... а послать их в Костенской для того, что Степан Елагин, быв челом на них во крестьянстве, крепостей никаких не положил и челобитья... о том многое время не было»⁴⁹.

Еще одно дело Разрядного приказа по челобитной о возвращении беглого крестьянина относится уже к 1691 г. Ее подал Сидор Иванов сын Гринев, который увидел своего беглого крестьянина на площади в Москве «близ церкви Николая Чудотворца Гостунского», «закричал "караул" и велел отвести его в Стрелецкий приказ». Там Гринев указал на приведенного человека как на своего крестьянина Елисея Михайлова, бежавшего с женой, братом и сестрой из его мценской вотчины дер. Милово⁵⁰. Приведенный не стал отпираться и признал себя Елисеем Михайловым. Он сбежал из вотчины Сидора Гринева 10 лет назад, пришел в Козловский уезд, поверстался в дети боярские и записался в Разряде в списках по Козлову. Приехал же в Москву он для «справки за собою поместья» и как разшел в Разряд⁵¹. Елисей Михайлов был отправлен в Разряд, и там его вновь допросили. На этот раз он назывался «Елисейкою де зовут Михайлов сын Виданов». Его имя нашли в козловских разборных книгах, за ним значилось 30 четвертей поместья. Требовалось подтверждение его принадлежности Гриневу. Гринев просил дать ему «поверстный срок» для представления крепостей. Ему определили срок от 25 февраля до 20 марта 1691 г., причем указывалось, что если по истечении этого времени владелец не представит крепостей, указанный крестьянин будет считаться свободным⁵². Окончания дела не обнаружено, и неизвестно, были ли представлены необходимые выписки и документы.

Таким образом, далеко не всегда бежавшие и поверстанные в дети боярские крестьяне возвращались их владельцам. Сохранившиеся в Разряде дела о таких случаях относятся к 1676–1677 гг., т.е. времени действия указа 2 июля 1676 г. Рассмотренные документы свидетельствуют о стремлении правительства сохранить уже имеющихся служилых людей в украинных городах, опираясь на существующее законодательство и жертвуя иногда при этом интересами дворянства замосковных городов.

Вообще отношение к городовой службе и к самому понятию «сын боярский» на протяжении XVII в. существенно меняется. В первой половине века оно имеет достаточно высокий и престижный смысл. Многие дети боярские, попавшие в годы Смуты в число казаков, просили о возвращении их в прежний чин. Так, например, новгородец Деревской пятины Федор Васильев сын Яковлев подал в 1616 г. челобитную, в которой писал: «...Был я, холоп твой, в казаках в Таировой станице Федорова и сидел я, холоп

твой, на Бронницах и на Тифине в осаде от немецких людей. А нынче я, холоп твой, пришел в полку у князя Микиты Ондреевича Волконского в Таирове станице Федорова, а твоево царсково жалованья не имею ни единой деньги... вели меня от козаков отставить и вели мне служить з городом з дворяны и з детьми боярскими по старому»⁵³. На члобитной помета: «Будет сын боярский, и по нем взять порука з записью и велеть з городом служить». По Федоре Яковлеве была взята поручная запись, «что ему к воровским казакам не приставать и в Крым и в Литву и в немцы... не отъехать»⁵⁴. И власти, и сам Яковлев видят в его статусе сына боярского надежную гарантию, с одной стороны, лояльности, с другой – стабильного имущественного и достаточно высокого общественного положения.

Однако документы Разряда свидетельствуют и о том, что чин «сына боярского» в это время можно было купить. В 1628 г. ливенцы Ананий и Тимофей Огарковы подали жалобу на ливенца Никифора Андреева сына Огаркова, отец которого был прежде крестьянином Андреем, прозвище Чичка, и жил на поместной земле Анания Огаркова: «И в прошлом, государь, во 121-м году тот мой крестьянин Ондрюшка Чичка докупился у воеводы на Ливнах у Григорья Колтовского себе верстания... и поверстался з городом с Ливен, а прозвище себе написал тот Андрюшко буто он Агарков нашим родством, а тот Ондрюшко нам и в роду не бывал»⁵⁵. Нововерстанный сын боярский завладел тем самым двором, в котором прежде жил как крестьянин, а его сын на их же земле «насильством» поставил еще 3 крестьянских двора. Огарковы просили о даче грамоты к воеводе и суда на Ливнах. Их просьба была удовлетворена, но неизвестно, чем окончилось дело.

Уже в 30-е гг. XVII в. проявились новые тенденции в социальной политике, связанные с военными нуждами. Об этом свидетельствует, например, дело 1631 г. о поверстании поместными и денежными окладами селитреных мастеров путевльцев Дмитрия Горбунова и Дмитрия Лелякова, которые «были челом» о поверстании их наравне с путевльскими и черниговскими «новиками». В селитреных мастерах в то время была острая нужда, и их просьбу удовлетворили, им было позволено служить с детьми боярскими, Горбунову – с черниговцами, а Лелякову – с путевльцами⁵⁶. Оклады их составили 250 четвертей и 8 руб. Но это можно считать исключением, в основном в это время сохранялся старый взгляд на службу дворян и детей боярских: они должны служить з городом. Интересен случай с туляком Акимом Андреевым сыном Дуровым, который, видимо, во время Смоленской войны записался в солдаты. В 1639 г. в грамоте И.Б. Черкасскому в Тулу указывалось: «Ныне ему в салдатской службе быть не велено, для того что за ним помесье... быть з городом»⁵⁷. Дурова записали в дворянский список и сотню. Таким образом, наличие поместья в глазах властей предполагало именно городовую службу.

В конце XVII в. эти воззрения на службу детей боярских коренным образом изменились. Во второй половине века критерием годности к поверстанию з дети боярские все больше становится служба. Ярким примером является поверстание з дети боярские солдат выборного Московского полка А.А. Шепелева. Первое поверстание относится к 1660 г. Солдаты полка Шепелева, ведавшегося з Устюжской четверти, подавали члобитные о поверстании их поместными и денежными окладами, указывая свое происхождение, службы и полученные ранения. Как правило, все они участвовали в войне с Польшей, начиная с 1654 г. Некоторые из них «сказались детей боярских дети», другие «сказались иноземские дети», «казачьи дети», «стрелецкие дети», «из вольных людей, а отцы их были посадские люди, а иные де из них крестьянские дети». Верстались выходцы из различных городов: Нижнего Ломова, Белоозера, Вязьмы, Нижнего Новгорода, Ливен, Воронежа, Карабчева, Белева, Пронска, Великого Новгорода, Тамбова, Михайлова, Севска, Ряжска, Тулы, Веневы, Галича, Переславля Залесского, Вологды, Ярославля, Мурома, Кашина, Ростова, Пощеконья, Арзамаса, Устюга, Казани, Балахны, Можайска, Коломны. Всего было поверстано более 200 человек⁵⁸. Оклады им устанавливались з зависимости от прежних ранений – раненым 100 четвертей и 4 руб., «нераненым» – 80 четвертей и 3 руб. В связи с этим они проходили специальный осмотр

в Разряде. Некоторые солдаты просили о «придачах» к прежним окладам, называя себя детьми боярскими. В Разряде была, однако, сделана специальная оговорка, что имеется указ о «придачах» к окладам детей боярских, а указа о «придачах» казачьим детям нет⁵⁹.

Верстание солдат полка Шепелева продолжилось в 1670–1690-е гг. – солдаты верстались за участие в подавлении восстания Ст. Разина и за чигиринскую службу. Например, в 1683 г. челобитную о поместной земле подали солдаты полка Шепелева – сержант Игнатий Исаев сын Гребенков, Василий Осипов сын Смольянинов и с ним 30 человек. Эти солдаты в росписи названы детьми боярскими Романова города, служащими «с начатку тех полков» или с чигиринских походов. Они верстаны в 190 (1681/82) г., причем многие из них были из пашенных крестьян. По сказке И. Гребенкова (Гребенникова), «взят де он, Игнатей, в салдацкую службу с товарыщи своими... в первой выбор и служит с начала полку, ис казачьих детей. И пришод они с службы ис-под Риги, верстаны на Москву в Розряде... по Воронежу»⁶⁰. Оклады им установили 100 четвертей, 5 руб. и «придачи» также 100 четвертей и 6 руб. Вновь верстанным солдатам предлагалось «приискивать» земли в Воронежском уезде «из диких поль» по 20 четвертей на человека. Солдат же Василий Смольянинов сказал, что служит «с товарыщи» в солдатах со 186 (1677/78) г., «взяты ис пашенных крестьян от семей от отцов и от братьев»⁶¹. Их поверстали за службу в том же 190 (1681/82) г., со стандартными окладами – 100 четвертей на человека. Ими получены и земли в поместье, в том числе и неверстанными. Таким образом, эти солдаты полка Шепелева рассматривались в Разряде уже как дети боярские, хотя в списках полков они разделены по своему происхождению на «вольных людей» и собственно детям боярских.

В 1683 г. в Разряд поступил запрос из Иноземского приказа: «С прошлого со 187-го году по март нынешняго 191-го году Московского выборного генерала думного Агеева полку Алексеевича Шепелева солдаты московские жители кто имены верстаны вновь в дети боярские по Белоозеру и по иным городам и по какому государеву указу и за какие службы или за раны и которых они городов»⁶². Выписка в Разряде гласила, что в 1671 г. сентября в 28 день в указе царя Алексея Михайловича из Стрелецкого приказа в Разряд написано: «Пожаловал он, великий государь, Московского выборного Агеева полку Алексеевича Шепелева салдат детей боярских за низовую службу 179-го году, велел их написать, хто был з городом, того по дворовому, а из дворовых по выбору, а из выбору по жилецкому списку, а неверстанных написать з городом и поверстать поместными и денежными оклады». По этим примерам в 1680 г. верстаны по Белоозеру 3 человека с окладами 150 четвертей и 6 руб., 19 с окладами по 100 четвертей и 5 руб.; в 1682 г. 1 человек с окладом в 150 четвертей, 2 с окладами по 100 четвертей, по Ефремову 1 человек с окладом 200 четвертей и 7 руб., по Переславлю 1 человек с окладом в 150 четвертей, по Белоозеру 4 человека с окладами по 150 четвертей; в 1683 г. по Белоозеру 9 человек с окладами по 100 четвертей и 11 человек по Ельцу с такими же окладами. Служить они должны были по-прежнему в солдатах, «а про отцов своих они в скасках своих... написали, что отцы их служили казачью службу, а иные салдацкую в розных полках, а иные сказались, что они иноземцы польской породы». Имена верстанных и неверстанных солдат полка Шепелева можно найти в опубликованных А. Барсуковым атемарских десятнях 1669–1670, 1679–1680 гг. и керенской десятне 1692 г., где они записаны в особые рубрики. Указывается их происхождение – «казачьи и стрелецкие дети» и в ряде случаев упоминается об их поверстании в дети боярские⁶³.

Являлось ли верстание поместным и денежным окладами признаком изменения социального статуса и перехода в новый статус – дети боярские? На мой взгляд, все рассмотренные документы позволяют утверждать, что это было именно так. Обратимся еще к одному документы – челобитной 1649 г. ярославских верстанных казаков в Разряд. Атаман Федор Емельянов «с товарыщи», 30 человек, писали, что верстал их боярин Василий Петрович Морозов, окольничий Григорий Константинович Волконский и дьяк Потап Внуков и что служат они в Осколе «с оскольскими полковыми детьми боярскими в ряд», ходят в походы на крымских татар. Но они не получают денежного жа-

лованья, как дети боярские, так как не написаны в «оскольский список». На челобитной помета: «157-го генваря в 22 день. Государь пожаловал, буде верстаны, стары и службу служат конную, написать с детьми боярскими и жалованье против детей боярских по семи рублей дать на Осколе»⁶⁴. Таким образом, «верстание» и конная служба оказались достаточным основанием для получения статуса сына боярского в первой половине XVII в. Солдатская служба впервые в Московском государстве становится достаточным фактором для получения нового статуса уже во второй половине того же века.

Верстались в дети боярские и посадские люди. В фонде Разрядного приказа имеются документы о верстании посадских людей в Козлове и Курске. В обоих случаях посады подали челобитные о возвращении этих людей в тягло, однако резолюции по ним были разными. Козловцев, приписанных к посадским людям в 1649 г., а через год поверстанных в дети боярские, требовалось возвратить в прежнее сословие⁶⁵. Попытка возвратить в посад курчан – детей боярских – в 1656 г. не удалась, так как их верстали в Москве, они не жили на посадских землях и записаны в драгуны в полку Н.И. Одоевского. Кроме того, в это время в разгаре была война с Польшей. При составлении выписки об их верстании было установлено, что они крестьяне курских монастырей, по торговым промыслам записаны в посад, отцы же их в посаде не значатся. При верстании в Разряде в 1652/53 г. им даны сравнительно большие оклады – Якушко Петров сын Агарков – 200 четвертей, 6 руб., четвертым по 150 четвертей, 5 руб. Резолюция в Разряде гласила, что для «нынешние службы» отдавать их в тягло «государь не велел, а велел служить государеву службу с детьми боярскими в ряд»⁶⁶. В Пскове в дети боярские, а затем и по выбору был записан сын гостя Микулы Хозина – Василий. В 1675 г. псковские помещики жаловались в Разряд, что они вынуждены подчиняться Хозину, быть у него «в товарищах» при сборе стрелецкого хлеба: «...Он, Василий, пожалован из гостиной сотни по дворянскому списку внове, не в давных летех»⁶⁷. Поместный же оклад Василия Хозина был больше оклада тех, кто жаловался на него. В 1699 г. о верстании по г. Рыльску «был целом» купец гостиной сотни Афанасий Герасимов сын Нестеров. Свою просьбу он мотивировал тем, что по Рыльску с городом служил его родной дядя Семен Иванович Нестеров, который убит под Чигириным, и «ныне служит» брат Михаил Семенов сын Нестеров⁶⁸. Отец же его Герасим Нестеров был мастером «селистряного дела» в том же городе. Просьбу Афанасия Нестерова удовлетворили, он был написан с городом по Рыльску с окладом 250 четвертей и 8 руб. Через некоторое время вновь поверстанный подал челобитную, где просил избавить его от претензий со стороны воеводы, который «волочит меня по челобитью рыльских жителей гостиной сотни и спрашивают на мне в гостиную сотню десятую деньги и иных податей, и оттого мне чинятца харчи и убытки»⁶⁹. Нестеров просил послать «память» в Приказ Большой Казны с предписанием вычеркнуть его имя из книг гостиной сотни.

В число детей боярских записывались и подьячие. В 1649 г., например, подьячий приказной избы г. Карпова Никита Васильев сын Пенцов ссылался на службу своего отца, который служил лет с 30 и убит «в литовское разоренье», да и сам он служит с 13 лет вот уже 17 лет, был послан в Болхов, а затем в Карпов «для письма»: «А твоим царским жалованьем, поместным окладом в детишки боярские не верстан»⁷⁰, о чем и просит. Его прошение было удовлетворено, он получил оклад в 150 четвертей и 5 руб. Естественно, не было речи о записи его в списки, так как поверстанные подьячие продолжали заниматься прежней работой. В 191 (1682/83) г. в Новгороде площадной подьячий Емельян Водилов просил о поверстании его поместным и денежным окладами за службу его отца, служки Хутынского монастыря Михаила Водилова, посланного «в Свейскую землю для мирного договору». Он сидел в Швеции в заточении, «терпел нужу и бедность», а затем был отправлен в Москву с тайными отписками архимандрита Киприана. Впоследствии отец его «служил конную службу» «ис Хутынского монастыря», во время Смоленской войны был «в городе Дорогобуже в осаде». В Разряде были выписаны «ему на пример которые из розных чинов написаны по городом и верстаны помесными и денежными оклады из разборных списков 185 г. (1673) г.»:

Из стрельцов
Василий Евстратов сын Спякин
Моисей Семенов сын Тарасьев
Евстрат Лаврентьев сын Спякин
Ис подъячих
Варфоломей Максимов сын Шандин
А сродичи ево были церковные причетники
Алексей Харитонов сын Деревской
Ис холопей
Семен Микифоров сын Обрятин
Ис холопей же
В том же розборном списку написано
Псковичи в сотниках
Городовые
250 чети з городом по 8 руб[блей]
Карп Ефремов сын Рохнев
Отец у него был в подъячих

...

Ис посацких людей
Иван Филипов сын Семенов
Роман Михайлов сын Волков
Григорей Степанов сын Соболев,
а отец у него был в приставех»⁷¹.

Таким образом, мы видим, как широк был социальный спектр привлечения «розных чинов» в дети боярские. В монографии Н.Ф. Демидовой упоминается о том, что «во второй половине века... с нарушением строгой градации чинов бытоваля практика перевода некоторых старых подъячих в разряд выборных дворян»⁷². Это не означало перемены занятий, они только числились в составе верхушки городового дворянства. В «сметных списках» Белгородского разряда городовые подъячие писались выше детей боярских, иногда эта группа помещалась между детьми боярскими и казачьими атаманами⁷³. Однако в некоторых случаях после повестования в дети боярские менялся и сам характер службы повестанного. Так, например, в декабре 1682 г. подъячий тамбовской приказной избы Потап Третьяков просил разрешения служить службу с поместной земли по Тамбову с детьми боярскими и написать имя его в список, ссылаясь на имеющийся у него опыт военных походов. Он уже был верстани окладом (200 четвертей, 5 руб.) и имел поместье в 50 четвертей. В январе 1683 г. разрешено написать его с детьми боярскими «и служить ему полковую службу с такими людьми, которые того же и иных городов написаны ис подъячих...»⁷⁴. Интересно, что в марте того же года Третьяков по его же челобитной написан по дворовому списку⁷⁵. Около 1685 г. подъячий Поместного приказа Акиндин Булгаков «был челом» о повестании его поместным и денежным окладами и написании по Мценску по выбору, «а в подъячих... быть мне по-прежнему»⁷⁶. Решение по делу не сохранилось. Булгаков упоминал о том, что он в 193 г. был в Кромах «у писцового дела с приписью».

И наконец, многочисленны случаи повестования в дети боярские пашенных крестьян. Уже говорилось о беглых крестьянах, записывавшихся в дети боярские, и об изменениях в законодательстве по этому вопросу. Кроме того, существовали и крестьяне, повестанные в службу, а затем и в дети боярские совершенно легально.

В конце 40-х гг. XVII в. крестьяне ряда уездов записывались, согласно распоряжениям правительства, в солдаты и драгуны. Можно с достоверностью утверждать, что в ряде случаев их социальный статус кардинально менялся. В 1668 г. крестьяне «посопной» волости (т.е. волости, подать с которой выплачивалась зерновым хлебом) Короченского уезда С. Шиповский «с товарищи» подали коллективную челобитную об изменении их статуса⁷⁷. В ней говорилось, что они взяты в солдатскую службу с «государевой посопной земли» «с первого и последнея выбору» и служат наравне с детьми

боярскими, но не верстаны поместными окладами и денежным жалованьем. Обрабатывать же «посопную» землю они уже не имеют времени «за службами». Здесь же утверждалось, что многие крестьяне «посопной» волости испомещены в Короченском уезде, получают жалованье и служат на Короче «городовую службу» в детях боярских. Челобитчики просили о поверстании их окладами и справке «посопной земли» за ними в поместье в четверти. Служить же они хотят тоже на Короче городовую службу в детях боярских. Резолюции по челобитной в деле не сохранилось, известно, что она была послана короченским воеводой в Разряд, куда отправился и представитель челобитчиков – Дмитрий Зайцев⁷⁸. Каково бы ни было решение, интересно уже наличие самого представления о том, что подобное изменение социального статуса (и условий владения землей) возможно. В октябре 1673 г. в Разряде подали челобитную «соколеня» детишку боярские Микитка Андреев сын Долгополой с товарищи». В ней говорилось, что «служим мы... со 152-го году драгунскую службу, из драгунов пожалованы мы... в детишку боярский и на многих боях и на приступах бивались, против неприятельских людей бились, не щадя голов своих. А в прошлом, государь, во 179-м году были мы... на твоей великого государя службе под Танбовым и против воровских казаков бились, не щадя голов своих. Оклад нам... учинен по полтороста чети, а земли нам... против наших окладов не пожалованы, пашем, государь, своею братько з драгуны того ж села Кузменки, как владели, живучи изстари блаженные памяти за князь Алексеем Никитичем Трубецким»⁷⁹. Челобитчики просили отвести им землю по обе стороны речки Усть-Кузменки, отмежевать от драгунской земли и дать грамоту на владение этой землей в поместье. В выписке в Разряде указывалось, что прежде село Кузменки Лебедянского уезда было за боярином кн. А.Н. Трубецким, а в 156 (1647/1648) г. по указу оно отписано на великого государя, крестьяне же и бобыли были написаны в драгунскую службу, «а пашнями и всякими угодьями велено им владеть по-прежнему»⁸⁰. Оклады Дм. Долгополому «с товарищи» (32 человека) в 1667 г. устанавливались с придачами по 150 четвертей. Интересно, что в выписке указывалось на прецеденты таких земельных раздач драгунам детям боярским «добренцом и соколяном» в поместье в 180 и 181 (1671–1672) гг. В 1691 г. «Сокольского города жители детишки боярский полковья и городовья службы Петрушка Корогтаев с товарищи» жаловались на захват их наследственной земли другими соколянами – детьми боярскими Василием Коробовым «с товарищи». В челобитной упоминалось о грамоте царя Алексея Михайловича, данной на угодья и урочища их дедам и отцам с правом наследственного владения. В выписке по делу говорилось о том, что в 155 (1646/47) г. вотчина боярина кн. А.Н. Трубецкого в Лебедянском уезде, село Соколье, отписана на великого государя, а крестьяне записаны в драгунскую службу, «тою землею, которая за ними была, велено владеть им по-прежнему»⁸¹. Таким образом, данные дела демонстрируют процесс превращения бывших вотчинных крестьян в сокольских драгун, а затем и в детей боярских городовой драгунской службы. Следует подчеркнуть, что жаловались бывшие крестьяне в детях боярские не собственно из крестьян, но из солдат и драгун, т.е. служилых людей.

Своеборзным заключительным аккордом в ряду рассмотренных примеров звучит дело 1699 г. по доносу путинльца И.Л. Боровитинова на путинльского подьячего Осипа Котелкина (Котельникова). Боровитинов писал, что О. Котелкин, «утая свой стрелецкой чин», получил место подьячего в Путилье и служил «лет с шесть». Здесь же Боровитинов ссылается на изданный в 1698 г. указ: «Велено в городех быть в приказных избах в подьячих старым подьяческим детем да поповичем да дьячкам, а которые сидят в подьячих ис служивых людей, из дворян, из рейтар, из солдат, ис стрельцов, изо всяких служивых ис тяглых людей, и тех велено написать по-прежнему в те же службы, хотя которые и по твоим великого государя грамотам сидят, всех, а поместья и всякие их промыслы переписать»⁸². Узнав об этом указе, писал далее челобитчик, Осип Котелкин уехал из Путилья в Москву и просил в Разряде о написании его по дворянскому списку по Путилью. Его прошение было удовлетворено. Кроме того, жаловался челобитчик, Котелкин успел «набрать» себе «в прошлых годах поместий». Затем челобитчик упоминал об именном указе, состоявшемся, вероятно, в том же 207 (1698/99) г.: «А по

твоим, великого государя имиенным указом, велено, которые стрельцы, утая свой чин, написались по дворянскому списку, и их написать по-прежнему в стрельцы, а поместья их отдать членитчиком»⁸³. Донос И. Боровитинова имел успех – Осипа Котелкина (Котельникова) указывалось написать по-прежнему в стрельцы. Внимание исследователя привлекает прежде всего упоминание о ряде именных указов, предписывающих вновь записать в стрелецкую службу всех стрельцов, которые, «утая свой чин», записались в дворянские списки. Один из этих указов – упомянутый выше от 7 октября 1698 г. «О переписке служилых людей в городах Белгородского полку, о взятии от них сказок об их поместьях и о записке недорослей в службу»⁸⁴. Он был связан с подготовкой к предстоящим военным действиям. Однако каких-либо указов этого периода о возвращении стрельцов в прежнюю службу в ПСЗ не обнаружено. Тем ценнее это косвенное свидетельство об их существовании. Появление таких указов связано со стрелецким бунтом 1698 г., и этими указами Петр, вероятно, стремился предотвратить проникновение неблагонадежного «стрелецкого элемента» в дворянство и в армию вообще. Вскоре и само стрелецкое войско было упразднено. Однако уже этот пример позволяет видеть, как намечаются основные контуры петровского законодательства по вопросу о приобретении высуженного дворянства. Впоследствии петровская «Табель о рангах» значительно затруднила доступ в ряды дворянства представителям низших сословий по сравнению с положением дел в XVII в.: если ранее сама солдатская служба давала право на небольшое поместье и запись в соответствующие книги и списки, то в начале XVIII в. для этого будет необходим обер-офицерский чин.

Рассмотренный на примере документов Разрядного приказа процесс поверстания в дети боярские представителей низших сословий представляет собой крайне важное явление в истории дворянского сословия в России XVII в., позволяя говорить о незавершенности формирования этого сословия и о наличии в истории России XVII в. тех же связанных с упрочением абсолютной монархии тенденций (в частности, а nobilitации), что и в странах Западной Европы⁸⁵.

Примечания

¹ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции (далее – ОДБ). Кн. 8. М., 1891. Отд. III. С. 89–90.

² Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 141–142; Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 17.

³ Загоровский В.А. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 26.

⁴ Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.; Л., 1962.

⁵ Там же. С. 126.

⁶ Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 103, 105.

⁷ Там же. С. 105.

⁸ О запрете верстать детей «неслужилых» отцов в 1604 г. см.: Козляков В.Н. Источники о новичном перстании в первой половине XVII века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1991. С. 90–91.

⁹ ОДБ. Кн. 8. С. 92–99. Если А.Л. Станиславский безоговорочно признавал подлинность данной десятни, то Р.Г. Скрынников считал возможным изменение переписчиком ее заголовка (Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 249–250; Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 141–142).

¹⁰ ОДБ. Кн. 8. С. 101.

¹¹ Там же. С. 89.

¹² Там же. С. 90.

¹³ Загоровский В.А. Указ. соч. С. 29.

¹⁴ Там же. С. 90.

¹⁵ РГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, оп. 7 а. Дела разных городов, кн. 38, л. 2–17 об.

¹⁶ Там же, оп. 16. Поместный стол, стб. 143, л. 2.

¹⁷ ПСЗ. Т. 1. № 86. Стб. 273–280.

¹⁸ РГАДА, ф. 210, оп. 16. Поместный стол, стб. 143, л. 3–4.

¹⁹ Там же, оп. 6 д. Белгородский стол, кн. 30, л. 14–19.

- 20 Там же, оп. 10. Владимирский стол, стб. 116, л. 145–147.
- 21 Там же, оп. 12. Белгородский стол, стб. 395, л. 534–537.
- 22 Там же, стб. 350, ч. 1, л. 148.
- 23 Там же, оп. 12. Белгородский стол, стб. 224, л. 180–183.
- 24 Там же, стб. 358, л. 216–259.
- 25 Там же, стб. 437, л. 36–42.
- 26 Там же, стб. 503, л. 126.
- 27 Там же, стб. 599, л. 299.
- 28 Там же, л. 301.
- 29 Там же, стб. 772, л. 14.
- 30 Там же, л. 57, 59–61; стб. 779, л. 37–39.
- 31 Там же, стб. 772, л. 59.
- 32 Там же, стб. 794, л. 99.
- 33 Там же, л. 283–285.
- 34 Там же, стб. 1530, л. 272–275.
- 35 Там же, оп. 13. Приказной стол, стб. 121, л. 377–379.
- 36 Там же, оп. 12. Белгородский стол, стб. 378, л. 340; Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России... С. 124.
- 37 Там же, оп. 12. Белгородский стол, стб. 378, л. 340.
- 38 Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. ... С. 102.
- 39 РГАДА, ф. 210, оп. 12. Белгородский стол, стб. 428, л. 114.
- 40 Там же, л. 118–119.
- 41 Маньков А.Г. Развитие крепостного права... С. 128.
- 42 РГАДА, ф. 210, оп. 13. Приказной стол, стб. 693, л. 45.
- 43 Там же, л. 93.
- 44 Там же, л. 109.
- 45 Там же, оп. 12. Белгородский стол, стб. 1111, л. 1.
- 46 Там же, Расспросные речи 13 марта, л. 2–4.
- 47 Там же, л. 10.
- 48 Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России... С. 129–130. Публикацию этой дворянской че-лобитной и других коллективных че-лобитных дворянства о возвращении беглых см.: Новосельский А.А. Коллективные дворянские че-лобитные о списке беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVII вв. М., 1975. С. 303–343.
- 49 РГАДА, ф. 210, оп. 13. Приказной стол, стб. 885, л. 109.
- 50 Там же, стб. 900, л. 142.
- 51 Там же, л. 144.
- 52 Там же, л. 149.
- 53 Там же, оп. 13. Приказной стол, стб. 2, л. 207.
- 54 Там же, л. 211.
- 55 Там же, стб. 24, л. 522.
- 56 Там же, оп. 14. Севский стол, стб. 89, л. 75–76.
- 57 Там же, стб. 111, л. 219.
- 58 Там же, оп. 12. Белгородский стол, стб. 695, л. 3–70.
- 59 Там же, л. 120.
- 60 Там же, оп. 9. Московский стол, стб. 435, л. 117.
- 61 Там же, л. 119.
- 62 Там же, оп. 11. Новгородский стол, стб. 321, л. 207.
- 63 Десятии Пензенского края (1669–1696) / Изд. под ред. А. Барсукова. СПб., 1897 (РИБ. Т. 17). Стб. 225–227, 246–247, 446.
- 64 РГАДА, ф. 210, оп. 12. Белгородский стол, стб. 288, л. 117 об.
- 65 Там же, стб. 389, л. 62–65.
- 66 Там же, стб. 405, л. 651–660.
- 67 Там же, оп. 16. Поместный стол, стб. 89, л. 396.
- 68 Там же, оп. 14. Севский стол, стб. 448, л. 553.
- 69 Там же, л. 555.
- 70 Там же, оп. 12. Белгородский стол, стб. 303, л. 236.
- 71 Там же, оп. 11. Новгородский стол, стб. 320, л. 28–33.
- 72 Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 81.

⁷³ Там же. С. 82.

⁷⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 12. Белгородский стол, стб. 1045, л. 457–462.

⁷⁵ Там же, л. 373–374.

⁷⁶ Там же, оп. 14. Севский стол, стб. 362, л. 516.

⁷⁷ Там же, оп. 13. Приказной стол, стб. 380, л. 98–99.

⁷⁸ Там же, л. 97.

⁷⁹ Там же, оп. 16. Поместный стол, стб. 65, л. 1.

⁸⁰ Там же, л. 3.

⁸¹ Там же, стб. 900, л. 152.

⁸² Там же, оп. 14. Севский стол, стб. 381, л. 537.

⁸³ Там же.

⁸⁴ ПСЗ. Т. 3. № 1702.

⁸⁵ Европейское дворянство XVI–XVII вв.: Границы сословия / Отв. ред. В.А. Ведюшкин. М., 1997.

С. 266.

© 2003 г. О. В. ДИНЕЕВА*

БЕЗРАБОТИЦА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

(библиография по проблемам рынка труда)

Активный интерес российских исследователей к различным аспектам экономической и социальной истории России сегодня очевиден. Однако некоторые важные вопросы до сих пор остаются практически не исследованными. К ним относится и история безработицы в дореволюционной России¹.

Основная тому причина – скучная источниковая база. Специальной статистики безработицы, как впрочем и статистики труда, в дореволюционной России не велось. По замечанию известного русского статистика А.С. Орлова, условия труда и жизни рабочих «никогда не подвергались... систематическому и специальному изучению. Эти сведения собирались только попутно, в связи с какими-нибудь ведомственными исследованиями ради фискальных, административно-полицейских и иных государственных целей»². Современный исследователь истории рабочего класса Ю.И. Кирьянов, анализировавший текущую промышленную статистику, неоднократно констатировал, что «по таким вопросам, как бюджеты рабочих, *безработица* (выделено мною. – О.Д.), сведения вообще не собирались»³. Данные по безработице отсутствуют и в материалах всеобщей переписи населения 1897 г. Из более чем 30 городских переписей, проведенных в 15 городах Российской империи за период с 1890 по 1917 гг.⁴, только в пяти случаях (в Петербурге в 1900 и 1911 гг., в Москве в 1902 и 1912 гг. и в Баку в 1913 г.) графа «безработные» была введена в переписные листы⁵. Таким образом, исследователь не найдет ни официальной статистики численности безработных в дореволюционной России, ни данных по бюджетному обследованию этой социальной группы.

Тем важнее для рассмотрения проблемы безработицы выявить максимально широкий круг материалов, использование которых позволит характеризовать различные стороны такого многопланового по своим последствиям явления социально-экономической жизни России начала XX в. Среди них следует рассматривать и специальную библиографию, которая не является источником только библиографической информации. Она отражает уровень изученности проблемы, проявляемый обществом интерес-

* Динеева Оксана Владимировна, заведующая читальным залом отечественной истории Государственной публичной исторической библиотеки.

рес к ней и в определенной степени показывает, как исторически развивалось само явление.

Существуют два специальных библиографических указателя по вопросам рынка труда (изданные в 1920-х гг. в Советской России⁶), которые включили в себя издания по проблемам безработицы дореволюционного периода. Их появление было вызвано необходимостью решения задач, стоявших перед Советской властью в области организации труда и развития производства. Страна, в течение шести лет бывшая театром военных действий, потеряла не только основной промышленный потенциал, но и пережила колоссальные волны миграции населения. Поэтому, когда в начале 1920-х гг. основные вопросы управления переместились в хозяйственную сферу, оказалось, что число безработных значительно превышает количество рабочих мест. Использование опыта дореволюционной России и западных стран в решении проблем безработицы становилось актуальным для принятия решений новой властью. И поскольку проблема безработицы стала государственной, неудивительно, что первый указатель о рынке труда был издан государственным учреждением – Народным комиссариатом труда (НКТ).

«Указатель литературы по вопросам рынка труда на русском языке» вышел в свет в 1922 г. и содержал 332 названия, из которых проблем безработицы касались 47. Помимо общих работ по вопросам безработицы, составители включили в указатель также публикации о страховании от безработицы и роли профессиональных союзов в борьбе с ней. «Указатель литературы по рынку труда и борьбе с безработицей», изданный в 1925 г., был уже авторским. Его составитель А.Н. Исаев представил 1556 библиографических записей. Из 11 разделов этого указателя в трех (VI, VII, IX) собрана литература о безработице: «Анализ и освещение общего состояния безработицы (обзоры, отчеты и т.д.)», «Борьба с безработицей», «Производительность труда и безработица». Если в указателе НКТ издания по безработице составляли только 14% всех записей, то у Исаева их объем составил уже 31.7%. Однако их основная часть (87.8%) относится к периоду с 1918 г. При этом если в Указателе НКТ были представлены только самостоятельные издания и статьи в журналах, то Исаев перечислил также статьи из наиболее крупных, главным образом столичных, газет⁷.

Оба указателя зафиксировали всего 2 публикации по проблемам безработицы, изданные до 1900 г. Характерно, что сам термин «безработица» впервые появился в словаре Академии наук лишь в 1891 г.⁸ и обозначал «время, когда нет работы, возможности заработка»⁹. Понятие еще не было точно определено как социально-экономическое явление и, по словам американской исследовательницы истории благотворительности в России А. Линденмейер, означало что-то среднее между «праздностью» и «безработицей»¹⁰.

Именно в этом ключе рассматривалась проблема безработных в статье С. Курнина «Безработные на Хитровом рынке в Москве» (1898). В ней были представлены результаты обследования населения Хитрова рынка, проведенного Мясницким городским попечительством о бедных. Хитровка, в районе которой находилось несколько ночлежных домов, традиционно являлась местом скопления большого числа пришлых людей, стихийным рынком найма неквалифицированных рабочих, как правило, на поденные работы. Одновременно с теми, кто попадал на Хитров рынок в поисках работы, ночлежками пользовалось значительное количество нищих, бродяг, пьяниц. По данным обследования, 38% проживающих на Хитровом рынке были постоянными обитателями ночлежных домов¹¹. Очевидно, С. Курнин, как и авторы программы обследования, не разделял эти категории населения. Тем не менее выводы, сделанные автором относительно половозрастного и социального состава населения, а также условий жизни в этом районе города, имеют большое значение для характеристики безработицы как явления того периода.

В 1898 г. отдельным изданием вышла речь В.И. Герье «О способах помощи безработным», произнесенная им на 2-м годичном собрании Попечительства о домах трудолюбия. Будучи одним из гласных Московской городской думы и организатором московских попечительств о бедных, он рассматривал проблему безработицы прежде все-

го с точки зрения задач, стоящих перед муниципальными властями в деле организации помощи беднейшему населению. Автор, хорошо знакомый с опытом западноевропейских стран, подробно остановился на различных системах страхования от безработицы, в том числе на опыте отдельных кантонов Швейцарии, использовавших существовавшие общества взаимопомощи и профессиональные организации рабочих как учреждения, через которые осуществлялось страхование. Герье считал, что «обязанность прийти к ним на помощь лежит прежде всего на Попечительстве о домах трудолюбия»¹². При этом очевидно, что в конце XIX в. проблему безработицы в России еще пытались решить в рамках существовавшей системы благотворительной помощи беднейшему населению.

В следующей группе публикаций я объединила издания с 1900 по 1914 гг. включительно. Выбор таких временных рамок не случаен. 1900 г. в литературе единодушно признается первым годом проявления в России мирового экономического кризиса, хотя, по признанию исследователей, отдельные его черты стали заметны значительно раньше¹³. Но именно тогда страна впервые столкнулась с практикой массового закрытия предприятий и почувствовала ее последствия – индустриальную безработицу. Не менее значимым стал для страны и 1914 г.: вступление России в Первую мировую войну радикально изменило состояние рынка труда, нарушив сложившееся равновесие спроса и предложения.

Всего с 1900 по 1914 г. по интересующей нас теме было опубликовано 45 работ. За этот 14-летний период публикации появлялись далеко не равномерно. Как это не покажется странным, но до 1906 г. количество изданий по безработице было очень незначительным. За шесть предшествующих лет вышло работ меньше, чем за один 1906 г. И это несмотря на то, что по официальным данным фабричной инспекции только за период с 1900 по 1902 г. численность промышленных рабочих сократилась на 51 тыс. человек и были закрыты 2,5 тыс. предприятий¹⁴. «Русская мысль» в 1902 г. в разделе «Внутреннее обозрение» сообщала о безработице в Риге и во Владикавказе, массовых увольнениях в Вильно и других местностях Российской империи¹⁵. В большей части изданий, опубликованных до 1906 г. в России, освещался почти исключительно западноевропейский и отчасти американский опыт в решении проблем безработицы. В это время в русском переводе вышли труды Д. Гобсона, Г. Адлера, Э. Вайяна, В.А. Гагена и др.¹⁶

Авторы-социалисты Д. Гобсон и Э. Вайян, не вдаваясь в подробности, признавали безработицу неизбежной составляющей капиталистического общества¹⁷, для снижения ее масштабов рекомендовалось сокращение рабочего дня, ограничение труда женщин и малолетних. Называя это «социалистическим законодательством», Гобсон в действительности предлагал меры по охране и регулированию труда, к которым Вайян добавлял еще установление минимальной заработной платы, запрещение сверхурочных работ и др.¹⁸ Будучи действующим политиком (член Палаты депутатов Франции с 1893 г.), Вайян придавал значение и таким мероприятиям, как организация государственных общественных работ и поддержка обязательного страхования от безработицы¹⁹. Характерно, что из переводных книг читатель узнавал не только о проводимых в западноевропейских государствах мероприятиях по облегчению положения безработных, но и о возникающих в связи с этим трудностях.

Революция 1905–1907 гг. значительно изменила отношение общества ко многим проблемам, в том числе и к вопросу о безработице. Положительную роль сыграла здесь и отмена предварительной цензуры. Всего за 1906–1908 гг. вышли в свет 26 публикаций о безработице. Во многом обращение издателей к этой теме было обусловлено политическими и экономическими проблемами, которые встали перед российским обществом накануне и в ходе революции. Неоднозначно оценивая состояние российской промышленности в 1904–1909 гг., исследователи, однако, отмечают, что начавшееся еще в конце 1903 г. оживление в ряде отраслей хозяйства России было прервано русско-японской войной и революционными событиями, вызвав, таким образом, новые кризисные явления²⁰. По оценке специалистов, вплоть до 1909 г. выход из кризиса носил крайне неровный, спазматический характер, и только со второй половины 1909–1910 гг. от-

мечалось начало стабильного подъема экономики²¹. Кризис и депрессивное состояние экономики, отражавшиеся на всех отраслях хозяйства, сопровождались заметным сокращением численности занятых, что являлось одним из важнейших показателей переживаемых страной экономических трудностей.

Количество сообщений о безработице в прессе особенно выросло в 1906 г. Уже к марта число безработных в обеих столицах превышало 60 тыс.²². В Одессе, по данным Л.М. Клейнборта, безработными были более 12 тыс. человек, в Лодзи – 18 тыс.²³. По подсчетам фабричной инспекции, к концу 1906 г. численность только рабочих-металлистов на предприятиях, подчиненных ее надзору, сократилась на 15 тыс. человек (5%), в 1908 – на 9 тыс. (3.6%)²⁴. При этом труженики металлообрабатывающей промышленности представляли собой наиболее квалифицированную часть рабочего класса, уровень заработной платы которых был на 63% выше среднего заработка в промышленности Российской империи²⁵.

Исследование движения безработных Москвы и Петербурга показало, что количество безработных в 1905–1907 гг. «возрастало преимущественно за счет увольнений высококвалифицированных, сравнительно молодых, трудоспособных рабочих, в основном тех отраслей промышленности, которые в большей степени были охвачены революционной борьбой»²⁶. Связь безработицы 1905–1907 гг. с политической ситуацией в стране неоднократно отмечалась в литературе²⁷. Предприниматели с молчаливого согласия правительства использовали безработицу как средство давления на революционное движение. Взаимосвязь экономических трудностей, безработицы и революционных выступлений не просто усиливала внутреннюю нестабильность, но и грозила стране политическим и экономическим хаосом. Естественно, такое положение не могло не отразиться в публицистике, научной литературе, массовых изданиях. Начиная с 1906 г. практически все публикации по данной проблеме принадлежали российским авторам, причем значительная их часть появилась в специализированных журналах. «Известия Московской городской Думы» напечатали несколько статей А. Глебова об организации помощи безработным в городах Германии и кантонах Швейцарии²⁸. В них подробно рассматривались схемы страхования на случай безработицы, принятые в разных государствах (гентская система страхования, страхование от безработицы в Страсбурге, Базеле и др.). Подробно излагались условия страхования, компенсационные выплаты, их зависимость от денежных взносов самого рабочего, продолжительность этих выплат и т.д. В 1907 г. вышла книга Н.И. Суворова «Безработица и страхование от ее последствий в Западной Европе», а в 1908 г. отдел промышленности Министерства торговли и промышленности выпустил труд «Страхование на случай безработицы в Западной Европе и в Соединенных Штатах Северной Америки». Обе книги составлены на основе обширной работы германского статистического бюро «Страхование от безработицы в Германии и в других странах», опубликованной в 1906 г. По мнению авторов, в деле предупреждения безработицы значительную роль должны были сыграть посреднические бюро по спросу и предложению труда, существовавшие в Германии²⁹.

На фоне подъема массового рабочего движения рост масштабов безработицы в России к 1906 г. вызвал к жизни не только исследовательские труды, анализировавшие опыт западных стран по оказанию помощи безработным, но и ряд изданий социал-демократического направления. Небольшие брошюры или статьи под названием «Кризис и безработица», «О безработице» были рассчитаны на рабочую аудиторию и представителей демократической интеллигенции³⁰. В них, как правило, сама безработица и ее причины объяснялись исходя из марковской концепции резервной армии труда, а главным средством борьбы с ней объявлялось уничтожение частной собственности на средства производства³¹. Помощь безработным через традиционно сложившуюся систему благотворительности и организация общественных работ городскими властями расценивались не иначе как «лечение социальных зол путем припарок», а главным лозунгом момента провозглашалось «право на труд»³².

С 1906 г. впервые стали появляться не только подробные сведения о безработице в Европе, но и публикации о положении безработных в России. Особое внимание уделя-

лось одной из первых организаций безработных – Совету безработных С.-Петербурга³³. Один из очерков, опубликованных в журнале «Образование» в 1908 г., принадлежал лидеру петербургского Совета безработных В.С. Войтинскому и вышел под псевдонимом «Сергей Петров». Автор знакомил читателя с общественными работами, организованными для петербургских безработных, их финансированием и т.д. К несомненным достижениям петербургских общественных работ Войтинской относил их разнообразие и техническую сложность, что позволяло безработным использовать свои профессиональные навыки. Вместе с тем он особо выделил земляные работы, которые, по его мнению, «могут быть признаны вполне подходящим материалом для организации трудовой помощи населению при массовой безработице, обусловленной кризисом», поскольку они «допускают почти в неограниченном количестве приложение неквалифицированного труда. Только на земляных работах большая часть издержек идет на оплату рабочей силы»³⁴.

В печати обсуждались не только проблемы столичных безработных. В «Известиях Московской городской думы» за 1907 г. был опубликован подробный отчет о мерах против безработицы, принимавшихся городскими управлениями в Астрахани, Ростове-на-Дону, Самаре. Концентрация массы как местных, так и пришлых безработных потребовала от городских управлений Ростова-на-Дону и Самары организаций общественных работ летом 1906 г.³⁵ При этом в Астрахани основная часть выделенных денежных средств была направлена на оплату проезда безработных на родину. Полицейский характер подобной меры вполне соответствовал общей направленности тех мероприятий, которые обычно применяло российское правительство для решения сложных вопросов, связанных с взаимоотношениями рабочих и предпринимателей. Характерно, что астраханские муниципальные власти объясняли свою позицию тем, что «оставление... значительного числа пришлого безработного люда на зиму в конце концов может потребовать от города значительно больших затрат по организации общественных работ и т.п., чем могло бы быть израсходовано на помочь рабочим по выезду из Астрахани...»³⁶

Заметным явлением в освещении проблем безработицы в России стало появление статей Л.М. Клейнборта, основанных как на его собственных наблюдениях, так и на обширном газетном материале. Факты, взятые из официальной («Торгово-промышленная газета»), либеральной («Русские ведомости», «Речь») и демократической («Светоч», «Призыв») прессы, перемежались с эмоционально-публицистическими оценками автора. Именно в его работах наиболее четко прозвучала характеристика массовой безработицы 1906 г., которая «поддерживается... не экономическими причинами только, а явно выраженной провокаторской политикой» русского самодержавия вместе с русской буржуазией³⁷. В отличие от Глебова, Клейнборт считал, что лозунг общественных работ – «это самое лучшее, что можно было выставить». Вместе с тем к важнейшим средствам борьбы с безработицей он относил 8-часовой рабочий день, ликвидацию сверхурочных работ, законодательную охрану труда и государственное страхование рабочих³⁸. Впоследствии все очерки Клейнборта, опубликованные в журналах «Образование» и «Современный мир», были объединены в книгу «История безработицы в России, 1857–1919», увидевшую свет в 1925 г. и поныне остающуюся единственным изданием, где была предпринята попытка дать цельную картину безработицы в дореволюционной России.

Начиная с 1909 г. наблюдается значительное снижение числа публикаций по проблемам безработицы. За 6 лет (1909–1914 гг.) вышло лишь 11 работ, причем две из них, изданные в 1912 г., лишь условно можно отнести к интересующей нас теме. В брошюре Ф. Клинчина «Общественные работы как мера борьбы с последствиями неурожая» (СПб., 1912) общественные работы, организуемые земствами, рассматривались как средство помочи голодающему крестьянству, а В.Ф. Тотомианц в статье о борьбе с нищенством о безработице даже не упоминал³⁹. Все это объяснялось тем, что уже со второй половины 1909 г. в России начался промышленный подъем, и безработица, хотя и продолжала иметь место, уже не так остро беспокоила российскую общественность. Тем не менее появившиеся тогда статьи продолжали традицию предыдущих лет и зна-

комили российского читателя с новейшими мероприятиями в деле помощи безработным, проводившимися в ряде западноевропейских государств. Однако их авторы подчеркивали, что универсального средства для разрешения столь сложной проблемы, как безработица, на Западе пока не найдено⁴⁰.

Из работ, изданных в этот период, отметим также книгу Войтинского «Безработица и локауты», где теоретическое осмысление проблемы сопровождалось публикацией фактического материала о численности безработных в разных странах за последнее десятилетие. В разделе о размерах безработицы автор остановился на опыте рабочих союзов по определению численности безработных, поскольку методы, используемые городскими думами для учета безработных, Войтинский считал направленными на занижение их численности. Не осталась без внимания автора и деятельность профсоюзных союзов в условиях безработицы. Вместе с тем такой важный вопрос, как помочь безработным со стороны государственных и муниципальных учреждений, Войтинский лишь обозначил, подчеркивая, что на первом месте в деле борьбы с безработицей должна стоять законодательная охрана труда⁴¹.

Первая мировая война внесла в ситуацию с освещением проблем безработицы свои корректизы. Количество изданий, опубликованных с 1915 по 1917 гг., в анализируемых указателях различно: 6 – в издании 1922 г. и 17 – в указателе 1925 г. Однако в обоих указателях прослеживается сходная картина: в 1915 г. изданий по указанной теме не выходило вовсе, но затем их количество стало постепенно расти. В.П. Милютин, изучавший развитие экономики в период войны и в первые годы Советской власти, отмечал, что хозяйственная нестабильность первых месяцев войны сменилась в 1915 г. быстрым развитием тех отраслей промышленности, которые были связаны с военным производством. Это привело к тому, что «по данным Всероссийского бюро труда… спрос на рабочие руки вдвое превышал предложение труда»⁴². По мнению Клейнборта, «с самого начала войны трудно было сказать, что перед нами – безработица или недостаток рук»⁴³.

В этих условиях лейтмотивом публикаций стала не безработица как таковая, а анализ состояния рынка труда в целом. Отдел по обеспечению промышленных предприятий рабочим составом Центрального военно-промышленного комитета подготовил и издал в двух выпусках «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка» (Пг., 1916–1917). Эти материалы представляют собой таблицы, отразившие изменение численности рабочих, их половозрастной состав, распределение по отраслям и губерниям с 1910 по 1915 гг. (в ряде случаев приводились данные и за 1916 г.). В качестве источников статистических материалов использовались как данные государственных структур – цифровые сведения «Сводов отчетов фабричных инспекторов», «Сводов статистических данных по железнодорожной промышленности», так и сведения крупных предпринимательских объединений – Совета съездов горнопромышленников юга России, Совета съездов бакинских нефтепромышленников, Общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, Всероссийского общества льнопромышленников. При сборе данных составители использовали уникальные материалы муниципальных учреждений – петроградской и московской бирж труда. В комментариях к таблицам составители отмечали, что, по данным фабричной инспекции, сокращение общей численности рабочих в конце 1914 г. уже к лету 1915 г. сменилось спросом на рабочие руки⁴⁴. В то же время произошли значительные изменения в соотношении квалифицированных и неквалифицированных рабочих: «На рынке есть люди, но нет специалистов», – отмечала петроградская городская биржа труда⁴⁵.

Статья аналитического характера «К характеристике рабочего рынка в России во время войны (по данным местных и Всероссийского бюро труда)» была опубликована в журнале «Экономическое обозрение» (1916, № 1–2). Ее автор А. Михайлов, анализируя состояние трудового посредничества накануне войны, отмечал, что «мировая война застала рабочий рынок в России совершенно неорганизованным»⁴⁶. Лишь в нескольких городах (Тифлис, Москва, Петербург) существовали биржи труда, которые могли обслужить только ограниченный круг лиц. Перелом в середине лета 1915 г. сопровождался массовым перемещением беженцев и выселяемых и вызвал значительный

рост многочисленных бюро труда при городских и земских учреждениях самоуправления. Однако предложения труда были рассчитаны почти исключительно на неквалифицированную рабочую силу⁴⁷.

В журналах «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Промышленность и торговля» появились статьи, характеризующие состояние рынков труда во Франции, Англии, Германии. За всплеском безработицы в начале войны (до 21% в Германии и 40% во Франции) последовало резкое снижение уровня безработицы до 1–2% к февралю–марту 1916 г. Вместе с тем шел процесс замены «обученных рабочих полуученными, а подчас и вовсе необученными»⁴⁸. Таким образом, читателя подводили к мысли о том, что трудности, переживаемые российской экономикой, сродни тем, которые испытывали европейские государства.

Между тем в России уже со второй половины 1916 и особенно в 1917 г. разыгрались топливный, транспортный и сырьевой кризисы, что в итоге привело к закрытию значительного количества предприятий, а также к частичному сокращению производства на действующих заводах и фабриках. Так, по данным Министерства торговли и промышленности, только «с 1 марта по 1 августа 1917 года закрылись по всей России 568 предприятий с общим числом рабочих в 104372 человека»⁴⁹. «Безработица начинает принимать массовый характер... Хозяйственная разруха растет с каждым днем», – сообщали в июле 1917 г. «Известия Московского Совета рабочих депутатов»⁵⁰.

Именно в 1917 г. проблема помощи безработным стала снова активно подниматься в печати, причем если во Франции или Германии речь шла об использовании уже имевшегося опыта, то в России по-прежнему дискутировался вопрос о необходимости организации страхования по безработице⁵¹. Примечательно, что чаще всего наиболее активно данная проблема обсуждалась в рабочей прессе. В тех же «Известиях Московского Совета» от 6(19) июля 1917 г. Министерству труда настойчиво рекомендовалось «наметить сложный план государственных и общественных работ». При этом подчеркивалось, что «все эти меры могут лишь уменьшить грозные размеры безработицы», тогда как ведущая роль должна принадлежать государственному страхованию от безработицы⁵².

Таким образом, материалы данного сообщения наглядно подтверждают тот факт, что биографические сведения могут быть использованы в качестве дополнительного источника для изучения состояния рынка труда в дореволюционной России и, в частности, размеров безработицы и мер по борьбе с нею.

Примечания

¹ См.: К л е й н б о р т Л.М. История безработицы в России. М., 1925; Р о з и н а О.В. Безработные рабочие Петербурга и Москвы в 1906 г. // Из истории рабочего класса России в период империализма. М., 1983; Б о л ь ш а к о в В.Н. Безработица на рынке индустриального труда в Сибири в период империализма // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987; М и х а й л о в Н.В. Петербургский Совет безработных и рабочие Петербурга в 1906–1907 гг. СПб., 1998.

² О р л о в А.С. Положение и ближайшие задачи статистики труда в России // Труды подсекции статистики XII съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Москве. Чернигов, 1912. С. 509.

³ К и р ь я н о в Ю.И. Источники о положении рабочего класса России (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы источниковедения истории Первой русской революции. М., 1977. С. 222.

⁴ Г о з у л о в А.И. Местные переписи населения до революции // Ростовский-на-Дону финансово-экономический институт. Ученые записки. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1941. С. 254. Табл. 2.

⁵ См.: Безработица // Большая советская энциклопедия. Т. 5. М., 1927. Стб. 214.

⁶ У к а з а т е л ь литературы по вопросам рынка труда на русском языке / Наркомат труда. Вып. 1. М., 1922; И са е в А. Указатель литературы по рынку труда и борьбе с безработицей. М., 1925.

⁷ И са е в А. Указ. соч. С. 3.

⁸ В издании в 1891 г. третьем томе энциклопедического словаря, выходившего под редакцией И.Е. Андреевского и больше известного как словарь издательства Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, рубрика «безработица» отсутствует.

⁹ Словарь русского языка, составленный 2-м отделением императорской Академии наук. Вып. 1. СПб., 1891. Стб. 157.

¹⁰ Lindenmeier A. Poverty is not a vice: Charity, society and the state in Imperial Russia. Princeton, 1996. Р. 168. Любопытно, что в Англии слово «безработица» широко не употреблялось до середины 1890-х гг. До этого те, кто соприкасался с этим явлением, прибегали к таким сложным выражениям, как «желание работы» и «вынужденное безделье». Обычное немецкое слово для обозначения безработицы «Arbeitslosigkeit» («нахождение без работы») также редко использовалось до 1890-х гг. Маркс, анализируя вопрос о безработных в «Капитале», использовал термин «die Unbeschäftigen», т.е. «праздные» или «не занятые», а не «die Arbeitslosen» (см.: Gaggat J.A. Unemployment in History: Economic thought and public policy. N. Y., 1978. Р. 4).

¹¹ Курин С. Безработные на Хитровом рынке в Москве // Русское богатство. 1898. № 2. С. 169 (2-я паг.).

¹² Герье В.И. О способах помощи безработным. СПб., 1898. С. 52.

¹³ Бовыкин В.И. Динамика промышленного производства в России (1896–1910 гг.) // История СССР. 1983. № 3. С. 22; Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. М., 1955. С. 250.

¹⁴ Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России: ист.-экон. очерки. М., 1958. С. 42. Табл. 13.

¹⁵ Русская мысль. 1902. № 12. С. 190–191.

¹⁶ См.: Адлер Г. О безработице / Пер. с нем. СПб., 1903; Гобсон Д. Проблемы бедности и безработицы / Пер. с англ. СПб., 1900; Вайян Э. Кризис и безработица / Пер. с франц. СПб., 1905; Гаген В.А. Безработица в Германии и меры борьбы с нею (социально-политический этюд). СПб., 1904. С. 29, 31.

¹⁷ Вайян Э. Указ. соч. С. 29; Гобсон Д. Указ. соч. С. 240–241.

¹⁸ Вайян Э. Указ. соч. С. 31; Гобсон Д. Указ. соч. С. 59.

¹⁹ Вайян Э. Указ. соч. С. 31–37.

²⁰ Мендельсон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. 3. М., 1964. С. 138.

²¹ Яковлев А.Ф. Указ. соч. С. 362; Бовыкин В.И. Указ. соч. С. 22; Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг.: проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 17, 19.

²² Розина О.В. Безработные рабочие... С. 63.

²³ Клейнборг Л.М. История безработицы в России. С. 104.

²⁴ Рашин А.Г. Указ. соч. С. 49. Табл. 15.

²⁵ Кирьянов Ю.И. Экономическое положение рабочего класса России накануне революции 1905–1907 гг. // Исторические записки. Т. 98. М., 1977. С. 159.

²⁶ Розина О.В. Положение и борьба безработных рабочих Петербурга и Москвы в годы Первой российской революции: Диссертация ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 56.

²⁷ Клейнборг Л.М. История безработицы в России. С. 88; Розина О.В. Безработные рабочие... С. 63.

²⁸ Глебов А. Общественные работы в германских городах // Известия Московской городской думы. 1906. № 5; е го же. Страхование от безработицы // Там же. 1906. № 19; е го же. Страхование от безработицы в Базеле // Там же. 1908. № 11 и др.

²⁹ Страхование на случай безработицы в Западной Европе и в Соединенных Штатах Северной Америки. СПб., 1908. С. 190.

³⁰ Зайцев Д.М. Кризис и безработица. СПб., 1906; Самойлов Д. О безработице. М., 1906.

³¹ См. напр.: Самойлов Д. Указ. соч. С. 41.

³² Зайцев Д.М. Указ. соч. С. 20, 31.

³³ Там же. С. 28–31.

³⁴ Петров С. Общественные работы в Петербурге в 1906–1907 гг. // Образование. 1908. № 4. С. 48. (2-я паг.).

³⁵ Меры против безработицы и безработных в Астрахани, Ростове-на-Дону и Самаре // Известия Московской городской думы. 1907. № 1. Отдел общий. С. 59–62.

³⁶ Там же. С. 60.

³⁷ Клейнборг Л. Безработица в Петербурге. Безработица в провинции. Как борется с ней правительство. Как борется с ней буржуазия. Совет безработных // Образование. 1906. Кн. 4. С. 102 (2-я паг.).

³⁸ Е го же. Безработица и движение безработных. СПб., 1906. С. 63, 67.

³⁹ Тотомианц В.Ф. Борьба с нищенством // Экономист России. 1912. № 27. С. 5.

⁴⁰ А.Б. Страхование от безработицы // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1910. № 1. С. 19.

⁴¹ Войтinskий Вл. Безработица и локи туры. СПб., 1914. С. 7, 20, 27, 28.

⁴² Милютин В.П. История экономического развития СССР. 1917–1932. М.; Л., 1928. С. 39.

⁴³ Клейнборг Л.Н. Безработица и борьба с нею. Пг., 1917. С. 5.

⁴⁴ Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка. Вып. 1. Пг., 1916. С. 17, 38.

⁴⁵ Там же. С. 51.

⁴⁶ Михайлов А. К характеристике рабочего рынка в России во время войны (По данным местных и Всероссийского бюро труда) // Экономическое обозрение. 1916. № 1. С. 135.

⁴⁷ Там же. С. 134, 135, 138, 142.

⁴⁸ Долинский Н. Английский рабочий рынок в 1916 году // Промышленность и торговля. 1917. № 5 (249). С. 113; П.А. Из Парижа. Борьба с безработицей во время войны // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 6. С. 208; Помощь безработным в Германии // Там же. 1917. № 32. С. 166.

⁴⁹ Милютин В.П. Указ. соч. С. 43.

⁵⁰ Юзевич - Шпинак И. Безработица и борьба с ней (Из итогов профессионального съезда) // Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917. № 104. 6(19) июля. С. 2.

⁵¹ Байков В. Страхование от безработицы. М., 1971; Вигодарiev Н.А. Страхование на случай безработицы. Пг., 1917.

⁵² Юзевич - Шпинак И. Указ. соч. С. 2.

© 2003 г. В. Ю. ЗОРИН*

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОМ КОМПОНЕНТЕ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Россия имеет многовековой опыт организации мирного сожительства различных по происхождению, культуре и многим другим цивилизационным параметрам этносов. При этом именно в XX в. сформировались и приобрели решающее значение особенно важные составляющие этнополитики, оказавшие ощутимое воздействие на ее состояние в современных условиях. За прошедшее 100-летие в стране произошли четыре революции, которые приводили к радикальной ломке государственного устройства, всегда связанной с полигенетичностью общества. Россия прошла путь от империи к кратковременному опыту демократической буржуазной республики, затем через распад единого государства на всевозможные унитарные и федеративные образования к сбiorанию регионов бывшей монархии в советскую федерацию с внушительным набором черт унитаризма и наконец к созданию постсоветской президентской республики федеративного типа.

Трансформации социальной структуры общества, сопровождавшие смену форм собственности и производственных отношений, давали толчок формированию нового типа этнического развития, а также разнообразных межэтнических взаимосвязей. Столь же серьезные сдвиги происходили в идеологической жизни общества, а также в системе его культурных ценностей и норм. Все это, в свою очередь, влияло на сущность и формы этноконфессиональной составляющей внутренней политики государства, на положение, самочувствие и развитие населяющих Россию народов. Не менее глубокое воздействие на этнические компоненты жизнедеятельности общества оказали две мировые и Гражданская войны, а также различающиеся по своим причинам, направленности, составу и последствиям миграционные процессы, связанные с неоднозначными социальными процессами на евразийском пространстве СССР и России. При этом нельзя не учитывать, что каждый российский этнос, участвуя в жизни всего государства в целом, прошел в XX в. весьма непростой собственный путь развития.

Обобщение и анализ уникального наследия прошлого во всем его многообразии крайне важны для решения этноконфессиональных проблем современной России. Некоторые выводы и предложения, связанные с состоянием и перспективами отечественной историографии и истории этноконфессиональной политики, изложены в предшествующих публикациях автора настоящей статьи¹. Вместе с тем какие-то аспекты столь многогранной проблемы требуют еще дополнительного обсуждения.

* Зорин Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, министр Российской Федерации.

Остается, в частности, актуальным опыт деятельности Государственной Думы Российской империи в этноконфессиональной области, где в начале XX в. накопилось немало серьезных противоречий. При этом показательно, что депутаты Думы, представляющие окраины страны, нередко идеально и организационно консолидировались именно по этноконфессиональному признаку. Так, уже в I Думе (1906) существовала группа так называемых автономистов, включавшая поляков, литовцев, латышей, украинцев и мусульман и насчитывающая 70 депутатов (14% от общего состава депутатского корпуса). Во II Думе (1907) в эту группу входили уже 76 человек (17% всех депутатов): 30 из них входили в мусульманскую группу и 46 – в польское коло. Однако Государственная Дума двух первых созывов занималась в основном обсуждением вопросов общегосударственного масштаба и мало касалась этноконфессиональных проблем, причем сами дебаты больше напоминали бурный политический митинг, чем нормальную парламентскую законотворческую работу, что вполне соответствовало революционной атмосфере, царившей тогда в России.

Ситуация изменилась в III Думе (1907–1912), которая работала уже в обстановке постреволюционной стабилизации и занималась обсуждением конкретных законопроектов, какими бы мелкими они порой ни были. При этом новый избирательный закон от 3 июня 1907 г. значительно сократил представительство в Думе от национальных регионов. Достаточно сказать, что количество депутатов от Царства Польского и Кавказа сократилось в III Думе втрое. В итоге 8 депутатов представляли в III Думе мусульманское население империи, а 18 – западные регионы России (поляки, литовцы, белорусы). Кроме того, ряд представителей национальных меньшинств входили в партийные фракции (например, грузинские меньшевики – во фракцию РСДРП и т.д.). Наконец, в IV Думе (1912–1917) мусульмане, поляки, литовцы и белорусы были представлены уже только 21 депутатом².

В настоящей статье более подробно будет рассмотрен ход дискуссий по этноконфессиональным вопросам в III Думе, где они впервые в российской парламентской практике стали предметом самостоятельного обсуждения, хотя в основном затрагивался этнокультурный, более «безопасный», с точки зрения большой политики, аспект данной проблемы. Тем не менее в III Думе, где преобладали правые и октябристы, по разным поводам звучала и довольно резкая критика в адрес национальной политики правительства в целом. Так, уже при обсуждении ответного адреса Думы императору 13 ноября 1907 г. депутат от мусульман Бакинской, Елизаветпольской и Эриванской губ. Х.Г. Хас-Мамедов заявил, что «по отношению вообще к мусульманам... продолжается та же политика старой России... Ничего не сделано в продолжение этих 2 лет для уравнения нас в правах с коренным населением, ничего не сделано для развития нашего мусульманского просвещения, для поднятия нашего благосостояния»³.

Антидемократический характер политики правительства отмечали и представители российских оппозиционных партий. Во время обсуждения правительственной декларации, с которой выступил П.А. Столыпин, лидер прогрессистов И.Н. Ефремов, в частности, сказал: «Мы последним избирательным законом как бы противопоставлены всем народностям и всему народу русскому. Такое положение крайне тягостно... На нас должна лежать безусловная обязанность не только защищать наши интересы, а подчинить их интересам всего государства и благу всего народа»⁴. Еще более остро характеризовал ситуацию социал-демократ Н.С. Чхеидзе: «Единство национальности великорусской в ущерб всем законным требованиям остальных национальностей – вот какова мысль декларации...» Социал-демократы, подчеркнул он, признают национальный вопрос общегосударственным и считают необходимым удовлетворить законные требования всех народов империи путем широких демократических реформ всей общественной жизни⁵.

В защиту демократических свобод, в том числе и в национальной сфере, последовательно выступали прогрессисты. Так, в прениях по смете МВД на 1909 г. Ефремов внес от имени прогрессистов, польского коло, польско-белорусской и мусульманской групп формулу перехода к очередным делам (резолюцию), где главным средством восстанов-

ления мощи государства и благоденствия всех ее народов называлось «развитие самостоятельности общества при уважении национальных прав народностей». Эти фракции выступали за отмену всех исключительных положений, ограничений свободы и общественной самодеятельности в рамках закона⁶.

При обсуждении сметы МВД на 1910 г. прогрессисты обвинили правительство в нарушении свобод, провозглашенных в манифесте 17 октября 1905 г., в результате чего «поднимаются националистические ненависти, губительные для здорового национального подъема..., вводятся такие мероприятия, которые направлены на то, чтобы утеснить, угнетать голос национальности» (имелось в виду закрытие просветительских и культурных обществ, дискриминация в отношении отдельных народов). По мнению прогрессистов, политика правительства, разжигая страсти, искажает национальные и религиозные чувства и тем самым подрывает свою опору в обществе, что чревато новыми «кровавыми кошмарами», которые погубят будущее России.

Примечательно, что исторически сложившаяся напряженность в межэтнических отношениях на окраинах империи противопоставлялась прогрессистами положению в «коренной Центральной России». Они считали недопустимым делать проблемы окраин стержнем всей внутренней политики правительства, так как это могло превратить Россию во вторую Австро-Венгрию. Более предпочтительной фракция прогрессистов считала политику поощрения участия представителей национальных меньшинств в решении вопросов, связанных с развитием просвещения и культуры⁷.

Но именно состояние образования оставалось одной из наиболее острых проблем, непосредственно затрагивавших интересы и права нерусских национальностей. В целом III Дума немало сделала для развития народного образования: были увеличены государственные дотации земствам на строительство и содержание школ, значительно расширилась сеть народных школ и училищ. Смета Министерства народного просвещения за 5 лет работы III Думы выросла вдвое, причем правительство замахнулось на постепенное введение в России всеобщего начального общедоступного образования. Вместе с тем после поражения Первой российской революции был взят курс на русификацию государственной школы на всех ее ступенях и во всех регионах империи. В Думе эту линию проводили фракции правых и националистов, выступавшие против преподавания в школах на родном языке.

Нельзя сказать, что царское правительство вообще не заботилось о культурном развитии народов России. Например, по запросам, внесенным в 1908 г. министром народного просвещения А.Н. Шварцем, Дума после соответствующего доклада комиссии по запросам (Ш.З. Махмудов) и получения согласия бюджетной комиссии учредила при Омской мужской гимназии 5 стипендий для детей казахов по 300 руб. в год каждая и при Омской учительской семинарии 10 стипендий для казахов из Акмолинской и Семипалатинской обл. по 120 руб. в год. Кроме того, были отпущены средства для содержания законоучителя римско-католического исповедания в Паневежской учительской семинарии Ковенской губ. и на преподавание вероучения для воспитанников-мусульман Оренбургской учительской семинарии. По представлению статс-секретаря Наместничества на Кавказе барона Нольде Дума преобразовала Нальчикскую горскую школу в реальное училище с выделением средств на содержание самого училища и пансиона при нем. В 1911 г. по докладу комиссии по народному образованию (председатель В.К. фон Анреп) Дума приняла решение об отпуске средств на издание Словаря якутского языка, о чём 7 декабря 1910 г. внес соответствующий законопроект министр народного просвещения Л.А. Кассо⁸.

Однако подобные частные примеры лишь оттеняют общую картину крайне недостаточного развития всей системы народного образования в национальных районах. На это постоянно обращали внимание в своих выступлениях оппозиционные парламентарии. Так, при обсуждении сметы Министерства народного просвещения на 1908 г. член мусульманской группы Г.Х. Еникеев подчеркнул, что меньше всего средств предусмотрено в ней для восточных и юго-восточных окраин страны. Он выступил за отмену «обрушительной ассилиационной системы» и учреждение вместо нее новой, учи-

тывающей религиозные, бытовые и прочие особенности мусульман для повышения их культурного уровня⁹. Социал-демократ Чхеидзе тогда же привел следующие данные, на Северном Кавказе одно начальное училище приходится на 3 000 русских, 4 800 грузин, 5 400 армян, 17 300 азербайджанцев и 11 400 горцев. Необходимость расширения системы народного образования на Кавказе обосновал и депутат Хас-Мамедов. По его данным, в Бакинской губ. на 774 тыс. мусульман приходилось лишь 37 начальных школ, рассчитанных на 1 690 детей, в Елизаветпольской губ. на 526 тыс. мусульман – 47 школ с 2 200 учащихся, в Эриванской губ. на 322 тыс. мусульман – 23 школы с 895 детьми. За 20 лет существования Эриванской семинарии ее окончили лишь 40 мусульман. Правительством не было создано ни одной новой начальной школы для мусульман¹⁰.

Особенно остро во всех регионах империи стояла проблема организации обучения на родном языке. 29 марта 1908 г. 37 депутатов Думы, главным образом кадеты, представили проект основных положений о языке, на котором должно было вестись преподавание в начальных школах в местностях с украинским населением. В нем предлагалось ввести там с 1908/09 учебного года преподавание на родном языке при одновременном обязательном изучении русского языка как государственного и использование в учебном процессе руководств, «приспособленных к понятиям и условиям жизни и быта местного населения»¹¹. В объяснительной записке к проекту указывалось, что грамотность населения в великорусских губерниях достигает 36%, тогда как на Украине лишь 9%, хотя раньше этот регион отличался широким распространением грамотности. В частности, в Киевской губ. насчитывалось 18.1% грамотных, а среди украинцев – 11.8%, в Подольской – соответственно 15.5 и 10.7%, в Екатеринославской – 21.5 и 14.4% и т.д.

Авторы проекта считали, что «главной причиной столь разительного упадка проповедания среди малорусского населения явилась оторванность здесь школ от народа. Образование народа не на том языке, на котором он думает, чувствует и говорит и на котором непосредственно выражается вся его духовная жизнь, не может быть прочно. Родной язык – это могущественнейший фактор народного просвещения, и этот фактор должен получить применение к малорусской школе, если действительно иметь в виду просветительные интересы народа». Думцы подчеркивали связь между развитием культуры и экономическим прогрессом региона, необходимость возможно более полного использования «самодеятельных сил населения» для укрепления политического положения в стране¹². Депутаты, среди которых были видные кадеты В.А. Маклаков, М.А. Аджемов и др., полагали, что «вопрос о языке преподавания должно разрешать исключительно с точки зрения просветительных и вообще культурных интересов местного населения», ссылаясь при этом на примеры различных инициатив подобного рода, а также на мнения авторитетных деятелей по данному вопросу. Именно с этих позиций они подчеркивали преимущества обучения на родном языке, в том числе и с целью исключения рецидивов безграмотности¹³. «Вредные последствия применения стеснений по отношению к украинскому слову в народно-просветительной области констатированы даже органами самого правительства, – указывалось далее в объяснительной записке. – Так, Комитет министров, обсуждая в конце 1904 г. вопрос об отмене этих стеснений, высказал, что они препятствуют повышению нынешнего низкого культурного его (украинского населения. – В.З.) уровня». Кроме того, депутаты обращали внимание на связь между развитием культуры и подъемом экономики края, а также на необходимость предлагаемых мер для успешного изучения русского языка. «Пережив столь значительные потрясения, внешние и внутренние, Россия нуждается в возможно более полном использовании самодеятельных сил населения, так как только при этом условии может быть достигнуто лучшее будущее, когда условия политической жизни придут в нормальное состояние». 26 мая 1909 г. данный законопроект был передан в комиссию по народному образованию¹⁴, однако законом он так и не стал, встретив упорное сопротивление со стороны правительства и правых депутатов.

Большое внимание депутаты III Думы уделили обсуждению проекта закона о начальных училищах, внесенного в 1910 г. октябристско-националистическим думским большинством. Депутат от мусульман Хас-Мамедов выступил, в частности, против отнесения родного языка к числу изучаемых в инородческих школах лишь «по возможности». Комиссия, готовившая законопроект, считала, что родной язык не может быть обязательным из-за пестрого этнического состава учащихся и возможного нежелания самих учащихся и их родителей его изучать. Хас-Мамедов указывал, что такой довод неубедителен, ибо при контактном расселении национальных групп открытие для них отдельных школ вполне реально, а родители не могут быть против изучения их детьми родного языка¹⁵.

Характерно, что еще до обсуждения вопроса, летом и осенью 1910 г. мусульманские депутаты организовали поездку С.Н. Максудова по городам мусульманского Поволжья и Урала и инициировали отправку телеграмм от населения в адрес Думы с просьбами о введении преподавания на родном языке в начальных государственных школах. Мусульманская фракция подготовила своей проект закона о реформе национальной школы, а также специальное заявление о подготовке педагогических кадров для мусульманских школ. Если октябристы выступали за сосредоточение руководства школьным делом в Министерстве народного просвещения, отобрав эти функции у Синода, то мусульмане, как и либералы, предлагали полностью передать его органам местного самоуправления. Однако был принят октябристский вариант.

Социал-демократ Чхеидзе констатировал объективную закономерность стихийного, добровольного усвоения всеми народами России русского языка и их сближения с русским народом. Выступая против «духа воинствующего национализма, проводимого большинством Государственной Думы в школьном деле», социал-демократы отстаивали всеобщее бесплатное обязательное светское образование на родном языке с обеспечением учащихся одеждой, пищей и жильем, свободой общественной и частной инициативы в сфере образования¹⁶.

Проекты законов «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи» и «О начальных училищах» с поправками и дополнениями Дума приняла, но через Госсовет прошел только второй проект. Думой была принята поправка о продлении срока обучения на родном языке с двух до четырех лет при условии изучения русского языка, но Государственный Совет отверг ее, утвердив проект комиссии о двухгодичном сроке обучения. Поправка мусульманской фракции о преподавании на родном языке для учащихся-мусульман была отклонена, как и многие другие демократические инициативы¹⁷. В итоге общее собрание Госсовета весной 1912 г. приняло решение о том, что преподавание в начальных училищах должно вестись на русском языке, а родной язык признавался лишь подсобным¹⁸.

В целом анализ дебатов в Думе и решений по этноконфессиональным вопросам подтверждает неконструктивность и даже разрушительный характер партийно-политической конкуренции и борьбы амбиций в ущерб объективно необходимым преобразованиям. При обсуждении сметы расходов МВД на 1908 г. К.Б. Тевкелев подчеркнул, что на содержание духовных учреждений мусульман из бюджета выделяются мизерные суммы. Он говорил о необходимости учреждения центрального и ряда дополнительных региональных духовных управлений мусульман. На духовное образование в целом отпускалось 12 508 024 руб., в том числе на православные духовные учебные заведения 12 366 944 руб., а на вторые по численности мусульманские – 141 080 руб. Это, как указывал депутат, вызывало чувство неудовлетворенности у мусульманского населения, которое не заслуживает пренебрежительного отношения к его вере¹⁹.

Вместе с фракциями кадетов, прогрессистов и трудовиков мусульмане выдвинули предложение об обсуждении сметы Министерства народного просвещения на 1909 г. Они подчеркивали, что в школах среди так называемых инородцев и на окраинах продолжается политика русификации, «ввиду чего по-прежнему игнорируются вовсе бытовые, этнографические и религиозные особенности инородческого населения»²⁰. Однако подобная формулировка в III Думе пройти не могла.

Не случайно депутат Максудов, выступая 13 марта 1912 г. по смете расходов МВД, вновь отметил реакционный характер политики государства в области образования, просвещения и культуры нерусских национальностей. «...За последнее время правительство наше систематически... совершают посягательство на дорогие для нас вещи; преследуются наши школы, преследуется наша литература, родная словесность, преследуется родной язык, на котором мы впервые познакомились с жизнью, с окружающим миром. Вообще у правительства издавна существует тенденция подавить среди нас всякие проявления стремлений к культуре», ссылаясь на мифическую угрозу панисламизма. Максудов подчеркивал, что мусульмане стремятся быть полноправными гражданами своей страны, так как «между нашим национальным бытием и русской государственностью никакой пропасти не существует; эти две вещи совершенно совместимы»²¹.

Консервируя национальное неравноправие в большинстве сфер жизни, поддерживая архаические стереотипы восприятия представителей нерусских народов официальными терминами «инородцы» и «иноверцы», российская государственная машина нередко сама провоцировала ухудшение межэтнических отношений. Многие запросы по поводу положения отдельных национальностей и урегулирования межэтнических отношений вносились лишь под давлением избирателей, которые обращались к своим депутатам с заявлениями и ходатайствами о решении тех или иных конкретных проблем. Некоторые из них рассматривались как частные случаи, другие давали повод для широких дебатов по ряду актуальных вопросов внутренней политики. Так, 10 марта 1910 г. был сделан запрос наместнику на Кавказе И.И. Воронцову-Дашкову по «поводу оскорблении национального чувства учеников-грузин» преподавателем кутаисской классической гимназии Кустиновичем. Конфликт возник из-за того, что на подсказку одного из учеников, сделанную на грузинском языке, учитель заявил: «Не лайте на этом животном языке». Авторы заявления – кадеты и социал-демократы – характеризовали этот поступок как одно из нередких проявлений циничного и возмутительного отношения «к тому, что так дорого каждой нации». «Подобная характеристика языка целой нации не могла не вызвать возмущения общественного мнения всего грузинского народа», – писали депутаты Н.С. Чхеидзе, Е.П. Гегечкори, И.И. Гайдаров, П.Н. Милюков и др. – тем более что автором этих недопустимых слов и оскорбительной характеристики является педагог, по своему положению призванный прежде всего внушать подрастающему поколению чувство взаимного уважения и солидарности». Депутаты требовали ответить, какие меры предполагает принять глава администрации на Кавказе «к устраниению посягательств со стороны некоторых русских чиновников-педагогов на достоинство целой нации и на чувство любви к родному языку ее молодого поколения»²².

В связи с этим заявлением 27 ноября 1910 г. с докладом комиссии по запросам выступил барон А.О. Шиллинг. Он доказывал, что «независимо от формальной стороны настоящего заявления комиссия по запросам находит, что замечание учителя, обращенное к ученику и вызванное неправильным поступком его (в данном случае подсказывание), ни в коем случае не может служить для Государственной Думы основанием предъявлять запрос или вопрос, даже если замечание признать бес tactным». Поэтому комиссия предлагала Думе отклонить инициативу депутатской группы. В конечном счете дело осталось без движения в связи с окончанием полномочий III Думы²³.

Активную позицию в последовательной защите этноконфессиональных прав населения, прежде всего в западных губерниях империи, всегда занимало польское коло. В частности, по его инициативе III Дума рассмотрела вопрос о распоряжении седлецкого губернатора в отношении римско-католического храма в с. Ополье. Комиссия по запросам и общее собрание Думы предъявили запрос министру внутренних дел, объяснения которого были признаны удовлетворительными. В формуле перехода к очередным делам высказывалось пожелание, «чтобы обращение храма одного исповедания в ведение другого впредь было бы недопускаемо до рассмотрения в надлежащем порядке общего о сем вопроса», и выражалась уверенность, что правительство будет проводить в жизнь свободу совести «для устраниния возможных недоразумений и столкнове-

ний между последователями различных вероучений на религиозной почве». По предложению того же польского коло совместно с литовско-белорусской группой был принят и признан спешным запрос министру народного просвещения по поводу неправомерных действий инспектора народных училищ 6-го района Виленской губ. Нечаева, касавшихся прав нерусского населения²⁴.

Итак, III Государственная Дума уделила в своей работе довольно много внимания развитию образования, просвещения и культуры в национальных регионах Российской империи. Они ставились в повестку дня как по инициативе исполнительной власти, предлагавшей некоторые меры по совершенствованию или упорядочению этих сторон жизни общества, так и по предложению депутатов, нередко инициированным или поддержаным избирателями. Лидер прогрессистов И.Н. Ефремов так обосновывал жизненную важность подобных преобразований: «...В таком громадном государстве, как Россия, децентрализация законодательства является железной необходимостью, она с очевидностью подсказывает силою вещей. Все вопросы, разрешение которых можно передать на места без ущерба для государственного единства, должны быть переданы местным самоуправлениям»²⁵.

С одной стороны, правительство и Дума шли на определенные шаги в направлении расширения возможностей для реализации этноконфессиональных нужд так называемых инородцев. С другой – исполнительная и законодательная ветви власти после потрясений 1905–1907 гг. стремились не допустить новых социальных конфликтов и на этом основании проводили по существу антидемократическую политику, закрепляя привилегированное положение русских имущих классов в органах местного управления и самоуправления и уделяя явно недостаточное внимание проблемам обучения на родном языке и удовлетворения насущных конфессиональных потребностей лиц неправославных вероисповеданий.

Мало изменилась ситуация и в последние годы существования Российской империи, когда наряду с радикализацией всего общества росла отчужденность между властью и этносами, что приближало крах имперского режима. Руководитель авторского коллектива одного из новейших исследований «Россия в начале XX века» А.Н. Сахаров правомерно подчеркивает, что все больший крен власти к русскому великороджавному шовинизму, русификации, централизации, нетерпимости к национальным меньшинствам, который отчетливо проявился в начале прошлого столетия, порождал тенденции к пантуркизму и панславизму. В их основе лежали как культурно-политические процессы, так и безусловное ощущение рядом народов своей маргинальности в составе империи. Не менее важно, пишет Сахаров, что эти проблемы самым серьезным образом сказывались в последующем развитии российского многонационального социума²⁶.

Мировая война послужила катализатором новой российской революции, одним из самых мощных взрывных компонентов которой стали этнополитические движения и центробежные тенденции, выразившиеся в требовании федеративной государственности и демократического решения национального вопроса. Как известно, Временное правительство не смогло найти адекватных способов преодоления кризиса и было сметено революционными силами.

История отечественной государственной политики в этноконфессиональной сфере была в XX в. сложной и противоречивой. Она отличалась богатством идеино-теоретических моделей и вариантов их реализации в самых различных социально-политических и экономических условиях, большим числом поучительных примеров формирования и эволюции этнокультурных и этнополитических движений, способов осуществления политического и социокультурного самоопределения российских народов, взаимодействия этнических и конфессиональных факторов. Вряд ли правомерно прямо увязывать современные проблемы жизнедеятельности и укрепления поликультурной России с опытом ее прошлого, но их решение, безусловно, не может не учитывать чувствительности исторической памяти народов, противоречивых проявлений религиозного ренессанса и особенно злободневных ныне задач восстановления этнокультурных традиций и ценностей.

Примечания

- ¹ См.: Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. ХХ век. М., 1998; Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственных Думах России: опыт законотворчества. М., 1999; Зорин В.Ю. Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. М., 2002, и др.
- ² См.: Демин В.А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 38–41.
- ³ Государственная Дума. Третий созыв. Стенографич. отчет. Сессия 1. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 174–176.
- ⁴ Ефремов И.Н. Отчет избирателям о деятельности в качестве члена 3-й Государственной Думы. Ч. 3. СПб., 1912. С. 16.
- ⁵ Кавказские депутаты в 3-й Государственной Думе. Баку, 1912. С. 7.
- ⁶ См.: Ефремов И.Н. Указ. соч. Ч. 3. С. 23.
- ⁷ Там же. С. 28–29, 81.
- ⁸ См.: Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 2. Законодательные материалы: списки законопроектов, доклады комиссий. № 1–333. СПб., 1909. № 1, 159, 163; Государственная Дума. Третий созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1909. С. 137.
- ⁹ Государственная Дума. Третий созыв. Стенографич. отчет. Сессия 1. Ч. 3. СПб., 1908. Стб. 2533–2547.
- ¹⁰ Там же. Стб. 2377–2390, 2447–2452.
- ¹¹ РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 2307, л. 2, 1.
- ¹² Там же, л. 3, 4, 5–9.
- ¹³ Там же, л. 5–7.
- ¹⁴ Там же, л. 7–9, 15 об.
- ¹⁵ Государственная Дума. Третий созыв. Стенографич. отчет. Сессия 4. Ч. 1. СПб., 1910. Стб. 414–420.
- ¹⁶ Кавказские депутаты в 3-й Государственной Думе. С. 75–78.
- ¹⁷ Государственная Дума. Третий созыв. Стенографич. отчет. Сессия 4. Ч. 1. Стб. 1236–1237.
- ¹⁸ См.: Бородин А.П. Государственный Совет России (1906–1917). Кирев, 1999. С. 228.
- ¹⁹ См.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографич. отчет. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1908. Стб. 2570–2575.
- ²⁰ Там же. Сессия 2. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 2700.
- ²¹ Там же. Сессия 5. Ч. 3. СПб., 1912. Стб. 976–996.
- ²² РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 2562, л. 3.
- ²³ Там же, л. 5.
- ²⁴ Там же, д. 2470, л. 11.
- ²⁵ Ефремов И.Н. Указ. соч. Ч. 1. СПб., 1911. С. 62.
- ²⁶ Россия в начале ХХ века. М., 2002. С. 31–34.

© 2003 г. Н. Ю. ГАВРИЛОВА, В. П. КАРПОВ*

ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩИХ РАЙОНОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1960–1980-е годы)

Социальное освоение нефтегазодобывающих районов Западной Сибири в 60–80-е гг. ХХ в. – явление уникальное, аналогов которому нет ни в отечественной, ни в мировой практике. За относительно короткий срок здесь была создана не только главная топливная база СССР, обеспечивающая и сегодня $\frac{2}{3}$ всей добычи нефти в стране и свыше 90% добычи природного газа, но и социально освоено (практически с «нуля») громадное пространство. Как же формировались в этих районах условия жизнедеятельности? Что в социальном отношении получили регион и люди, осваивающие его недра? Эти

* Гаврилова Надежда Юрьевна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой Тюменского нефтегазового университета.

Карпов Виктор Петрович, кандидат исторических наук, доцент Тюменского нефтегазового университета.

вопросы ставили перед собой авторы настоящего сообщения, попытавшись рассмотреть социальную политику советского государства, связанную с развитием районов нового промышленного освоения (РНПО) на тюменском Севере.

Ни одна проблема региональной истории страны не вызвала в последней трети XX в. такого интереса, как открытие уникальных месторождений на севере Западной Сибири и создание на их базе «Третьего Баку». Путь к сибирской нефти был долгим и трудным, но результат превзошел все ожидания. В Тюменской обл., ее северных округах развернулась грандиозная стройка, в которой участвовала вся страна. Здесь была реализована самая крупная за всю историю СССР инвестиционная программа, хотя не обошлось и без серьезных просчетов.

В социальном освоении севера Западной Сибири мы выделяем три этапа. Первый (середина 1960 – начало 1970-х гг.) можно определить как «пионерный». В этот период определялись опорные города и поселки нефтегазодобывающего района, принципы и характер застройки северных территорий. Район освоения был относительно невелик и ограничивался территорией Среднего Приобья. Второй этап – 1970-е гг. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс в это время становится главной топливной базой страны, что обусловило увеличение объемов нефтегазодобычи и привело к значительному росту населения. Расширилась зона освоения региона. Вместе с тем обострились появившиеся уже на начальном этапе формирования комплекса диспропорции между темпами промышленного и социального развития. Начало 1980-х гг. – третий этап. Его характеризуют интенсивный процесс градообразования, изменения в системе расселения. Использование строительных подразделений из других регионов страны позволило резко увеличить темпы и объемы жилищно-гражданского строительства.

Предложенная периодизация отражает процесс формирования и развития социальной инфраструктуры нефтегазодобывающего комплекса Западной Сибири, исходя из динамики и изменений в ее развитии. Однако она не совпадает с общепризнанной периодизацией формирования самого ЗСНГК. Большинство авторов в развитии комплекса выделяют три этапа: первый – с 1964 г. до середины 1970-х гг., второй – со второй половины 1970-х до конца 1980-х гг. и третий, современный – с начала 1990-х гг. В качестве критерия рассматриваются темпы нефтегазодобычи и изменения в развитии материально-технической базы. Несовпадение темпов в промышленном и социальном развитии региона обусловило выделение особой периодизации в отношении формирования и развития социальной сферы.

К началу разработки нефтяных и газовых месторождений относительно развитой в промышленном отношении являлась только южная зона Тюменской обл., где в середине 1960-х гг. проживало 80% населения. Плотность его в северных районах была в 5.5 раза ниже, чем в Западно-Сибирском регионе в целом, и в 8.3 раза ниже, чем в среднем по РСФСР¹. Практически отсутствовали городские поселения. Поэтому уже на начальном этапе наряду с промышленным освоением ставилась задача социального обживания и заселения территории, создания условий для привлечения трудоспособного населения.

Становление нефтегазодобывающей промышленности региона совпало с изменением модели его освоения и провозглашением идеи комплексного развития, предполагавшей «наиболее полное рациональное использование природных богатств края с минимальными затратами живого труда». Утверждение идеи комплексного развития новых территорий предполагало разработку социальной программы, которая бы учитывала, с одной стороны, специфические социально-демографические и природно-климатические условия региона, а с другой – предыдущий опыт освоения, как отечественный, так и зарубежный. Социальная программа должна была определить методы и формы привлечения трудоспособного населения, а также меры по созданию системы жизнеобеспечения, т.е. всего комплекса социальной инфраструктуры.

Предшествующая социальная политика, реализованная в практике «великих строек» 1930–1950-х гг., базировалась на двух незыблемых принципах. Сущность первого определялась словами «сначала» и «потом», т.е. утверждалось, что объектом перво-

очередного строительства являются промышленные предприятия, а сооружения социальной инфраструктуры должны возводиться после их завершения. Проповедь псевдореволюционного аскетизма, пренебрежительное отношение к социальной сфере были неотъемлемыми чертами социальной политики 1930-х гг. По воспоминаниям начальника строительства Магнитогорского металлургического комбината Я.С. Гугеля, «считалось даже "неприличным", "несоциалистическим" уделять... слишком много внимания личным удобствам»². Другой принцип основывался на психологическом стереотипе, прочно утвердившемся в 1950–1960-е гг. Суть его заключалась в признании бытовой неустроенности своеобразным проявлением «романтики будней», «спутником героизма». Поэтому отсутствие элементарных объектов социального обеспечения рассматривалось как неотъемлемый атрибут «новостроек».

Безусловно, эти элементы социальной политики были присущи и освоению Западно-Сибирского региона, особенно на начальном этапе его формирования. Но поставленная задача «уделять особое внимание наиболее комплексному развитию новых районов» была попыткой преодоления сложившихся стереотипов хозяйственной деятельности. За основу создания нефтегазодобывающего комплекса был взят принцип одновременного создания отраслей специализации, производственной и социальной инфраструктуры, строительства городов. Специфические условия Севера – малоосвоенность, отдаленность от промышленных центров, отсутствие транспортных магистралей круглогодичного действия – затрудняли реализацию предложенного варианта освоения. Осложняло процесс формирования комплекса и отсутствие научно-обоснованной программы размещения производительных сил Тюменского нефтедобывающего района. По утверждению Б.Е. Щербины, бывшего в те годы первым секретарем Тюменского обкома КПСС, «масштабы, темпы, география добычи нефти и газа были неопределенными на всем протяжении 60-х годов»³. Эта неопределенность геологических прогнозов весьма затрудняла разработку социальной программы освоения.

Вместе с тем открытие в середине 1960-х гг. в Средне-Обском нефтяном районе созвездия месторождений, крупнейшим из которых являлось Самотлорское, свидетельствовало о значительных перспективах региона. В 1968 г. прогнозы запасов западно-сибирских нефтяных месторождений исчислялись десятками миллиардов тонн и, по расчетам специалистов, обеспечивали возможность создания крупнейшего в СССР нефтедобывающего района. Это обстоятельство, очевидно, сыграло решающую роль в выборе ускоренной модели освоения комплекса. Необходимость форсированных темпов развития нефтегазодобывающей промышленности отстаивали партийные и хозяйствственные руководители Тюменской обл., считая, что этот вариант позволит достичь быстрой окупаемости капиталовложений. Прагматический подход к формированию комплекса явно прослеживается в выступлении Б.Е. Щербины, опубликованном в 1966 г. на страницах «Правды». «Опыт учит, – утверждал партийный руководитель края, – что медленное освоение новых районов, низкие темпы развития удлиняют сроки окупаемости. Капитальные вложения в новых районах быстрее окупаются, если сразу же задаются максимальные в данных условиях масштабы производства и соответственно определяются размеры городов, промыслов, предприятий»⁴.

Неизбежность ускоренных методов развития нефтегазодобывающей провинции, по мнению сибирских экономистов А.Г. Аганбегяна и Б.И. Орлова, диктовалась также потребностями внутреннего рынка⁵. Падение темпов нефтедобычи в традиционных нефтяных районах обостряло топливно-энергетическую проблему. По некоторым данным, общий дефицит топлива для европейских районов и Урала к 1970 г. составлял 100 млн т. Решить эту проблему можно было, лишь используя ресурсы Севера.

Утверждение идеи о необходимости ускоренного варианта формирования нефтегазодобывающего комплекса ставило под сомнение возможность реализации самой идеи «комплексного освоения», вело к появлению диспропорций в промышленном и социальном развитии региона уже на начальном этапе. То обстоятельство, что разработка концепции освоения и ее реализация осуществлялись параллельно, неизбежно порождало просчеты и ошибки. Это в значительной мере отразилось на региональной градо-

строительной политике, которая являлась частью социальной программы освоения региона. Основу ее составляла система расселения, т.е. выбор оптимальных вариантов для создания новых городов и поселений. Составными элементами градостроительства являлось также определение принципов и характера застройки осваиваемой территории.

Несмотря на наличие объективных условий, усложняющих градообразовательные факторы (высокая заболоченность территории, отсутствие транспортных коммуникаций и т.п.) и ориентирующих на использование нетрадиционных подходов к формированию системы расселения, за ее основу на пионерном этапе становления комплекса были выбраны традиционные методы – создание стационарных городов с постоянным населением.

Первоначально в качестве опорной базы эксплуатации нефтяных месторождений рассматривалась территория Ближнего Севера. Центром освоения становятся рабочие поселки Среднего Приобья – Урай, Сургут, Нефтеюганск, Нижневартовск. В 1964 г. была одобрена схема планировки новых городов с расчетом численности населения: Урай – 33, Нижневартовска – 44, Нефтеюганска – 18 тыс. человек⁶. Явно заниженная численность населения будущих городов была во многом обусловлена неопределенностью в оценке объемов нефтедобычи на начальном этапе освоения региона. Поэтому не случайно на всем протяжении 1970-х гг. шла корректировка генеральных планов городов Среднего Приобья в сторону увеличения численности их населения. Весомый вклад в разработку градостроительной концепции севера Западной Сибири внесли научно-технические конференции по проблемам градостроительства (1966), развитию и размещению производительных сил (1969), проходившие в Тюмени и собравшие не только представителей столичной и сибирской науки, но и партийных и хозяйственных руководителей, проектировщиков, строителей. Освоение севера Западной Сибири предлагалось проводить с использованием двух типов поселений: традиционных (строительство городов в радиусе 40–50 км от месторождений) и мобильных, предполагавших использование вахтовой организации труда⁷. При этом преобладали сторонники традиционных методов.

В 1970-е гг. в эти планы были внесены существенные корректизы, причиной которых становится новый этап в развитии ЗСНГК. Он был связан с постепенным продвижением процессов освоения на территорию Дальнего Севера за счет включения в промышленную разработку газовых месторождений. Это были малонаселенные районы с более суровыми природно-климатическими условиями. Уровень затрат на хозяйственную подготовку территории и гражданское строительство здесь были в 1,5–2 раза выше, чем в районах Среднего Приобья⁸. Кроме того, по мнению специалистов, по медико-биологическим показателям территория Крайнего Севера малопригодна для постоянного проживания. Поэтому промышленное освоение в этой зоне предлагалось вести, «ориентируясь на периодическую смену пришлого населения»⁹.

Новый этап в развитии региона был связан также с включением в разработку небольших по объему и запасам месторождений нефти. Неэффективность строительства постоянных поселений на каждом месторождении (срок эксплуатации которых мог быть ограничен 10–15 годами) была очевидна. Так был обозначен переход к более широкому использованию вахтового метода в эксплуатации месторождений. Но главной причиной перехода к вахтовой организации труда (при использовании не столько межрайонной, как предполагалось ранее, сколько межрегиональной вахты) являлось резкое увеличение объемов нефтегазодобычи с середины 1970-х гг. Неуклонный рост объемов работ в нефтегазодобывающей промышленности, требовавший значительного притока квалифицированных кадров, привел к серьезному противоречию, связанному с невозможностью обеспечения нормальных условий жизнедеятельности новому пополнению в самом регионе. Таким образом, переход к использованию вахтового метода носил вынужденный и во многом стихийный характер.

Значительный рост вахтового метода во второй половине 1970 – начале 1980-х гг. заставил снова внести изменения в генеральные планы северных городов. Новые проекты предусматривали увеличение численности населения на расчетный срок до 2000 г.: Сургута – до 300 тыс., Нефтеюганска – до 100 тыс., Нижневартовска – до 250 тыс., Надыма – до 50 тыс., Нового Уренгоя – до 60 тыс. человек¹⁰. Конец 1970 – начало 1980-х гг.

сопровождались значительными изменениями и в системе расселения. Если в середине 1970-х гг. в трех базовых городах Севера (Сургуте, Нижневартовске, Надыме) концентрировалось до 85% населения, то к началу 1980-х гг. их доля снизилась до 70%. В этот период происходил быстрый рост поселков городского типа и постепенное обновление их статуса, связанного с превращением в города. Так, с начала 1980-х гг. на карте Тюменской обл. появилось 7 новых городов: Лангепас, Когалым, Нягань, Радужный, Мегион – в Среднем Приобье. В Ямало-Ненецком округе статус городов получают Ноябрьск и Новый Уренгой.

Интенсивный процесс градообразования был необходимым, но не всегда обоснованным. Градообразующей основой поселений, как появившихся в середине 1960 – начале 1970-х гг., так и возникших в начале 1980-х гг., являлась добывающая промышленность. Главное требование при этом – максимальное приближение поселений к месту приложения труда – приводило подчас к появлению городов-«спутников». Свообразным городом с тремя «спутниками» – Мегионом, Лангепасом, Радужным, находящимися в радиусе 100–150 км, – становится в Среднем Приобье Нижневартовск. Появление городов-«спутников» было вызвано сиюминутными интересами ведомств и стало результатом стихийности градостроительной политики. Следствием этого является и однобокость в развитии городов с учетом их сырьевой ориентации. Хотя освоение территории севера Западной Сибири было рассчитано на длительный период, уже сегодня стоит вопрос о дальнейшей перспективе развития новых городов.

Серьезную информацию к размыщлению дает сопоставление отечественного опыта освоения севера Западной Сибири и зарубежного Севера. Мировая практика к середине 1960-х гг. имела интересный опыт освоения северных территорий Канады и Аляски. Схожесть природно-климатических, географических и экономических факторов позволяет провести параллели, сравнить как характер, так и конечные результаты процессов освоения малообжитых районов. В освоении зарубежного Севера следует выделять два этапа – 1930–1940-е и 1960–1980-е гг. Освоение севера Канады в 1930–1940-е гг. привело к созданию «городов-компаний», где компания – владелец практически всего поселка – ограничивалась созданием минимальных удобств для проживания работающего персонала. В 1960-е гг. начинается новый этап, связанный с созданием «образцовых городов», при планировке и застройке которых использовались последние достижения градостроительства, позволяющие создать максимальные удобства для населения. Социальная инфраструктура во всех районах освоения создавалась значительно раньше самих промышленных объектов, а уровень ее услуг был не ниже, а зачастую выше, чем в городах обжитой части страны. Высокий уровень социальной инфраструктуры, комфорта, современный облик новых городов – все это позволяло их отнести к категории образцовых.

Изменение модели освоения было обусловлено развертыванием научно-технической революции. Максимальное использование достижений научно-технического прогресса дало возможность увеличить мощности производства при снижении численности работающих и тем самым достигнуть оптимальных размеров центров освоения. Для них были характерны численность населения около 1–2 тыс., редко свыше 5 тыс. человек и высокое соотношение выпуска продукции и численности населения. Изменение условий не повлияло на очаговый характер освоения, но архитекторы могли позволить себе «роскошь» применять самые последние достижения в области градостроительства с учетом специфических условий Севера.

Градостроительная практика на севере Западной Сибири принципиально отличалась от зарубежной. В условиях Западной Сибири применить новые неординарные градостроительные решения было достаточно сложно. Преградой на этом пути были два обстоятельства: отсутствие достаточно обоснованной градостроительной концепции и недостаток времени на подготовку проектной документации, которая бы учитывала специфику природно-климатических условий Севера. Это приводило к тому, что при подготовке генеральных планов новых городов использовали опыт районов Поволжья, Татарии и Башкирии, хотя заимствование приемов застройки средней полосы

страны и нефтяных районов Поволжья было малоприемлемо из-за разницы в природно-климатических условиях.

К началу формирования нефтегазодобывающего комплекса Западной Сибири был накоплен и отечественный опыт строительства городов на малообжитой территории, который мог быть использован при застройке северных городов. Это пример строительства Братска и Ангарска. Если «уроки Братска» продемонстрировали, как не следовало строить, то иной пример показал опыт «сооружения» Ангарска. Город застраивался по генеральному плану целыми микрорайонами с умелым использованием рельефа местности. Жители Ангарска не знали ни землянок, ни бараков. Строительство его осуществлялось комплексно. Город был хорошо спланирован, жилая часть от промышленных районов была отделена лесопарками. Это позволило Ангарску стать одним из наиболее благоустроенных городов Сибири. К сожалению, при строительстве городов Среднего Приобья не был использован ни отрицательный опыт Братска, ни положительный – Ангарска, не говоря уже об использовании опыта освоения малообжитых территорий зарубежного Севера.

Вместе с тем процессы освоения севера Канады, Аляски и Западной Сибири при схожести природно-климатических условий имели и принципиальные отличия. При освоении зарубежного Севера за основу бралась моноресурсная модель развития. Она основывалась на преднамеренном сужении специализации производственных центров, что не ориентировало на общее хозяйственное освоение территории и ее заселение. При создании нефтегазодобывающей промышленности в Западной Сибири ставилась задача широкомасштабного освоения территории, а на последующих этапах – комплексное развитие региона. Именно поэтому иными были и масштабы освоения. Для зарубежного Севера освоение не являлось синонимом заселения. Тогда как освоение северных районов Западной Сибири уже на начальном этапе рассматривалось как заселение и обживание территории.

Из всех социальных проблем РНПО самой «больной» на всем протяжении 1960–1980-х гг. была жилищная. В начальный период развития ЗСНГК материальная база жилищно-гражданского строительства практически отсутствовала. Строительные подразделения Главтюменнефтегазстроя вели и обустройство нефтепромыслов, и строительство жилья. Кроме того, каждому подразделению, участвующему в создании ЗСНГК, соответствующее министерство выделяло средства для сооружения жилья либо собственными силами, либо с привлечением специализированных строительных организаций. Несмотря на то, что жилой фонд нефтяников в 1964–1965 гг. удвоился, обеспеченность их благоустроенным жильем составляла чуть более 47%, еще ниже она была у газовиков (35%) и строителей (28%). 30% населения, прибывшего в районы Среднего Приобья, проживало в палатках, вагончиках и т.п.¹¹.

Отсутствие собственной базы строительной индустрии становилось тормозом в дальнейшем развитии региона, в том числе в жилищно-гражданском строительстве. Поэтому было принято решение о создании базы стройиндустрии непосредственно в нефтегазодобывающих районах – Сургуте, Урае, Тюмени. Одновременно с этим укреплялись строительные подразделения Главтюменнефтегазстроя, занимавшиеся возведением жилья и объектов соцкультбыта. А с 1972 г. создаются специализированные строительные организации – Главзапсибжилстрой и его подразделения в новых городах.

Создание заводов крупнопанельного домостроения в регионе предопределило переход к индустриальным методам строительства. Темпы сооружения благоустроенного жилья в Тюменской обл. во второй половине 1970-х гг. почти вдвое превышали республиканские и общесоюзные. За период с 1976 по 1980 г. в области было сдано 6.8 млн кв. м жилья, в том числе 3.4 млн кв. м – в нефтегазодобывающих районах¹². Объемы жилья росли, а обеспеченность им снижалась. Так, у нефтяников она упала с 50% в 1970 г. до 39.1 в 1980 г., у газовиков – с 78 до 40%. Благополучными на этом фоне выглядели лишь строители – обеспеченность их жильем за этот период возросла с 37.7 до 79.5%¹³. У нефтяников и газовиков к началу 1980-х гг. недоставало в соответствии с нормой свыше 3 млн кв. м жилой площади. Основной причиной парадоксаль-

ной ситуации являлось несоответствие между темпами прироста населения в районах освоения и темпами жилищного строительства.

Ухудшалась и обеспеченность населения объектами соцкультбыта. Наиболее заметно это было в новых городах. Так, в Нижневартовске – «столице нефтяников» обеспеченность школами в середине 1970-х гг. составляла 75% от нормы, детскими дошкольными учреждениями – 63, больницами – 57, банями – 24, магазинами – 27%, а учреждениями культуры снизилась по сравнению с предыдущим периодом в 3 раза¹⁴. В городе на протяжении 1970-х гг. не было ни одного типового кинотеатра. Пример Нижневартовска показателен для всех городов-новостроек севера Западной Сибири. Исключение составлял лишь Урай, где темпы роста населения в этот период стабилизировались.

Серьезным препятствием в формировании единого архитектурного облика городов являлась ведомственность. Градостроительство столкнулось с этой проблемой уже на начальном этапе освоения Севера. Ведомства зачастую рассматривали города как дорогое приложение к нефте- и газопромыслам. Капиталовложения в строительство городов составляли лишь десятую часть от общего объема затрат на освоение крупных месторождений¹⁵. Проявлением ведомственной политики была застройка городов методом «хуторского хозяйства». Особенно заметно ведомственный характер проявился при строительстве Сургута, в сооружении которого принимали участие 8 крупнейших министерств. Здесь практически не существовало единого городского поселения. Город был разбит на поселки геологов, нефтяников, строителей, энергетиков. Каждое ведомство на «вверенной» ему территории являлось одновременно и заказчиком, и застройщиком, имело не только жилой фонд, но и ведало его эксплуатацией, всем коммунальным хозяйством, предприятиями связи, торговли, общественного питания, учреждениями культуры.

Принятие постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР «О неотложных мерах по усилению строительства в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса» (март 1980), ставившего задачу преодоления сложившихся диспропорций в развитии региона, было объективно необходимым. В качестве основного условия их устранения провозглашалось «обеспечение комплексной застройки городов и поселков в районе ЗСНГК на высоком градостроительном уровне с полным объемом инженерного обеспечения и благоустройства»¹⁶. Исходя из того, что создание нефтегазового комплекса Западной Сибири рассматривалось как общегосударственная задача, правительство признало целесообразным привлечь к строительству городов-новостроек севера Западной Сибири строительные организации Украины, Белоруссии, Прибалтики, Узбекистана, а также Москвы, Ленинграда, Свердловска, используя мощности строительной индустрии этих территорий. Результатом этой правительственной политики становится значительное увеличение объемов жилищно-гражданского строительства.

Но и в 1980-е гг. рост населения обгонял развитие социальной сферы. Хотя темпы жилищного строительства в области были в 1.5 раза выше республиканских, они были недостаточными для исправления ситуации. Если по стране в целом, по данным ЦСУ, в 1980-е гг. среднегодовой прирост населения составлял 0.9%, то в Тюменской обл. только за первое пятилетие 1980-х гг. он достиг 5.7%¹⁷. За этот период население Тюменской обл. увеличилось почти на 600 тыс. (что равно населению трех таких городов, как Нижневартовск). Наиболее высокими сохранились темпы роста населения в районах нефтегазодобычи. Если население области в 1981–1985 гг. увеличилось в 1.3 раза, то численность населения Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов соответственно в 1.8 и более, чем в 2 раза. Основной прирост приходился на новые городские поселения. Так, население Нягани (бывшего поселка лесозаготовителей) выросло почти в 5 раз, прирост населения в Новом Уренгое составил почти 56 тыс. человек¹⁸.

Формирование ЗСНГК изменило облик северного региона. За 20 с небольшим лет (с 1964 по 1985 гг.) на его территории появилось 15 новых городов и свыше 30 поселков городского типа. Развитие РНПО сопровождалось высоким приростом населения (с 1.2 млн человек в начальный период освоения до 3.1 млн к концу 1980-х гг.). Тюменскую обл. исследователи справедливо назвали одним из самых урбанизированных районов Западной Сибири. В 1970–1980-е гг. прирост здесь городского населения превы-

сил аналогичные показатели Новосибирской, Томской, Омской, Кемеровской обл. и Алтайского края, вместе взятых. Такого крупномасштабного социального освоения малообжитой территории со сложными природно-климатическими условиями в столь короткий период история не знала. Но какова цена этого социального эксперимента?

Несмотря на значительный количественный рост в нефтегазодобывающих районах благоустроенного жилья, школ, детских дошкольных учреждений, больниц, предприятий торговли, общественного питания, быта, объектов культуры (т.е. всей совокупности социальной инфраструктуры), уровень обеспеченности населения объектами соцкультбыта на всем протяжении 1960–1980-х гг. был не только ниже нормы, но и уступал республиканским показателям. Особенно это касалось молодых городов, где темпы прироста населения намного опережали развитие социальной сферы. В середине 1980-х гг. обеспеченность жильем в городах-новостройках колебалась от 45 до 60%, дефицит по водоснабжению достигал 50%. Во многих городах отсутствовали водоочистка и канализационные сооружения. Наиболее уязвимым во вновь осваиваемых районах было бытовое и социокультурное обслуживание. Население было обеспечено услугами службы быта на 30–40% от нормы. Почти во всех северных городах учреждения культуры относились к объектам «долгостроя», сооружение которых велось 5 и более лет. В целом обеспеченность объектами социального назначения в регионе была в 1,5–2 раза ниже, чем в европейских районах страны¹⁹.

Опыт формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса свидетельствует о неизбежности проявления негативных последствий в развитии региона, если отсутствует долгосрочная, научно обоснованная программа действий. Социальная программа развития РНПО разрабатывалась параллельно с промышленным и социальным освоением, что неизбежно вело к серьезным просчетам в ее реализации. Несмотря на динамичное формирование социальной сферы ЗСНГК в 1960–1980-е гг., ее становление безнадежно отставало от роста промышленного потенциала комплекса, что в итоге сказалось и на темпах развития нефтегазовой промышленности в целом, и на качестве жизни населения нефтегазодобывающих районов.

Примечания

¹ Нефть и газ Тюмени в документах. Т. 1. Свердловск, 1971. С. 199.

² Исторический опыт и перестройка. Человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР. М., 1989. С. 90.

³ Нефть и газ Тюмени в документах. Т. 2. Свердловск, 1973. С. 266.

⁴ Там же. С. 52–53.

⁵ Аганбегян А.Г. Западная Сибирь на рубеже веков. Свердловск, 1984. С. 24; Орлов Б.П. Сибирь сегодня: проблемы и решения. М., 1974. С. 115.

⁶ Государственный архив Тюменской обл. (далее ГА ТО), ф. 814, оп. 16, д. 4153, л. 8.

⁷ Тюменская правда. 1966, 22 июня, 5 июля; 1969, 17 апреля.

⁸ Перчик Е.Н. Город в Сибири. М., 1980. С. 33.

⁹ Орлов Б.П., Харитонова В.Н. Формирование пространственной структуры ЗСНГК // Известия СО АН СССР. Серия «Общ. науки». 1983. № 11. С. 30.

¹⁰ Архив Тюменского облисполкома, оп. 16, д. 6569, л. 160.

¹¹ ГА ТО, ф. 814, оп. 1, д. 4129, л. 27; д. 4131, л. 145; оп. 1, д. 4288, л. 103; д. 4113, л. 109; д. 4129, л. 28.

¹² Народное хозяйство РСФСР в 1981 г. М., 1982. С. 222.

¹³ Гаврилова Н.Ю. Развитие социальной сферы районов нового промышленного освоения Севера Западной Сибири (1964–1985 гг.) // Известия высших учебных заведений. Нефть и газ. 2001. № 4. С. 110.

¹⁴ Великопольский С.Д. Экономические факторы развития города Нижневартовска // Социально-экономическое освоение районов севера Тюменской области. Тюмень, 1977. С. 92.

¹⁵ Кудеев Г.Ф. Человек в северном городе. Свердловск, 1987. С. 66.

¹⁶ Правда. 1980, 8 апреля.

¹⁷ Гаврилова Н.Ю. Указ. соч. С. 113.

¹⁸ Тюменская область в XI пятилетке. Тюмень, 1986. С. 24.

¹⁹ Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П. Жилищно-гражданское строительство в районах нового промышленного освоения Севера Западной Сибири (1960–1985 гг.) // Налоги, инвестиции, капитал. 2002. № 1–2. С. 244.

Историческая публицистика

© 2003 г. Р. А. МЕДВЕДЕВ

ПОЧЕМУ РАСПАЛСЯ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ?*

Идеологическая слабость Горбачева

В Советском Союзе идеология была одной из главных опор общества и государства и всякая крупная реформа нуждалась в идеологическом обосновании. Это не было невыполнимой задачей для лидера КПСС, так как общие принципы социализма можно было бы совместить и с требованиями разумной рыночной экономики, и с новым отношением к частной собственности. Но Горбачев не был идеологом и очень плохо знал проблемы социалистической теории в любом их изложении. Когда-то он усвоил основные догмы того суррогата социалистической идеологии, который получил название марксизма-ленинизма, но дальше этого не продвинулся, да и не пытался продвинуться. В области теории и во всем том, что относится к экономическим и политическим наукам, социологии, Горбачев оказался весьма поверхностным человеком. Да, он выдвинул лозунг «нового мышления». Но никакого нового мышления он не создал.

Горбачев не раз заявлял, что Советский Союз развивался до 1985 г. где-то в стороне от основных направлений мировой цивилизации и что теперь возникает необходимость «реинтеграции СССР, оказавшегося в изоляции после 1917 года, с остальным миром в некое новое мировое сообщество». Он призывал граждан страны жить дальше «по законам мирового права и цивилизованного мира». Но все это были пустые, абстрактные концепции. Они были так же ошибочны и даже опасны, как и стремления советских лидеров 1920-х гг., которые хотели навязать всему миру принципы советского социализма. Чистой абстракцией был и призыв Горбачева ко всем странам мира строить свои отношения на этических принципах. Западные специалисты некоторое время подозревали в этих концепциях советского лидера какую-то непонятную для них «хитрость». Позднее они с удивлением писали о «бесхитростности» Горбачева. Но это была не похвала, а удивление его наивности. Даже самые оптимистически настроенные политологи Запада признавали, что по большому счету Горбачев не внес никаких изменений в традиционные постулаты советской доктрины, относящиеся к проблемам международной политики. Он привнес в эту политику новый тон, умеренность и благородство, а также выдвинул ряд новых тем для дискуссий. Но как пойдут дела дальше? На этот вопрос в 1987–1988 гг. среди западных специалистов никто не брался ответить. Пессимисты утверждали тогда, что все ограничится только косметикой и что «новое мышление» – это лишь новый прием пропаганды. На старый товар всегда можно найти спрос, если время от времени рекламировать его как «новый» и «усовершенствованный». Падение Берлинской стены, «бархатные» революции в Восточной Европе и особенно объединение Германии – эти события были встречены в западных странах с воодушевлением, но и с недоумением. Как объяснить это неожиданное отступление СССР? Что за этим скрывается и как на все это реагировать? Чего ждать дальше? Даже после этих неожиданных событий один из известных американских политологов Пол Маранц писал, что в политике Горбачева нет той определенности, какая была у Сталина, Хрущева или Брежнева. «С момента ухода с мировой арены этих советских руководителей прошло уже много лет, но в драме, начавшейся с приходом к власти Горбачева, все еще разыгрывается первое действие»¹⁷. Оказалось, однако, что первое действие в этой драме стало и последним. Советский Союз просто распался.

* Окончание. Начало см.: *Отечественная история*. 2003. № 4.

Л.И. Брежнев также не был идеологом, но у него был идеологический штаб, возглавляемый Михаилом Сусловым. Горбачев не стал создавать такого штаба, и при нем не было никакого «главного идеолога». До середины 1987 г. руководство идеологическими подразделениями ЦК КПСС осуществлял Егор Лигачев. Во второй половине 1987 г. Лигачеву как члену Политбюро было поручено руководство сельским хозяйством, а решение идеологических проблем было разделено между ним и Александром Яковлевым. Но это были разные люди с разными взглядами, и между ними постоянно возникали конфликты. В конце 1988 г. Горбачев почти полностью переключил А.Н. Яковлева на международные дела. Главным партийным идеологом оказался Вадим Медведев, который в сентябре 1988 г. стал и членом Политбюро. Это был очень порядочный, знающий, но недостаточно волевой человек с характером академического ученого. По специальности он был экономистом. Но в это время в стране бушевали такие бурные идеологические процессы, которые ни Медведев, ни Горбачев контролировать уже не могли. Если верить мемуарным свидетельствам людей, в годы перестройки работавшим с Горбачевым в одной команде, то можно сделать вывод, что главным идеологическим авторитетом для него была его жена – Раиса Максимовна, которая в свое время окончила философский факультет МГУ и была даже кандидатом философских наук. Ее кандидатская диссертация была посвящена некоторым социальным изменениям в ставропольской деревне.

Идеологическая беспомощность Горбачева вызывала недовольство в руководящих кругах КПСС на всех уровнях. Но она вызывала недоумение и даже опасения и среди наиболее вдумчивых западных публицистов и историков. Один из них, Роберт Шиэр, писал: «Вызов, брошенный Горбачеву, беспрецедентен для лидера авторитарного государства. Ему придется иметь дело не столько с конкретными задачами, сколько с вопросами, на которые нет конкретных ответов... Политическая экономия социализма переполнена устаревшими концепциями и не поспевает за диалектикой жизни. Но жизнь не похожа на кинофильм типа "Красные". Она, как правило, более сложна и глупа. Как может новый советский лидер заменить прежние стимулы новой трудовой этикой? Для писателей гласность может оказаться такой же приятной, как глоток водки. Но для тех простых людей, которые стоят в длинных очередях за настоящей водкой, его запреты могут оказаться слишком давящими. Негодование этих людей от горбачевских ограничений может быть даже большим, чем их гнев по поводу вскрытых разоблачений в адрес Сталина или по поводу коррупции в высших сферах... Никто не сомневается в искренности Горбачева. Но он сам говорит, что атмосфера в обществе становится все более напряженной, и что многие начинают задавать вопрос: "А был ли смысл вообще начинать все это?"»¹⁸

Ясного ответа на этот вопрос мы не имеем и сегодня. Горбачев взялся за решение таких проблем, даже малая часть которых была для него, как для лидера столь необычного государства, как СССР, непосильна.

Слабость команды Горбачева

В годы советской власти в нашей стране были созданы очень сильные кадры руководителей в области науки и техники; немало опытных и образованных лидеров появилось и во многих других сферах общественной жизни. Но не в политическом руководстве. По общему уровню политических способностей, интеллекта, волевых качеств окружение Сталина было слабее окружения Ленина. Этот регресс продолжился при Хрущеве и Брежневе. Но он происходил и при Горбачеве. В его окружении уже не было таких людей, как А.Н. Косыгин, А.А. Громыко, Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов, определявших уровень политического руководства в 1970-е гг. Горбачев часто менял людей, которые занимали очень высокие посты. Но, удаляя не слишком способных руководителей, он чаще всего ставил на их место еще более слабых, но более послушных, хотя и с ними у него очень скоро возникали конфликты.

Горбачев очень плохо разбирался в людях. К тому же у него была крайне неприятная и недопустимая для руководителей такого уровня особенность: при всех почти встречах с людьми из своего окружения, с деятелями культуры, с депутатами Верховного Совета СССР он большую часть времени говорил сам и не слушал, не слышал или не давал высказаться собеседнику. Были случаи, когда, приглашая знающего человека для совета, Горбачев часа два говорил сам, а затем прощался, благодаря своего молчаливого посетителя за внимание. Очень не любил Горбачев слушать негативную и неприятную для него информацию. Даже члены Политбюро и Секретариата ЦК КПСС не любили ходить к Генсеку на прием и для доклада. Были у Горбачева и некоторые привилегированные собеседники – в основном из числа деятелей культуры. Но и они отмечали позднее невосприимчивость Генсека к критическим суждениям. Так, например, главный редактор журнала «Огонек» Виталий Коротич был в 1987–1988 гг. частым собеседником Горбачева. Однажды он решил сказать Михаилу Сергеевичу о том, что он становится все более непопулярным человеком в стране и особенно в партийном аппарате. «Дело было в шесть вечера, и Горбачев выглядел изрядно уставшим, – вспоминал Коротич. – Я тоже устал и позволил себе сказать то, что утром, может быть, и не сказал бы именно Горбачеву: – Вы понимаете, как вас не любят многие в аппарате? Да и за что им вас любить? Вы сами не пьете и не даете другим. Вы орденов ни себе, ни другим не навешиваете! За что вас любить людям, которые и Брежнева презирали, но терпели за то, что он и сам жил, и им жить не мешал?.. – «Да что ты! – отмахнулся Горбачев. – Я ведь каждый день с людьми общаюсь, по этим вот телефонам прозваниваю обком за обкомом. Знаешь, какой подъем сейчас, как люди воодушевлены! Да что ты!»¹⁹

Горбачев не был ни деспотом, ни диктатором, но в отношениях с людьми он был и очень доступен, и одновременно крайне авторитарен, и это не позволило ему стать сильным демократическим лидером. Разного рода совещания и заседания Горбачев вел не слишком демократично. Руководить работой Съезда народных депутатов СССР или Верховного Совета СССР ему было очень трудно. Анатолий Лукьянов вел наши заседания гораздо более умело и спокойно. Но и на заседаниях ЦК КПСС Горбачев с трудом сдерживался, когда слышал возражения или критику. А часто и терял контроль над собой. Именно Горбачеву принадлежат такие фразы: «С оппозицией диалог невозможен» и «О плурализме двух мнений быть не может». В Горбачеве странным образом сочетались сильная внутренняя неуверенность и чрезмерная внешняя самоуверенность. Он предпочитал говорить, а не делать. Очень многие дела и очень важные решения он постоянно откладывал. Один из внимательных исследователей личности Горбачева психолог А. Белкин писал: «В отношениях с окружающими Горбачев допускает самые поразительные и необъяснимые просчеты. И это также зависит от свойств его личности. Кто же не понимает, что нужно дорожить сильными, яркими, самостоятельно мыслящими друзьями? Что именно в них следует искать опору? Но логика преувеличенного, ревнивого Я направлена на то, чтобы всеми правдами и неправдами ослаблять свое окружение. Человеку тяжело, когда с ним спорят, возражают ему, подрывая тем самым его фантазии на темы собственного "всезнания" и "всемогущества". Он не способен делить с кем угодно другим успехи и заслуги. И этот иррациональный внутренний голос перекрывает все, что подсказывают и политические, и элементарные житейские расчеты. Как по-иному объяснить, что судьба страны оказалась вверена такому человеку, как Валентин Павлов? А Янаев? А покойный Пуго? Секрет, видимо, в том, что особо высоких требований к индивидуальности и к интеллекту приближенных Горбачев и не предъявлял. Светило не нуждается в дополнительной подсветке, исходящей из других источников. Ему вполне хватает самого себя. Предназначение же окружающих – отражать его всепроникающие лучи»²⁰.

Потеря времени и бездейственность

Михаил Горбачев признавал в своих мемуарах, что первые два года его пребывания на посту Генсека были во многих отношениях потеряны для перестройки. Это было время разговоров, замыслов, но не время реформ. Были предприняты огромные усилия, чтобы сдвинуть страну и общество, но не в направлении, действительно необходимом. Энергичные реформы в экономике и в политике начали проводиться лишь в 1987–1988 гг., но они проводились слишком поспешно и потому оказались малоэффективными, а на многих направлениях даже разрушительными. Горбачев работал в эти годы с предельным напряжением, он брался за все, но ничего не смог довести до конца. Уже во второй половине 1989 г., после I съезда народных депутатов СССР активность Горбачева принимала все в большей мере не наступательный, а оборонительный характер. Однако эта активная оборона сменилась через несколько месяцев отступлением. Горбачев отступал и перед консерваторами, и перед радикалами, и перед давлением Запада. Консерваторам он позволил создать свою Российскую компартию, радикалам занять решающие позиции в органах власти в РСФСР. Западу он уступил почти без всякой компенсации все прежние позиции СССР в Восточной Европе и в Германии.

Когда в марте 1990 г. Михаил Горбачев был избран Президентом СССР, влиятельная американская газета «Лос-Анджелес Таймс» (с ней я сотрудничал еще с конца 1970-х гг.) попросила меня подготовить статью «100 дней Президента Горбачева». Речь шла в данном случае о сравнении Горбачева с Франклином Рузвельтом, который, приняв полномочия президента США в январе 1933 г., развел бурную деятельность именно в первые 100 дней своего президентства. Естественно, что я с большим, чем обычно, вниманием наблюдал за деятельностью Горбачева в апреле–июне 1990 г. Но для историка здесь не было ничего примечательного. Заняв пост Президента СССР, Горбачев отправился в большую поездку на Урал – политическую вотчину Бориса Ельцина. Выступления Горбачева в городах Урала были многочисленны и многословны, но в них не было никакой определенности. Он в большей мере оправдывался за свой недавний призыв совершить «скакочок к рынку». Подсчеты экономистов показывали, однако, что без тщательных институциональных приготовлений слишком быстрый переход к рыночным отношениям будет означать безработицу для 15–20 млн человек. Горбачеву пришлось бить отбой, и он заявил в Екатеринбурге, что все слухи о «шоковой терапии» ложны: решения об изменениях в экономической политике будут приняты только в конце года и после тщательного изучения.

В мае и июне 1990 г. Горбачев побывал с визитами во Франции, Канаде и США, но каких-либо крупных и важных соглашений в этот раз не было подписано. От мыслей о какой-то крупной западной помощи приходилось отказываться. Внешний долг СССР достиг в середине 1990 г. 40 млрд долларов, и было непонятно, куда и как ушли эти немалые деньги. Горбачев не внес в первые 100 дней своего президентства в Верховный Совет существенных законопроектов и не подписал никаких указов, о которых стоило бы говорить историку. Пожалуй, самым главным указом Президента СССР в это время был указ о создании Президентского совета из 15 человек, в число которых попали и два писателя – Чингиз Айтматов и Валентин Распутин. Этот Совет просуществовал до конца года и был заменен потом Советом безопасности, который также ничем не отличился. Конечно, событий в стране в эти месяцы произошло немало, но они не были инициированы Горбачевым и шли мимо него, а нередко были направлены против Президента. С 1990 г. в Советском Союзе начали проводиться регулярные социологические опросы и составляться таблицы рейтингов ведущих политиков страны. В январе рейтинги трех главных политиков страны были следующими: Горбачев – 54%, Рыжков – 38%, Ельцин – 12%. В конце марта, т.е. сразу же после избрания Горбачева на пост Президента СССР, в ответах на вопрос: «Кто из политических деятелей нашей страны пользуется у вас наибольшим авторитетом?» 46% респондентов назвали Горбачева, 20% – Рыжкова и 18% – Ельцина. Однако к концу июня 1990 г. рейтинг доверия Горбачева упал до 19%, Рыжкова – до 7%, а рейтинг Ельцина поднялся до 40%²¹. Пи-

сать какую-либо статью о 100 днях Президента СССР я отказался. Я просмотрел множество статей в западной печати на эту тему. Выводы их авторов в июне 1990 г. были весьма пессимистическими. «Горбачев попал в водоворот, созданный им самим»; «чем более назойливыми становятся трудности, тем более Горбачев хватается за формальную власть без ясной цели»; «партия уже не руководит страной, но и Горбачев не руководит ни партией, ни экономикой»; «вопрос не в том, потерпит или нет неудачу Горбачев, а в том, когда и как это случится»; «власть Президента находится на политических небесах и не имеет институциональных выходов на фермы и фабрики» и т.д.

Во второй половине 1990 г. и в течение всего 1991 г. политическое отступление Горбачева продолжалось, и крушение его как политика становилось неизбежным. Однако мало кто из нас мог тогда предполагать, что институт президентства в СССР будет ликвидирован вместе с Советским Союзом.

Сам Горбачев признавал позднее, что в условиях кризиса 1990–1991 гг. действовать для него означало применять силу. Но этого он не хотел и не мог делать. Выступая на дискуссии в Горбачев-центре и отвечая своим критикам, он заявил: «Многие обвиняют меня в отсутствии политической воли, в том, что Горбачев не применил силу там, где надо было ее применить. Скажу честно. Эта критика носит обывательский характер. Я уже давно обратил внимание, что меня обвиняют в недостатке воли и решительности прежде всего те люди, которые стали знаменитыми благодаря гласности и демократии, благодаря тому, что я не применил силу. Примени я силу, не было бы ни нашей дискуссии, ни реформ формационного характера. Логика и ценность стабильности, сохранения статус-кво не совпадают с логикой и ценностями реформаторских порывов. Мы понимали, что реформа – это рискованное мероприятие, но мы действовали под давлением послесталинской истории, которая буквально толкала нас в сторону демократизации советской системы. Напрасно вы думаете, что те люди, которые взяли на себя риск реформ, риск демократизации советской системы, были настолько наивны и примитивны, что не понимали, на что они идут. Реформаторы не ждут благодарности. Когда отдаешь приказ применить насилие или стрелять, то должен осознавать, что этот приказ направлен против людей. Нельзя было приступать к демократическим реформам и одновременно ни во что не ставить человеческие жизни. Главной ценностью являются человеческие жизни. Кто-то может сказать, что такова, мол, судьба царя, как тут говорили, или лидера, правящего в России, что надо быть готовым к тому, чтобы пускать под нож людей. Но я с этим не согласен. У меня другое кредо. Все-таки управлять, насколько возможно, необходимо без крови. И вторая часть этого кредо: производить перемены настолько быстро, насколько это может принять и вынести общество. Удалось ли мне это или нет? Не удалось ни в первом, ни во втором случае. Но тем не менее нет смысла отказываться от сформированного кредо реформ. Демократию с помощью крови установить невозможно. И не надо себя обманывать. Лично я поступился креслом руководителя государства во имя того, чтобы оставаться верным нравственным принципам, которые я провозглашал»²².

Далеко не во всем можно согласиться в данном случае с Горбачевым – и с его трактовкой конкретных фактов истории перестройки, и с пониманием принципов борьбы за демократию в тоталитарном обществе. Вместе с тем нет оснований считать «фактор Горбачева» главным в распаде Советского Союза. К 1985 г. в руководстве страны и партии не было других лидеров, которые могли бы осуществить назревшие реформы по-настоящему эффективно. Болезни, которые взялся лечить в нашем общественном и государственном организме Горбачев, были слишком запущены. Браться за их лечение нужно было еще в 1950-е гг. Но и возвеличивать Горбачева как реформатора нет никаких оснований. Он не поднялся и не мог подняться до уровня Дэн Сяопина. Надо, однако, принять во внимание, что Дэн Сяопин не только сам проявил качества великого и мудрого реформатора. Он смог опереться на те кадры, на ту элиту, которые сформировались в Китае еще в 1940–1950-е гг. в труднейших условиях революции и национально-освободительной войны. Мао Цзедун удалил этих людей от власти в 1960-е гг., сослав в дальние сельские районы, где и сам Дэн Сяопин не один год работал простым

пастухом. Но эти люди сохранились физически и политически, и они смогли осуществить руководство страной после смерти Мао Цзедуна. В Китае уцелела та кадровая преемственность, которая у нас в стране была разрушена еще при Сталине. Террор Сталина был слишком опустошителен, и его деспотия оставила после себя не только моральный, но и политический вакuum. Это вырождение элит было продолжено в эпоху застоя и геронтократии в 1970–1985 гг. Что мог сделать в этих условиях Горбачев?

Разрушение СССР и Борис Ельцин

Соперничество Михаила Горбачева и Бориса Ельцина, их борьба за влияние и власть стали едва ли не самыми важными факторами распада Советского Союза на последнем этапе – по крайней мере в 1991 г. Горбачева в данном случае можно было бы сравнить со сторожем, который не слишком хорошо охранял доверенное ему имущество. Это имущество было достаточно ценным: власть, партия и государство. Но высшей ценностью для Горбачева были человеческие жизни, и потому он только покрикивал и помахивал врученным ему оружием, но опасался его применять. Ни Борис Ельцин, ни другие демократы не казались Горбачеву такими опасными противниками, в которых нужно было стрелять. Ельцин был нападающей стороной, но он в тот период вообще не имел оружия и действовал как политик. И он победил как политик, хотя не слишком хорошо понимал, за что, собственно, в конечном счете ведет борьбу.

Борис Ельцин никогда не отрицал, что именно он стал инициатором Беловежского соглашения, однако не считал себя ответственным ни за болезни, ни за смерть Советского Союза. Он всегда заявлял, что лидеры, собравшиеся в Белоруссии, всего лишь констатировали смерть СССР. По мнению Ельцина, Советского Союза как единого государства в этот период уже не существовало. Ответственность за гибель страны Ельцин всегда возлагал на «консерваторов из КПСС», а также на Горбачева. При этом он не высказывал сожалений по поводу разрушения СССР и КПСС. Для него эти структуры не являлись какой-то ценностью, которую он должен был защищать и поддерживать. Стремление Ельцина к власти, которого он никогда не скрывал, казалось мне порой иррациональным. Именно поэтому я всегда, начиная со своей собственной избирательной кампании по выборам в народные депутаты СССР в Хорошевском (Ворошиловском) районе г. Москвы, выступал с критикой Ельцина.

Борьба Ельцина против Горбачева происходила в течение нескольких лет внутри структур КПСС. Правда, в 1986–1987 гг. это была скорее борьба Ельцина и небольшой группы его сторонников и друзей против Лигачева и «консерваторов». Горбачев также испытывал давление со стороны «консерваторов», и именно поэтому он оставил Ельцина на высоком министерском посту и в составе ЦК КПСС, заметив, однако: «В политику я тебя больше не пущу». В 1989 г. на волне новых общественных настроений Ельцин вернулся в политику. Но до мая–июня 1990 г. открытое противостояние Ельцина и Горбачева по-прежнему происходило внутри советских структур. Ельцин исправно посещал заседания Верховного Совета СССР, руководил работой Комитета по строительству и архитектуре, нередко выступал на заседаниях Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. Возглавляя Межрегиональную депутатскую группу (МДГ) и Демократическую платформу в КПСС, он старался использовать для критики любую ошибку Горбачева. При этом ни Горбачев, ни Лукьянов не вели фактически никакой политической борьбы с «фракцией» Ельцина и с ним самим, хотя поводов для этого было немало. Лично я такую пассивность Горбачева во внутрипартийной борьбе не понимал.

К началу 1990 г. в народе и среди значительной части народных депутатов СССР уже сформировался образ Горбачева как слабого и ненадежного лидера, много и не очень ясно говорившего, но неспособного на решительные действия. В сравнении с Горбачевым Ельцина рядовые граждане воспринимали как лидера, гораздо более сильного и привлекательного, способного навести порядок в стране, покончив с бедностью, преступностью, злоупотреблениями властью и привилегиями. Ельцин умело

поддерживал эти настроения, прибегая к разного рода популистским действиям и заявлениям, хотя никакой ясной и цельной политической и экономической программы у него не было.

В марте 1990 г. Борис Ельцин отправился в страны Европы с рекламно-пропагандистской поездкой. Он представлял здесь свою книгу «Исповедь на заданную тему», вышедшую в свет еще в 1989 г. в СССР, а теперь переведенную на многие языки. Ельцин побывал в Испании, Италии, Великобритании – всего в 6 странах. В марте я сам находился в Италии на съезде ИКП. При встречах с журналистами больше всего вопросов задавали о Ельцине: что это за человек и политик? Общественность западных стран воспринимала тогда Бориса Ельцина без всякого воодушевления. Для многих политиков, которые ставили на Горбачева, фигура Ельцина казалась даже опасной. Он представлялся большинству западных политиков слишком непредсказуемым и грубым человеком, и его растущая популярность в России пугала этих людей. О Ельцине писали много, но почти всегда критически. «Биография Бориса Ельцина, – говорил, например, британский журналист Джон Ллойд, – внушает страх. После чтения его книги возникает опасение, что Советский Союз не способен создать политический класс. По свидетельству самого Ельцина, он выступает против Горбачева, но в его книге нет ни программы, ни критического анализа, ни каких-либо полезных мыслей о глубинных причинах тяжелого положения своей страны. Единственное оружие Ельцина – это демагогическое осуждение привилегий, и об этом он говорит прекрасно. При этом Ельцин преподносит себя как человека, который всегда был, есть и всегда будет другом народа. Но лишь немногие политики заслуживают большего недоверия, чем подобный друг. Вполне возможно, что Борис Ельцин вскоре станет Президентом Российской Федерации, заняв влиятельный пост, с которого он сможет подвергать обстрелу своего соперника. Советский Союз – или во всяком случае Россия – возможно, когда-нибудь окажутся в руках этого хитрого, тщеславного человека с огромной жаждой власти и ловкостью в достижении этой своей цели. Но его биография не убеждает в том, что России от этого станет лучше, чем было»²³.

Джон Ллойд делал это свое мрачное предсказание еще в те дни, когда Ельцин был только народным депутатом СССР и РСФСР, возглавляя оппозицию, но не всю Российскую Федерацию. Наблюдатели и специалисты-советологи в США также с тревогой следили за политическим продвижением Ельцина. В журнале «Проблемы коммунизма» за май–июнь 1990 г. читаем: «Самого Ельцина сложно отнести к какой-либо категории. Самолюбивая личность, он выглядит в глазах своих сторонников в Советском Союзе сильным, динамичным и честным лидером. Другие воспринимают его напыщенным, неустойчивым, непредсказуемым и склонным к демагогии – этакий советский вариант Хуана Перона. Однако он отвечает психологической потребности значительной части советского населения в сильном руководстве. Он часто занимает позиции, которые кажутся противоречивыми»²⁴.

Борис Ельцин не смог бы добиться никаких политических успехов, если бы в стране не образовалось к началу 1990 г. демократической оппозиции. Но и демократическая оппозиция не смогла бы противостоять даже ослабленной КПСС, если бы эту оппозицию не возглавил такой сильный и популярный лидер, как Ельцин. Еще в 1987–1988 гг. демократическая оппозиция существовала у нас в стране не столько как движение, сколько как настроение и тенденция, рожденная из официально проводимой политики гласности. Это движение было тогда представлено множеством мелких организаций и групп. Наиболее известными из них были партия «Демократический союз» во главе с Валерией Новодворской и общество «Мемориал», почетным председателем которого был избран академик Андрей Сахаров. Весной 1989 г. демократическое движение пополнилось за счет независимых народных депутатов СССР, общая численность которых не превышала 10% всего состава Съезда народных депутатов. Почти все эти люди выдвинулись не из низов общества, а из вторых рядов все той же партийной номенклатуры, из университетской профессуры, из числа писателей и журналистов. Наиболее известными из них стали А. Собчак, Г. Попов, Г. Бурбулис, Ю. Афанасьев, Ю. Рыжов,

Ю. Черниченко, Ю. Карякин, А. Мурашев, О. Румянцев, С. Станкевич, Г. Старовойтова, В. Коротич. Даже вместе взятые, эти люди не смогли бы образовать реальную и дееспособную партию. Избирательная кампания 1990 г. пополнила ряды демократической оппозиции за счет 200–300 народных депутатов РСФСР. Заметными фигурами здесь стали такие люди, как В. Степанков, Р. Хасбулатов, А. Руцкой, С. Шахрай, С. Филатов, Г. Якунин, Ю. Щекочихин. Но и эти люди ни по отдельности, ни все вместе не могли бы взять на себя тяжесть управления страной. Амбиции у многих деятелей оппозиции были огромны, но их политические и интеллектуальные возможности были невелики. Один из участников демократического движения Олег Попцов писал еще в марте 1991 г., подводя итог 6-летию перестройки, совпавшему с 60-летием М.С. Горбачева: «Пора оставить иллюзии. Никто ниоткуда никаких демократов во власть в 1989 г. не возвращал. В нашем обществе их попросту не было. В высших слоях политической атмосферы появилось несколько неглупых и интеллигентных людей. Но как же мало надо нашей стране, чтобы завопить во всю глотку: "Революция!" Нечто подобное случилось и после выборов российских народных депутатов. По самым тщательным подсчетам, депутатов демократической ориентации было избрано не более 33%. Но уже этого оказалось достаточным для истерики: "Победила демократия!" Не победила, нет. Она лишь заявила о своем появлении на политической арене. Страна необъятных просторов склонна к преувеличению. Китайская поговорка гласит: "Никогда не откусывай больше, чем можешь проглотить". Горбачев надломил систему. И в этот разлом ринулась невостребованная социальная энергия наряду с политической пеной. Я бы назвал наше время временем разноцветного радикализма. Суперрадикалы оттеснили сторонников "бархатной революции" и стали воплощением демократии как настроения. А настроение – процесс непредсказуемый»²⁵. Но именно это построенное в большей мере на радикальных настроениях, чем на реальных политических силах, демократическое движение разрушило КПСС и СССР!

Ситуация в СССР в 1991 г. очень напоминала ситуацию, сложившуюся в России в 1917 г. Февральская революция передала власть в руки кадетов, эсеров, меньшевиков и некоторых других более мелких демократических партий. Влияние большевиков в марте и апреле 1917 г. было очень невелико, и никто из их лидеров неставил тогда вопроса о власти. Возвращение многих из них из ссылки и эмиграции укрепило партию, но она по-прежнему оставалась партией радикального меньшинства даже в Петрограде и Москве. На I Всероссийском съезде Советов (июнь 1917 г.) большевики смогли получить только немногим более 10% мандатов. Два обстоятельства стали решающими в их борьбе за власть. Это Корниловское восстание в августе 1917 г., которое смешало ряды Временного правительства и увеличило радикализацию масс. Это мощная фигура В.И. Ленина, возглавившего большевиков и убедившего их в необходимости вооруженного захвата власти в стране. Роль Корниловского мятежа в 1991 г. сыграла попытка путча ГКЧП. А роль Ленина в данном случае играл Ельцин. Демократы не смогли бы прийти к власти осенью 1991 г., если бы во главе их слабой и разрозненной политической армии не оказалось бы мощной фигуры Бориса Ельцина.

Михаил Горбачев признавал в своих мемуарах, что некоторые из его сторонников советовали ему еще в 1990 г. самому возглавить демократов. В условиях 1990–1991 гг. это означало расколоть КПСС на социал-демократическое меньшинство и марксистско-ленинское консервативное большинство. Горбачев не решился тогда пойти на такой шаг; у него было множество опасений. Однако если бы он даже и пошел на подобный раскол, главным лидером демократической оппозиции стал бы не он, а Ельцин. В условиях относительно свободной конкуренции даже Анатолий Собчак был бы сильнее и популярнее, чем Горбачев. Михаил Горбачев мог руководить жестко организованной, дисциплинированной аппаратной партией, но у него не было качеств, способностей и темперамента народного вождя. Борис Ельцин сумел сыграть такую роль в 1991 г. Потом у него были другие роли, с которыми он справлялся все хуже и хуже.

Неустойчивость фундамента и несущих конструкций СССР

При анализе событий 1991 г. бросается в глаза несоответствие между внешним могуществом Советского Союза как великой мировой державы и слабостью сил и движений, его разрушивших. Советский Союз был не простым государством в ряду других. Это был исторический вызов, это была новая система экономических и политических отношений, само возникновение и развитие которой во многих отношениях определило лицо XX в. Казалось, что только усилия равного масштаба могли бы нанести ущерб Советскому Союзу.

Однако это большое и могущественное государство вдруг начало слабеть и разрушаться от вроде бы не таких уж сильных толчков. Подобного рода судьба могла свидетельствовать только об одном – о недостаточной прочности и неустойчивости фундамента, на котором было возведено здание, и о недостатках в его конструкции. Диктатура КПСС была очень жесткой, но государство, как уже говорилось, изначально держалось не только на репрессиях и терроре, но и на силе и привлекательности идеологической доктрины, на вере в эту доктрину и большей части партии, и значительных слоев населения. Главными доказательствами ее истинности должны были стать два фактора: достижение более высокой, чем при капитализме, производительности труда и более высокого уровня жизни трудящихся. Ожиданий и обещаний было много, но и разочарования были велики.

Первый кризис Советской власти произошел уже в 1921 г. Никакая диктатура не смогла бы тогда спасти большевиков от поражения и краха, если бы Ленин не начал проводить новую экономическую политику и не осуществил бы соответствующие этой политике изменения в самой доктрине. Второй кризис начался в конце 1928 г. Он был преодолен не за счет какой-то новой либерализации экономики и политической жизни страны, а за счет массового террора. В 1930-е гг. было построено не социалистическое, а тоталитарное общество, сохранившее лишь некоторые внешние признаки социализма. Победа в Великой Отечественной войне во многих отношениях лишь укрепила сталинский тоталитаризм, но он не мог существовать без самого Сталина. Третий кризис начался после смерти Сталина в 1953 г. и был преодолен за счет многочисленных уступок крестьянству, рабочим, служащим и интеллигенции. Четвертый кризис Советской власти начался в конце 1970 – начале 1980-х гг. Это был кризис экономический, идеологический и моральный. Он был связан также с деградацией и старением номенклатурной элиты. Перестройка была попыткой выхода из этого кризиса, но попыткой неудачной. Горбачев и его окружение не смогли улучшить материальное положение народных масс и таким образом ослабить их недовольство. Изменения в идеологической доктрине КПСС были более значительными, но они носили характер импрориваций. Не сумев укрепить экономический, социальный и идеологический фундамент режима, М. Горбачев стал в то же время проводить демонтаж номенклатурной диктатуры. Падение режима при такой политике становилось неизбежным. Советский Союз можно было сравнить с очень высокой башней, которая имела, однако, недостаточно прочный фундамент. Между тем строители продолжали возводить все новые и новые этажи, не обращая внимания на образовавшиеся перекосы и не укрепляя фундамента и несущих конструкций.

Марксистская идеология претендовала на научность, и эти претензии частично были обоснованы, так как марксизм возник не только из общественно-политических движений, но и из научных поисков XIX в. Однако общественные науки, а также философия и естествознание в XX в. пошли далеко вперед. Идеологические системы более консервативны. Из руководства к действию марксизм-ленинизм превратился в последние 60 лет в догму, оторванную от реальной действительности. Эта идеология существовала к тому же в искусственно созданных, тепличных условиях. Она не вела на территории СССР никакой реальной полемики с другими идеологиями. Лишенная иммунитета и охраняемая не доводами, а силой власти, она потерпела поражение всего

за 2–3 года политики гласности. Затем обрушились экономические и политические системы, построенные по устаревшим идеологическим схемам и чертежам.

Социализм обещает людям более справедливую, свободную и обеспеченную жизнь, он обещает как материальную обеспеченность, которая имеет свои границы, так и духовное богатство, которое таких границ не имеет. Эти обещания не были выполнены в Советском Союзе, где духовное потребление было даже более убогим и неполнценным, чем материальное. Это не могло не породить протеста среди самих социалистов, выразившегося и в движении диссидентов, и в появлении «диссидентов в системе», к числу которых можно было бы отнести и Михаила Горбачева. Однако у них было слишком мало сил и времени, чтобы реформировать режим. Поэтому процесс разрушения старых формул и концепций происходил много быстрее, чем создание новых.

Начиная политику демократизации и гласности, Горбачев даже не подозревал, сколько скелетов прошлого находилось в кремлевских шкафах и сейфах. На вопросы о войне в Афганистане, о секретных договорах 1939 г., о событиях в Новочеркасске в 1962 г. и о многих других фактах и решениях прошлых лет не давалось никакого убедительного ответа. Горбачев просто не знал, как объявить стране и миру о документах, связанных с расстрелом польских офицеров в Катынском лесу в 1940 г. Как объяснить множество неоправданно жестоких решений и действий советского правительства в 1918–1922 гг.? Снятие прежних ограничений и запретов в печати вызвало взрыв критики, направленной против всех институтов Советского государства и КПСС, которая оказалась не готова и не способна ни к ответу, ни к ответственности. Это привело к стремительному распространению сомнений в легитимности режима.

Большая часть людей из руководства КПСС 1980-х гг. не принадлежала к фантикам социалистической идеи, а многие из них видели в разрушении КПСС и ее идеологии шанс для себя. Не только догматизм, но и разложение значительной части кадров КПСС лишили партию сил сопротивления.

К началу 1980-х гг. в идеологические формулы марксизма-ленинизма мало кто верил, и это ставило партию в трудное положение, несмотря на все ее внешнее могущество. Иностранным наблюдателям часто казалось, что идеология и партия – это просто лишние части в сложной системе советского общества. Один из западных авторов с некоторым недоумением констатировал, что «коммунисты в советском обществе превратились в элиту привилегированных сверхштатных работников с обоснованной заинтересованностью в продлевании кризисов, которых они не могут разрешить. КПСС, не нужная ни для администрирования, ни для экономического менеджмента, тем не менее господствует в обеих этих областях без всякого вклада в какую-либо из них». Это было слишком поверхностное и неверное суждение. Ни одно современное государство не может функционировать без политического руководства и без общественного контроля. Однако в тех формах, в которых это политическое руководство осуществлялось в СССР в последние несколько десятилетий, оно было скорее тормозом, чем мотором экономического и культурного прогресса.

Все более заметное отставание СССР в экономическом и научно-техническом соревновании с капитализмом означало и поражение в идеологии, заявлявшей о преимуществах социализма именно с точки зрения организации и эффективности труда и его производительности. Ускорить развитие советской экономики можно было только перестроив ее научно-техническую базу. С этих позиций лозунги «ускорения», а также приоритетного развития машиностроения, выдвинутые Горбачевым в первые годы перестройки, были правильными с формально-догматической точки зрения. Однако для такого масштабного поворота и у партии, и у государства уже не было достаточного политического ресурса. Народу обещали к 1980 г. полное изобилие, и люди устали ждать.

От проведения политики разумной достаточности в области вооружений и обороны Советский Союз перешел в 1960-е гг. к политике военно-стратегического паритета с блоком НАТО, а затем и с Китаем. Этот паритет был достигнут и поддерживался около 15 лет, что некоторые из идеологов КПРФ и сегодня считают едва ли не самым

главным достижением СССР и даже «подвигом советского народа». На самом деле это было самой большой ошибкой советского руководства, так как громадные материальные, научно-технические, людские и интеллектуальные ресурсы страны расходовались не на развитие экономики, не на улучшение жизни народа, а на производство военной техники. Страна просто не могла выдержать этой бешеной гонки вооружений и надорвала на одном из ее очередных витков. Михаил Горбачев предпринял немало усилий для того, чтобы выйти из гонки вооружений. Однако для конверсии всего чрезмерно милитаризованного режима в СССР необходимо было время и средства, которых у него уже не было.

Не имея возможности объяснить происходящие в мире процессы, а также неудачи Советского Союза в экономическом соревновании с капиталистическими странами, руководство КПСС взяло курс на изоляцию страны и на подавление любого проявления инакомыслия. Организм партии развивался как мощный, но лишенный иммунитета. Советский Союз мог отразить любую внешнюю агрессию, но не инфекцию. Уже в 1970-е гг. различные болезни существенно ослабили КПСС, а кризисы следующего десятилетия оказались для организма партии и государства губительными. Применение силы могло бы продлить существование СССР, но сделало бы его болезни еще более опасными. Мирный демонтаж Советского Союза был, вполне возможно, менее болезненным решением, чем новое чрезвычайное положение и новый тоталитаризм.

Советский Союз и КПСС потерпели крушение, это очевидно. Но это крушение все же не стало кровавым переворотом в том числе и потому, что оно не было полным. Многие достижения советского времени сохранились в нашей жизни, экономике и культуре, даже в структурах СНГ и в отношениях народов и государств на постсоветском пространстве. Тяжелый опыт прошедших десятилетий не пропал даром. Будет ли он использован разумно?

Примечания

¹⁷ Цит. по: США. 1991. № 3. С. 67.

¹⁸ Там же. 1990. № 10. С. 94.

¹⁹ Огонек. 1991. № 28. С. 16.

²⁰ Советская культура. 1991, 19 октября.

²¹ Начало. 1990, май; Диалог. 1990. № 9. С. 25.

²² Независимая газета. 1997, 16 января.

²³ Цит. по: Начало. 1990, май.

²⁴ Цит. по: Перспективы. 1991. № 6. С. 21.

²⁵ Московские новости. 1991, 31 марта. С. 8–9.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

© 2003 г. А. К. СОКОЛОВ*

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РАБОЧЕЙ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Микро- и макроподходы к рабочей истории

Интеграция микро- и макроподходов рассматривается в российской историографии последнего времени как наиболее важная и сложная в плане практической реализации задача²⁹. Не смолкает дискуссия о принципиальной возможности их синтеза, поскольку они якобы лежат в разных исследовательских плоскостях. Однако подобное различие сугубо условно и весьма относительно. Один и тот же объект исследования в зависимости от ситуации может выступать как объект и макро-, и микроанализа. Так, в характерной для советского времени цепочке социальных связей (рабочий – семья – родители и родственники – круг друзей и знакомых – соседи по дому, двору и даче – партичейка – коллектив бригады – коллектив цеха – коллектив предприятия) некоторые социальные объекты могут рассматриваться в зависимости от исследовательского ракурса и задач и как однотипные, лежащие в принципе в одной микрорегионали, и как «включающие» более мелкий объект по принципу «матрешки», и как занимающие срединное, промежуточное положение между крайними объектами (биография конкретного рабочего – история многотысячного коллектива завода). Однако рассмотрение последней пары с точки зрения дихотомии «микро–макро» вне выстроенной сложной цепочки объектов социальной истории со всей очевидностью мало что дает.

Современный российский микроисторик стремится, исходя из «тонкого», а значит, возможно более точного анализа событий и деталей прошлого, выйти на спектр более широких трактовок и обобщений. Отталкиваясь от реконструкции и всестороннего рассмотрения частной ситуации, он пытается понять, как и чем жили люди, тот способ, каким они строили свой мир и отношения в нем, как воспринимали себя в этом мире. При этом в центре внимания оказывается не форма социальных отношений, а многообразие их наполнения. Понятно, что взятые в отрыве от более общего контекста (объективные условия жизнедеятельности, лежащие в сфере экономики, политики, идеологии и др.), микроисследования не реализуют в полной мере свой потенциал. Поэтому необходимость их ориентации на возможности последующей генерализации, а в конечном счете – на соединение результатов микро- и макроанализа или по крайней мере их продуктивного диалога осознается в последнее время всем научным сообществом России.

На Западе вышло несколько серьезных исследований по советской истории 1920–1930-х гг., написанных с позиций соединения микро- и макроистории. К их числу относятся упомянутые работы Д. Хоффманна о крестьянской миграции в Москву, С. Коткина о Магнитогорске и К. Штроса о Пролетарском районе Москвы. Бесспорный успех этих работ, в особенности книги С. Коткина, впервые в историографии столь активно использовавшего в фундаментальном исследовании материалы многотиражной и региональной прессы, а также магнитогорских архивов, лишний раз подтверждает плодотворность микроисследований для изучения рабочей истории советского периода.

Микроисторические подходы, ориентирующиеся на изучение реальной социальной практики прошлого, раскрывающейся, в частности, через индивидуальное и уникальное, через жизнь и поступки конкретного человека и функционирование малых социумов, имеют первостепенное значение для переосмысливания советской истории. Дело в том, что в условиях преобладания представлений о тоталитарном характере советского общества только через микроисторию, через изучение социальных структур и процессов «внизу» и «в глубине» общественной пирамиды, через изучение биографий конкретных людей и их социальных связей можно прийти к выводу о «зазоре свободы» действий рядового гражданина, т.е. о том, в какой степени поведение советско-

* Окончание. Начало см.: *Отечественная история*. 2003. № 4.

го человека зависело от него самого, от общественных настроений или от государственной машины и в какой мере оно подчинялось образу мелкого «винтика истории». Таким образом, с помощью микроистории можно подойти к решению ключевой проблемы советской эпохи – о взаимосвязи человека, общества и власти. Опыт микроисследования иностранной колонии столичного Электрозводства 1920–1930-х гг. показал, что даже в самые суровые времена в повседневной жизнедеятельности человека его зависимость от общества и государства, от объективных факторов оказывалась причудливо переплетена с возможностью выбора, с существованием не только самостоятельных мнений, но и самостоятельных действий³⁰.

Стоит обратить внимание на опыт российских микроисториков по изучению отдельных событий, казусов, а также «нормальных исключений». Речь идет о весьма распространенной в СССР ситуации, когда в условиях чрезвычайности социальные нормы и аномалии менялись местами и то, что было принято относить к «исключениям», в реальной обстановке хаоса массовой коллективизации, индустриального рывка или репрессий, особенно на местах, в российской глубинке, сплошь и рядом приобретало перманентное и превращалось в правило. И если сравнительное исследование регионов Франции нового времени привело специалистов к выводу о «заговоре исключений, стремящихся опровергнуть правила»³¹, то вполне вероятно, что изучение регионального среза советской истории периода сталинского «великого перелома», массовых репрессий и др. может дать не менее поразительные результаты.

Благодаря распространению микроисследований образуется достаточно широкое поле для крайне перспективных компаративных исследований. Именно локальные и региональные исследования в России, традиционно тяготеющие больше к социально-исторической проблематике, являются одной из наиболее сильных сторон российской историографии. В этой сфере в советское время был накоплен немалый опыт, в том числе историко-биографический и источниковедческий, слабо востребованный в прошлом «большой» исторической наукой по причине снисходительного отношения к краеведческой «самодеятельности».

Рабочая история и пространственно-временные изменения

В современной рабочей истории большое внимание уделяется проблемам религиозных, рабовых, этнических различий в рабочей среде. Этот сюжет обретает глубокий смысл и ведет к переосмыслению огромного пласта литературы, посвященной формированию и развитию национальных и интернациональных отрядов рабочих в России и СССР. Но никогда не было особым секретом, что основную массу рабочих в национальных районах страны составляли русские³². Невозбежно возникавшие на этой почве трения и конфликты отрицались и почти не подвергались исследованию в советской историографии. Между тем развал СССР и обострение национальных (этнических) и религиозных проблем в современной России со всей остротой обозначили их важность, прежде всего в плане историко-сравнительного анализа. Такая постановка вопроса выводит историков на изучение пространственно-временных изменений в рабочей истории.

Россия – страна, обладающая наиболее обширными пространствами, сильно различающими-ся с точки зрения природных, экономических, демографических и прочих условий. Поэтому исследование пространственно-временных изменений для нее, как и для других аналогичных стран, имеет очень большое значение. В этой связи не может не привлечь внимания статья американского историка К. Эрла о формировании рынков труда и движении рабочей силы в период индустриализации США³³. Какое, казалось бы, это имеет касательство к советской, антирыночной по своей сути системе? Думается, самое прямое. Модернизация и индустриализация всех стран сопровождалась хаотическими и разрушительными явлениями. Длительное время советская историография доказывала, что отличие советской индустриализации от западной состоит в ее планомерном и управляемом характере. Однако последние исследования показывают, что именно плановое форсирование решения индустриальных задач в русле строительства социализма в СССР привело к куда более разрушительным социальным последствиям, чем в других странах, особенно на периферии, в деревне и на национальных окраинах. Современная литература делает акцент на натиск тоталитаризма, планово-директивных начал и государственного вмешательства во все аспекты общественной жизни в советский период. Другая сторона при этом часто забывается, а именно, насколько это удалось и до какой степени элементы свободы и рынка сохранялись в советской системе? Разумеется, эти вопросы нуждаются в прояснении, но очевидно, что рынок труда, несмотря на все попытки его регулирования, ограничения и подавления, сохранялся на всем протяжении советской истории. На практике это выливается в исследование соотношения «текущести рабочей силы» и миграций населения в СССР, рекрутования рабочих и центре и на местах («оргнабор»), мобилизаций, применения принудительного труда, а также возникающих на этой почве коллизий. Разумеется, необходим анализ роли государственных ин-

ститутов в превращении указанных процессов в макроуровневые, но несомненно и то, что их формирование начинается с локализованных общностей и микропроцессов, а это имеет важное методологическое значение для изучения рабочей истории в современной России.

Если приложить каркас американской рабочей истории к России, то можно увидеть, что здесь явно просматриваются определенные аналогии, но в целом картина будет отличаться десятками и сотнями нюансов, обусловленных спецификой страны и превратностями ее истории. Так, если в США начальный этап формирования рынка труда занял примерно полвека и привел к образованию промышленных центров, вскоре изменивших облик нации, то в России этот процесс растянулся на куда более продолжительный срок, да и итог его был неоднозначным. Причиной тому являлась неразвитость и малопродуктивность сельского хозяйства. Безусловно, преобладание аграрного сектора оказывало влияние на характер трудовых отношений, приток дешевой и неквалифицированной рабочей силы, регулирование оплаты труда, его недостаточное стимулирование для нужд индустриализации страны и мобилизации трудовых ресурсов. Долгое время аграрный рынок в России выступал в качестве основного, а городской – второстепенного, и заработка неквалифицированных рабочих зависели от доходов в деревне.

Большой интерес представляет исследование того, что побуждало русских крестьян браться за неквалифицированную работу на предприятиях. То ли они нуждались в дополнительном заработке в деревенское межсезонье, то ли дело было в низком прибавочном продукте в земледелии? Если то и другое, то в какой степени? Или существовали какие-то другие причины? Кто преобладал на предприятиях – отходники, временные или постоянные рабочие? От ответов на эти вопросы зависит очень многое. Анализ пространственных и региональных различий в сфере труда для России не менее важен, чем для США и тем более европейских стран. Совершенно непривычной является централистская модель рабочей истории, которая до сих пор господствует в российской историографии, хотя очевидно, что процессы, происходившие в столицах, были отличными от Центра страны, от Юга, Урала и Сибири, не говоря уже о национальных окраинах. Советская историография рабочего класса много внимания уделяла «выравниванию» уровней социально-экономического развития республик и регионов, приглушая степень существующих противоречий, которые сегодня нуждаются в осмыслиении, а традиционно используемые источники заслуживают рассмотрения и с этой точки зрения. Отрадно отметить, что в последнее время отмечается отход от господствующей традиционной модели. Историки Петербурга, Поволжья, Северного Кавказа, Урала, Сибири и других регионов разворачивают исследования на собственном материале, и их выводы показывают существенную роль различий, продиктованных спецификой местной истории и локальными хозяйственными и культурными особенностями регионов.

Мотивация труда и трудовая этика рабочих

Следует отметить, что обсуждаемые вопросы становятся хорошей основой для сотрудничества российских и зарубежных ученых. В западной литературе значительное место заняло изучение проблем мотивации труда рабочих. Одним из направлений изучения этой темы стал совместный российско-голландский проект «Побудительные мотивы к работе в России. 1861–2000»³⁴. В качестве методологической основы для него было взято исследование Чарлза и Криса Тилли (отца и сына) «Труд при капитализме»³⁵, в котором авторы свели систему мотивов и побуждений к труду к трем группам: материальному вознаграждению (compensation), морально-нравственным побуждениям и обязательствам (commitment), принуждению и насилию (coercion). Эти группы в разных сочетаниях действовали применительно к различным странам, историческим условиям и обстоятельствам. Естественно встал вопрос и о России, длительное время находившейся в особых исторических условиях – в условиях советского социализма, кстати, провозглашавшего труд основополагающей общественной ценностью, а обязанность трудиться под страхом уголовного наказания не работающих сопровождала всю советскую историю. Выяснилось, что вопрос об изменениях в мотивации труда в России оказался слабо разработанным в западной научной литературе. С одной стороны, есть давняя работа английского экономиста Г. Баркера, написанная под сильным влиянием советских источников по трудовым отношениям при социализме, с другой – не менее старые книги меньшевика С. Шварца, который исследовал труд в СССР главным образом с точки зрения принуждения и насилия. Имелись также косвенные наблюдения, высказанные на сей счет отдельными авторами.

Между тем, по мнению инициаторов проекта, кризис в мотивации труда в современной России требует детального и сравнительного анализа вопросов его стимулирования на протяжении длительного времени. Участникам проекта было предложено ответить на вопросы, какие стимулы к труду существовали к началу индустриализации России и в каких сочетаниях и насколько эффективно они выступали в конкретно-историческом контексте, какими факторами были

обусловлены их изменения и что они могут дать для объяснения нынешней российской ситуации? Для реализации проекта было избрано сочетание микро- (на примере отдельных предприятий) и макроподходов в исследовании³⁶.

В качестве микрообъектов были обозначены предприятия наиболее характерных для России отраслей: текстильной – для дореволюционного периода, металлопромышленности – для советского. В рамках Центрально-промышленного района России, который был подвергнут изучению, был учтен и региональный срез. Так, в разработку целей и задач проекта были включены, кроме московских предприятий, заводы и фабрики Подмосковья, Твери и Ярославля, каждого из которых позволяет детально изучить состояние трудовых стимулов на предприятиях на том или ином отрезке исторического времени. Сквозным для проекта стал московский завод «Серп и молот» (до революции завод Гужона), изучение которого имеет давнюю историографическую традицию как в России, так и на Западе (см. упомянутые работы Д. Хоффмана, К. Штроса, а также готовую к публикации работу К. Мерфи). Это позволяет сравнить выводы и наблюдения других авторов с результатами, полученными в процессе реализации проекта.

Был выработан также ряд методологических принципов для более или менее полного охвата проблемы. В частности, голландский историк Ян Лукассен разделил стимулы к труду на две категории: работу для себя (автономные) и для других (гетерономные). Последние в условиях современных обществ, как правило, определяются властными институтами (государством). В связи с этим различаются прямые стимулы, т.е. непосредственно касающиеся работника в трудовом коллективе, и косвенные, т.е. зависящие от способности власти влиять на трудовые отношения на макроуровне. Автор подчеркнул первоначальную роль домашнего хозяйства в формировании мотивации труда. Однако домашнее хозяйство в этой роли не выступает как самодостаточное. Первым посредником в изменении стимулов к труду в домашнем хозяйстве выступает рынок. Отношение к рынку в нем определяется количеством и качеством трудовых усилий, затраченных на производство продукта.

Следующий шаг в мотивации труда, указывает Я. Лукассен, формирование рынка труда, т.е. отношений между работниками и работодателями. Особое внимание сосредотачивается при этом на государстве, выступающем в роли работодателя, поскольку для России, где роль государства в истории была особенно заметной, это имеет исключительно важное значение. В современном обществе существует целая гамма свободных и несвободных трудовых отношений для занятых в государственных учреждениях, в армии, секретных службах, тюрьмах, исправительных учреждениях и, разумеется, на производстве. Государство призвано регулировать эти отношения, и отсюда третий источник мотивации труда: государство создает условия для выхода домашнего хозяйства на рынок труда. Оно должно способствовать росту производства и производительности труда, проводить социальную политику, направленную на улучшение благосостояния людей, поддержание безработных и потерявших трудоспособность. Отмечается общая тенденция к экономическому и социальному планированию, которая присуща разным странам, а в СССР приобрела директивно-нормативную форму.

Каждая страна в тот или иной период применяет сочетание различных стимулов к труду. Например, в годы войн и экстремальных ситуаций усиливается роль принуждения и моральных обязательств. В нормальных условиях должна возрастать роль вознаграждения за труд, прежде всего в форме денежных выплат – заработной платы, а также разного рода привилегий, обеспечивающих лояльность работника работодателю. Самым распространенным в мире стимулом к труду является его повременная, сдельная и прогрессивно-сдельная денежная оплата. Каждая из этих форм оплаты предполагает ту или иную степень свободы и контроля за трудовым процессом. Этим определяется соотношение числа занятых непосредственно на производстве и в конторах³⁷. Первые же шаги по реализации проекта показали, что многие из этих положений «работают» как в условиях дореволюционной России, так и в советской и постсоветской истории, тогда как обильная советская литература по данной тематике оказалась непригодной, поскольку исходила из идеализации трудовых отношений при советском строе, замалчивая многие негативные стороны, связанные с условиями труда, ростом его производительности, безопасности работы и т.д.³⁸ Отсюда – невозможность понять, чем был обусловлен кризис трудовых отношений к концу советского времени. Как бы то ни было, но приходится признать правоту Ленина, связывавшего в конечном счете судьбу социализма с более высокой производительностью общественного труда по сравнению с капитализмом. Будь так, ни о какой реставрации капиталистического строя вопрос бы не стоял ни в России, ни в других социалистических странах.

Вместе с тем такая постановка вопроса невольно повлекла за собой существенное расширение исследовательских рамок проекта, который в настоящее время завершен, а результаты его скоро будут опубликованы. Приходилось постоянно затрагивать широкий круг проблем, связанных

ных с национальными особенностями труда, сформировавшимися под влиянием природных, демографических факторов, воздействием доминирующей крестьянско-общинной психологии. На каждом этапе истории страны нужно было учитывать сложные перипетии событий, особенности трудовой политики государства, трудности экономических преобразований, выяснить, как происходило столкновение традиционной трудовой морали и трудовой этики с изменениями, продиктованными спецификой исторических обстоятельств, идеологией, объективными и субъективными влияниями³⁹. Если до революции 1917 г. мотивация труда в России мало чем отличалась от трудовых стимулов, характерных для стран, переживающих раннюю ступень индустриализации, то советский период можно определить как цель постоянных экспериментов в области трудовых отношений. Каждый из отдельных этапов советской истории представлял собой любопытное сочетание методов материального стимулирования, апелляции к сознанию и долгу, морального поощрения, принуждения и насилия. Ситуация в стране выдвигала подчас на первый план определенную группу стимулов. Например, в разгар «военного коммунизма» очень заметной оказалась роль принуждения к труду в соответствии с принципом «не работает да не ест». НЭП характеризовался поиском оптимального сочетания принципов материального стимулирования и новой организации труда. С 1929 г. упор делался в основном на трудовой энтузиазм. Неудача ударнического и стахановского движения (выраженная главным образом в общих показателях развития экономики, а не в индивидуальных трудовых рекордах), значительное число трудностей, связанных с индустриализацией и коллективизацией, вызвали усиленное применение методов принуждения, усугубленное началом Второй мировой войны. В сочетании с патриотизмом населения они дали стране возможность выстоять в военные годы, но после войны методы принуждения обнаружили свою полную неэффективность, прежде всего в сфере «чисто принудительного» труда (ГУЛАГ). Несколько последующих десятилетий поисков и штатаний в трудовой политике государства не привели к выработке у рабочих надежных стимулов к производительной работе, показали нивелирующее воздействие на оплату труда, способствовали деградации трудовой морали и в конечном счете вызвали крах советской модели социализма.

Рабочая история и гендер

Значительное количество исследований по рабочей истории на Западе связано с проблемами гендера, т.е. с различиями среди рабочих по полу. Хотя в советской историографии теме женщин-работниц уделялось большое внимание, она подавалась в традиционном ключе советской идеологии (угнетение и забытость женщины при капитализме и ее эмансипация в условиях социализма). Время от времени на Западе выходят статьи обобщающего и методологического характера по проблемам гендера. Среди них следует упомянуть статью С.О. Роуз, где анализируется широкий круг выпущенных на Западе трудов по проблемам гендера в рабочей истории⁴⁰. Традиционно роль гендера в рабочей истории, указывает С. Роуз, рассматривалась по линии разграничения общественного и личного, где первое характеризовалось преобладанием мужского пола, а второе (семья, дети, домашнее хозяйство и пр.) – как женское поле деятельности. По мнению автора, несмотря на идеологические расхождения, эта традиция глубоко укоренилась в исторических трудах, в том числе и марксистского направления. В них только классовые действия, направленные на изменение производственных отношений, считались главными, а действия в интересах семьи или в целях обретения «непосредственных выгод» – второстепенными. История женщин так запуталась в тенетах мифа о разных сферах деятельности, что привела к формированию феминистской истории, которая все социальные процессы оценивает через призму женского взгляда. Выступая против подобной дихотомии, показывая, что личное и общественное постоянно пересекаются, что и для рабочих мужчин семейные и домашние проблемы могли быть не менее, а даже более важными, чем сфера публичной политики, С. Роуз считает, что нет ничего аполитичного в заботах о каждодневных нуждах, о хлебе насущном. Политическое сознание как мужчин, так и женщин может возникать дома, в семье, в сфере частных интересов.

Работа С. Роуз наводит на размышления о новых подходах к изучению роли профсоюзов в советском обществе, в частности помогает ответить на вопросы, почему общественная активность женщин в Советском Союзе вращалась вокруг профсоюзной работы и была ли роль профсоюзов столь уж незначительной, как утверждают сегодня многие российские авторы, низводящие их до бессильных придатков государственных органов. Для исследования этого вопроса нужно чаще обращаться к архивным материалам профсоюзов, огромные фонды которых отложились в российских архивах. До сего времени историки в силу господства стереотипов политической истории относятся к ним пренебрежительно. Конечно, в них, как и в других архивных фондах советской эпохи, немало пустопорожних документов, заполненных политической трескотней, но есть много и таких, которые рассказывают о реальных отношениях на производстве

и в быту, о трудовых и других конфликтах, о развитии социальной сферы, о роли женщин в налаживании повседневной жизни.

Обнаружились и сложности институционализации гендерного подхода в современной российской историографии, так как значительная часть научного сообщества пока еще настороженно и консервативно относится к проблематике гендерна и феминизма в истории. Почему-то женская рабочая история началась с изучения проституции⁴¹. Поэтому хотелось бы привлечь внимание и к некоторым не столь «специализированным» работам о женщинах России, вышедшим на Западе⁴². В современной России большое число авторов, не имеющих пока широкого выхода в печать, обратились к редакции ежегодника «Социальная история» с просьбой посвятить специальный выпуск 2002 г. этой проблематике, дабы способствовать развитию гендерных исследований в стране. Анализ поступивших статей показывает, что многим из них присуща чрезмерная агрессивность, свойственная феминистской истории. Обнаруживается явная тяга к дискурсивному анализу, эпизодичность и выборочность тем, отсутствие внимания к ряду основополагающих для гендерна сюжетов (труд, быт, домашнее хозяйство).

Рабочая история и домашнее хозяйство

Крайне важно для историков России услышать призыв голландского историка Марселя ван дер Линдена к соединению истории домашнего хозяйства с рабочей историей⁴³. Дело в том, что для России, пережившей в новой и новейшей истории ряд катастроф, ведущих к разрушению самых элементарных основ существования, именно домашнее хозяйство служило той микрочайкой, которая позволяла выживать и строить определенные стратегии повседневного существования. Но, к сожалению, как справедливо отмечает автор, до сих пор не предпринималось серьезных попыток установить связь между семейным положением, домашним хозяйством и поведением рабочих в различных ситуациях. Для российской истории понятие домашнего хозяйства должно быть значительно расширено вследствие сохранения более сложных семейно-родственных, общинных и прочих архаических форм бытия. Домашнее хозяйство – это исторически изменяющаяся форма родственных отношений, включающих совместное использование средств существования, полученных из разных источников, за счет чего может достигаться значительная экономия средств. Домашним хозяйством могут заниматься несколько поколений одной семьи, а также несколько семей и родственники. Ушедшие (уехавшие) на заработки тоже не редко пополняют семейный бюджет. На состав домашнего хозяйства оказывают влияние перспективы брачных отношений, возможности трудоустройства, меры государственного порядка, например прописка, налоговая политика и др. Такое хозяйство не обязательно является отражением коллективных интересов и гармонии его членов. Между ними возможны довольно острые конфликты. Часто ведение домашнего хозяйства диктуется лишь необходимостью совместного выживания перед лицом многочисленных трудностей. Доходы от домашнего хозяйства складываются из оплаты труда его членов (в денежной и натуральной формах), пенсий, средств от реализации продуктов с огородов, садовых участков, от сбора грибов и ягод, сдачи в наем помещений, различных пособий и выплат и т.д. Сюда же следует отнести нелегальные заработки (спекуляция, воровство и т.п.).

Большое воздействие на жизнь страны оказывал патернализм. Его традиции были заложены в патриархально-семейных отношениях, заботе старших о младших, сильных о слабых; причем патернализм может приобретать не столько экономический, сколько социокультурный характер и варьироваться от политической лояльности до патриархально-семейных отношений, характерных как для крупных, так и особенно для мелких предприятий в России.

В последние годы в отечественной литературе отмечается тенденция к крайнему преувеличению значения патернализма в дореволюционной российской промышленности. Действительно, чем выше был уровень индустриального развития стран, тем меньше существовало условий для патерналистских отношений. Однако, кажется, правы авторы, считающие патернализм формой затушевывания отношений господства и подчинения. С позиций труда, например, как показывает реализация соответствующего проекта, возникает весьма неоднозначная картина. Несомненно, российские предприниматели как в своих высказываниях в печати, так и в речах на своих съездах не раз демонстрировали готовность к «отеческой заботе» о рабочих, однако вопрос стоит об исследовании реальных отношений как на производстве, так и вне его. Поэтому, несмотря на многочисленные свидетельства патернализма, не скрыть его грубого и противоречивого характера, если не игнорировать действительную историю рабочего движения в России.

Для российской истории огромное значение приобретает исследование истоков становления и последствий установления системы государственного патернализма в отношении рабочих и других слоев населения, несомненно, структурировавших поведение в семье и домашнем хозяйстве.

стве. Насколько это было обусловлено преемственностью в историческом развитии страны, насколько проистекало из воплощения на практике социалистических идей, ведущих к социально-му иждивенчеству, созданию системы льгот и гарантий, атрофии классовых ценностей и норм, подавлению протестных настроений, – вот вопросы, которые почти не затрагиваются в современной историографии, хотя источников на этот счет безбрежное море. Сюда относятся материалы о развитии социальной сферы как в масштабах государства, ведомств и отраслей, так и на отдельных предприятиях. В изучении нуждаются также проблемы взаимоотношений на производстве между рабочими и администрацией, в частности вопрос о том, какую роль играли интересы и настроения в трудовых коллективах во взаимодействии с начальством. Исследование этих вопросов позволит пролить свет на социальную ситуацию, складывающуюся в современной России.

Самой развитой формой защиты своих интересов является присоединение рабочих к организациям и общественным движениям, ставящим своей целью улучшение положения и на производстве, и в быту, и прежде всего в сфере домашнего хозяйства. Это общества взаимопомощи, производственные и потребительские кооперативы, профсоюзы, политические организации и партии. Современные исследования, которые выстраиваются в русле официальной политики власти и профсоюзов, сглаживают остроту многих проблем, возникших вследствие отказа государства от своих патернистских функций и внедрения рыночных начал в сферу труда, производства и распределения, приведших, несмотря на разговоры о социальном государстве, к у становлению «дикого» капитализма – беспрецедентной для истории новейшего времени ситуации, требующей адекватного изучения и осмысливания.

Таким образом, обращение к сфере домашнего хозяйства со всей очевидностью выводит историков на широкий круг проблем социальной истории. Исследования в этой области имеют таксономический характер, т.е. связаны с измерениями и расчетом разного рода количественных показателей. Основным источником для этого на протяжении длительного времени служили бюджетные обследования. В России их проведение имеет давнюю традицию, но следует учитьывать их преимущественно эконометрический характер. Кроме того, в советских бюджетах незримо наличествует их скрытая часть, связанная с нелегальными приходно-расходными статьями. Хорошо известна, например, советская практика «брать и отдавать долги» как способ существования в основном невысоко оплачиваемых категорий населения. Поэтому бюджетная статистика позволяет прослеживать лишь общую структуру и тенденции изменений в домашнем хозяйстве. Разумеется, необходимо привлечение и других источников, свидетельствующих о личном опыте людей, стратегии их приспособления, выживания и улучшения своего положения. В этом направлении развиваются исследования последних лет как в России, так и на Западе⁴⁴.

Рабочая история и история повседневности

Популярностью среди российских историков в настящее время пользуется и история повседневной жизни, особенно в период войн и потрясений, которая, как правило, осуществляется на уровне региональных исследований⁴⁵. Появились также работы, обосновывающие особую роль истории повседневности в познании советского прошлого⁴⁶. На современную рабочую историю в России заметное воздействие оказывает германская история повседневности (Alltagsgeschichte), и, видимо, это не случайно. Наверное, именно здесь можно провести немало параллелей и выделить сходные черты, обусловленные превратностями исторических судеб Германии и России. И тот факт, что германская история повседневности как своего рода новая программа для социальной истории складывалась прежде всего на примере исследований по рабочей истории, способствовал ее популярности в России, где среди ученых еще сохранилась память о том, что многие из них в свое время отдали дань истории рабочего класса. Вопросу о том, что означает история повседневности в смысле рабочей истории, была посвящена работа А. Людтке⁴⁷. Как представляется, ввиду важности затронутых автором проблем для сравнительно-исторических сопоставлений и определения перспектив рабочей истории, следует учесть и другие работы автора и его коллег⁴⁸.

Российской аудитории, приученной думать в категориях одномерного классового анализа, следует обратить внимание на термин «полиморфная синхронность», который идет от Ю. Кокка, считающего, что одно и то же классовое положение создает основу для наличия взаимных общих интересов, открывает возможность обмениваться совместным опытом, надеждами и опасениями, образовывать организации и вести совместные действия. Им могут способствовать или, наоборот, блокировать их определенные исторические условия. Поэтому рабочая история предстает как совокупность синхронно конкурирующих структур (экономических, гендерных, этнических, конфессиональных), «пропахивающих в нем глубокие борозды» и создающих его «не-

определенную» многослойность (полиморфию). Но, считает А. Людтке, столкновение и согласование различных интересов происходит на уровне повседневности и прежде всего в сфере трудовой деятельности. Сам труд не может быть сведен к механическому действию. Это один из полиморфных комплексов, исследование которых приобретает значительную роль для рабочей истории. Труд обеспечивает жизнь работнику, создает возможность для самоутверждения и самореализации, служит источником существования. У рабочих свое видение труда, отличное от того, каким его видят государство, владельцы капитала, управляющие и т.п. Борьба против «неправедливости», причем не только в сфере оплаты труда, была и остается культурной и материальной мотивацией в действиях рабочих различных стран, которая, согласно теории Б. Мура, может служить социальной основой как «послушания», так и «мятежа»⁴⁹.

ХХ век характеризуется распространением сдельной формы оплаты труда, начавшегося с отраслей обрабатывающей промышленности, причем работа давалась не отдельному рабочему, а целой бригаде. Бригада, как правило в лице мастера или бригадира, заботилась о справедливом распределении заработка для поддержания тесных связей в коллективе. Заработка одного зависел от заработка других и от того, насколько бригада справилась с производственным заданием. «Новичков» надо было либо приучать к темпу, либо «удерживать их в узде», т.е. не позволять им превышать согласованный ритм во избежание пересмотра норм выработки и роста напряженности труда. Надо ли говорить о важности поставленной проблемы для изучения процессов, проходивших на советском производстве, поисков в области стимулирования труда, развития ударнического и стахановского движения, «движения за коммунистический труд» и т.п. С этих же позиций следует посмотреть, к чему на практике приводили методы убеждения, административного и принудительного воздействия в попытках нарушить вырабатываемую рабочими тактику повседневного поведения. На этой основе складывались традиции и нормы, свойственные каждой стране. В этом плане любопытно сопоставление двух рабочих культур: немецкой и советской⁵⁰.

В России, где рабочий класс формировался преимущественно из крестьян, общинное прошлое, безусловно, накладывало свой отпечаток на рабочий класс, определяя специфику его труда, поведения и образа жизни. В советское время так называемая социалистическая индустриализация вызывала решительные перемены. Проведенная «под нее» колLECTIVизация обернулась настоящей трагедией для деревни. Толпы крестьян, бегущих от колхозов и из колхозов, перемещались в города, на стройки, заводы и фабрики. Советские авторы много писали об их «переваривании в рабочем котле», забывая о другой стороне дела – буквальном растворении рабочих кадров в массе деревенских жителей, его значении и последствиях для складывающихся социальных отношений, культурных ценностей и норм. Это к вопросу об «исчезнувшем рабочем классе» в советских условиях, о роли и месте политики и идеологии в социальных процессах.

История повседневности нашла немало приверженцев в современной России, в том числе среди тех, кто занимался историей рабочего класса. Было проведено несколько конференций, вышли сборники статей⁵¹, в рамках РАН образован Научный совет по изучению истории повседневности⁵². Однако на этом пути историков поджидает много опасностей. Часто «история снизу» представляется как история только на уровне повседневности. Такое понимание неверно в принципе и ведет к мелкотемью, рассыпанию целостной истории общества на малозначащие и плохо связанные между собой сюжеты. «История снизу» не исключает больших проблем и важных вопросов, это определенный новый угол зрения, методологическая направленность современных исследований, таящая в себе немало возможностей как альтернатива идеологической предвзятости и методологического схематизма.

Символы и образы рабочей истории

В последние годы заметным явлением в мировой историографии стал рост внимания к символам и образам, которые складывались и исчезали во времени. Пролетарские символы и образы были особенно характерны для советской истории, вершившейся от имени рабочего класса. Советская литература, например, была буквально «напичкана» образами рабочих. Вопрос о том, какое влияние они оказывали на формирование общественного сознания, остается пока не изученным, так же, как и влияние живописи, кино, театральных постановок, поэтического, песенного и фольклорного творчества. Но очевидно, что попытки создать новую рабочую культуру, отразить ее в знаковых образах и символах не удались ни в рамках левых направлений в литературе и искусстве, ни в духе социалистического реализма, долгие годы господствовавшего в культурной жизни СССР. Одновременно очевидно, что рабочая тема претерпевала довольно сложную эволюцию как в дореволюционной России, так и в СССР, которая нуждается в изучении. Как произошло, например, что образы рабочих, способных и делать революцию, и управлять го-

сударством (кинотрилогия о Максиме), превратились в мрачный и угрюмый гротеск «Дети чугунных богов», созданный в период перестройки, после которого рабочая тема вообще исчезла с горизонта? Как молодые духом «кузнецы, кующие ключи от счастья», в песнях периода построения социализма сменились «Ваньками», «Зинками» и «Нинками», живущими от зарплаты до зарплаты, с ограниченным кругозором, примитивными интересами, уголовными приоритетами, весьма распространенными в годы «развитого социализма» в СССР? Надо заметить, что изучение советской политической и прочей символики, литературы и искусства в контексте рабочей истории находит все большее распространение в исследованиях на Западе⁵³ и начинает интересовать отечественных ученых⁵⁴.

Таким образом, в последние годы изучение рабочей истории как на Западе, так и в России имеет ярко выраженные тенденции к взаимному сближению, к сравнительно-историческим исследованиям в контексте глобальной рабочей истории, к расширению и углублению тематики исследований, их слиянию в едином русле социальной истории. Разумеется, в данной статье нет возможности перечислить все перспективные направления, связанные с разработкой тех или иных проблем. Хотелось бы лишь подчеркнуть, что исследование труда как основополагающей общественной ценности, равно как и отношений собственности, рынка, капиталов, предпринимательской деятельности в качестве двигателей истории всегда будет привлекать внимание ученых России. Вместе с тем в современных условиях формулируется и более широкое понимание труда, происходит размытие и сближение различных его видов, а это ведет к тому, что и сама история труда становится все более объемной и многомерной. Объектом исследования становятся не только индустриальный труд как специфическая черта рабочей истории, но также работа в сельском хозяйстве, в других отраслях экономики, труд управленческий, организаторский, умственный, игравшие все возрастающую роль в новейшей истории. Не меньшее значение приобретает исследование ситуации «вокруг труда», реалий других аспектов повседневной жизни. Можно с уверенностью сказать, что последовательное и настойчивое продвижение по этому пути может стать гарантией преодоления кризиса рабочей истории, вызванного крахом советского социализма и созданной при нем истории рабочего класса.

Примечания

²⁹ О значении, итогах и перспективах интеграции микро- и макроисследований в отечественной и зарубежной историографии см.: Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. Доклады и выступления на конференции 5–6 октября 1998 г. М., 1999.

³⁰ См.: Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозвода в советском обществе 1920–30-х гг. М., 2000.

³¹ Медик Х. Микроистория // Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. М., 1994. Т. II. № 4. С. 199. Показателен и особо важный для советской истории 1930-х гг. вывод микроисториков, что «нормальные исключения» особенно часто наблюдались в периоды ускоренной модернизации общества.

³² За исключением небольших анклавов, вроде Бакинского нефтепромышленного района (современный Азербайджан), где сложился довольно пестрый интернациональный отряд рабочих.

³³ Эрл К. Разделение труда: сегментарная география рынков труда и рабочего движения Америки в период индустриализации. 1790–1930. // Конец рабочей истории? С. 15–62.

³⁴ Проект был поддержан фондом «Nederlandse Organisatie voor Wetenschappelijk Onderzoek». Среди инициаторов проекта – известные голландские ученые М. ван дер Линден и Я. Лукассен, предложившие своего рода пролегомены для создания глобальной рабочей истории, где центральное место занимает труд. См.: Ван Дер Линден М., Лукассен Я. Пролегомены глобальной рабочей истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998.

³⁵ Tilly Charles and Chris. Work under Capitalism. Oxford, 1998.

³⁶ Ван Дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник 2000. М., 2000. С. 206–216.

³⁷ Лукассен Я. Мотивация труда в исторической перспективе: некоторые предварительные заметки по терминологии и принципам классификации // Социальная история. Ежегодник 2000. С. 194–205.

³⁸ См. цикл статей в «Экономическом обозрении» и ежегоднике «Экономическая история» за 2001–2002.

³⁹ В качестве первой попытки выстроить проблему в исторический контекст на основе сочетания принципов микро- и макроанализа см.: Соколов А.К., Тяжельников В.С. Отношение к труду: факторы консервации и изменения трудовой этики советских рабочих. Статья подготовлена для ежегодника «Социальная история».

⁴⁰ Роуз С.О. Пол и рабочая история: наследие девятнадцатого столетия // Конец рабочей истории? С. 213–242.

⁴¹ См., напр.: Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е годы XIX в.–40-е годы XX в.). М., 1994.

⁴² См.: Goldman W. Op. cit.; Wood A. Op. cit.

⁴³ Van der Linden M. Соединяя историю домашнего хозяйства с рабочей историей // Конец рабочей истории? С. 243–261.

⁴⁴ См.: Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. М., 1993. ее же. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. М., 1998.

⁴⁵ Среди этих работ хотелось бы выделить: Революция и человек: быт, нравы, поведение. М., 1997; Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000; Народный И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

⁴⁶ См.: Российская повседневность. 1921–1941. Новые подходы. СПб., 1995; Козлов Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. М., 1996.

⁴⁷ Людтке А. Полиморфная синхронность: немецкие индустриальные рабочие и политика в повседневной жизни // Конец рабочей истории? С. 63–130.

⁴⁸ См.: Социальная история. Ежегодник 1998/1999. М., 1999. С. 77–100.

⁴⁹ См.: Moore B. Injustice. The Social Basis of Obedience and Revolt. Boston, 1978.

⁵⁰ О том, какие конфликты возникали на этой почве, рассказывается в кн.: Журавлев С.В. Указ. соч.

⁵¹ Российская повседневность 1921–41 годы. Новые подходы. СПб., 1995; Советский рабочий: духовная сфера и быт. М., 1998; Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города и др.

⁵² См.: Поляков Ю.А. Человек в повседневности (Исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. № 3.

⁵³ См.: Youngblood D.J. Movies for the Masses. Popular Cinema and Soviet Society in the 1920s. Cambr., Eng., 1992; Von Geldern J. Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley, 1993; Bonnell V. The Iconography of the Worker in Soviet Political Art. In: Making Workers Soviet. P. 341–375.

⁵⁴ См. напр.: Корнаков П.К. Символика и ритуалы революции 1917 года // Анатомия революции 1917 года. СПб., 1994; Тяжельникова В. С «Вы жертвой пали в борьбе роковой...» // Социальная история. Ежегодник 1998/99; История России XIX–XX веков. Новые источники понимания. М., 2001.

© 2003 г. В. М. ЗУБОК, В. О. ПЕЧАТНОВ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ*

Обострение «холодной войны»

Российские исследователи сделали первые шаги по изучению следующих сюжетов и направлений данного периода: советская реакция на план Маршалла и создание Коминформа; воздействие советско-югославского разрыва на эволюцию советских концепций об устройстве своей сферы влияния в Восточной Европе и на политику самих восточноевропейских стран; эволюция подхода СССР к европейской безопасности и советская реакция на создание НАТО, «германский вопрос», в особенности «берлинская блокада» 1948–1949 гг. и советские предложения в марте 1952 г.; возникновение советско-китайского союза в 1949–1950 гг.; советско-китайско-корейские отношения и война в Корее, 1950–1953 гг.; роль разведки и информации; подготовка советского общества к конфронтации и связь между репрессиями и внешнеполитическими планами Сталина.

Большинство исследователей считают рубежом необратимого разгорания «холодной войны» лето 1947 г., когда СССР отказался участвовать в плане Маршалла. Также считается, что Сталин не ожидал такой крупномасштабной акции со стороны США и усмотрел в ней то же, что усматривал в его действиях Запад – стратегический «план игры», направленный на изоля-

* Окончание. Начало см.: Отечественная история. 2003. № 4.

цию СССР и вытеснение его из Западной (и даже Восточной) Европы. В связи с этим Сталин был вынужден форсировать контрмеры, выразившиеся, в частности, в создании Коминформа³⁶.

Это большинство согласно с тем, что события лета–осени 1947 г. привели к серьезным изменениям в советской политике в Восточной Европе. До плана Маршалла она была ориентирована не столько на продвижение идеологических партнеров к власти, сколько на распределение ролей в работе по консолидации советской сферы влияния под крышей концепции «национальных путей к социализму». При этом Сталин явно стремился не спугнуть Запад. Только после появления плана Маршалла Сталин отбросил всякую осторожность – произошла кардинальная смена политической линии руководства страны в советской сфере влияния под давлением geopolитических реалий³⁷.

Другая точка зрения заключается в том, что приход к власти коммунистов в Восточной Европе осуществлялся поэтапно, согласно планам и инструкциям Москвы, и создание Коминформа планировалось без увязки с планом Маршалла. По мнению Л.Я. Гибианского, сталинская идея «национальных путей к социализму» была скорее камуфляжем для советизации, отброшенным в ходе «форсированного коммунистического наступления» летом 1947 г. В то же время Гибианский, как и большинство авторов, признает, что главной задачей Сталина было добиться абсолютного подчинения восточноевропейских стран воле Кремля. Моментом кризиса для советской политики в Европе в этой связи, согласно его концепции, был не план Маршалла, а неподчинение Тито и последующий советско-югославский разрыв³⁸.

Среди исследователей также существуют разногласия по вопросу о динамике отношений между Москвой и местными (коммунистическими и прочими) политическими силами. Некоторые исследователи делают упор на «острейшую борьбу полярных политических сил» внутри восточноевропейских стран. Они подчеркивают, что до осени 1947 г. Кремль выступал не в роли диктатора, а в качестве арбитра между конкурирующими политическими кланами в этих странах³⁹. Только после перехода к bipolarной структуре мира Сталин начал политику тотальной чистки восточноевропейских правящих группировок от сторонников «национальных путей». Но даже после того, как Сталин взял курс на однозначную советизацию Восточной Европы, политика складывания там «тоталитарного монолита» не может, согласно утверждениям ряда ученых, изображаться целиком как политика, диктуемая из Москвы. Важным ее компонентом были действия местных политиков и кланов, использовавших борьбу с «титоизмом» для выбивания конкурентов в борьбе за власть⁴⁰. Г.П. Мурашко, к примеру, приходит к выводу, что коммунистический «путч» в феврале 1948 г. в Чехословакии был не результатом давления со стороны Москвы, а скорее местной инициативой⁴¹. Л.Я. Гибианский, однако, ставит эти выводы под сомнение, ссылаясь на недостаточность их источников базы.

Исследования советской политики по «германскому вопросу» особенно страдают от ограниченности доступа к архивам. Лишь недавно в научный оборот были введены материалы встреч Сталина с коммунистическими руководителями советской зоны оккупации в Германии, а впоследствии – ГДР. В.К. Волков, первый комментатор этих документов, заключает, что политика по «германскому вопросу» отражала упрямство Сталина и его нежелание признать, что западные державы переигрывают его по всем статьям⁴². Эта точка зрения близка к положению, высказанному американским ученым Н. Наймарком. Выводы В.К. Волкова во многом близки и к взглядам германского историка Вилфрида Лота, полагающего, что Сталин вплоть до 1952 г. все еще допускал возможность создания нейтральной несоветской Германии. Другие авторы (А.М. Филитов, М.И. Семиряга, В.М. Зубок, Ф.И. Новик), исследовавшие германскую политику СССР в последние годы жизни Сталина, также полагают, что предложения Сталина в марте 1952 г. имели не только инструментальный характер (задержать интеграцию Западной Германии в НАТО), но и были продолжением его политики «единой Германии»⁴³.

Исследователи формирования советско-китайского союза и истоков войны в Корее вновь поднимают вопрос о соотношении геополитических и идеологических мотивов и склоняются к большей важности первых, нежели вторых. По контрасту с исследователями германского вопроса здесь историки находят в Сталине четкого и последовательного реалиста. В то же время по-разному интерпретируется характер складывающихся советско-китайских отношений. В ряде публикаций (С.Н. Гончарова, А. Григорьева, Т. Зазерской) делается упор на взаимный макиавелизм Сталина и Мао Цзэдуна и создается впечатление, что они никогда не доверяли друг другу. Другие авторы, комментируя документы из Архива Президента РФ (С.Л. Тихвинский, А.М. Ледовский), видят прежде всего готовность советской стороны помочь китайской революции и даже считают чрезмерными уступки Сталина по пересмотру Ялтинских соглашений в пользу КНР в начале 1950 г.⁴⁴ И.В. Гайдук и Л.М. Ефимова на основании новых материалов из фонда Сталина (в частности, о его встречах с Хо Ши Мином) показывают, что Сталин с 1949 г.

стал больше считаться с революционными процессами в Азии (Китай, Индокитай, Индонезия)⁴⁵, хотя и стремился сдерживать ультрапреволюционный радикализм азиатских коммунистов.

Большие разногласия царят по поводу того, что замышлял Сталин в последние годы жизни. Согласно новым материалам из Архива Президента РФ, считает В.П. Наумов (вслед за драматургом Э. Радзинским), Сталин готовился к третьей мировой войне. По его мнению, «задача состояла в том, чтобы сразу перенести войну на территории США». Сталин верил, что «любой ядерный удар был бы для американцев сокрушительным. Возникла бы паника, и американцы бы капитулировали». Сам вождь не боялся ядерной войны⁴⁶. А.А. Фурсенко и его соавтор Т. Нафтали на базе других, но также неполных материалов приходят к совершенно другому выводу. Они заключают, что Сталин действительно готовил чистку, но одновременно полагают, что диктатор в последние месяцы жизни был способен одновременно вынашивать надежды на ослабление напряженности в отношениях с Западом⁴⁷.

Эти разногласия четко отражают неполноту и противоречивость наличной документальной базы. Но думается, что в любом случае период с 1948 до 1953 г., скорее всего, останется самым крепким «орешком» для исследователей «холодной войны», в том числе в силу возрастной деградации Сталина, а вместе с этим и механизмов выработки политики, опиравшихся на его «сверхчеловеческие» качества.

Эволюция и этапы «холодной войны» после Сталина

Публикации по десятилетию после смерти Сталина образуют второй по величине историографический блок. Особое внимание исследователей привлекли события марта–июля 1953 г. и влияние дела Берии на советскую внешнюю политику; попытка разрядки напряженности в Европе в 1955 г.; воздействие десталинизации на социалистический лагерь, в частности советско-югославское примирение, кризисы в Польше и Венгрии в 1956 г.; советская политика в международных кризисах (сузский, берлинский); назревание советско-китайского разрыва в 1958–1960 гг.; истоки и ход Карибского кризиса; отношение Москвы к индокитайским столкновениям.

Среди историков нет сомнений, что главной фигурой этого периода являлся Н.С. Хрущев, чьи единоличные решения привели к опаснейшим кризисам «холодной войны». Большинство исследователей сходится в том, что ему были присущи непродуманность и спонтанность в действиях, романтизм в отношении перспектив социализма и борьбы с империализмом в Африке, Азии и Латинской Америке; опасное увлечение ядерным шантажом. В.О. Печатнов подчеркивает, что «своей политикой Хрущев постоянно провоцировал американцев. Никогда послевоенный мир не был так близок к войне, как при Хрущеве». Его поддерживает С.В. Кудряшов: «При Хрущеве "холодная война" приняла действительно всемирный, глобальный характер. Мы "залезли" и в Африку, и в Латинскую Америку. Как никто другой, Хрущев раскрутил механизм гонки вооружений»⁴⁸.

Другие авторы – и ветераны – участники событий, и историки (А.М. Александров-Агентов, О.А. Трояновский, В.М. Зубок) полагают, что в 1955–1956 гг. Хрущев был главным проводником политики переговоров с целью достижения разрядки напряженности в Европе⁴⁹. Но с 1956–1957 гг., прежде всего под влиянием процессов деколонизации и успехов советского ракетостроения, он стал склоняться к политике изменения «соотношения сил» с тем, чтобы принудить западные державы пойти на разрядку. В.М. Зубок, анализируя мотивы Хрущева в развязывании берлинского кризиса в 1958 г. и построении Берлинской стены, выделяет также фактор милитаризации ФРГ, крайней нестабильности ГДР и осложнения советско-китайских отношений⁵⁰. В то же время многое еще в оценке мотивов Хрущева и советской политики остается спекулятивным. А.М. Фilitov не согласился с выводами Зубока о злоупотреблении советского лидера революционной риторикой и подражанием даллесовскому «балансированию на грани» ядерного конфликта для решения политических целей. Он и его германский соавтор Б. Бонвич полагают, что Хрущев до последнего момента не хотел рассматривать вариант со «стеной» и цеплялся за свою идею превращения Западного Берлина в открытый город. По их мнению, лишь вызов гегемонии и престижу Москвы со стороны китайского руководства побудил Хрущева принять аргументацию В. Ульбрихта и дать добро на возведение Берлинской стены⁵¹. Академик А.А. Фурсенко на основе анализа новых документов из Архива Президента РФ считает Хрущева главным инициатором этого решения⁵².

В этих спорах опять возникает тема о вкладе США и Запада в продолжение «холодной войны» и гонки вооружений. Что должны были сделать преемники Сталина, чтобы Запад изменил свою политику в отношении СССР? При обсуждении этой темы явно чувствуется современный полемический фон. Часть исследователей считает – явно под влиянием переосмысливания причин

распада СССР, – что окончание «холодной войны» было возможно только на условиях, сформулированных США, а именно – коренных изменений в характере советского строя.

Кризис в советско-китайских отношениях и его причины только недавно стали предметом документированных публикаций. К.В. Плещаков и В.М. Зубок делают упор на геополитическом соперничестве и столкновении внутриполитических приоритетов обеих сторон. Д.А. Волковенов и М.Ю. Прозуменников полагали, что взаимная личная неприязнь Мао и Хрущева явилась более важным фактором, чем идеологические и какие-либо другие расхождения. М.Ю. Прозуменников, в частности, считает, что важными моментами, объясняющими разрыв, были как принципиальные расхождения по международной политике (взгляды на проблемы разоружения и разрядки с капиталистическим Западом, разные формы перехода к социализму), так и конкретные разногласия по тайваньскому вопросу, индокитайскому конфликту и т.п. Но главным, по его убеждению, было «столкновение амбиций и политических честолюбий лидеров двух государств»⁵³.

По мнению этих исследователей, на Хрущеве лежит основная ответственность за разрыв с Китаем – его несдержанность, непродуманные меры (например, отзыв советских специалистов) привели к тому, что скрытые разногласия переросли в публичную полемику внутри «лагеря». Другие авторы, однако, усматривают инициативу в конфликте за китайской стороной. Среди мотивов они видят культ личности Мао и использование им конфликта с СССР для укрепления своей единоличной власти. Также отмечается стремление китайского руководства стать ядерной державой за счет бескорыстной помощи советской стороны⁵⁴. Вместе с тем российские исследователи еще не предприняли комплексного и глубокого анализа внутренних и международных причин советско-китайского конфликта.

Роль военно-промышленного комплекса

Несмотря на ограничения в допуске к документам, серьезно продвинулось изучение становления и роли военно-промышленного комплекса в первые годы «холодной войны». Солидным исследованием является монография Н.С. Симонова, определяющего ВПК как «социальный феномен», раскрытие содержания которого лежит в нескольких пересекающихся плоскостях: военно-политической, организационной, хозяйственной, научно-технической, производственно-технологической и т.д. Автор делает вывод, что милитаризация страны в 1946–1951 гг. поглощала «около четверти ее национального дохода». К 1955 г. удельный вес расходов советских военных организаций (МО, МВД и КГБ) в национальном доходе страны сократился до 14%, но ВПК продолжал забирать до половины всех капитальных вложений в промышленность. Тенденция к падению доли военной продукции в пользу мирной меняется опять в 1959–1960 гг. в пользу военной продукции⁵⁵.

И.В. Быстрова и Г.Е. Рябов, на основании новых архивных данных, делают сходный вывод. Они отмечают «невиданный ранее по темпам и размерам военно-экономический бум» уже после смерти Сталина. По их мнению, с конца 1950-х гг. ВПК становится саморазвивающейся структурой, вскоре превратившейся в доминанту жизни советского общества. Они считают (к сожалению, без ссылок на источники), что в 1989 г. на оборону СССР было направлено 485 млрд руб., из которых 30 млрд было оккуплено производством потребительской гражданской продукции. Иными словами, оборонные расходы достигли 73.1% от производственного национального дохода⁵⁶. Это, делают вывод историки, «предопределило крах советской экономики, надорвавшейся от непосильных военных расходов». К аналогичным выводам приходит и А.Б. Безбородов⁵⁷.

О «холодной войне» на полигонах «третьего мира»

Исследования по этой тематике только начинаются, и историков ждет обширный фронт работы: история взлета и падения советско-египетского сотрудничества, политика в отношении арабского мира в целом и Израиля; советско-индонезийские отношения; роль конфликта в Лаосе как прелюдии к вьетнамской войне; начало соперничества в Анголе и на Африканском Роге. В то же время здесь есть и серьезные достижения. Среди них исследование советско-кубинских отношений в книге о Карибском кризисе А.А. Фурсенко и его канадского соавтора Т. Нафтали, насыщенной уникальным документальным материалом, советская политика в Индокитае, ставшая предметом монографического исследования И.В. Гайдука, книга А.А. Ляховского о советской интервенции в Афганистане⁵⁸. Ветераны советской дипломатии также внесли свою лепту: В.Л. Израэлян дал детальный, основанный на стенограммах заседаний Политбюро, анализ советской политики в дни «войны судного дня» между Египтом, Сирией и Израилем в 1973 г. Бывший заместитель заведующего международным отделом ЦК К.Н. Брутенц в своих мемуарах сделал обширный разбор «дуэли сверхдержав» в «третьем мире» и причин, по которым США и

СССР в 1970-е гг. не смогли сменить эту дуэль на сотрудничество. Бывший первый заместитель министра иностранных дел Г.М. Корниенко проследил, как неурегулированность конфликтов в «третьем мире» привела наряду с другими факторами к концу разрядки напряженности 1970-х гг.

Авторы сходятся в том, что главным фактором вовлечения СССР в проблемы «третьего мира» была bipolarная структура мира, нежелание уступать США. Но идеология, по воспоминаниям ветеранов, служила «внутренним резоном и легитимизирующим фактором советской политики, ее оптимистическим и динамическим нервом». При Хрущеве присутствовала и вера в то, что СССР – главная сила революционных преобразований. Но и тогда, считает Брутенц, «вся эта эмоционально-идеологическая пирамида на деле оборачивалась нацеленностью СССР на продвижение границ своего влияния и доминирования, то есть великодержавными, а впоследствии и супердержавными мотивами»⁵⁹. Интересна дискуссия Брутенца и Корниенко в 1995 г. в Норвегии, в которой оба тем не менее настойчиво подчеркивали приоритет государственных (геополитических) интересов над идеологическими мотивами⁶⁰.

Исследование Гайдука подтверждает, что советское руководство, несмотря на идеологические симпатии к вьетнамским коммунистам, занимало крайне осторожную позицию, не желало эскалации войны в Индокитае и усматривало в ней главную помеху для разрядки напряженности в отношениях с Соединенными Штатами. Израэлян также исходит из того, что в 1973 г. Л.И. Брежнев, советское руководство и дипломатия прежде всего хотели сотрудничества с США по урегулированию ближневосточного конфликта; идеологические интересы «борьбы с империализмом» (так же как и антиизраильские эмоции) были на втором плане.

Вместе с тем исследователи единодушны во мнении, что с 1970-х гг. вовлеченность СССР в конфликты в «третьем мире» начала неуклонно приходить в противоречие с советскими первостепенными государственными интересами. Корниенко и Брутенц усматривают главную причину этого в болезни Брежнева и разрушении эффективного механизма принятия решений. Брутенц приводит и многие другие причины исчерпания советского геополитического наступления – от элементарных просчетов до кризиса экономической помощи⁶¹. В этой ситуации необычайно возросла роль бюрократических, инерционных факторов, а также и советских клиентов в «третьем мире», втягивавших СССР в свои проблемы, апеллируя к идеологическим ценностям, а иногда и угрожая в случае отказа, перебежать на Запад. Роковую память оставил в этом смысле «предательство» египетского президента А. Садата⁶². В результате, в Анголе, затем в Эфиопии и наконец в Афганистане советская внешняя политика оказалась заложницей «идеологических обязательств» и великодержавного престижа.

Что касается соперничества в арабском мире, то Израэлян и Брутенц согласны, что главной слабостью советской позиции был ее «проарабский крен» и ошибочный разрыв отношений с Израилем в 1967 г. Кроме того, богатейшие нефтедобывающие страны арабского мира всегда оставалась незыблемыми союзниками США, фактической частью финансово-экономической и энергетической систем Запада. Брутенц также отмечает спад арабского революционизма и ограниченность советских экономических ресурсов⁶³.

Другим моментом, который подчеркивают большинство авторов, была жесткая и бескомпромиссная политика США в «третьем мире» – нежелание американцев дать СССР легитимное основание для присутствия на Ближнем Востоке, в Африке и других районах мира. С их точки зрения, тем самым были упущены благоприятные возможности для урегулирования существовавших там проблем. Брутенц признает, что США выиграли схватку в «третьем мире» (как и «холодную войну» в целом) только «благодаря запасу прочности своей системы, но не политике, которая не была ни мудрее, ни проницательнее, ни профессиональнее, чем советская»⁶⁴.

Общий кризис советской политики в развивающихся странах и возрастание опасности их потери повлияли, по мнению авторов, на решение советского руководства послать войска в Афганистан в декабре 1979 г. Корниенко считает, что с приходом Амина к власти в Кабуле у советского руководства возникли и все больше укреплялись опасения, что Афганистан может быть «потерян» для СССР и там могут обосноваться американцы⁶⁵.

Международные дискуссии по темам упадка разрядки, конкуренции в Африке и вторжения в Афганистан, проводившиеся в 1994–1995 гг., послужили дополнительным стимулом изучения этого периода. В дискуссиях принимали участие российские ученые (А. Чубарьян, И. Гайдук, В. Зубок) и ветераны-участники Н. Детинов, В. Стародубов, В. Суходрев, К. Брутенц, В. Шебаршин, М. Гареев, В. Варенников, А. Ляховский и др. Был введен в научный оборот значительный объем новых архивных документов⁶⁶.

О «культуре "холодной войны"»

Изучение социально-культурного пласта проблем «холодной войны» вызывает растущий интерес российских историков. А.О. Чубарьян пишет о том, что архивные исследования подтверждают безальтернативность советской политической и бюрократической культуры. «В результате Политбюро имело почти всегда перед собой одну линию и один тип решений, что противоречило одному из важных условий принятия правильного решения – возможности выбора между разными, порой противоположными точками зрения»⁶⁷.

Е.Ю. Зубкова изучила интереснейший пласт документов, позволивший ей говорить о наличии в сталинском СССР общественного мнения. Сталин управлял этими настроениями, «во всяком случае, делал это более успешно, чем его последователи». Диктатор сумел переломить депрессию и изоляционистские настроения в обществе, пришедшие на смену победной эйфории, и мобилизовать советских людей на противостояние новому врагу – Соединенным Штатам. Работы Зубковой демонстрируют большие возможности подхода к важнейшей теме «культуры "холодной войны"» в советском обществе⁶⁸.

Плодотворную заявку на изучение советского менталитета «холодной войны» сделали в своих публикациях В.С. Лельчук и Е.И. Пивовар⁶⁹. В.О. Печатнов и Д.Г. Наджафов также указывают на важность внимания к социальному аспекту «холодной войны» на примере изучения работы сталинского Агитпропа в 1945–1949 гг. по документам РГАСПИ. По их мнению, важнейшей подосновой конфронтации была непримиримость конфликта советских и западных идей и ценностей⁷⁰.

Вместе с тем именно в этой сфере исследований особенно много подводных камней, наиболее серьезно стоят проблемы методологии и источниковедения. Прежде всего неясно, что может считаться достаточной документальной базой для выводов о настроениях советских людей, тем более об их реакциях на различные события «холодной войны». Неясно, можно ли при отсутствии опросов общественного мнения изучать таковое в научном плане как предмет, используя имеющиеся приемы западной социологии и политической психологии.

Быть может, поэтому социокультурное проблемное поле изучения «холодной войны» остается мало освоенным. В то же время именно на нем располагается большинство доступных в настоящее время архивных материалов – фонды отделов агитации и пропаганды, науки и образования, идеологических комиссий ЦК КПСС, архивы частных коллекций и т.п. Есть и важные вопросы, требующие если не окончательного, то хотя бы гипотетического ответа. Необходимо, в частности, изучить на материалах ГСВГ и других фондов вопрос о том, как влияло пребывание за границей на менталитет и поведение советских людей, воспитанных за «железным занавесом». Большой темой для исследования являются различные процессы и пласти социокультурной жизни, которые принято называть «десталинизацией». Среди других проблем: распространение «прозападных» настроений в образованной части советского общества и реакция его на идеологико-психологическое противоборство между двумя блоками; влияние деколонизации на советское общество и его поддержку внешнеполитической деятельности советского руководства; ослабление эффективности советского милитаризма и распространение пацифистских настроений, в частности, в связи с угрозой ядерной войны и т.п.

Окончание «холодной войны»

Закономерно, что тон в российских интерпретациях конца «холодной войны» пока во многом задают не столько профессиональные историки, сколько практические участники советского внешнеполитического процесса 1980 – начала 1990-х гг.

Этот период ближе всего к современности, и потому порожденные им политические страсти еще слишком сильны, чтобы уступить место объективному историческому анализу. Отзвуки этих страсти явственно ощущаются и в развернувшейся полемике по данному вопросу. Сторонники «нового политического мышления» – М.С. Горбачев и члены его команды (Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлев, Г.Х. Шахназаров, А.С. Черняев, В.А. Медведев)⁷¹ отстаивают свою инициативную роль и правоту в развязывании основных узлов «холодной войны» (объединение Германии, «бархатные революции» в Восточной Европе, сокращение ядерных и обычных вооружений), подчеркивая отсутствие реальных альтернатив своей тогдашней политике. Как правило, они «разводят» окончание «холодной войны» и распад Советского Союза, а при анализе делают упор на устраниении угрозы ядерной войны и на мирном, консенсусном окончании конфронтации как об историческом шансе на будущее.

В аргументации их наиболее непримиримых оппонентов (В.И. Болдин, Е.К. Лигачев, В.А. Крючков и др.⁷²) на первом плане мотив предательства – они считают, что Горбачев и его сторонники выступили «пятой колонной» США и в 1988–1991 гг. предали советские государственные интересы как во внешней, так и во внутренней политике. В лучшем случае (Ахромеев, Корниенко, Добрынин, Фалин, Квицинский), Горбачева и Шеварднадзе обвиняют в «бездумной сдаче позиций» американской дипломатии на переговорах по разоружению, Германии и т.п. У всех этих авторов сквозит ностальгическое представление об упущенном возможности иного, «более достойного» конца «холодной войны» – на основе сохранения военно-стратегического паритета и других гарантий обеспечения интересов безопасности СССР.

Несмотря на явно полемическую окраску и идеологически обусловленную направленность этих публикаций (кстати, она до известной степени имеет аналоги в мемуарной литературе из кругов Р. Рейгана и Дж. Буша), некоторые из них представляют собой ценный исторический материал, особенно те, что опираются на дневниковые записи⁷³. Большой интерес также представляют подборки документов по международным переговорам, опубликованные Горбачев-фондом⁷⁴.

Хотя в российской историографии пока еще нет специальных монографических работ о причинах окончания «холодной войны», тема эта вызывает оживленные дискуссии общеконцептуального свойства. Поскольку вопрос о ее окончании генетически связан с оценками ее происхождения и движущих сил, то последние неизбежно проецируются на трактовку ее развязки. Соответственно, исследователи, акцентирующие внимание на межсистемной политico-идеологической подоплеке противоборства, тяготеют к причинно-следственной увязке крушения коммунизма, распада СССР и советской империи с концом «холодной войны». Те же, кто ставит во главу угла обычное геополитическое соперничество, склонны объяснять ее конец простым «перенапряжением сил», усугубленным грубыми просчетами советской стороны в конце 1980-х гг. Мы, авторы этого обзора, кстати, полагаем, что существует глубокая взаимосвязь между окончанием «холодной войны», с одной стороны, и крушением коммунизма и распадом советской империи и самого СССР – с другой⁷⁵.

С этим связана и другая линия дискуссий – в вопросе о роли внутренних и внешних факторов в развале советской империи. У большинства отечественных историков и политологов не находят поддержки тезисы о том, что давление извне, политика США играли основную роль в подрыве и развале советской империи. Д.А. Волкогонов, В.В. Согрин, Д.Е. Фурман, Р.Г. Пихоя практически игнорируют внешний фактор и трактуют события 1985–1991 гг. всецело как закономерное окончание революционно-тоталитарного эксперимента в России, выделяя в числе решающих факторов реформаторские иллюзии и ошибки Горбачева и его окружения, эгоизм этнократических элит, радикальную эйфорию сторонников Б.Н. Ельцина и т.п.⁷⁶ А.В. Шубин в двухтомном исследовании об истоках перестройки также уделяет внимание изучению глубокого и нарастающего внутреннего кризиса в СССР⁷⁷. В то же время он, со ссылкой на книгу апологета рейгановской администрации Питера Швейцера, приходит к выводу, что политика нажима на СССР со стороны рейгановской администрации оказала известное воздействие⁷⁸.

Жаркие споры об окончании «холодной войны» и возможных альтернативных его сценариях и по сей день продолжаются среди историков, как показала, в частности, недавняя международная конференция «"Холодная война" и политика разрядки» (Москва, июнь 2002 г.). Политико-публицистический и идеологический фон, газетные выяснения отношений будут, видимо, и дальше влиять на российскую историографию данного вопроса. Пройдет еще время, прежде чем профессиональные историки смогут сказать здесь свое слово, опираясь на хладнокровный анализ всей доступной информации по этому периоду.

* * *

Впереди у российских исследователей еще большая работа по выявлению и введению в научный оборот новых документов из отечественных архивов, освоению многих неосвещенных аспектов и событий. И все же думается, что они уже подошли к тому новому рубежу, который требует более широкого и комплексного подхода к изучению «холодной войны» как взаимодействия по крайней мере двух сторон (не говоря уже о многочисленных «третих» сторонах этого глобального конфликта). Долгие годы советские, как, впрочем, и западные историки, по образному выражению Дж. Гэддиса, «хлопали одной ладошкой», изучая «холодную войну» на базе западных архивных материалов. В последние годы с приоткрытием отечественных архивов в ра-

ботах российских историков сложился противоположный «перекос» – опора почти исключительно на новые советские документы для анализа только советской политики. Это было вполне оправданно и даже неизбежно, поскольку именно здесь простиралась главная *terra incognita* «холодной войны», сулившая наиболее интересные открытия. (К этому, правда, примешивались и новые финансовые трудности российских историков в доступе к западным архивам и литературе.) И все же думается, что наряду с изучением и описанием процессов и явлений, имевших место внутри советского государственного аппарата и общества и влиявших изнутри на советскую политику, настало время на новом витке начать «хлопать обеими ладонями», ибо и отдельно взятою советскую политику «холодной войны» невозможно углубленно и адекватно понять, исходя только из нее самой.

Важнейший итог исследовательской работы российских ученых за минувшее десятилетие, на наш взгляд, состоит в том, что российская историография «холодной войны» стала неотъемлемой частью мировой исторической науки, испытывающей на себе плодотворное воздействие научной мысли Запада и уже вносящей свой собственный вклад в изучение этого уникального периода мировой истории. Окончание «холодной войны» – и в этом еще одна ее ирония – впервые сделало возможным ее полноценное совместное изучение.

Примечания

³⁶ Наринский М.М. ССР и план Маршалла. По материалам Архива Президента РФ // Новая и новейшая история. 1993. № 2; Scott D.P., Narinsky M. New Evidence on the Soviet Rejection of the Marshall Plan, 1947: Two Reports. CWIHP. Working Paper. № 9. Washington, 1993.

³⁷ Zubok V.M., Pleshakov K.V. Op. cit.; Адабеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа, 1947–1956 гг. М., 1994; Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия Восточной Европы, 1944–1948 гг. М., 1998.

³⁸ Gibianskii L. The Beginning of the Soviet-Yugoslav Conflict and the Cominform // Guiliano Procacci et al. (eds.) The Cominform: Minutes of the Three Conferences 1947/1948/1949 (Fondazione Feltrinelli, Annali, Milan, 1994); idem. The Soviet-Yugoslav Conflict and the Soviet Bloc // Gori F., Pons S. (eds.). The Soviet Union and Europe in the Cold War; idem. Stalin's Policy in Eastern Europe, the Cominform, and the First Split in the Soviet Bloc. Доклад на международной конференции в Йельском университете, сентябрь 1999 г.; idem. Sowjetisierung Osteuropas – Charakter und Typologie // Lemke M. (ed.). Sowjetisierung und Eigenstaendigkeit in der SBZ/DDR (1945–1953). Cologne, 1999.

³⁹ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. и др. Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946 гг.): Документы российских архивов. М., 1998. С. 6, 12.

⁴⁰ Драбкин Я.С., Комолова Н.П. Тоталитаризм. М., 1996. С. 386–399; Murashko G.P., Noskova A.F. Intraparty repressions in Eastern Europe: Initiators and Executors, 1949–1953. Доклад на международной конференции в Йельском университете, сентябрь 1999 г.

⁴¹ Мурашко Г.П. Февральский кризис 1948 г. в Чехословакии и советское политическое руководство (по материалам российских архивов). Доклад на международной конференции в Праге, февраль 1998 г.

⁴² Волков В.К. Указ. соч. С. 137, 148.

⁴³ Filitor A. Die sowjetische Deutschlandplanung zwischen Parteiraeson, Staatsinteresse und taktischen Kalkuel // H.E. Volkmann (Hrsg.). Ende des Zweiten Weltkrieges. Eine perspektivische Rueckschau. Muenchen, 1995; Семиряга М.И. Как мы управляли Германией: политика и жизнь. М., 1995; Zubok V. The Multi-Level Dynamics of Moscow's German Policy from 1953 to 1964 // Patrick M. Morgan, Keith L. Nelson (eds.). Re-Viewing the Cold War: Domestic Factors and Foreign Policy in the East-West Confrontation. Praeger, 2000; Новиков Ф.И. «Оттепель» и инерция «холодной войны» (Германская политика СССР в 1953–1955 гг.). М., 2002.

⁴⁴ Goncharov S.N., Lewis J.W., Lital X. Uncertain Partners: Stalin, Mao, and the Korean War. Stanford, 1993; Григорьев А., Зазерская Т. Мао Цзэдун о китайской политике Коминтерна и Сталина // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 5; Тихвинский С.Л. Переписка И.В. Сталина с Мао Цзэдуном в январе 1949 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5; Ледовский А.М. Визит в Москву делегации Коммунистической партии Китая в июне–августе 1949 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 4. Того же мнения придерживается и бывший главный китаист в международном отделе ЦК КПСС О.Б. Рахманин (Взаимоотношения И.В. Сталина и Мао Цзэдуна глазами очевидца // Новая и новейшая история. 1998. № 1).

⁴⁵ Gaiduk I.V. Stalin and Asia: Teaching Revolution, 1950. Доклад на международной конференции в Йельском университете, сентябрь 1999 г.; Efimova L. New Evidence on the Establishment of Soviet-Indonesian Diplomatic Relations (1949–1953) // Indonesia and Malay World. 2001. Vol. 29. № 85.

⁴⁶ Наумов В.П. «Холодная война». На грани ядерной катастрофы. Доклад на международной конференции в Йельском университете, сентябрь 1999 г.

⁴⁷ Fursenko A., Nafatl T. The Dying Dictator: The Interaction of Domestic and Foreign Affairs in Stalin's Last Year. Доклад на международной конференции в Йельском университете, сентябрь 1999 г.

⁴⁸ Родина. 1998. № 8.

⁴⁹ Александров - Агентов А.М. Указ. соч.; Троицкий О.А. Указ. соч.; Zubok V. Soviet Policy Aims at the Geneva Conference, 1955 // Guenter Bischof, Geneva Conference: Reappraisal, forthcoming in the University of New Orleans Press, 2000; ide m. Khrushchev and Divided Germany, 1953-1964 // William Taubman, Sergei Khrushchev and Abbott Gleason (eds.), Nikita Khrushchev: Fresh Perspectives on the Last Communist. New Haven, CT: Yale University Press, 2000.

⁵⁰ Zubok V. Khrushchev and the Berlin Crisis (1958-1962) // Cold War International History Project. Working Paper. № 6. Washington, 1993; см. также: Водопьянова З., Зубок В. Берлинский кризис, 1958-1962: новые материалы из советских архивов // «Холодная война»: новые подходы, новые документы.

⁵¹ Бончев Б., Филитов А.М. Как принималось решение о возведении Берлинской стены // Новая и новейшая история. 1999. № 2.

⁵² Фурсенко А.А. Как воздвигалась Берлинская стена. Доклад на международной конференции «Холодная война» и политика разрядки» (Москва, июнь 2002 г.).

⁵³ Волковонов Д. Семь вождей: галерея лидеров СССР. Кн. 1. М., 1995. С. 412-415; Prozumenshchikov M.Y. The Sino-Indian Conflict, the Cuban Missile Crisis and the Sino-Soviet Split, October 1962: New Evidence from the Russian Archives // CWHIP Bulletin. № 8-9. Winter 1996/1997.

⁵⁴ Zubok V. «Look What Chaos in the Beautiful Socialist Camp!»: Deng Xiaoping and the Sino-Soviet Split, 1956-1963 // CWHIP Bulletin. № 10. March 1998. P. 152-162; Негин Е.А., Смирнов Ю.Н. Делился ли СССР с Китаем своими атомными секретами? // Наука и общество: История советского атомного проекта (40-е-50-е гг.).

⁵⁵ Симонов Н.С. Указ. соч. С. 6, 327, 330-331.

⁵⁶ Быстрова И.В., Рябов Г.Е. Военно-промышленный комплекс СССР // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / Ред. Ю.Н. Афанасьев, В.С. Лельчук. Т.2. М., 1997. С. 206.

⁵⁷ Безбородов А.Б. Власть и ВПК в СССР середины 40-х - середины 70-х годов // Советское общество: будни «холодной войны». С. 112, 120.

⁵⁸ Gaiduk I. The Soviet Union and the Vietnam War. Chicago, 1996; Ляховский А.А. Трагедия и добрь Афгана. М., 1995.

⁵⁹ Брутенц К.Н. Указ. соч. С. 290-291.

⁶⁰ U.S.-Soviet Relations and Soviet Foreign Policy toward the Middle East and Africa in the 1970s. Transcript from a workshop at Lysebu, October 1-3, 1994, edited by Odd Arne Westad. Oslo, 1995.

⁶¹ Брутенц К.Н. Указ. соч. С. 299-303.

⁶² Кирпиченко В. Разведка: лица и личности. М., 1998; Брутенц К.Н. Указ. соч. С. 370.

⁶³ Брутенц К.Н. Указ. соч. С. 337.

⁶⁴ Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 184-185; Брутенц К.Н. Указ. соч. С. 383.

⁶⁵ Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 195.

⁶⁶ Welch D.A., Westad O.A. (eds.) The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. Nobel Symposium 95, Lysebu, September 17-20, 1995, transcribed by S. Savranskaya. Oslo, 1996.

⁶⁷ Чубарьян А.О. Новая история «холодной войны». С. 14.

⁶⁸ Зубкова Е. Общественная атмосфера после войны (1945-1946) // Свободная мысль. № 6. 1992; е же. Сталин и общественное мнение в СССР, 1945-1953 // Сталинское десятилетие «холодной войны». С. 151-170.

⁶⁹ Лельчук В.С., Пивовар Е.И. Менталитет советского общества и «холодная война» (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1993. № 6.

⁷⁰ Наджафов Д.Г. Антиамериканские пропагандистские пристрастия сталинского руководства // Стalinское десятилетие «холодной войны». С. 134-150.

⁷¹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Т. 1-2. М., 1998; Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. Из дневников 1986-1991. М., 1993; е же. 1991. Дневник помощника Президента СССР. М., 1997; е же. Феномен Горбачева в контексте лидерства // Международная жизнь. 1993. № 7; Шахназаров Г.Х. Цена свободы: реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993; Медведев В.А. Распад: как он нарезал в мировой системе социализма. М., 1994; Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия: перестройка - надежды и реальности. М., 1991; Шеварднадзе Э.А. Мой выбор в защиту демократии и свободы. М., 1991.

⁷² Болдин В.И. Крушение пьедестала: детали к портрету М.С. Горбачева. М., 1995 и зарубежная версия е же; Ten Years that Shook the World. The Gorbachev Era as Witnessed by His Chief of Staff. N.Y., 1994; Крючков В.А. Указ. соч.

⁷³ См. книги Черняева, а также: Воротников В.И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995.

⁷⁴ См., напр.: Г о р б а ч е в М.С. Годы трудных решений: Избранное. М., 1993.

⁷⁵ П е ч а т н о в В.О. «Стрельба холостыми»: советская пропаганда на Запад в начале «холодной войны». С. 223; Z u b o k V. Why the Cold War Ended in 1985–89? Explanations and Facts About the «Turn». A paper prepared for Nobel Symposium 107 «Reviewing the Cold War: Approaches, Interpretations, Theory». Lysebu, June 1998.

⁷⁶ В о л к о г о н о в Д.А. Указ. соч.: С о г р и н В.В. 1985–1995. Реальности и утопии новой России // Отечественная история. 1995. № 2. С. 3–16; Ф у р м а н Д.Е. Феномен Горбачева // Свободная мысль. 1995. № 11.

⁷⁷ Ш у б и н А. Истоки перестройки, 1978–1984. Т. 1–2. М., 1997.

⁷⁸ S c h w e i z e r P. Victory: The Reagan Administration's Secret Strategy That Hastened the Collapse of the Soviet Union. N.Y., 1994.

© 2003 г. А.В. С А В Е Л Ь Е В *

НОМЕНКЛАТУРНАЯ БОРЬБА ВОКРУГ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» В 1954–1957 годах

Драматические события вокруг журнала «Вопросы истории» (далее «ВИ»), относящиеся к 1954–1957 гг., уже являлись предметом изучения как зарубежных, так и (особенно в последние годы) российских историков. К настоящему времени в историографии наметилось два подхода к освещению этой непростой темы. Некоторые историки рассматривают деятельность редакции журнала «ВИ» в указанный период как своего рода инакомыслие в советской общественной науке, т.е. как попытку преодолеть идеологические барьеры и перейти к оптимально свободному (в условиях того времени) поиску исторических закономерностей¹. Другие исследователи оценивают деятельность А.М. Панкратовой и ее коллег в редакции журнала более скромно, лишь как стремление, следя курсом, намеченным КПСС, восстановить «подлинно марксистский» подход к анализу фактов в исторической науке². Последнюю точку зрения наиболее активно развивает с середины 1990-х гг. Л.А. Сидорова³.

Общим недостатком всех предшествующих работ на данную тему является их определенная источниковая слабость – отсутствие анализа либо недостаточно глубокая проработка архивных документов, характеризующих деятельность отдела ЦК, курировавшего и прямо влиявшего на работу журнала «ВИ»⁴. Кроме того, игнорируются мемуарные источники и интервью непосредственных участников этих драматических событий – А.М. Румянцева, П.В. Волобуева, А.С. Черняева и Д.Т. Шепилова. Что же касается работ зарубежных авторов, то в них освещаются в основном лишь события заключительного (с 1956 г.) этапа борьбы вокруг журнала, развернувшейся еще в 1954–1955 гг. К тому же исследователи не ставили вопрос о том, существовал ли в 1954–1957 гг. реальный административно-цензурный контроль партийных органов над журналом «ВИ», полагая, вероятно, что в советском обществе тех лет иначе и быть не могло. Между тем архивные документы говорят о том, что проблема действенности партийного контроля в данном случае является отнюдь не надуманной.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, восполняя недостатки более ранних исследований, критически проанализировать воспоминания непосредственных участников описываемых событий в свете архивных документов и сопоставить полученные выводы с результатами уже имеющихся новейших исследовательских разработок по этой проблематике.

Л.А. Сидорова выделяет два основных этапа в деятельности журнала «ВИ»: июнь 1953 – февраль 1956 г. и март 1956 – февраль 1957 г.⁵ Более детальная периодизация предложена в работе А.С. Кана: спокойный период работы редакции (вторая половина 1953 и весь 1954 г.); открытый конфликт с отделом науки ЦК КПСС (апрель 1955 – осень 1955 г.); кульминация деятельности журнала (осень 1955 – осень 1956 г.); поражение редакции (январь–март 1957 г.)⁶. При этом, характеризуя причины, вызвавшие острую борьбу в связи с работой журнала, Л.А. Сидорова подчеркивает, что «линия журнала, направленная против стереотипов и лакированных действительности, вызывала неприятие среди части историков. Не было единодушия по этим вопросам и среди членов редакционной коллегии... Эти настроения отразились и на результатах про-

* Савельев Александр Владимирович, кандидат исторических наук.

верки деятельности «ВИ» отделом науки ЦК КПСС в апреле–июле 1955 г.»⁷ Заметим в этой связи, что проверка журнала началась уже в апреле 1954 г., но главное заключается в том, что Л.А. Сидорова упускает здесь из вида те противоречия, которые существовали внутри самого аппарата ЦК и сыграли немалую роль в ходе конфликта, разгоревшегося вокруг редакции «ВИ». Между тем дело здесь было не только в ситуации в исторической науке, но и в ситуации в ЦК, в партии и в стране в целом, где начинался сложный и мучительный процесс дестабилизации.

Как известно, проверка работы журнала была возложена на молодых инструкторов отдела науки и культуры ЦК КПСС П.В. Волобуева и А.С. Черняева, а поручил им эту ответственную миссию, оказывается, тогдашний заведующий этим отделом ЦК А.М. Румянцев. Вот как представлены интересующие нас события в его воспоминаниях: «Я уезжал в командировку в Среднюю Азию и поручил ведущей сотруднице отдела (забыл ее фамилию), довольно вздорной женщине, профсоюзной активистке, которую прислали в отдел для "воспитания", одно деликатное задание. "Берите наших двух молодых инструкторов (П.В. Волобуева и А.С. Черняева. – А.С.), пусть они просмотрят все материалы журнала «ВИ» за год, разберутся, сделают свои выпечатки, а вы обобщите все это в записке. Затем заслушаем доклад редактора с тем, чтобы сотрудникам журнала можно было высказать замечания, похвалить и пожурить их, а затем отпустить с богом»⁸. Однако сопоставление текста воспоминаний Румянцева с архивными документами показывает, что память довольно сильно подвела их автора. «Ведущая сотрудница отдела», фамилию которой Румянцев запамятовал, это К.С. Кузнецова, но появилась она в отделе ЦК значительно позднее, и работу над указанной запиской начала не она, а именно молодые инструкторы, которые лишь изредка консультировались с заведующим сектором этого отдела ЦК А.В. Лихолатом⁹.

Возможно, в первые послесталинские годы, когда практика быстрого выдвижения «снисзу» на руководящие партийные и государственные посты была еще памятна всем, такое поручение и выглядело обоснованным, однако в наши дни это указание Румянцева можно назвать в лучшем случае непродуманным, а в худшем – абсурдным. В самом деле, недавние студенты, активисты-общественники, не порвавшие еще своих учебно-организационных связей с историческим факультетом МГУ, должны были, следуя возложенному на них ответственному заданию, не только контролировать, но и руководить деятельностью профессиональных историков, профессоров и академиков, в том числе и своих бывших учителей, статус куратора позволял также вмешиваться в научные и административные споры ученых. Эта же статусная роль в сочетании с естественными амбициями молодых людей могла привести (и действительно вскоре привела) к серьезному конфликту, изменившему судьбу некоторых вовлеченных в него людей. Первые последствия неожиданного «взлета» двух инструкторов ЦК к вершинам административного руководства исторической наукой проявились очень скоро. А.М. Панкратова, деятельность которой как главного редактора журнала «ВИ» и должны были в первую очередь контролировать кураторы, не только не признала их руководящей роли, но даже не удосужилась хотя бы раз побеседовать со своим новым «начальством», что также не осталось им незамеченным.

В своем большом автобиографическом интервью П.В. Волобуев говорил: «...В 1954 г. на меня было возложено курирование работы журнала "ВИ" ... Став куратором, я сотрудничал на первых порах с Анатолием Сергеевичем Черняевым... Мы столкнулись с пачками писем, поступавших в ЦК, с критикой журнала «Вопросы истории» и особенно одной статьи Бурджалова, в которой он якобы пытался реабилитировать Каменева и Троцкого, а точнее их позицию в 1917 г.»¹⁰. Но документы, сохранившиеся в архиве ЦК КПСС (РГАНИ), свидетельствуют о том, что «пачки писем» начали поступать в ЦК не до, а уже в ходе проверки журнала «ВИ» энергично взявшись за дело кураторами. Содержание планов работы отдела ЦК, возглавляемого Румянцевым, показывает, что в течение 1954 г. ход развития исторической науки не вызывал в аппарате ЦК серьезной тревоги. А единственный документально подтвержденный критический выпад отдела науки и культуры ЦК КПСС в адрес журнала в это время носил скорее курьезно-развлекательный, нежели политический характер¹¹. Первые же письма, содержащие действительно серьезную и принципиальную критику в отношении журнала «ВИ», поступили в ЦК в январе 1955 г. и представляли собой внешние рецензии, выполненные по запросу А.С. Черняева¹². В дальнейшем письма и другие критические материалы, касающиеся журнала «ВИ», уже не носили столь откровенно заказного характера, однако все они были предназначены не для широкой научной дискуссии, а для сугубо внутреннего, в пределах ЦК, использования и имели гриф «секретно»¹³.

Это важное обстоятельство коренным образом меняет взгляд на всю ситуацию: не кураторы оказались вовлеченными в «историографическую» дискуссию, а сама эта дискуссия явилась прямым результатом проверки журнала «ВИ», проводимой в 1954–1955 гг. Впрочем, первый этап борьбы, развернувшейся вокруг редакции журнала «ВИ», лишь с очень большой натяжкой мож-

но характеризовать как подлинно научную дискуссию. Сам же Волобуев через 40 с лишним лет признал: «Наша с Черняевым записка о положении дел в журнале "ВИ" получилась достаточно критической (особенно по отношению к ряду материалов), но предложения были весьма скромными – провести совещание в отделе науки ЦК с участием ответственных работников журнала и представителей научной общественности...» И далее здесь же, отвечая на вопрос В.Л. Телицына, беседовавшего с ним, он словно бы мимоходом бросил любопытную фразу: «А.М. Панкратова, став членом ЦК, хотела вывести свой журнал из-под контроля отдела науки, и это было очень заметно»¹⁴. Однако из дальнейшего текста воспоминаний неясно, удалось ли Панкратовой осуществить свой дерзкий замысел и сделать журнал неподконтрольным отделу ЦК КПСС.

Описанный Волобуевым эпизод подготовки к апрельскому совещанию 1955 г. сохранился и в памяти Румянцева, который представляет ход событий следующим образом: «И вот возвращаюсь из командировки. Прошу предоставить мне итоговую записку, цитируемые номера журнала. Поработаю дома. Ночью стал читать статьи в журнале, ответы редакции и записку. И вижу, в записке "троцкизм", "троцкизм", "троцкизм". Все статьи авторов троцкистские, а журнал, дескать, помогает распространению троцкизма. Тогда это могло иметь серьезные последствия для многих. Я пришел на работу и сказал своей заместительнице... "Скажите, что никакого собрания не будет". – "Как не будет? Все уже приехали". – "Не будет. Такую вещь выносить на обсуждение нельзя. Как же так можно? Получается, что у нас полный троцкизм"»¹⁵.

Свидетельства Румянцева показывают, что кураторы выступили с нештучными политическими обвинениями в адрес «ВИ». Запланированное в апреле совещание должно было не только «откорректировать» издательскую политику журнала, но и могло иметь, по словам Румянцева, «серьезные последствия для многих». По существу кураторы пытались дискредитировать своих оппонентов при помощи навешивания на них политических ярлыков, тогда как научный уровень обвинений, предъявляемых ими журналу «ВИ», был чрезвычайно низок¹⁶. Однако сам Румянцев, очевидно, лукавит, утверждая, что совещание отменил он. В действительности же дело обстояло несколько иначе.

Наиболее точное представление о причинах срыва этого совещания дает, по-видимому, первое письмо Волобуева в ЦК КПСС, написанное им 16 июня 1955 г., почти по «горячим следам» произошедших событий. Повествуя о причинах отмены совещания, Волобуев, в частности, констатирует: «В свою очередь, т. Панкратова, будучи не согласна с критическими замечаниями нашей "записки", которая ей была вручена в несколько смягченном варианте т. Кузнецовой 28 апреля, накануне совещания сообщила, что по состоянию здоровья не может явиться на совещание. Тем самым был найден благовидный предлог для отмены совещания. Около 60 чел., приглашенных на совещание, в том числе крупные ученые, не были допущены в здание ЦК и через дежурного офицера оповещены, что совещание не состоится. Говорят, что это был беспрецедентный случай в практике аппарата ЦК»¹⁷.

Сходную трактовку событий мы находим и в записке нового заведующего отделом науки и вузов ЦК КПСС В.А. Кириллина, датированной 2 апреля 1956 г., где он отмечает: «В апреле месяце 1955 г. в отделе науки и культуры ЦК КПСС предполагалось заслушать сообщение о работе журнала «ВИ». Однако ответственный редактор журнала т. Панкратова опротестовала в ЦК КПСС записку о работе журнала, подготовленную отделом науки и культуры, в результате чего совещание было отложено, причем отделу (т. Румянцев) было поручено дополнительно рассмотреть материалы о работе журнала»¹⁸.

Таким образом, отмена апрельского совещания Румянцевым была в значительной мере предопределена фактом отказа Панкратовой явиться для проработки «на ковер» в ЦК КПСС. Записка Кириллина свидетельствует также, что это совещание должно было состояться позднее. Об этом же говорят и другие документы, хранящиеся в РГАНИ. Отдел науки и культуры ЦК планировал уже в сентябре 1955 г. не только провести «корректировочное» совещание о работе журнала «ВИ», но и опубликовать в журнале «Коммунист» критическую статью или обзор по итогам проверки, а также произвести кадровые изменения в редколлегии журнала¹⁹. И только благодаря исключительно активной и гибкой позиции, занятой Панкратовой, этим планам работников партаппарата не суждено было осуществиться в намеченные сроки.

Срыв запланированного совещания, призванного «откорректировать» идеиное направление журнала «ВИ», был лишь первым ударом, который Панкратова нанесла не только по амбициозно-честолюбивым кураторам, но и по всему руководству отдела науки и культуры ЦК КПСС.

Предваряя дальнейшее изложение хода событий, необходимо сделать еще несколько дополнительных замечаний. Для понимания специфики цензурного контроля над журналом «ВИ» в 1954–1957 гг. полезно сравнить условия его деятельности в те годы с условиями, в которых функционировали другие «оппозиционные» журналы, в частности журнал «Новый мир». Знако-

мясь с архивными документами и литературой о «Новом мире» периода «оттепели», можно лишь изумляться факту почти абсолютной зависимости содержания его публикаций от предварительной цензуры, прежде всего от влияния Главного управления по делам литературы и издательств (Главлит), а также от соответствующих отделов ЦК КПСС²⁰. Как и «Новый мир», журнал «ВИ» курировался одним из отделов ЦК КПСС, но, в отличие от «Нового мира» он не подвергался предварительной цензуре со стороны Главлит. Этот малоизвестный факт был обусловлен тем обстоятельством, что редакция журнала «ВИ» не только возглавлялась членом ЦК КПСС, но и организационно относилась к издательству «Правда» – ведущему издательству ЦК КПСС, фактически неподконтрольному в те годы Главлиту²¹. Вот почему кажущееся на первый взгляд неправдоподобным свидетельство А.С. Кана о том, что «редакторы (журнала «ВИ». – А.С.) никогда не жаловались на серьезные затруднения со стороны цензуры, т.е. Главлит»²² – бесспорный исторический факт. При этом парадоксальность ситуации усугублялась тем, что для оценки наиболее актуальных и слаборазработанных в научном отношении тем по советскому периоду истории в стране попросту не было, а точнее говоря, – почти не было кадров квалифицированных историков-экспертов²³.

Таким образом, Волобуев и Черняев должны были, очевидно, не только курировать, но и осуществлять при необходимости предварительный цензурный контроль над журналом «ВИ». Однако фактически никакого действенного контроля в 1954–1955 гг. им наладить не удалось. Волобуев довольно откровенно повествует об этом в своем первом обстоятельном письме, адресованном руководству ЦК КПСС: «Должен также сказать, что мы с т. Черняевым по мере возможности, вероятно, мало старались воздействовать на редакцию. Так, по присыпаемым или за требованным нами статьям, главным образом передовым, мы делали замечания и рекомендовали им (редакторам журнала «ВИ». – А.С.) снять ошибочные положения. Однако наши рекомендации нередко игнорировались»²⁴.

Игнорируя деятельность кураторов и активно сопротивляясь организационному вмешательству в дела редакции «ВИ», Панкратова фактически вывела свой журнал из-под контроля отдела науки и культуры. Правда, этот демарш был проведен очень тонко: Панкратова не порвала деловых связей с руководством отдела ЦК, регулярно предоставляла партийному начальству планы работы и другие необходимые документы, письменно консультировалась по поводу публикации наиболее дискуссионных материалов²⁵. Однако зависимость редакции журнала «ВИ» от отдела науки и культуры ЦК стала формальной. Как справедливо отмечает очевидец событий А.С. Кан, только главный редактор журнала «ВИ» и ее заместитель были «единственными экспертами по этому горячему (советскому. – А.С.) периоду»²⁶. Именно отмеченной особенностью объясняется то удивительное, на первый взгляд, обстоятельство, что отдел науки и культуры ЦК был вынужден почти три года подряд анализировать и обобщать «негативные» материалы, уже опубликованные в журнале «ВИ», а не пресекать их подготовку к печати еще на стадии редакторской работы над ними.

Сложная и чрезвычайно противоречивая личность Анны Михайловны Панкратовой еще не нашла должного освещения в работах современных российских историков, хотя, казалось бы, торжественное празднование ее 100-летнего юбилея и научные чтения, посвященные этому событию, должны были бы дать этому определенный исследовательский импульс. Источником схематично-лубочного образа Панкратовой является советская историография, неизменно характеризовавшая Панкратову как ученого, превыше всего ставившего интересы партии. Аналогичные оценки, к сожалению, проникают и в новейшие российские публикации, сопровождаясь порой явно некорректными утверждениями вроде того, например, что «волна репрессий, прокатившихся по коллективам историков, миновала А.М. Панкратову»²⁷. В действительности же весь саратовский период в жизни будущего академика – это время ссылки, последовавшей вслед за исключением ее из рядов ВКП(б) в августе 1936 г. Лишь ценой значительных моральных уступок и тяжелого труда Панкратовой удалось остановить процесс резкого падения своего социального статуса²⁸.

Быть может, противоречивость – самая характерная черта личности Панкратовой и всей ее жизни. Вступление в партию в годы Гражданской войны и работу секретарем большевистского райкома в Одессе она тайно совмещала с уходом за семьей дворян, больных тифом; подлинно научные исследования – с участием в идеологических кампаниях, направленных, в частности, и против ее любимого учителя – М.Н. Покровского; неустанную работу в ЦК КПСС – с общением и даже дружбой с лицами, «политически скомпрометировавшими себя»; отстаивание принципов марксизма-ленинизма на X Международном конгрессе историков в Риме – с активным стремлением реабилитировать бывших «врагов народа» в СССР²⁹. Но при этом одно можно утверждать со всей определенностью: Панкратова не была той «стальной» коммунисткой, какой ее пред-

ставляли советские историографы. В ее личности удивительным образом соединялись черты, свойственные как коммунистам, так и диссидентам. В архиве ЦК КПСС сохранился интересный документ – записка Румянцева в ЦК от 17 июня 1955 г., где, в частности, отмечалось: «В течение ряда лет, особенно за последние годы, наблюдается стремление т. Панкратовой оказывать всяческое покровительство и помочь политически сомнительным лицам. Так, в течение двух с половиной лет она проявляет неустанную заботу о Кане С.Б., который еще в октябре 1917 г. боролся против социалистической революции (он в числе кадетов защищал Зимний дворец) и с тех пор по имеющимся сведениям является антисоветски настроенным человеком... После освобождения С. Кана с 1952 г. от работы в Институте истории и МГУ за плохую работу т. Панкратова упорно добивается восстановления его на работе в Академии. В 1954 г. она приняла его на работу в журнал "ВИ" в качестве зав. отделом. После назначения С. Кану пенсии он оставил работу в редакции, а вместо него на работу в редакцию был принят его сын. В настоящее время т. Панкратова вновь добивается восстановления С. Кана в Институте истории.

По настойчивому требованию т. Панкратовой президиум АН в 1954 г. вынужден был утвердить (вопреки возражениям Управления кадров АН СССР) ее личным референтом бывшего активного троцкиста В. Альтмана. С 1923 г. по 1932 г. он вел активную борьбу против партии и советского правительства, участвовал в нелегальных сбоях троцкистов, рьяно выступал в защиту их платформы, распространяя троцкистские документы и литературу. Альтман после исключения из партии дважды арестовывался и был осужден за антисоветскую деятельность на 10 лет тюрьмы. В апреле 1953 г. он был освобожден из-под стражи по амнистии. В настоящее время Альтман состоит в штате работников Института истории... Большой поддержкой т. Панкратовой пользовался бывший активный участник право-троцкистского блока Астров, у которого она была руководителем при написании диссертации.

По сообщению министра высшего образования т. Елютина, т. Панкратова в 1954 г. наставляла на принятии в Московский государственный университет дочери Бухарина. Ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии т. Горшков сообщает, что т. Панкратова при рассмотрении диссертационных дел почти всегда выступает в защиту скомпрометированных лиц.

В ЦК КПСС сообщались сведения о поддержке т. Панкратовой ранее примыкавших к троцкистской оппозиции Когана, С. Ротенберга, Д. Элькина и многих других политически сомнительных лиц. Характерно, что к т. Панкратовой обращаются за поддержкой некоторые из этих лиц даже из мест заключения. Например, в июне 1954 г. к ней поступило письмо из тюрьмы некоего И. Кернеса, осужденного за измену Родине...»³⁰

Ценность этого документа состоит в том, что в нем было дано достаточно объективное представление о сложной личности А.М. Панкратовой и о специфике ее социального окружения – представление, к которому некоторые российские историки, на мой взгляд, еще только начинают приближаться.

Против Э.Н. Бурджалова, заместителя, единомышленника и ближайшего помощника Панкратовой, в отделе науки и культуры ЦК КПСС также было собрано немало компрометирующих материалов, но по характеру обвинений они едва ли сопоставимы с обвинениями в адрес Панкратовой. Тем не менее в итоговом постановлении ЦК КПСС, опубликованном 9 марта 1957 г., именно на Э.Н. Бурджалова была возложена ответственность за все «ошибки», допущенные редакцией в предшествующие три года.

Специфика развернувшейся между функционерами ЦК КПСС и редакцией «ВИ» борьбы позволяет охарактеризовать ее как борьбу аппаратно-номенклатурную. Характеризуя особенности такой борьбы, М.С. Восленский, хорошо знавший методику ее проведения, писал: «Борьба идет не при помощи парламентского красноречия, а путем длительного – годами – подсаживания, сложнейших хитросплетений и интриг, понять которые политики демократического Запада вообще, вероятно, неспособны. Красноречие же ... используется лишь на заключительном этапе, когда нужно наклеивать политический ярлык на уже поверженного противника»³¹. Именно такой характер и носила борьба, развернувшаяся вокруг журнала «ВИ».

После срыва «корректировочного» совещания, назначенного на 29 апреля 1955 г., ситуация продолжала обостряться, перерастая в открытое противостояние. Жесткую и непримиримую позицию в конфликте заняла Панкратова. Мобилизовав силы редакции, ей удалось в короткий срок составить и направить в ЦК КПСС обширную справку, содержащую убедительную критику всех «основанных на передержках и извращениях» обвинений, выдвинутых курирующим органом в адрес журнала «ВИ»³². Одновременно в письме на имя секретарей ЦК КПСС Н.С. Хрущева, П.Н. Поспелова и М.А. Суслова Панкратова попыталась дискредитировать деятельность Волобуева и Черняева как кураторов журнала, причем она отрицала даже сам факт проверки ими журнала. «Я должна сообщить, – писала она, – что никакого обследования журнала и рабо-

ты редколлегии не было. Мы не знаем ни одного члена "обследовавшей" наш журнал комиссии. Никто из них не был в редакции, не беседовал ни со мной, ни с моим заместителем Э.Н. Бурдяловым, ни с заведующими отделами»³³. Если учесть, что это был уже не первый компрометирующий Волобуева документ, направленный Панкратовой в ЦК КПСС, то его дальнейшее пребывание в должности инструктора отдела науки и культуры ЦК уже с мая 1955 г. становилось весьма проблематичным³⁴.

С другой стороны, среди сотрудников отдела науки и культуры ЦК в отношении к публикациям журнала «ВИ» не было единодушия. Наиболее непримиримую позицию в полемике сразу же занял Волобуев. Дополняя уже имеющийся в отделе «обвинительный материал» против «ВИ», он 20 мая 1955 г. подал еще одну официальную, резкую по тону записку, где, в частности, отмечалось, что «журнал повторяет меньшевистские зады, занимается ненужной апологетикой Плеханова, преклоняется перед стихийностью рабочего движения и умаляет руководящую роль партии в период первой революции 1905–1907 гг.»³⁵ Вскоре, однако, Волобуеву уже пришлось перейти к активной обороне и написать в период с июля по сентябрь 1955 г. в ЦК КПСС три очень обстоятельных письма, в которых он не только продолжал настаивать на признании «ошибочной» и «объективистской» линии, проводимой редакцией журнала, но и обвинял руководство своего собственного отдела (прежде всего Румянцева) в «безынициативности» и «непартийном подходе» к этому делу³⁶. Характерен сам по себе уже заголовок первого из этих писем – «О некоторых недостатках в работе отдела науки и культуры ЦК КПСС».

Следует отметить, что конфликтная ситуация с журналом «ВИ» была не единственной, в которой участвовал в то время Волобуев. С апреля 1955 г. он вместе с инструктором своего отдела И. Мрачковской активно пытался «откорректировать» научную позицию экономиста Я.А. Кронроды. Критику его «ошибочных» взглядов отдел науки и культуры ЦК осуществляли со страниц журналов «Партийная жизнь» и «Вопросы экономики». Хотя прорабатываемый экономист долго сопротивлялся, апеллируя к высшим партийным инстанциям, воздействие через партийный комитет Института экономики АН СССР, где тогда работал Кронрод, дало к октябрю 1955 г. желаемый для партийных цензоров результат³⁷. Благоприятный ход борьбы на «экономическом фронте», вероятно, вселял в Волобуева надежду на успех и в противостоянии с журналом «ВИ». Однако партийный и академический статус Панкратовой был несопоставим со статусом старшего научного сотрудника Института экономики Кронроды. В отличие от Волобуева, это хорошо понимал Румянцев, не раз повторявший молодому инструктору: «Знаете ли Вы, что имеете дело с Панкратовой – членом ЦК, членом Президиума Верховного Совета СССР? Ведь это не какой-нибудь Каммари, а Панкратова!»³⁸.

Большинство же сотрудников отдела науки и культуры ЦК КПСС, специализировавшихся по долгу службы на «экспертизе» публиковавшихся исторических материалов (Кузнецова, Лихолат, И.А. Хлябич и др.), заняли в отношении журнала «ВИ» выжидательно-примиренческую позицию. Черняев, который, по его словам, с самого начала «лишь поддакивал» Волобуеву, счел за благо в создавшейся накаленной обстановке формально отмежеваться от своего друга и примкнуть к аппаратной группировке большинства. Поначалу такую же выжидательно-примиренческую позицию занимал и Румянцев. Однако накопленный к тому времени в отделе компрометирующий материал против Панкратовой, по-видимому, постепенно изменил его точку зрения.

Уже 17 июня 1955 г. Румянцев подготовил для руководства ЦК обширную информационную справку, основанную не только на сведениях кураторов, но и на данных полученного ранее письма московского доцента В.Т. Крутия – одного из наиболее активных недоброжелателей Панкратовой. Справка эта, частично цитированная выше, должна была не только представить в выгодном свете деятельность отдела науки и культуры, но и умалить и скомпрометировать как научную деятельность, так и общественно-политическую позицию Панкратовой, причем обвинения в связях с «троцкистами» здесь звучали еще более резко, чем в записке кураторов³⁹. Но цель, которую ставил перед собой Румянцев, очевидно, не была достигнута, и 11 августа 1955 г. ему пришлось направить в ЦК новую записку, носившую уже явно «оборонительный» характер и, в частности, признававшую некоторые ошибки, допущенные Волобуевым и Черняевым при проверке ими журнала «ВИ». Тем не менее как эта записка Румянцева, так и более ранняя (от 27 июля 1955 г.) записка отдела науки и культуры ЦК, подписанная, помимо заведующего, Кузнецовой, Лихолатом и Черняевым, включали в себя и некоторые общие положения, а именно: настойчивые требования провести кадровые изменения в редколлегии «ВИ», созвать совещание по итогам работы редакции и опубликовать критическую статью в связи с обсужденными проблемами в журнале «Коммунист»⁴⁰. Забегая вперед, можно сказать, что эта выработанная средним номенклатурным звеном партаппарата своеобразная «программа-минимум» в отношении журнала

«ВИ» не только не предавалась забвению впоследствии, но, напротив, настойчиво и неуклонно проводилась в жизнь, особенно в 1956 и в начале 1957 гг.

Свою очередь и Панкратова успешно применяла если не точно такие же, то очень сходные приемы борьбы. Архивные документы свидетельствуют, что уже к ее письму в ЦК КПСС от 17 мая 1955 г., в котором она впервые опротестовала обвинения кураторов, была приложена записка следующего содержания: «Тов. Шепилову Д.Т. Тов. Постелову П.Н. Прошу разобраться в этом деле. Н. Хрущев». Далее шла приписка: «Копии этих материалов разослать для ознакомления всем секретарям ЦК КПСС. Указание тов. Н.С. Хрущева. 1.8.55. В. Лебедев»⁴¹.

Затем произошло нечто такое, что, похоже, до сих пор остается непонятным либо недооцененным в равной мере и отечественными, и зарубежными историками. Вместо явки для очередной идеологической проработки «на ковер» в отдел науки и культуры ЦК КПСС Панкратова была назначена главой советской делегации на X Международном конгрессе историков в Италии и в начале сентября 1955 г. вылетела в Рим, причем в составе возглавляемой ею делегации находились и работники отдела науки и культуры Кузнецова и Лихолат⁴². Сам же отдел в конце сентября 1955 г. был коренным образом реорганизован и разделен на два структурных подразделения: отдел науки и высших учебных заведений и отдел культуры ЦК КПСС⁴³. Характерно, что для Румянцева не нашлось места ни в одном из них и он был просто выведен из руководящего звена аппарата ЦК и переведен на должность (впрочем, также номенклатурную) главного редактора журнала «Коммунист».

В своих воспоминаниях Румянцев, правда, отрицает связь между потерей должности в аппарате ЦК КПСС и конфликтом с редакцией журнала «ВИ»⁴⁴. Но эта версия не верифицируется архивными источниками. Напротив, именно та версия, которую Румянцев отрицает, подтверждается последующими активными нападками руководимого им журнала «Коммунист» на наиболее острые публикации «ВИ». А если учесть, что должностному перемещению Румянцева предшествовала его внезапная непродолжительная болезнь, то ситуацию, сложившуюся к сентябрю 1955 г., целесообразнее всего объяснить тем, что заведующий отделом ЦК попал под жесткую перекрестную критику, с одной стороны, сотрудника собственного отдела Волобуева, а с другой – Панкратовой, что и предопределило его отставку.

Но уже в октябре 1955 г. участь Румянцева постигла и Волобуева, переведенного из ЦК КПСС на работу в Институт истории АН СССР. В сложившейся конфликтной обстановке ему не помогли ни молодость, ни безупречные анкетные данные, ни его обстоятельные, похожие на объяснительные записки, письма секретарям ЦК КПСС⁴⁵. Так партноменклатура потеряла, а историческая наука приобрела весьма энергичного и честолюбивого работника. Как видим, осенью 1955 г. редакция журнала «ВИ» могла праздновать настоящую победу над курировавшим ее средним звеном аппарата ЦК КПСС, а «корректировочное» совещание, угрожавшее деятельности «ВИ», откладывалось на неопределенный срок.

Дальнейший период деятельности журнала «ВИ» (осень 1955 – осень 1956 гг.) А.С. Кан характеризует как кульминацию. Это время было ознаменовано не только влиянием XX съезда КПСС, но и тем, что «историографическая» дискуссия, скрытая на предыдущем этапе борьбы, стала вполне зримой не только для профессиональных историков, но и для широкого круга историков-любителей. И, как показали итоги нескольких читательских конференций, проведенных журналом «ВИ» в это время, интеллигенция страны не осталась равнодушной к проблемам, поставленным на обсуждение редакцией.

Между тем накануне и после XX съезда КПСС номенклатурная борьба, вызванная деятельностью журнала «ВИ», развивалась не менее драматично, чем в 1954–1955 гг. После кадровой перетасовки и смены руководства реорганизованный отдел науки и вузов ЦК КПСС не оставил попыток установить свой реальный контроль за деятельностью журнала «ВИ». Своеобразная «программа-минимум» среднего звена партаппарата ЦК в отношении журнала «ВИ», представленная выше, присутствует и в документах реорганизованного уже отдела, в частности в информационной справке от 7 февраля 1956 г. о проведении редакцией «ВИ» читательской конференции в Ленинграде⁴⁶. Однако в первые месяцы после XX съезда КПСС партаппараторы не имели возможности реализовать в полном объеме свои замыслы. Панкратова в это время, очевидно, пользовалась поддержкой не только Хрущева, но и очень влиятельного в тот период секретаря ЦК КПСС Шепилова. Именно он наложил «блокирующую» резолюцию на информационную справку отдела науки и вузов от 7 февраля 1956 г.⁴⁷ И именно Шепилов по инициативе Панкратовой в марте 1956 г. встретился в ЦК КПСС с группой историков (среди них были А.М. Панкратова, А.Л. Сидоров, Э.Н. Бурджалов, М.П. Ким, М.И. Стишов, И.Б. Берхин и др.) и попытался разъяснить им особенности современной партийной политики в области исторической науки⁴⁸.

Заручившись поддержкой влиятельных секретарей ЦК, Панкратова вновь заблокировала реализацию в полном объеме планов курирующего журнал среднего звена партаппарата, направленных на ликвидацию несанкционированной свободы в редакции. Это, в свою очередь, позволило главному редактору «ВИ» внести кардинальные перемены в идеиную направленность публикаций и в механизм социальной поддержки журнала. Своеобразие обстановки конца 1955–1956 гг. состояло прежде всего в том, что редакционная политика журнала определялась не академическим влиянием и даже не редколлегией, в которой по многим вопросам не было единства мнений, а действующим штатом журнала и необычайно демократичным составом авторов, подбор которых осуществлялся Панкратовой и Бурджаловым⁴⁹.

Именно в это время журнал активно поддержал реабилитационные процессы, развернувшиеся в стране в первые послесталинские годы. При этом критике были подвергнуты представители не только советской научной элиты, но и партийной номенклатуры. Только в 1956 г. объектами критики стали директор Института истории партии МК и МГК КПСС Г.Д. Костомаров, заведующий сектором отдела науки и вузов ЦК КПСС А.В. Лихолат, главный редактор журнала «Вопросы философии» М.Д. Каммари, члены-корреспонденты АН СССР философы М.Т. Иовчук и И.Я. Щипанов, руководители Института истории АН СССР А.Л. Сидоров и Л.С. Гапоненко, редколлегия БСЭ и многие другие. А статьи школьного учителя А.М. Пикмана и Г.Д. Даниилова своим остирем были направлены против публикации первого секретаря ЦК КП(б) Азербайджана М.Д. Багирова о характере освободительного движения под руководством Шамиля, увидевшей свет еще в 1950 г.⁵⁰ Более того, в течение некоторого времени журнал «ВИ» имел смелость даже аргументированно отвечать на критику в свой адрес, начатую в партийной прессе⁵¹.

Однако партнomenkлатура не была бы партноменклатурой, если бы могла спокойно перенести обиды и терпеть унижения. «Главное в номенклатуре – власть, – справедливо замечает М.С. Восленский. – Заведующий сектором ЦК спокойно относится к тому, что академик или видный писатель имеет больше денег и имущества, чем он сам, но никогда не позволит, чтобы тот послушался его приказа»⁵². Поэтому, несмотря на блокировку планов отдела науки и вузов секретариатом ЦК, среднее, курирующее журнал «ВИ» звено партаппарата решило начать в 1956 г. собственную контригру против Панкратовой и ее единомышленников. Первым шагом в этом направлении стала попытка произвести кадровые изменения в редколлегии «ВИ». Уже в самом начале 1956 г. по настойчивым рекомендациям отдела науки и вузов ЦК КПСС в число сотрудников журнала была «определенна» А.М. Гаврилова – дипломированный специалист по новейшей истории Италии, только что вернувшаяся из заграничной командировки. Рекомендовавшие имели в виду, что она станет вторым заместителем главного редактора «ВИ». Однако Панкратова не торопилась вводить новую «помощницу» в состав редколлегии и предложила ей сначала поработать в качестве консультанта по истории стран народной демократии в отделе всеобщей истории. И очень скоро, в марте 1956 г. выяснилось, что истинная цель прихода Гавриловой в «ВИ» состояла в помощи партчиновникам, курирующим вышедший из-под контроля журнал. Руководствуясь указаниями тех, кто направил ее, Гаврилова посыпала письма в ЦК КПСС с критикой редакционного курса «ВИ»⁵³. Эти письма, оседая в том же отделе науки и вузов ЦК, дополняли и без того обширную подборку компрометирующих журнал «ВИ» материалов. Ответные меры вынуждена была принять и Панкратова. В период с марта по октябрь 1956 г. она написала в секретариат ЦК КПСС на имя Суслова три письма с просьбами вывести «не приносящую пользы» Гавриловой из штата редакции журнала, и лишь в октябре 1956 г. состоялся перевод Гавриловой на работу в Институт мировой экономики и международных отношений⁵⁴.

Но на исходе лета 1956 г. началась шумная идеологическая кампания против «ВИ» в журнале «Коммунист»⁵⁵. Первая же погромная статья в адрес «ВИ», написанная заведующим сектором отдела пропаганды ЦК КПСС Е.И. Бугаевым, свидетельствовала о том, что к борьбе с вышедшим из-под контроля журналом были подключены силы самого консервативного из отделов ЦК КПСС. Затем в письме ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов»⁵⁶, опубликованном 19 декабря 1956 г., журнал «ВИ» был представлен как своеобразный пропагандистский жупел, поскольку отдельные его публикации квалифицировались как «вылазки» враждебных элементов, которым нужно было незамедлительно положить конец. Практически со времени опубликования этого письма дальнейшая судьба «ВИ» была предрешена. Действенные ранее усилия Панкратовой блокировать набиравшую обороты пропагандистскую кампанию при помощи писем в секретариат ЦК, а также ее попытки заручиться в борьбе с партаппаратом поддержкой старейшего члена партии Е.Д. Стасовой на этот раз не увенчались успехом. Не помогла и активная поддержка «снизу»: подписные листы ленинградской интеллигенции в защиту журнала «ВИ», направленные в ЦК КПСС, осели в отделе науки и вузов, были оставлены без внимания⁵⁷.

Поиски в архиве не дали возможности определенно ответить на вопрос о том, кто руководил этой пропагандистской акцией. Версия Е.Н. Городецкого о том, что руководство кампанией осуществлял Поспелов, не подтверждается известными нам источниками и довольно убедительно опровергается в исследовании А.С. Кана⁵⁸. Архивные материалы указывают, что кампания по дискредитации журнала «ВИ» проводилась коллективно – не только силами двух отделов ЦК КПСС, но и при активной поддержке партийной прессы. Действенное участие в ней приняли и «мстительный» (по выражению Волобуева) Румянцев, и затаившие личную обиду на журнал Лихолат, Черняев, Кузнецова, и партийные чиновники из отдела пропаганды во главе с Бугаевым. Именно коллективные усилия среднего звена партаппарата, на мой взгляд, определяли ход всех последующих событий.

Экстраординарность письма ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. подчеркивалась директивной установкой обсудить его во всех первичных партийных организациях. Такого рода «обсуждение» в коллективах профессиональных историков позволило реализовать и третий пункт «программы-минимум» партаппарата в отношении «ВИ» – организовать «проработочные» совещания по итогам деятельности редколлегии журнала. Всего было проведено три таких совещания, и уровень их был достаточно высок: «проработки» велись на кафедрах истории КПСС и истории СССР Академии общественных наук при ЦК КПСС и в МГУ им. М.В. Ломоносова. Не вдаваясь в детальный анализ хода этих совещаний, достаточно хорошо известным историкам, укажу только, что они велись по сценариям идеологических кампаний конца 1940-х гг. и сопровождались показным «оплевыванием» всего нового, что удалось сделать к тому времени руководству редколлегии «ВИ». Политические и уничижительные ярлыки щедро навешивались выступавшими на сам журнал «ВИ» («вредный», «антипартийный», «меньшевистско-троцкистский»), на Бурджалова («сумасшедший или враг») и на Панкратову («приобретательница, ничего не давшая советской науке»). Характерно, что со стороны отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС (название отдела ЦК к тому времени еще раз изменилось) эти совещания получили высокую оценку⁵⁹.

Почему же вскоре после XX съезда КПСС силы сразу двух отделов ЦК были брошены на разгром научного журнала, руководствовавшегося лишь изменениями в политическом курсе партии? Бессспорно, венгерские события осени 1956 г. оказали влияние не только на общественное мнение в СССР, но и на политическое руководство КПСС. Но можно ли считать произошедшие перемены непосредственной причиной прекращения поддержки журнала со стороны Хрущева и Шепилова? Что говорят об этом мемуары указанных политиков? К сожалению, в воспоминаниях Хрущева нет прямого ответа на поставленный вопрос. Свою позицию в отношении сложных проблем развития науки и культуры в СССР он по существу сформулировал в одной емкой фразе: «Я не судья»⁶⁰. Мемуары Шепилова, опубликованные с явной целью самореабилитации, на первый взгляд, также мало что дают для характеристики борьбы, развернувшейся вокруг журнала «ВИ» в 1956–1957 гг. Бывший секретарь ЦК КПСС предпочитает не упоминать о своем участии в этом деле, хотя архивные документы однозначно свидетельствуют о его причастности к конфликту уже с августа 1955 г. Но, в отличие от мемуаров Хрущева, у Шепилова есть указание на развитие иной аппаратной интриги более высокого партийно-иерархического уровня, в которой он, как секретарь ЦК, принимал самое непосредственное участие именно «под занавес» дела «ВИ»⁶¹. Как известно, партийная карьера Шепилова была молниеносной и блестящей: до 1956 г. он – главный редактор газеты «Правда» и секретарь ЦК КПСС; в 1956–1957 гг. – министр иностранных дел СССР, кандидат в члены Президиума ЦК КПСС; в феврале–июне 1957 г. – вновь секретарь ЦК КПСС. Однако на ионинском (1957 г.) пленуме ЦК Шепилов был выведен из состава кандидатов в члены Президиума и членов ЦК КПСС как «примкнувший» к антипартийной группе Молотова, Маленкова, Кагановича и др.⁶² На мой взгляд, именно эта номенклатурная борьба в высшем партийном эшелоне и нарушила тот блокирующий «противовес», которым активно пользовалась в 1955 – первой половине 1956 гг. Панкратова. Этим же обстоятельством, видимо, объясняется и нежелание Бурджалова принять у себя и выслушивать Шепилова, которого он лично знал еще по предыдущей совместной работе в аппарate ЦК КПСС: письменные просьбы последнего о помощи, обращение к высокопоставленному «другу» в конце 1956 – начале 1957 гг. оказались поистине гласом вопиющего в пустыне. Более того, как утверждает С.С. Дмитриев, именно Шепилов принял самое активное участие в подведении итогов критической кампании против журнала «ВИ» на заседании секретариата ЦК КПСС 6 марта 1957 г.⁶³

Большой интерес для характеристики заключительного этапа борьбы журнала «ВИ» со своими оппонентами имеют мемуары Черняева⁶⁴. Как и в воспоминаниях Шепилова, в них явно прослеживается тенденция замалчивать происходившие события, но они все же значительно лучше поддаются верификации архивными документами. Небольшой раздел этой книги, о взаимоотно-

шениях автора с редакцией журнала «ВИ» написан весьма тенденциозно. Черняев задним числом пытается представить себя чуть ли не диссидентом, работавшим «под крышей» ЦК КПСС. Он, в частности, констатирует: «Раздвоенность бытия (и университет, и ЦК, каждодневная аппаратная среда, в которой мало что изменилось после Сталина, и совершенно "непартийное", если не антипартийное, общение с друзьями и "оттепельными" публикациями) обостряла переживания, порождала двоемыслие...»⁶⁵ Очень кратко и хронологически неточно описав участие в разгроме журнала «ВИ», Черняев затем довольно подробно останавливается на описании конфликта со своим непосредственным начальником И.А. Хлябичем и представляет этот конфликт как главную причину своего перехода из отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС в редакцию журнала «Проблемы мира и социализма», руководимого в то время Румянцевым. Подводя итоги своей деятельности в отделе ЦК, бывший партийный цензор отмечает: «Работа в отделе науки ЦК вспоминается как самый неприятный, потерянный период моей жизни... Я оказался на краю пропасти. Больших подлостей, будучи в отделе, я вроде не допустил. Но само пребывание там, весь характер этой цензурно-бюрократической функции марали меня в глазах порядочных людей»⁶⁶. Как видим, свое участие в разгроме журнала «ВИ» Черняев оценивает как подлость небольшую и, в отличие от Волобуева, он отнюдь не склонен к покаянию перед историками (Волобуев в уже упомянутом интервью, опубликованном в журнале «Отечественная история» в 1997 г., прямо заявил, что критическую позицию в отношении Панкратовой и Бурджалова давно занес в негатив своей цековской работы).

Архивные документы ничего не говорят о конфликте Черняева с Хлябичем (хотя, возможно, он и имел место), но указывают на существование другого конфликта – на продолжающееся противостояние между куратором Черняевым и обновленной после марта 1957 г. редакцией журнала «ВИ». Судя по приписке, сохранившейся на одном из архивных документов, именно после очередной конфликтной ситуации в июле 1958 г. Черняев был вынужден покинуть отдел науки, вузов и школ ЦК КПСС, переехать в Прагу и подтвердить свой статус «человека Румянцева» (так охарактеризовал свой «пражский» статус Черняев-мемуарист)⁶⁷. Указанный архивный документ представляет собой письмо нового руководства журнала «ВИ» от 1 марта 1958 г. на имя секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова⁶⁸. Авторы письма (первый заместитель главного редактора Н.И. Матюшкин, заместитель главного редактора по истории зарубежных стран Ю.В. Борисов, секретарь парторганизации П.И. Федотов), подводя итоги своей деятельности за год после принятия постановления ЦК КПСС от 9 марта 1957 г. о работе журнала «ВИ», дают крайне негативную оценку работе Черняева как куратора журнала. В письме, в частности, говорится: «Тов. Черняев взял под защиту выступление проф. Л.И. Зубока (при обсуждении тематического плана журнала), обвинил журнал в якобы неправильной критике одной из ранних работ С.М. Дубровского... Тов. Черняев не поддержал одобренную в основном редколлегией критическую рецензию на книгу Г.К. Селезнева "Тень доллара над Россией" ... За год работы новой редколлегии т. Черняев ни одного раза не был на заседании коллегии или на партийном собрании. Он пользуется анонимными слухами, отказываясь даже называть имена тех лиц, от которых т. Черняев получает сведения о работе журнала»⁶⁹. Одна из просьб руководства журнала «ВИ» к секретарю ЦК КПСС формулируется так: «Рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего непосредственного руководства журналом по линии отдела науки, вузов и школ со стороны т. Черняева А.С.»⁷⁰

Таким образом, очевидно, что в 1957–1958 гг. над журналом «ВИ» был установлен реальный контроль со стороны отдела науки ЦК КПСС и Черняев, продолжая курировать работу журнала и сохраняя в своем арсенале некоторые «конспиративные» приемы руководства, уже не играл роль униженного «регистратора ошибок», допущенных редколлегией журнала, а был жестким администратором, судьей и цензором всей его текущей деятельности.

Несмотря на то, что к началу 1957 г. исход номенклатурной борьбы был практически предрешен, Панкратова, по-видимому, не теряла надежды на благоприятную развязку и продолжала делать очередные ходы в продолжающейся тактической игре. Шаги, предпринятые ею в это время, указывают на попытки достичь компромисса с противостоявшим и угрожающим ей партаппаратом. Прежде всего Панкратова решила принести «в жертву» своего заместителя Бурджалова и согласилась на коренную реорганизацию редколлегии журнала⁷¹. Следующим шагом в этом направлении стало резкое снижение критической направленности почти всех публикаций журнала, причем в январском номере за 1957 г. появилась даже статья Волобуева – факт немыслимый в обстановке 1955–1956 гг., но абсолютно логичный и уместный в начале 1957 г.⁷² Даже текст предполагавшегося выступления Панкратовой на заседании секретариата ЦК КПСС 6 марта 1957 г. свидетельствует, на мой взгляд, о продолжающемся тактическом маневрировании с ее стороны⁷³. Признавая критику в адрес журнала, данную в письме ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г., Панкратова тем не менее не собиралась признавать отклонений редакционного курса

журнала от генеральной линии партии, хорошо понимая, что доказать обратное, опираясь на материалы затяжной «историографической» полемики, будет практически невозможно. «Мы признаем наши ошибки, слабости и упущения. Но мы не можем признать обвинений, раздававшихся на некоторых собраниях, особенно в МГУ, будто бы в журнале была какая-то особая линия и что эта линия была порочной и антипартийной. Наоборот, мы считали, что мы всемерно осуществляли и защищаем линию партии, определенную XX съездом и многократными указаниями нашего ленинского ЦК», – отмечается в документе, который Панкратова собирались огласить в ЦК КПСС⁷⁴.

Однако на заседании секретариата ЦК КПСС 6 марта 1957 г. академику Панкратовой даже не дали возможности выступить. Не только характер, но даже время проведения этого итогового «проработочного» заседания можно рассматривать как своеобразный «подарок» ко дню 8 марта, преподнесенный партнomenkлатурой недавно отпраздновавшей свое 60-летие Панкратовой. Именно 6 марта 1957 г. она, очевидно, осознала свое неминуемое поражение в борьбе, которая была начата еще в 1955 г. На следующий день после заседания секретариата ЦК КПСС Панкратову увезли в больницу, где 25 мая 1957 г. она скончалась.

Постановление ЦК КПСС «О журнале "Вопросы истории"», опубликованное 9 марта 1957 г.,казалось бы, должно было положить конец затянувшемуся конфликту, однако борьба продолжалась и после принятия этой партийной директивы. По свидетельству Черняева, «после погромного решения ЦК по журналу и изгнания оттуда заместителя главного редактора Бурджалова..., вмешался Микоян. И тогда – все сразу! – осознали, что журнал был не так уж неправ, а его критики посягнули на завоевания XX съезда»⁷⁵. Последним пострадавшим в ходе этой номенклатурной борьбы, уже после вмешательства А.И. Микояна, стал Лихолат, принявший активное участие в подготовке постановления ЦК КПСС о журнале «ВИ» и не заметивший вовремя, что мятник партийной политики вновь качнулся в сторону десталинизации⁷⁶. В самой же редакции журнала «ВИ» даже после ее коренной кадровой реорганизации скрытое идеиное брожение и борьба за искоренение остатков «бурджаловщины» продолжались вплоть до начала 1960-х гг.⁷⁷

«Разгром "Вопросов истории" на деле перечеркнул эвристическую направленность не только данного, но и других изданий специального научного профиля, существенно затормозил восходящее движение исторической мысли»⁷⁸, – подчеркивают современные российские историки. В действительности же есть все основания полагать, что эта партийная директива не оказала столь негативного влияния на исследовательскую деятельность и не искоренила инакомыслие в исторической науке. Самый характерный тому пример – возникновение так называемого «нового направления» в советской исторической науке⁷⁹. Более того, алогизм дальнейшего развития событий состоял как раз в том, что Волобуев, ревностно выступавший в середине 1950-х гг. за идеологическую регламентацию исторических исследований, стал в 1960–1970-е гг. одним из руководителей весьма неортодоксального направления в исторической науке СССР.

Напоминая по стилистике и идеиной направленности постановление ЦК ВКП(б) «О журнале "Звезда" и "Ленинград"», постановление ЦК КПСС от 9 марта 1957 г. тем не менее имело и существенные отличия от этого документа и подобных ему решений партии. Опубликованное в сравнительно малотиражном «Справочнике партийного работника», оно впоследствии ни разу не переиздавалось и не включалось в многотомные сборники партийных документов, что указывает в большей степени на его уникальность, чем на типичность. О последующем «смягчении» если не буквы, то духа этого партийного решения свидетельствует и судьба самого Бурджалова, который не был подвергнут такому же тотальному остракизму, как, например, М.М. Зощенко и А.А. Ахматова, оказавшиеся в подобной же ситуации ранее. В начале 1970-х гг. автор этих строк, в то время студент исторического факультета Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, имел возможность лично общаться с профессором Бурджаловым – уже немолодым, но очень доброжелательным, эрудированным и энергичным человеком, который ничем не напоминал «изгоя» в исторической науке. Талантливый и мужественный историк не только продолжил изучение тех проблем, которые заинтересовали его еще в середине 1950-х гг., но и сумел, защитив по этой теме докторскую диссертацию, опубликовать результаты своих научных исследований в виде монографий⁸⁰.

Вообще судьба главных участников этого необычного дела (за исключением Панкратовой и Шепилова) сложилась довольно удачно. Волобуев во многом как бы повторил жизненный сценарий Панкратовой, став к концу своей профессиональной деятельности не только полукоммунистом-полудиссидентом, но и очень известным историком, академиком РАН. Для Румянцева события осени 1955 г. стали последним «срывом» в его работе; в дальнейшем он всячески избегал острых и конфликтных ситуаций и был избран академиком значительно раньше Волобуева. Весьма успешную карьеру партийного чиновника сделал и подлинный куратор журнала «ВИ»

в 1957–1958 гг. Черняев: он лишь в 1991 г. завершил свою трудовую деятельность в должности помощника М.С. Горбачева по международным делам. Даже Лихолат, изгнанный одним из последних из аппарата ЦК КПСС в связи с делом «ВИ», сумел впоследствии приобрести «статусный вес» и определенную известность в отечественной исторической науке.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что многоаспектная проблематика данной статьи неадекватно интерпретируется в рамках жестких историографических схем, и, видимо, еще не раз привлечет внимание специалистов. Знание же всех деталей происходившей в 1954–1957 гг. ожесточенной номенклатурной борьбы не только желательно, но и поучительно, поскольку еще раз демонстрирует, что светоч истины часто обжигает руки того, кто его несет.

Примечания

¹ См.: XX съезд КПСС и его исторические реальности. Сб. ст. М., 1991. С. 249 (далее: XX съезд КПСС); Пыжиков А.В. Политические преобразования в СССР (50–60-е годы). М., 1999. С. 125–131; Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова: Сб. ст. М., 2000. С. 85–100 (далее: Историк и время); Black C.E. (ed.). *Rewriting Russian History. Soviet Interpretation of Russia's past*. N.Y., 1962. P. 28–29; Fainsod M. Soviet Russian Historians, or: The Lesson of Burdzhalov // *Encounter*, 1962. Vol. 18 (March). P. 82–89; Tillet L. The great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel Hill, 1969. P. 217–221; Heer N.W. Politics and History in the Soviet Union. Cambridge (Mass.). L.; 1971. P. 2, 68–76, 79–95, 264–265; Markwich R.D. *Rewriting History in Soviet Russia. The Politics of revisionist Historiography*, 1956–1974. Palgrave, 2001. P. 36–76.

² См.: Городецкий Е.Н. Журнал «Вопросы истории» в середине 50-х годов // ВИ. 1989. № 9. С. 69–80; Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков: Сб. ст. М., 1996. С. 182.

³ См.: Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997. С. 109–162; Россия в XX веке. Судьбы исторической науки: Сб. ст. М., 1996. С. 705–710; Историческая наука России в XX веке: Сб. ст. М., 1997. С. 266–267; Захарова В.А., Полянская Ю.М. Конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика А.М. Панкратовой // Отечественная история. 1997. № 6. С. 197.

⁴ В этой связи следует особо отметить статью А.С. Кана, помещенную в сб. «Историк и время». Эта работа написана на основе не только личных воспоминаний автора, но и архивных документов ЦК КПСС. Однако редакция сборника сочла возможным сократить статью А.С. Кана за счет ее научно-справочного аппарата, сопроводив свои малопонятные действия следующим примечанием: «А. Кан является не только исследователем, но и участником эпопеи "Вопросов истории". Редакция, признавая некоторые выводы автора спорными, сохранила его видение проблемы» (с. 85). Непонятно также, почему в рецензиях, появившихся после выхода в свет этого в целом корректно оформленного сборника, подобная научная «вивисекция» не была отмечена как недостаток публикации. См.: рец. Е.К. Сысоевой (Отечественная история. 2001. № 5. С 193–195) и М.П. Мохначевой и Л.И. Деминой (Отечественные архивы. 2001. № 2. С. 94–98).

⁵ См.: Сидорова Л.А. Указ. соч. С. 109–162.

⁶ См.: Историк и время. С. 85–100.

⁷ Сидорова Л.А. Указ. соч. С. 119.

⁸ Наука и власть. Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов: Сб. ст. М., 2001. С. 171.

⁹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 5, оп. 17, д. 505, л. 25–27.

¹⁰ Интервью с академиком П.В. Волобуевым // Отечественная история. 1997. № 6. С. 111.

¹¹ РГАНИ, ф. 5, оп. 17, д. 453; В записке Румянцева и Волобуева в ЦК КПСС от 28 сентября 1954 г., в частности, сказано: «В номере 7 журнала "Вопросы истории" за 1954 г. опубликована статья А.М. Некрича "Англо-германские противоречия по колониальному вопросу перед Второй мировой войной". В указанной статье автор, говоря о подрывной деятельности гитлеровской Германии в тот период в странах Востока, упоминает о том, что в числе германских платных агентов был начальник египетского генерального штаба генерал Азиз-Али Мысли паши... Как известно, в настоящее время Азиз-Али Мысли паши под именем А. Эль Масри занимает пост посла Египта в СССР... Как сообщил и.о. заместителя главного редактора журнала "Вопросы истории" т. Смирнов, ни автор статьи А.М. Некрич..., ни редакция, опубликовавшая статью, не знали о том, что Азиз-Али Мысли паши является ныне послом Египта в Москве... Рецензировавший статью бывший работник МИД СССР, заместитель директора Института международных отношений т. Кутаков также не заметил, что в статье речь шла о нынешнем египетском после в Москве... В связи с этим считали бы целесообразным указать главному редактору журнала "Вопросы истории"

т. Панкратовой на проявленную редакцией беспечность при публикации статьи А.М. Некрича и обязать ее установить строгий контроль за подготовкой к печати статей по новейшей истории...» (Там же, д. 470, л. 217–218).

¹² Там же, д. 520, л. 56–80.

¹³ Там же, оп. 35, д. 23, л. 94, 176–181; д. 39, л. 3–13, 36–40, 42–50, 52–55, 57–59, 75–77, 95–107.

¹⁴ Отечественная история. 1997. № 6. С. 111.

¹⁵ Наука и власть. С. 171.

¹⁶ Показателем «научного» уровня дискуссий о публикациях журнала «ВИ», проходивших в отделе науки и культуры ЦК КПСС, может служить описание одной из них в официальном письме Волобуева: «Так, по вопросу о гегемонии пролетариата в революции 1905 г. разразилась целая дискуссия, в ходе которой Т. Румянцев звонил даже Петру Николаевичу Попелю. К сожалению, наша точка зрения была передана им неточно. Тов. Кузнецова, ссылаясь на одно место "Краткого курса", где говорится о всеобщей октябрьской стачке (с. 74), пыталась убедить нас в том, что пролетариат чуть ли только не в октябре 1905 г. превратился в гегемона. В итоге было признано, что пролетариат не всегда был в революции 1905–1907 гг. гегемоном, а лишь стал им в ходе революции, а наше замечание к журналу о неточности трактовки вопроса о гегемонии отвергнуто» (РГАНИ, ф. 5, оп. 17, д. 505, л. 49).

¹⁷ Там же, л. 29.

¹⁸ Там же, д. 520, л. 112.

¹⁹ Там же, л. 42–55, 108.

²⁰ Там же, д. 488, 491, 524, 536; Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. М., 1996. С. 597–600; Биуль – Зедгинидзе Н. Литературная критика журнала «Новый мир» А.Т. Твардовского (1958–1970). М., 1996. С. 422–427; Frankel E.R. Novy Mir. A Case Study in the Politics of Literature 1952–1958. Cambridge, 1981. Р. 127–140.

²¹ РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 121, л. 26; д. 185, л. 98–104.

²² Историк и время. С. 88.

²³ Характеризуя особенности подготовки научных кадров в Институте истории АН СССР, члены президиума АН СССР А.Н. Несмеянов и А.В. Топчиев в письме в ЦК КПСС от 21 марта 1953 г., в частности, указывали: «Подбор сотрудников и подготовка кадров в институте до самого последнего времени проходили неправильно: основное внимание уделялось укомплектованию кадрами секторов, занимающихся изучением древней истории, феодализма и средних веков. В результате институт испытывает острый недостаток в специалистах по истории советского общества, по новой и новейшей истории. В штате Института истории вместе с Ленинградским отделением состоят 7 академиков, 4 члена-корреспондента АН СССР, 43 доктора наук и 105 кандидатов наук. Однако из них историей советского общества занимаются только 18 человек и новейшей историей – 19 человек. Из 11 академиков и членов-корреспондентов АН СССР, имеющихся в институте, ни один не работает в секторе истории народов СССР периода социализма» (Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 66).

²⁴ РГАНИ, ф. 5, оп. 17, д. 505, л. 44. Отсутствие действенного контроля за журналом «ВИ» со стороны отдела науки и культуры ЦК КПСС в это время подтверждается и другими архивными документами (Там же, д. 520, л. 100–101, 108; Отечественные архивы. 1992. № 5. С. 62).

²⁵ РГАНИ, ф. 5, оп. 17, д. 518, л. 163, 245–254; д. 520, л. 81–94; д. 521, л. 1–155; оп. 35, д. 10, л. 95–130.

²⁶ Историк и время. С. 88.

²⁷ Историческая наука России в XX веке. С. 427.

²⁸ В информационной справке управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) указано, что Панкратова была исключена из партии «за связи с людьми, оказавшимися контрреволюционерами (Фридлянд, Ванаг, Зайдель, Бессонов), и защиту их и сокрытие от партии своей связи с мужем (троцкист Яковин), осужденным и высланным за контрреволюционную деятельность» (РГАНИ, ф. 5, оп. 17, д. 425, л. 268). См. также: Историк и время. С. 74–76; Панкратова А.М. Развитие исторических взглядов М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского. М.; Л., 1939. С. 5–69.

²⁹ РГАНИ, ф. 5, оп. 17, д. 425, л. 268; оп. 35, д. 116, л. 177; Историк и время. С. 21; Историческая наука России в XX веке. С. 431–432.

³⁰ РГАНИ, ф. 5, оп. 17, д. 520, л. 95–98.

³¹ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 374; см. также: Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизм действия // ВИ. 1993. № 7. С. 25–38.

³² РГАНИ, ф. 5, оп. 17, д. 520, л. 8–38; Сидорова Л.А. Указ. соч. С. 226–258.

³³ РГАНИ, ф. 5, оп. 17, д. 520, л. 4.

³⁴ Там же, д. 505, л. 80–82.

³⁵ Там же, д. 520, л. 105; Власть и историческая наука (о журнале «Вопросы истории») // Отечественные архивы. 1992. № 5. С. 60.

³⁶ РГАНИ, ф. 5, оп. 17, д. 505, л. 11–83.

³⁷ Там же, д. 522, л. 68–178.

³⁸ Там же, д. 505, л. 29.

³⁹ Там же, д. 520, л. 95–101.

⁴⁰ Там же, л. 42–55, 102–108.

⁴¹ Там же, л. 1.

⁴² Там же, д. 518, л. 225–230; оп. 35, д. 10, л. 53–59.

⁴³ Там же, оп. 17 (предисловие); оп. 35 (предисловие).

⁴⁴ Наука и власть. С. 172.

⁴⁵ РГАНИ, ф. 5, оп. 17, д. 505, л. 11–83.

⁴⁶ Там же, оп. 35, д. 23, л. 20–25.

⁴⁷ На этом документе рукой Шепилова написано: «Ознакомить секретарей ЦК... Считаю, что в своей записке отдел неправильно ставит ряд вопросов исторической науки и его предложения о выступлении в журнале "Коммунист" и совещании историков в отделе с таких позиций являются неприемлемыми. Д. Шепилов. 21.II.56». Есть также пометка работника аппарата ЦК КПСС: «В архив (с 3.II–56 г.). Решение не принималось» // Там же, л. 20.

⁴⁸ См.: Институт истории полстолетия назад. Беседа академика Ю.А. Полякова с главным редактором журнала «Отечественная история» С.В. Тютюкиным // Отечественная история. 2001. № 5. С. 129.

⁴⁹ Подробнее об особенностях деятельности журнала «ВИ» в тот период см.: Историк и время. С. 97–98.

⁵⁰ См.: Осликовская Е.С., Снегов А.В. За правдивое освещение истории пролетарской революции // В.И. 1956. № 3. С. 138–145; Боргад З.М. [Рецензия на книгу] Г. Костомаров. Московский Совет в 1905 году... // Там же. 1956. № 3. С. 158–162; Николаев Я.Т. Об бесцеремонном обращении с мемуарами старых большевиков // Там же. 1956. № 4. С. 139–141; Денисов Г.М. Об освещении Большой советской энциклопедии деятельности выдающихся большевиков // Там же. 1956. № 5. С. 141–145; Покровский С.А., Папаригопулос С.В. О принципиальных ошибках в освещении истории русской общественно-политической мысли // Там же. 1956. № 6. С. 131–142; Сахаров А.М., Подольский А.Г., Самохина Н.Н., Марченко М.И. Об «Очерках истории исторической науки в СССР» // Там же. 1956. № 7. С. 116–127; Казарин А.И. О вульгарно-социологических ошибках в исследовании истории политических учений // Там же. 1956. № 8. С. 129–141; Пономаренко П.М., Осликовская Е.С., Снегов А.В. О политите партии в украинской деревне в 1919–1920 // Там же. 1956. № 8. С. 105–109; Калякин Ю.Ф., Плиман Е.Г., Филиппов Л.А. Какой России принадлежал А.А. Антонский? // Там же. 1956. № 9. С. 120–126; Архангельский С.И., Барг М.А., Косминский Е.А., Лавровский В.М., Левицкий Я.А., Самойло А.С., Семенов В.Ф., Сказкин С.Д., Поршнев Б.Ф. Письмо в редакцию // Там же. 1956. № 11. С. 221–222; Пикман А.М. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами // Там же. 1956. № 3. С. 75–84; Даниялов Г.Д. О движении горцев под руководством Шамиля // Там же. 1956. № 7. С. 67–72 (ср.: Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик. 1950. № 13. С. 21–33).

⁵¹ См.: О статье тов. Е. Бугаева // ВИ. 1956. № 7. С. 215–222; Бурджалов Э.Н. Еще о тактике большевиков в марте–апреле 1917 года // Там же. 1956. № 8. С. 109–114.

⁵² Восленский М.С. Указ. соч. С. 113–114.

⁵³ РГАНИ, ф. 5, оп. 35, д. 39, л. 3–13, 95–107. Особым нападкам в письмах А.М. Гавrilовой подвергся Э.Н. Бурджалов, о выступлениях которого она писала: «Еще на заседании редколлегии, посвященном итогам съезда, присутствовавшие обратили внимание на крикливые фразы выступавшего с содокладом заместителя главного редактора Э.Н. Бурджалова, что XX-й съезд партии означает "поворот, который не идет ни в какое сравнение с прежними поворотами и поворотиками" и что здание "Краткого курса" рухнуло, рухнуло до основания... Касаясь вопроса дальнейшего сокращения аппарата, Бурджалов заявил, что некоторые отделы ЦК КПСС представляют бюрократическое наслаждение. В качестве примера был приведен отдел науки, инструкторы которого будто бы по подготовке стоят ниже академиков и поэтому не в состоянии ими руководить» (Там же, л. 95).

⁵⁴ Там же, л. 1–2, 15.

⁵⁵ См.: Бугаев Е. Когда утрачивается научный подход // Партийная жизнь. 1956. № 14. С. 62–72; За творческую разработку истории КПСС // Коммунист. 1956. № 14. С. 62–72; За творческую разработку истории КПСС // Коммунист. 1956. № 10. С. 14–26; Голиков Н. К разработке истории Октябрьской революции // Там же. 1956. № 15. С. 44–58; Виноградов В., Мавеский И. Против извращения истории образования социалистического способа производства в СССР // Там же. 1956. № 16. С. 122–128; Александров Г. За подлинно научный подход к вопросам истории. К итогам читательской конференции, созванной редакцией журнала «Вопросы истории» // Ленинградская правда. 1956. 5 августа; Смирнов В. Неправильное освещение важного вопроса // Правда. 1956. 20 ноября.

⁵⁶ РГАНИ, ф. 5, оп. 35, д. 39, л. 51, 155; ф. 89, оп. 6, д. 2.

⁵⁷ Там же, л. 61–63, 71–72, 135–142, 144–152; Историк и время. С. 250–254, 256–259.

⁵⁸ См.: Городецкий Е.Н. Указ. соч. С. 77–78; Историк и время. С. 98.

⁵⁹ РГАНИ, ф. 5, оп. 35, д. 39, л. 155–156; Сидорова Л.А. Указ. соч. С. 267–269; Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 2. С. 150–151.

⁶⁰ См.: Хрущев Н.С. Время, люди, власть (воспоминания). Кн. 4. М., 1999. С. 271–286.

⁶¹ См.: И примкнувший к ним Шепилов. Правда о человеке, ученом, воине, политике. М., 1998. С. 129–130; Шепилов Д. Непримкнувший. М., 2001. С. 394–395.

⁶² См.: Политбюро, оргбюро, секретариат ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. Справочник. М., 1990. С. 257.

⁶³ РГАНИ, ф. 5, оп. 35, д. 39, л. 153–154, 163; Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 3. С. 153.

⁶⁴ См.: Черняев А.С. Моя жизнь и мое время. М., 1995.

⁶⁵ Там же. С. 223.

⁶⁶ Там же. С. 224.

⁶⁷ РГАНИ, ф. 5, оп. 35, д. 77, л. 46 об.; Черняев А.С. Указ. соч. С. 237. Интересно отметить также, что в 1958 г. на работу в пражскую редакцию журнала «Проблемы мира и социализма» был принят и Е.И. Бугаев (см.: Негг N.W. Op. cit. P. 47).

⁶⁸ РГАНИ, ф. 5, оп. 35, д. 77, л. 38–46.

⁶⁹ Там же, л. 44–45.

⁷⁰ Там же, л. 46.

⁷¹ См.: Сидорова Л.А. Указ. соч. С. 157.

⁷² См.: Волобуев П.В. Топливный кризис и монополия в России накануне первой мировой войны // ВИ. 1957. № 1. С. 33–46. В начале 1990-х гг. оценка первых научных публикаций Волобуева стала предметом острой дискуссии. Историк В.И. Бовыкин попытался увязать характеристику Волобуева как одного из руководителей «нового направления» в советской исторической науке с содержанием его «Записки» 1955 г. (см.: Еще раз к вопросу о «новом направлении» // ВИ. 1990. № 6. С. 172–174). На мой взгляд, подобный подход не вполне обоснован. Номенклатурная борьба, являющаяся предметом данного исследования, очевидно, имеет принципиальные отличия как от подлинно научного исторического исследования, так и от «историографической» полемики, которая освещена в монографии Л.А. Сидоровой. С октября 1955 г. Волобуев уже не участвовал непосредственно в номенклатурной борьбе против журнала «ВИ», но «дело», начатое им, продолжили работники отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС и прежде всего его друг и подлинный куратор журнала «ВИ» до июля 1958 г. Черняев.

⁷³ См.: Сидорова Л.А. Указ. соч. С. 270–286.

⁷⁴ Там же. С. 277.

⁷⁵ Черняев А.С. Указ. соч. С. 223.

⁷⁶ В 1954–1955 гг. заведующий сектором отдела науки и культуры ЦК КПСС Лихолат занимал в отношении журнала «ВИ» примиренческую позицию, что объяснялось, в частности, готовящейся в этом журнале рецензией на опубликованную им монографию «Разгром националистической контрреволюции на Украине». Первая появившаяся в журнале «ВИ» рецензия на эту книгу была положительной. Однако вскоре после XX съезда КПСС была опубликована вторая рецензия Ослниковской и Снегова, в которой книга Лихолата оценивалась как «образец того, как не надо писать историю партии и советского общества». В мае 1956 г. Лихолат попытался оспорить «научную значимость» последней рецензии путем письменной апелляции к Шепилову, но без успеха и каких-либо последствий. Тем не менее обида, очевидно, не была забыта, и, по словам Черняева, именно Лихолат передал впоследствии часть собранной кураторами документации в отдел пропаганды, где завершалась подготовка постановления ЦК КПСС, опубликованного 9 марта 1957 г. Однако вскоре после коренной кадровой реорганизации редакции журнала «ВИ» и последующего вмешательства в это дело Микояна Лихолат был уволен из аппарата ЦК КПСС (см.: РГАНИ, ф. 5, оп. 35, д. 23, л. 176–181; Черняев А.С. Указ. соч. С. 224); Отечественная история. 1997. № 6. С. 112.

⁷⁷ РГАНИ, ф. 5, оп. 35, д. 77, л. 38–46; д. 116, л. 233–260.

⁷⁸ XX съезд КПСС. С. 250. См. также: Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 130.

⁷⁹ См.: Поликаров В.В. «Новое направление» 50–70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. Сб. ст. М., 1996. С. 349–400.

⁸⁰ См.: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; его же. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1970.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ АМЕРИКИ. 1732–1867. В 3 т./Под ред. акад. Н.Н. БОЛХОВИТИНОВА. М.: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, 1997–1999. Тир. 2 000. Т. 1. ОСНОВАНИЕ РУССКОЙ АМЕРИКИ. 1732–1799. 479 с.; Т. 2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ. 1799–1825. 470 с.; Т. 3. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ЗЕНИТА К ЗАКАТУ. 1825–1867. 558 с.

Поистине удивительны история и география нашей великой Родины. Даже в наши дни Россия остается самой большой страной в мире, а в начале XIX в. Российская империя простиралась от Варшавы и Гельсингфорса (ныне Хельсинки) в Европе до британских и испанских колоний в Америке, и в числе подданных российского императора были алеуты и северо-американские индейцы. Конкретная история Русской Америки долгое время оставалась малоизвестной неспециалистам, хотя о том, что «мы продали Аляску американцам», наслышаны все. В доперестроевые годы тема продажи Аляски считалась «неудобной» с политической точки зрения. Исследования в этой области и публикации документальных материалов, мягко говоря, не поощрялись, что давало простор для разного рода домыслов и спекуляций. Очень распространенным среди широкой публики являлось мнение о том, что Аляска была в 1867 г. не продана, а лишь сдана в аренду сроком то ли на 99 лет, то ли до 2000 г., а вот «коварные янки» почему-то ее не возвращают.

Трехтомник «История Русской Америки», отвечающий самым высоким требованиям науки, содержит серьезный, взвешенный и детальный ответ тем публицистам и политикам, которые своими безответственными, но совсем не безобидными высказываниями способны лишь осложнить и без того непростые отношения между нашей страной и США. Чего стоит, например, восклицание В.В. Жириновского на страницах газеты «Известия»: «...И Аляску пусть вернут»¹.

Рецензируемый трехтомник – закономерный итог огромной работы отечественных исследователей. Следует сказать, что история русских колоний в Северной Америке имеет уже большую отечественную² и зарубежную³ историографию. И вот теперь наш читатель получил настоящую энциклопедию по истории Русской Америки за весь период ее существования. Этот труд вышел под общей редакцией академика РАН Н.Н. Болховитинова – известного американиста, зчинателя систематического изучения истории русско-американских отношений в нашей стране. Ему удалось собрать авторский коллектив, состоящий из лучших российских и зарубежных специалистов по истории Русской Америки, опиравшийся в своей работе на всю совокупность опубликованных и архивных источников, имеющуюся на сегодняшний день литературу.

Книга начинается с предыстории открытия русскими первохододами североамериканского континента со стороны Азии. Б.П. Полевой интересно рассказывает о том, как в XVII в. отважные казаки вышли к Амуру, как был открыт Сахалин и как в 1648 г. Семен Дежнев прошел через пролив, разделяющий два материка. Историк уточняет некоторые детали в вопросах, казалось бы, уже хорошо изученных. Так, например, он придерживается того мнения, что по проливу прошли 6 кочей (судов), а не 3–4, как традиционно считалось (т. 1, с. 30). Полевой решительно выступает против необоснованных, по его мнению, попыток ряда авторов⁴, стремящихся «передвинуть» важный факт достижения русскими людьми северо-западного побережья Америки из XVIII столетия в предыдущее.

Особо подчеркивается роль Петра I как организатора плаваний Витуса Беринга, побывавшего в проливе, названном позднее его именем, а в 1741 г. в рамках Второй Камчатской экспедиции совместно с А.И. Чириковым достигшего берегов Нового Света. Об этом говорится в главе, написанной Болховитиновым, который отмечает, что «мир еще не знал такой грандиозной экспедиции» (т. 1, с. 62). В задачу различных ее отрядов входило исследование Сибири, Чукотки и Камчатки, плавание вдоль Курильских островов. При этом преследовались не только научные, но и важные практические цели: Берингу поручалось, в частности, искать новые земли и устанавливать над ними суверенитет России. Болховитинов приходит к выводу, что конечной целью экспедиции являлось достижение американского побережья.

На следующем этапе ведущую роль в дальнейших открытиях и освоении Северо-Запада Америки играли промышленные люди и купцы, по своей воле совершившие в 40–80-е гг. XVIII в. экспедицию за экспедицией вдоль длинной гряды Алеутских островов. До недавнего времени в литературе четко просматривалось стремление подчеркнуть идеальные побуждения отважных первооткрывателей (жажда познания и новых открытий, страсть к дальним плаваниям). Авторы «Истории Русской Америки» А.В. Гринев и Р.В. Макарова, отдавая должное этим фактам, подчеркивают, однако, другую причину – экономическую, приводя понравившуюся им

мысль Болховитинова: «Без особого преувеличения можно сказать, что, подобно тому, как знаменитый "соболиный хвост" вел русских в бескрайние просторы Сибири и к берегам Тихого океана, мех морского бобра привел их к берегам Северо-Западной Америки»⁵. Добывая морского зверя, промышленники продвигались все дальше на восток, открывая новые острова. Охота на морского бобра (калан) требовала сноровки и профессиональных навыков. Русские первопроходцы сами не занимались этим промыслом, но пользовались услугами потомственных охотников – алеутов. Отношения с ними складывались по-разному: если мореходу А. Толстых хорошим обхождением и подарками удалось расположить к себе местных жителей и склонить их к уплате ясака, то действия В. Шошина во время плавания, состоявшегося тогда же, в 1760-е гг., превратились в одну из черных страниц истории освоения Алеутских островов. Несмотря на мольбы жителей острова Кыска о пощаде и обещании добывать для русских каланов, этот первооткрыватель принял решение поголовно истребить туземцев, мотивируя свое решение соображениями безопасности (т. 1, с. 84). Пример Шошина оказался далеко не единичным. Насилия промышленников привели к восстанию алеутов Лисьей гряды (1763–1764), в ходе которого не обошлось без крупных жертв среди русских.

Случаи жестокости в отношении аборигенов не были редкостью и в последующие годы. Этим печально прославились и знаменитый Г.И. Шелихов, которого называли «Колумбом Русским», и правитель колоний А.А. Баранов. Реальная история освоения Русской Америки, предстающая со страниц книги, не очень согласуется с романтизованными и приукрашенными описаниями этих событий в работах прошлых лет, когда значительная часть нашей историографии следовала тезису о том, что русская колонизация коренным образом отличалась от той, которую проводили западноевропейские державы, и что она носила особенно прогрессивный характер, так как среди русских переселенцев на Аляске преобладал будто бы «демократический элемент» – бежавшие от крепостной неволи крестьяне, ссыльные, торговые и служилые люди, а не купцы и миссионеры, как на Канадском Севере. Возражая одному из приверженцев подобной точки зрения, Болховитинов замечает, что «крестьяне в Русской Америке практически не числились, а вот "купцы и миссионеры" действительно были и в Русской Америке, и в Канаде» (т. 1, с. 10).

Читая «Историю Русской Америки», убеждаешься в том, что русская колонизация не отличалась принципиально, скажем, от английской или французской (авторы находят определенные черты сходства особенно с последней). И тут, и там насилие и эксплуатация сочетались с цивилизаторской миссией. Что же касается патриотизма старых и новых авторов, то он не должен вести к замалчиванию отрицательных сторон отечественной истории или стремлению объяснять многие беды засильем иностранцев. В истории Русской Америки, например, оставили свой след многие люди с именами иностранного происхождения – Л.А. Гагемейстер, Ф.П. Врангель, А.К. Этолин, И.В. Фуругельм, М.Ф. Клинковстрем и др. которые честно и ревностно исполняли свой долг, не за страх, а за совесть служили царю и Отечеству. Безусловно, прав Болховитинов, когда пишет об одном современном «патриоте», который «не перестает клеймить "каких-то полунемцев-полуфранцузов", забывая, что многие из них любили Россию во всяком случае не меньше, а может быть, и гораздо больше, чем наш новоявленный "патриот"» (т. 3, с. 493).

А.Ю. Петров и Л.М. Троицкая рассказывают об основании постоянных поселений на Северо-Западе Америки. Первые из них возникли в середине 1780-х гг. на островах Кадьяк и Афогнак. Их появление связано с именем рыльского купца Г.И. Шелихова, сыгравшего выдающуюся роль в создании российских колоний в Новом Свете. Авторы рисуют достоверный портрет этой очень не простой личности, отмечая такие черты Шелихова, как незаурядный ум, энергию, смелость, волю, предпримчивость, сочетающиеся с жестокостью, неразборчивостью в средствах, подозрительностью и беспощадностью в борьбе с конкурентами. Он добивался от российского правительства предоставления монополии на торгово-промышленную деятельность для своей компании. Этой цели, он, правда, не достиг, но учрежденная уже после его смерти акционерная Российско-американская компания, без которой трудно себе представить дальнейшую историю Русской Америки, явилась по существу детищем Шелихова.

Наряду с плаваниями купцов и промышленников, которых, по подсчетам авторов книги, в середине и второй половине XVIII в. состоялось около восьмидесяти⁶, проводились и специально организованные правительственные экспедиции. Их обстоятельно рассматривает А.А. Истомин. Эти экспедиции, пишет он, должны были обеспечивать колонизационный процесс в двух аспектах – информационном (получение точных географических сведений) и политическом (утверждение и защита российского суверенитета над открытыми землями). В августе 1785 г. указом Екатерины II было положено начало важной Северо-Восточной экспедиции. Руководителем ее назначили И.И. Биллингса, однако в истории она оказалась прочно связанной также и с

именем Г.А. Сарычева. «Вопрос о соотношении этих фигур достаточно непростой», – замечает А.А. Истомин (т. 1, с. 226). Он рассматривает вклад перешедшего на русскую службу англичанина Биллингса, участника кругосветного плавания под руководством знаменитого Джеймса Кука в исследовательскую работу Северо-Восточной экспедиции. Каждый из этих людей сыграл свою важную и достойную роль, однако в нашей историографии роль Биллингса порою намеренно приуменьшалась. Истомин, а также Т.С. Федорова, которой принадлежит интересный раздел об итогах правительственные экспедиций, дают взвешенную и сбалансированную оценку путешествия Биллингса – Сарычева. Следует отметить, что к 80-м гг. XVIII в. приходит конец монополии России на исследования, открытия, а в конечном счете и экспансии на тихоокеанском Севере. У нее появляются конкуренты, главным из них стали англичане. Именно с русско-английским соперничеством и были связаны политические цели экспедиции Биллингса – Сарычева. Противоречия России с Англией, отношения с другими странами во второй половине XVIII в. раскрываются в главе М.С. Альперовича и Болховитинова. Они пишут об испанских экспедициях в северную часть Тихого океана, о взаимных опасениях России и Испании за сохранность своих североамериканских владений, с одной стороны, и о надеждах на политическое и торговое сотрудничество между двумя странами – с другой. В конце 1790-х гг. в регионе обозначилось и присутствие Соединенных Штатов Америки, со временем сыгравших решающую роль в судьбах русских колоний в Новом Свете.

Второй том трехтомника называется «Деятельность Российско-американской компании». Тематически к нему примыкает завершающая глава из первого тома. Ее автор А.Ю. Петров прослеживает процесс образования компании в самом конце XVIII в. Он описывает борьбу наследников Шелихова за монополию в пушной торговле, в результате чего была создана Соединенная американская компания, ставшая непосредственной предшественницей учрежденной 8 июля 1799 г. Российской-американской компании (РАК). Одновременно Петров сообщает любопытные сведения о семействе Шелиховых, их родственных связях и т.д.

Продолжая начатую Петровым характеристику новой, созданной «под высочайшим покровительством» компании, А.В. Гринев пишет о том, что монополия отвешала стремлению царско-го правительства установить контроль над колонизационным процессом. Формально РАК являлась частной организацией, но фактически представляла собой своеобразное ответвление государственного аппарата⁷ (т. 2, с. 16). Вместе с тем, подчеркивается в книге, было бы неправильно полностью отождествлять интересы РАК с политикой правительства. Порою различие целей выходило за рамки скрытого конфликта и принимало форму открытых разногласий, хотя императорское правительство всегда жестко пресекало какие-либо протесты или даже проявление недовольства со стороны компании. На это обращает внимание Болховитинов при изложении вопроса о заключении конвенций 1824–1825 гг. с США и Англией о разграничении владений трех стран на Северо-Западе Америки (т. 2, с. 6, 420–429, 436–441).

В научной литературе до сих пор не давалось четкого разъяснения, в чем состояли особенности общественного строя Русской Америки. В трехтомнике же данному вопросу посвящен специальный раздел. Его автор Гринев замечает, что эти особенности в значительной степени вытекали из состава населения российских владений в Новом Свете, где собственно русские всегда составляли абсолютное меньшинство (даже в самые лучшие годы их число едва превышало 800 человек)⁸. Именно туземцы, которых в начале XIX в. было в 20 раз больше, а не выходцы из России являлись основной рабочей силой РАК (т. 2, с. 25). Гринев нарисовал также картину трудовых и общественных отношений в Русской Америке. Их специфика заключалась, например, в наличии в начале XIX в. так называемых каюров, представлявших собой самый низший слой зависимого аборигенного населения. По своему положению они напоминали рабов, владельцами которых выступали, правда, не отдельные хозяева, а коллективный собственник в лице РАК, и через нее – государство. К основной массе туземного населения, которых называли «вольные алеуты», компания применяла в то время систему принудительного долгового найма. Еще одной особенностью являлось то, что простые русские промышленники были, с одной стороны, объектом эксплуатации со стороны РАК, а с другой – сами участвовали в эксплуатации зависимых туземцев (т. 2, с. 27, 28, 34).

Во всем его многообразии представляет Гринев читателю период, названный в книге по имени правителя колоний «эрой Баранова» (1790–1818). Здесь есть и характеристика этого неординарного человека, не щадившего ни себя, ни других для пользы дела и жившего по принципу «Народ для империи, а не империя для народа» (т. 2, с. 48). Есть здесь и интересный рассказ об основании и первых годах существования столицы колоний Ново-Архангельска, а также о столкновениях с индейцами тлинкитами, представлявшими немалую угрозу для русских поселенцев.

О первом кругосветном путешествии россиян, участники которого побывали и в Русской Америке, пишет Болховитинов. Всесторонне охарактеризовав это важнейшее политическое и научное событие, он не обошел вниманием и романтическую историю любви одного из руководителей экспедиции камергера Н.П. Резанова и юной Консепсион де Аргуэлло, породившую большую, в основном популярную и художественную литературу, а в наши дни ставшую широко известной благодаря произведению А. Вознесенского и А. Рыбникова – рок-опере «Юнона и Авось».

Судьбе колонии Росс в Калифорнии и совсем уже экзотической гавайской странице русской тихоокеанской эпопеи посвящены главы Истомина и Болховитинова во втором и третьем томах. Болховитинов показывает, как провалились авантюристическая попытка доктора Г.А. Шеффера распространить влияние России на Гавайские острова, предпринятая в 1815–1819 гг. по его собственной инициативе, и схожие проекты предпринимателя и дипломата П. Добелла на рубеже 1820-х гг., не получившие поддержки правительства Александра I. Причины этого исследователь связывает с общим политическим курсом петербургского двора на мировой арене после Венского конгресса 1815 г., когда в нем возобладал очень осторожный подход к открытой экспансии в надежде на аналогичное поведение основного стратегического партнера и конкурента России – Великобритании (т. 2, с. 292, 302).

Присутствие России в Калифорнии ограничилось крепостью и селением Росс (недалеко от современного Сан-Франциско). Однако этой крошечной территорией она владела в течение трех десятилетий (1812–1841). Значение самого названия русской колонии выяснено в науке еще не до конца, хотя объяснение лежит как будто на поверхности: Росс – производное от «России» или поэтический синоним слова «русский» (т. 2, с. 217). Этнолог по специальности, Истомин уделяет большое внимание индейскому фактору в истории Русской Америки. Он уточняет характер одного важного документа 1817 г., отражающего отношения русских с вождями соседних с Россией племен, называя его протоколом, а не договором, который тем не менее подтверждал «законность создания русской калифорнийской колонии, уступку земли под которую подтверждают независимые от испанцев индейские вожди» (т. 2, с. 222–223). Таким же законным образом Росс был продан в 1841 г. мексиканскому гражданину Дж.А. Суттеру за 30 тыс. долларов (т. 3, с. 228), предвосхитив этим судьбу всей Русской Америки.

Канадский ученый Дж.Р. Гибсон пишет о проблеме снабжения Русской Америки продовольствием. Неблагоприятные климатические условия не позволяли наладить самообеспечение колоний продуктами сельского хозяйства. Значительную часть продовольствия приходилось ввозить из России и Калифорнии, пользоваться услугами американских «корабельщиков» (иначе называемых «бостонцами») и британской Компании Гудзонова залива. Это мог быть мучительно трудный путь по маршруту Иркутск–Якутск–Охотск и далее морем до Ново-Архангельска или кругосветное путешествие из Кронштадта продолжительностью в несколько месяцев. Закупали продовольствие и у иностранцев. Приведенные в томе таблицы дают детальное представление о снабжении Русской Америки в 1801–1867 гг. (т. 3, с. 306–319)⁹.

Болховитинов подробно рассматривает историю принятия в 1821 г. новых «Правил и привилегий» РАК, привлекая при этом интересные архивные материалы, остававшиеся неизвестными другим исследователям. С этого времени в некотором смысле можно говорить о новом этапе в колонизационном процессе (т. 2, с. 329). Главными правителями колоний начиная с 1818 г. стали назначать морских офицеров. При них несколько уменьшился произвол РАК в отношении местного населения, смягчились, по крайней мере на бумаге, условия жизни аборигенов. Согласно «Правилам» 1821 г., на службу компании могла привлекаться только половина мужского населения в возрасте от 18 до 50 лет. Собственность жителей островов объявлялась неприкосновенной, а институт каютарства ликвидировался. В новых «Правилах» говорилось, что островитяне не только повинуются «общим государственным законом», но и «пользуются покровительством оных» (т. 2, с. 328).

4(16) сентября 1821 г. Александр I издал указ, устанавливавший южную границу русских владений в Америке по 51° северной широты. Он разрешал вести там торговлю и промыслы «единственно российским подданным» и запрещал иностранным судам приближаться к берегам и островам, подвластным России. На запрещении иностранцам, прежде всего американцам, вести торговлю в российских пределах, уже давно настаивало руководство РАК. «Мы долго-долго искали у нашего правительства об отвращении зла, наносимого нашим колониям мореплавателями Соединенных Штатов, кои, привозя к индейцам пушки, всякое оружие огнестрельное и холодное, также порох и свинец, променявшие ими на принадлежащую одним русским по торговле мягкую рухлясть,... научали еще индейцев и употреблению тех орудий, внушая им против русских гибельные предположения, отчего многие наши промышленники лишились жизни», – писали

директора Главного правления компании¹⁰. Русское правительство, не желая обострять отношения с другими странами, решило на практике смягчить действие запрещающих статей документа, не применяя их по всей строгости. Тем не менее правительство США выступило с протестом. Появление сентябрьского указа 1821 г. получило широкий международный резонанс, поскольку оказалось связанным со знаменитой доктриной Монро, провозглашавшей «принцип неколонизации» американских континентов европейскими державами.

Болховитинов прослеживает ход переговоров по вопросам, вытекавшим из указа 1821 г., которые велись в Петербурге представителями России, США и Великобритании. В книге отвергается получивший в свое время распространение в исторической литературе тезис о том, что русское правительство отступило перед лицом объединенных усилий США и Великобритании. Поначалу действительно наметилось единство действий этих двух стран, но вскоре противоречия между ними и особенно провозглашение президентом Дж. Монро своей доктрины сделали англо-американское сотрудничество трудно достижимым. Конференция обернулась в итоге сепаратными русско-американскими и русско-английскими переговорами, которые завершились заключением двух конвенций. Согласно договорам, подписанным Россией с США 5(17) апреля 1824 г. и Великобританией 16(28) февраля 1825 г., южная граница российских колоний была установлена по 54°40' с.ш. Американцам и англичанам предоставлялось право в течение 10 лет вести торговлю и заниматься рыбной ловлей и промыслами в пределах Русской Америки. В Вашингтоне не скрывали удовлетворения результатами переговоров с Россией, отмечает Болховитинов. Соединенные Штаты получили почти все, на что могли рассчитывать. Особенно устраивала американцев, разумеется, статья конвенции о свободе торговой и промысловый деятельности, но именно она вызывала решительные протесты в Петербурге в кругах, связанных с РАК. В одной записке, поданной в правительство, говорилось, что компания имеет причину опасаться, что «не только в десять лет, но гораздо в кратчайшее время иностранцы, при неисчислимых своих средствах и преимуществах, доведут ее до совершенного уничтожения» (т. 2, с. 426).

У российского правительства на этот счет была, однако, иная точка зрения, сводившаяся к тому, что не нужно обострять без необходимости отношения с Англией и США из-за Русской Америки, расположенной на краю света. Правительство к тому же подчеркивало выгодность конвенций 1824–1825 гг. для русских колоний в Америке, «ибо ныне в первый раз определяются их отношения к иностранным государствам», а Россия смогла «приобрести на сие место действительнейшее право владения» (т. 2, с. 440–441). Так не без оснований рассуждал управляющий Министерством иностранных дел К.В. Нессельроде, считавший возможным поступиться частью монопольных прав РАК ради правового закрепления границ Русской Америки. Заметим, что именно в границах, зафиксированных конвенциями 1824–1825 гг., территория Аляски продолжает оставаться и в наше время.

Третий том носит подзаголовок «От зенита к закату», лаконично раскрывающий суть происходивших тогда в Русской Америке социально-экономических и политических явлений. Высшей точкой в жизни русских колоний в Америке, временем их расцвета названы 1840-е гг. (автор соответствующей главы Гринев). В 1842 г. монопольные привилегии РАК были продлены еще на 20 лет, а в 1844 г. появился и новый устав компании. Главное его отличие от «Правил» 1821 г. состояло в том, что он предусматривал еще большее огосударствление компании и превращение РАК фактически в придаток административного аппарата империи по управлению американскими колониями (т. 3, с. 60). Согласно новому уставу, должность главы администрации отныне мог занимать лишь офицер в чине не ниже капитана 1-го ранга. Он приравнивался к гражданскому губернатору, хотя и ведал делами формально независимой торговой компании.

В 1840–1845 гг. главным правителем Русской Америки являлся А.К. Этолин – человек, прекрасно знавший жизнь колоний. Он впервые побывал в Ново-Архангельске еще в 1818 г., застав там легендарного Баанова. Дальнейшая служба Этолина была тесно связана с Русской Америкой. Став главным правителем, он «как бы вдохнул вторую жизнь в ее экономику», – говорится в книге (т. 3, с. 62). Довольно успешно продолжалась добыча пушного зверя, сопровождавшаяся, между прочим, и некоторыми природоохранными мероприятиями. Развернулось большое (разумеется, по масштабам Русской Америки) хозяйственное строительство: возводились лесопильный, кирпичный, мукомольный заводы. В Ново-Архангельске имелась собственная судостроительная верфь, которая при Этолине не только обслуживала нужды самих колоний, но и выполняла работу на заказ. Так, в 1842 г. был спущен на воду бот «Камчатка», выстроенный для Петропавловского порта. На элементарном уровне развивались здравоохранение, образование, культура. Проводились и различные исследовательские экспедиции во внутренние районы Аляски, из которых следует выделить экспедицию лейтенанта Л.А. Загоскина, продолжавшуюся более полутора лет (1842–1844).

Отдельные главы посвящены Русской церкви, которая своей просветительско-миссионерской активностью немало способствовала смягчению колонизационной практики. Профессор университета штата Аляска Лидия Блэк подробно рассказывает о становлении православия в Северной Америке. «Путь на Новый Валаам» – так назвала исследовательница свою главу в первом томе. Новым Валаамом был поименован скит на островке Еловом, где многие годы прожил член русской духовной миссии монах Герман. Он устроил там приют для алеутских сирот, сделав заботу о христианском воспитании и образовании алеутов главным делом своей жизни. Остроги-вия платили ему привязанностью и любовью. Память об «убогом Германе» (так называл себя сам монах) и в наши дни жива на Аляске. Он умер в 1836 г. (этот дату уточнила по метрическим книгам Л. Блэк), а в 1970 г. был канонизирован, став первым православным святым на американской земле.

В XIX в. православные миссионеры совмещали дело пастырского служения с общим просвещением местных жителей и даже научной деятельностью. Они обучали детей аборигенов, создавали письменность для туземцев, переводили религиозную литературу, писали труды по этнографии. На этой ниве особые заслуги стяжал И.Е. Попов-Вениаминов. Он прожил большую и славную жизнь. В трехтомнике о нем пишет архимандрит Августин (в миру Д. Никитин). Родившийся в конце XVIII в. иркутский священник отец Иоанн Вениаминов отправился в 1823 г. в далекие американские колонии, пробыл там почти 20 лет, а затем стал епископом Камчатским, Курильским и Алеутским с именем Иннокентий. Закончил он свой земной путь в 1879 г. высшим иерархом русской православной церкви – митрополитом Московским и Коломенским. Владыку Иннокентия прозвали «апостолом Аляски», просветителем Сибири и Америки. В 1977 г. он был причислен к лику святых¹¹.

Особым периодом в истории Русской Америки явились годы Крымской войны. Именно тогда впервые возник проект продажи ее Соединенным Штатам. В третьем томе рассказывается о том, что и правительство, и Главное управление РАК в Петербурге, а также колониальная администрация в Ново-Архангельске были озабочены обеспечением безопасности практически незащищенных российских владений в Новом Свете, которые могли стать легкой добычей неприятеля во время войны. Русская Америка была спасена от захвата англичанами путем соглашения о нейтралитете между руководством РАК и британской Компанией Гудзонова залива. Обе компании договорились о том, чтобы исключить из сферы военных действий подведомственные им территории, т.е. Русскую Америку и прилегающую к ней часть Канады. Совершенно очевидно, что договор этот был более выгоден России, нежели Англии. Есть серьезные основания считать, что английская сторона пошла на подобное соглашение из опасения, что Русская Америка перейдет в руки США. Дело в том, что в 1854 г. ходили слухи о намерении российских властей уступить на три года Аляску американцам, чтобы не допустить захвата ее англичанами. Был составлен даже проект фиктивного договора между Российско-американской и калифорнийской Американо-русской торговой (АРТК) компаниями. В эти годы расширяются деловые контакты с США на Тихоокеанском Севере. Согласно контракту от 1(13) июня 1854 г. РАК и АРТК получали исключительные привилегии добывать и вывозить из российских владений лед, каменный уголь, лесные изделия и рыбу в Сан-Франциско и другие города и места тихоокеанского побережья «для продажи или промена на общий и одинаковый риск и для общей и одинаковой пользы». Американская компания становилась главным поставщиком продовольствия и других товаров для жителей русских колоний.

Ко времени Крымской войны относится и первый серьезный зондаж американскими политическими деятелями возможности покупки Русской Америки. Это не входило тогда в планы царского правительства, и оно ответило отказом. К решению об уступке своих североамериканских владений в Петербурге пришли позже. О продаже Аляски говорится в последних главах тома. Ее автор Болховитинов отмечает, что официально идея продажи Русской Америки США берет начало в 1857 г. В письме министру иностранных дел А.М. Горчакову глава морского ведомства вел. кн. Константин Николаевич, ссылаясь на «стесненное положение государственных финансов» после Крымской войны, писал: «Продажа эта была бы весьма своевременна, ибо не следует себя обманывать и надобно предвидеть, что Соединенные Штаты, стремясь постоянно к округлению своих владений и желая господствовать нераздельно в Северной Америке, возьмут у нас помянутые колонии, и мы не будем в состоянии воротить их. Между тем эти колонии приносят нам весьма мало пользы, и потеря их не была бы слишком чувствительна» (т. 3, с. 380). Однако в МИД полагали, что спешить с решением этого вопроса не следует, да и инициатива в переговорах должна принадлежать США.

Между тем в Соединенных Штатах вскоре разразилась Гражданская война, и американскому правительству было явно не до Аляски. Решено было поэтому пока принять новый устав РАК,

причем сразу же началась острая дискуссия между сторонниками и противниками продления привилегий компании. В качестве первых выступали руководство РАК и лица, связанные с ним (самым видным из них являлся бывший главный правитель Русской Америки, известный мореплаватель барон Ф.П. Врангель). Их оппонентами были люди из морского ведомства во главе с генерал-адмиралом вел. кн. Константином. Сам факт подобной дискуссии, которая велась не только в правительственные кругах, но и на страницах печати, явился приметой нового времени, эпохи реформ, пишет Болховитинов (т. 3, с. 398–399). После долгих обсуждений решено было продлить привилегии еще на 20 лет. Казалось бы, РАК одержала победу, однако в ее деятельности обнаружилось много недостатков и даже злоупотреблений. Колонии были слабы и беззащитны. Население их в 1860 г. составило 10 144 человека – 595 русских, 1 896 креолов, 4 645 алеутов. На материке жило значительно большее число независимых индейцев, сопротивление которых власти РАК являлось серьезным препятствием успешной колонизации территории Русской Америки, что, в свою очередь, косвенно повлияло и на решение о ее продаже (т. 3, с. 411–412).

Решение это было принято в декабре 1866 г. Главное совещание по этому вопросу состоялось 16(28) декабря и проходило, как выяснил Болховитинов, не в Зимнем дворце, как считают иностранные специалисты, а в здании МИД. В этом «особом заседании» под председательством Александра II принимали участие вел. кн. Константин, А.М. Горчаков, министр финансов М.Х. Рейтерн, управляющий Морским министерством вице-адмирал Н.К. Краббе и посланник в Вашингтоне Э.А. Стекль. Все присутствующие высказались в пользу продажи Аляски. Единственное мнение «против» было высказано в особой записке сотрудника Азиатского департамента МИД Ф.Р. Остен-Сакена. Эта записка, однако, как доказал Болховитинов, была представлена уже после заседания, и на нем, естественно, не рассматривалась.

Причин продажи Аляски было несколько. Начать с того, что к 1860-м гг. возобладала давняя идея о континентальном, а не морском будущем России. Восточной границей империи стало азиатское побережье Тихого океана, представлявшееся естественным природным рубежом государства. Незадолго перед тем к России были присоединены Приамурье и Приморье, на освоении которых и сосредоточилось правительство. Не упускалась из виду и экспансия США в северо-тихоокеанском регионе, хотя в то время она носила скорее потенциальный, чем реальный характер. Однако в исторической перспективе явно просматривалась неизбежность утраты далеких российских колоний в Северной Америке. Целесообразнее было поэтому самим уступить их на приемлемых условиях во имя сохранения хороших отношений с США перед лицом стратегического соперника обеих стран – Англии. К тому же организовать эффективную защиту далеких владений в Новом Свете практически не представлялось возможным, а опасность между тем исходила даже от индейцев тлинкитов, которые в 1855 г., например, совершили нападение на Ново-Архангельск. Нельзя было сбрасывать со счетов и трудности со снабжением колоний продовольствием. Для казны в то время представляли определенный интерес и те 7 млн 200 тыс. долларов золотом, за которые была продана Аляска¹².

Важно отметить и причины более общего порядка, закрывающие перед Русской Америкой будущее: отсталость тогдашней России мешала внедрению прогрессивных методов освоения такого сурогового края как Аляска. Болховитинов показывает полную безосновательность утверждений о том, что договор 18(30) марта 1867 г. будто бы представлял собою «позорное решение», «воровскую сделку», ставшую возможной благодаря подкупу американцами царских чиновников. Ученый доказал, что взятки и вправду имели место, но не в Петербурге, а в Вашингтоне: нужно было обеспечить быстрое прохождение договора через конгресс. Из 7 млн 200 тыс. долларов 165 тыс. ушло на «вознаграждение» посланником Стеклем законодателей и других должностных лиц в США (т. 3, с. 484–485). Болховитинов подчеркивает также, что как историк он «занимался именно тем, как этот вопрос (о продаже Аляски. – В.П.) рассматривался в 1850–1860-х гг., а не тем, что было бы, если бы Аляска не была продана, или как эта проблема могла бы рассматриваться с позиций сегодняшнего дня» (т. 3, с. 490). Факт продажи Русской Америки следует принимать как данность. Россия стала первой европейской державой, отказавшейся от своих заморских колоний, говорится в книге (т. 3, с. 5). В наши дни нужно стремиться пунктуально соблюдать договор 1867 г., оформивший морскую границу между двумя державами, остающуюся неизменной вплоть до настоящего времени.

В заключение отметим несколько мелких неточностей, вкраившихся в текст трехтомника, никак не умаляющих значения этого фундаментального труда. В подписи к рис. 38 (т. 1) сказано, что это «виды острова Кадьяк», тогда как на нем изображен остров Каяк, что и следует из надписи Г.А. Сарычева, сделанной на самом рисунке. В 1816 г. Дж. Монро не являлся еще президентом США, а был государственным секретарем (т. 2, с. 310). В ряде мест (т. 2, с. 353; 415; т. 3,

с. 165, 341, 350) Нессельроде называется министром иностранных дел. Фактически он и являлся им, но формально в течение многих лет числясь лишь управляющим МИД. В 1862 г. Ф.И. Бруннов имел ранг не посланника, а посла в Лондоне (т. 3, с. 187). Архимандрит Августин, а также Дж. Гибсон указывают традиционно принятую дату кончины Германа Аляскинского – 1837 г. (т. 3, с. 119, 264), тогда как Л. Блэк установила, что тот умер годом раньше. Гринев пишет, что в фиктивном договоре 1854 г. между РАК и калифорнийской компанией значилось, что Русская Америка будет временно уступлена за 7 млн 200 тыс. долларов (т. 3, с. 183) вместо 7 млн 600 тыс.¹³ Церемония передачи проданной в 1867 г. Аляски состоялась не 18 декабря, как сообщает тот же автор (т. 3, с. 190), а 6(18) октября. Целый ряд языковых погрешностей присутствует в главе первого тома об образовании РАК, написанной Петровым.

Обширная и детальная библиография выглядит как бы разорванной на две части. Она помещена в первом и третьем томах. Думается, что лучше было бы разместить ее в одном месте. Не плохо было бы иметь перечень всех главных правителей Русской Америки, директоров Главного управления РАК, комендантов крепости Росс. Все это повысило бы ценность справочной части трехтомника. В нем имеется и детальный очерк об архивных источниках по истории Русской Америки, который, правда, лучше было бы поместить в начале или в конце трехтомника, а не в конце первого тома. Вызывает и некоторое недоумение отсутствие подобного очерка по историографии. Впрочем, книга и без того насыщена историографическими моментами. Авторы корректируют многие устоявшиеся оценки и вносят поправки в трактовку ряда общих и частных вопросов, содержащуюся в работах их отечественных и зарубежных предшественников, демонстрируя тем самым глубокое уважение к тем, кого занимала история Русской Америки.

**В.Н. Пономарев, кандидат исторических наук
(Институт российской истории РАН)**

Примечания

¹ Известия. 1997, 10 декабря.

² В русской дореволюционной литературе самым значительным трудом по этой проблеме является двухтомник П.А. Тихменева «Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени» (ч. I–II. СПб., 1861. 1863). Из более поздних работ следует выделить: О кунь С.Б. Российско-американская компания. М.; Л., 1939; Ф е д о р о в а С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века – 1867 г. М., 1971; А л е к с е е в А.И. Судьба Русской Америки. Магадан, 1975; Б а т у е в а Т.М. Экспансия США на севере Тихого океана в середине XIX в. и покупка Аляски. Томск, 1976; Г р и н е в А.В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741–1867 гг.). Новосибирск, 1991; П е т р о в А.Ю. Образование Российско-американской компании. М., 2000. Основной работой Н.Н. Болховитинова по теме является монография «Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867» (М., 1990). См. также: B о l k h o v i t i n o v N.N. The Crimean War and the Emergence of Proposals for the Sale of Russian America, 1853–1861 // Pacific Historical Review. 1990. Vol. 59. № 1. Большая подборка статей наших и зарубежных авторов помещена в юбилейном сборнике «Русское открытие Америки», вышедшем в 2002 г. к 70-летию академика Н.Н. Болховитинова.

³ Назовем лишь некоторые из зарубежных работ на эту тему: M i l l e r D.H. The Alaska Treaty. Kingston, 1981; N e u h e r z R.E. The Purchase of Russian America: Reasons and Reactions. Ann Arbor (Mich.), 1984; Russia's American Colony. Durham, 1987; Pier c e R.A. Russian America: A Biographical Dictionary. Fairbanks. Kingston, 1990. См. также: Б о л х о в и т и н о в Н.Н. Зарубежные исследования о Русской Америке // США: экономика, политика, идеология. 1985. № 4.

⁴ Одним из энтузиастов версии о существовании на Аляске в XVII в. русского поселения является Л.М. Свердлов. См., например, его очерк «Русское поселение XVII века на далекой реке Хеуверен (к вопросу о первооткрытии Аляски)», помещенный в брошюре «Три страницы из истории Русской Америки» (М., 1999).

⁵ Б о л х о в и т и н о в Н.Н. Россия открывает Америку. 1732–1799. М., 1991. С. 175.

⁶ Сведения об этих плаваниях сведены в специальную таблицу. За основу ее взяты данные из книги Р.В. Макаровой «Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в.» (М., 1968), долгое время считавшиеся в высшей степени достоверными. Авторы трехтомника провели дополнительные исследования и пришли к заключению, что состоявшимися следует считать несколько меньшее количество экспедиций, чем указано Р.В. Макаровой.

⁷ Иной точки зрения придерживается А.Ю. Петров в своей книге об образовании РАК. По его мнению, появление монопольной компании явилось следствием прежде всего действий самих предпринимателей. «Тогда "музыку" государственной политики на Дальнем Востоке и в северной части Тихого океана зака-

зывали купцы Российской империи», пишет он (Петров А.Ю. Указ. соч. С. 132). В главе Петрова в трехтомнике эта точка зрения, впрочем, сильно приглушена.

⁸ См.: Федорова С.Г. Указ. соч. С. 250–251.

⁹ Добрых слов заслуживает работа Л.М. Троицкой, которая перевела на русский язык две объемистые главы Дж.Р. Гибсона.

¹⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия вторая. 1815–1830 гг. Т. XII. М., 1980. С. 340.

¹¹ См.: Курляндский И.А. Иннокентий (Вениаминов) – митрополит Московский и Коломенский. М., 2002.

¹² Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски (конец XVIII в. – 1867 г.) // История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877. М., 1994. С. 361.

¹³ Текст фиктивного договора см.: АВП РИ, ф. Посольство в Вашингтоне, оп. 512/3, 1854, д. 57, л. 346–350 об.; ф. РАК, оп. 888, д. 392, л. 46–49 об.

Критика и библиография

ИСТОРИЯ РОССИИ. ЛЮДИ. НРАВЫ. СОБЫТИЯ: ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ.
В 3 кн. М.: Гамма Пресс 2000, 2001. Тир. 1000. Кн. 1. С древнейших времен до Смуты. 509 с.; Кн. 2. От первых Романовых до Александра III. 444 с.; Кн. 3. Конец девятнадцатого – двадцатый век. 671 с.

Рецензируемое издание, над которым работал большой авторский коллектив историков и экономистов (И.В. Лебедев, С.Н. Бледный, Н.В. Макарова, И.А. Верба, Н.Ф. Коновалов, А.В. Македонский, И.Л. Андреев, Т.Я. Папенкова, В.К. Ильчишин, З.К. Океанов, М.В. Донской, М.В. Тужиков) представляет собой новый тип учебного пособия. Его читатель получает возможность посмотреть на наше прошлое глазами известных ученых-историков, выдающихся современников событий, крупных деятелей литературы и искусства и, опираясь на их авторитетные и заслуживающие доверия мнения, составить собственное представление о том, что происходило в России за последние две тысячи лет. Авторские комментарии достаточно скучны и даны во вступительных и заключительных разделах каждой главы.

Читатель знакомится здесь с отрывками из трудов Геродота, «Слова о полку Игореве», «Повести временных лет», различных летописных сводов и многочисленных литературных произведений, созданных в средневековой Руси. Постепенно круг источников расширяется, включая законодательные акты, переписку государственных деятелей, мемуары и т.д. Широко представлены в трехтомнике работы историков Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле, М.Н. Покровского, М.Н. Тихомирова, Б.А. Рыбакова, а также многих более молодых представителей отечественной исторической науки XX в. Рядом с ними можно найти отрывки из книг по русской истории, написанных такими видными западными авторами, как Э. Карр, Р. Пайпс, Д. Боффа и др.

Особо следует сказать о подборе отрывков из художественных произведений, позволяющих студентам не только лучше представить себе важнейшие исторические события и их героев, но и развить свой художественный вкус, сделать мышление более образным и объемным. В трехтомнике представлены все крупнейшие русские писатели и поэты XVIII–XX вв. от Г.Р. Державина до А.И. Солженицына, причем эта своеобразная историко-литературная антология составлена очень профессионально и работает на воспитание у студентов патриотизма, гражданственности и национальной гордости.

Первая книга посвящена событиям с древнейших времен до начала XVII в. Авторы делят этот большой период на пять этапов: 1) Начало Руси.

Расцвет Киевской Руси. Новгородская Русь; 2) Самостоятельные феодальные княжества на Руси; 3) Нашествие Золотой Орды на Русь. Куликовская победа; 4) Возышение Москвы. Государь вся Руси Иван III. Правление царя Ивана Грозного; 5) Россия в начале XVII в. Смутное время.

Вторая книга охватывает период от правления первых Романовых до Александра III. При этом авторы справедливо останавливаются лишь на переломных точках в истории XVII–XIX вв. В итоге главными темами второй книги стали эпоха Петра I, «просвещенный абсолютизм» Екатерины II, Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии, движение декабристов и великие реформы 1860–1870-х гг.

Большое впечатление оставляют исторические портреты Петра I и Екатерины II, запоминается материал об Отечественной войне 1812 г. (здесь особенно интересны оценки зарубежных историков и очевидцев событий из числа иностранцев). Последний раздел книги посвящен реформам Александра II. Главное место, естественно, отведено при этом крестьянской реформе, но не забыты земская, судебная и военная реформы, а также реформы в области образования и финансов. При этом подчеркивается, что император Александр II смог переступить через вековые российские традиции и предубеждения, позволив России совершить качественный прорыв в сфере социально-экономических отношений.

Третья книга учебного пособия рассказывает о событиях конца XIX–XX в. В ней семь разделов: 1) Развитие капитализма в России. Россия на пути буржуазного прогресса. Октябрьский переворот; 2) Гражданская война и иностранная военная интервенция. «Военный коммунизм»; 3) Годы нэпа. Создание основ экономики. Формирование тоталитарного режима в стране; 4) Вторая мировая война. Решающая роль СССР в разгроме гитлеровской Германии; 5) Послевоенное восстановление народного хозяйства и укрепление тоталитарного режима. Развенчание культа личности Сталина. Реформаторская деятельность Н.С. Хрущева; 6) Эпоха «развитого социализма», или годы застоя. Перестройка по М.С. Горбачеву; 7) Распад СССР. Курс на обновление страны. Россия на путях реформ: обретения, трудности, потери.

Здесь можно найти выдержки из программ различных политических партий России, отрывки из работ В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, А.Ф. Керенского, И.В. Сталина и других государственных и общественных деятелей XX в. Очень полезны студентам будут отрывки из мемуаров Г.К. Жукова и У. Черчилля. Часть раздела, где говорится о культе личности Сталина, составлена с подбором альтернативных точек зрения Троцкого, Л. Фейхтвангера, Л.М. Кагановича, что способствует более объективной оценке этого партийного и государственного лидера.

Раздел о послевоенном восстановлении народного хозяйства и деятельности Н.С. Хрущева, на мой взгляд, перегружен мелкими подробностями, хотя без них, по-видимому, обойтись было трудно, так как иначе не был бы понятен смысл исторического поворота нашей страны к демократизации. В мемуарную часть включены воспоминания Л.И. Брежнева об освоении целинных земель, И.Г. Эренбурга о XX съезде КПСС, Ю.М. Лужкова о послевоенной Москве, М.И. Ромма о встречах с Н.С. Хрущевым. Воспоминания дополняются стихами поэтов-шестидесятников.

Последний раздел третьей книги рассказывает о распаде СССР и реформах в новой, демократической России. Авторы обратились к оценкам известных историков В.П. Дмитриенко, В.В. Журавлева, Дж. Хоскинга, а также к свидетельствам непосредственных участников событий – Б.Н. Ельцина, Е.Т. Гайдара, Г.А. Явлинского, А.В. Руцкого и др. При этом подчеркивается, что процесс обновления России еще не закончен и должен быть продолжен.

Необходимо отметить, что в каждом разделе всех трех книг имеются отрывки из ранее изданных учебников. Цитаты из них дают возможность читателю получить представление о том, как изучали ис-

торию много лет назад, какие факты замалчивали, а какие, наоборот, «выпичивали», что такое догматизм и новаторство в истории. Такой ретроспективный показ учебной литературы тоже является хорошей новацией.

К недостаткам издания можно отнести отсутствие единой структуры глав. Например, во втором разделе первой книги совершенно нет комментариев и кратких биографий историков, изучавших период феодализма на Руси. В разделе 5 этой книги отсутствует заключение, а растянутое вступление больше напоминает научную полемическую статью. В разделе 2 второй книги нет ни вступления, ни заключения. Некоторые отрывки из источников перегружены мелкими подробностями и нуждались бы в сокращении (имеются в виду сюжеты, связанные с личной жизнью декабристов, борьбой Хрущева со своими политическими противниками и др.).

Подбор цитируемой учебной литературы по отечественной истории также не всегда удачен. Взятые оттуда отрывки не всегда четко и ясно характеризуют главные тенденции в преподавании истории в тот или иной период. В разделе 4 третьей книги, к сожалению, вообще отсутствует материал из школьных учебников, и поэтому невозможно составить представление о том, как изучалась история Великой Отечественной войны 20 или 30 лет назад.

В целом же можно считать рецензируемый трехтомник удачным. Он уже получил положительные отзывы коллег-историков, учащихся школ, студентов. Сейчас к выпуску готовится второе издание этого учебного пособия, которое будет хорошим подспорьем в вузовском и школьном учебном процессе.

**А.И. Уткин, доктор исторических наук
(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова)**

А.И. ПОПОВ. ВЕЛИКАЯ АРМИЯ В РОССИИ. Погоня за миражем. Самара: Изд-во «НТЦ», 2002. 440 с. Тир. 500

Имя кандидата исторических наук, доцента Самарского госпединиверситета Андрея Ивановича Попова – автора многих блестящих книг и статей об Отечественной войне 1812 г. – хорошо известно специалистам. Его новая книга, подводя своеобразный итог многолетней работы, предлагает своего рода взгляд «с той стороны», из рядов Великой армии Наполеона на то, что же происходило в 1812 г. в России. Автор изначально поставил перед собой весьма амбициозную цель – попытаться дать ответ на вопрос о причинах неудачи наполеоновского похода в Россию. Этую проблему, как он полагает, в значительной степени можно раскрыть, исследуя вопрос о тылах и коммуникациях Великой армии. Попов небе-

зосновательно отмечает, что отечественные историки, особенно в советское время, делали основной акцент на народном характере войны, подчеркивая роль партизанского движения и полагая, что именно оно и отразило ее отечественный характер. При этом зачинателем партизанской войны, как указывает Попов, «был совершенно бездоказательно объявлен сам народ, то есть бесправное крестьянство, а инициирующая роль в этом процессе царя, дворянства и Церкви попросту замалчивалась» (с. 5). Вторым из актуальных вопросов, раскрытых в работе Попова, можно считать роль «скифской тактики» в поражении неприятеля. Наконец, третья проблема, поднятая в книге и имеющая исключительное нравствен-

ное значение, – это судьба русских военнопленных. Здесь следует напомнить, что благодаря работам последних лет, в особенности публикациям калужского исследователя В.А. Бессонова, вопрос о численности и судьбе военнопленных Великой армии в России уже нашел достаточное освещение, чего не скажешь о русских военнопленных, участь которых оказалась поистине страшной.

Объем и характер источников рецензируемого исследования впечатляют. Главный акцент сделан на опубликованных за рубежом и отложившихся в отечественных архивохранилищах материалах Великой армии. Речь идет о многочисленных документальных изданиях Л.Ж. Маргерона, Ж.Г. Фабри, А.Шюке, переписке французского губернатора Смоленска Ж. Барбанегра, прокламациях наполеоновских властей к местному населению, находящихся в отечественных архивохранилищах, и других документах. Широкое обращение к источникам, ранее почти не востребованным исследователями, дало право Попову чрезвычайно критически оценить состояние историографии проблемы.

Автор посчитал нужным развести два важных понятия – партизанскую войну, организованную командующими русскими армиями и представляющую собой действия армейских групп, и кордоны, за которые отвечала местная администрация, используя сельских и городских обывателей, ополченцев, а также отставных офицеров и чиновников. Уточнение этих и других понятий и дефиниций, недреко подменявших друг друга во многих работах о войне 1812 г., позволило Попову провести убедительную систематизацию всех доступных на сегодняшний день сведений о воздействии самых разнообразных факторов на тылы и коммуникации Великой армии. Эти данные сведены в своеобразную хронику событий во всех затронутых войной губерниях, помещенную на 67 страницах в виде приложения.

Какими же оказались результаты столь редкого в нашей историографии исследования? По мнению автора, из России не вернулись 400 тыс. военнослужащих Великой армии, первоначальная численность которой составляла 560 тыс. человек, включая 15 тыс. литовцев, присоединившихся к Наполеону. Верный своему принципу видеть не только результат, но и цену этого результата, автор сравнивает потери Наполеона с потерями России, которая потеряла примерно 250 тыс. военнослужащих и гражданских лиц. Как можно понять из текста, такой результат Попов расценивает как достаточно позитивный, напоминая при этом, что перед началом войны Наполеон располагал фактически двукратным превосходством в силах. Пытаясь понять причины такого исхода войны, автор выделяет комплекс факторов. Первым из них он называет «скифскую тактику», инициатором применения которой был, по мнению Попова, М.Б. Барклай де Толли. Правда, несмотря на, казалось бы, вполне опреде-

ленный вывод А.Г. Тартаковского (Неразгаданный Барклай. М., 1996), это заключение все же нуждается, на мой взгляд, в уточнении, в целом же тезис Попова выглядит достаточно убедительно.

При этом с русскими губерниями наше командование обошлось в этом плане более сурово, чем с польскими, где такая тактика встретила противодействие местного населения (с. 313). Верно и то, что «истребительная тактика» вызвала массовую гибель русских военнопленных, «заведомо обреченных на голодную смерть», и неисчислимые страдания местного населения.

В том же плане действовал и такой фактор, как обширность территории России, относительная бедность местного населения и печальное состояние дорог. Основываясь на данных французского военно-архивиста Фабри, опубликованных в начале XX в., и вслед за некоторыми англоязычными авторами Попов утверждает, что почти все корпуса Великой армии лишились 50% личного состава еще до Смоленска, причем только незначительную часть этих потерь можно отнести к заслугам русской армии и очень слабому сопротивлению местных жителей.

Третьим по важности фактором, приведшим к разгрому Великой армии, Попов считает действия регулярной русской армии. Именно она нанесла противнику самые большие боевые потери. При этом партизанская война была только одним из способов действий армейских сил. В то же время народная война носила несравненно более ограниченный – и географически, и хронологически – характер. Скрупулезный подсчет результатов деятельности всех кордонов, вступавших в стычки главным образом с фуражирами в Смоленской, Калужской и прочих губерниях, дал цифру в 10–12 тыс. безвозвратных потерь Великой армии (с. 315–316). «Не было ни единодушного выступления всего народа против завоевателя, – делает вывод Попов, – ни единения сословий» (с. 316). В отличие от борьбы крестьян, партизанские действия армейских отрядов сыграли более важную роль, хотя точную цифру нанесенного ими неприятелю урона автор не называет.

С самого начала войны на солдат армии Наполеона постоянно воздействовал голод. Его причинами были как допущенные французским императором еще на этапе подготовки русской кампании ошибки, так и «скифская» война русских. Последняя имела своим логическим завершением и пожар Москвы. Опираясь на многочисленные свидетельства чинов Великой армии, Попов солидаризировался с теми из отечественных авторов (в частности, с В.М. Холодковским, А.Г. Тартаковским и Н.А. Троицким), которые возлагали главную ответственность за пожар на главнокомандующего Москвы Ф.В. Ростопчина и командование русской армии (с. 178–183). Пожар Москвы, помимо морального ущерба, нанес французам мощнейший психологический удар, показав иллюзорность надежд чинов Великой армии на скорое заключение мира.

Не последнюю роль в поражении нашествия «двенадцати языков» сыграли ошибки, допущенные Наполеоном (недооценка противника, длительные задержки в Вильно, Витебске, Смоленске и особенно в Москве), а на последнем этапе войны – «генерал Мороз». Наконец, не забыл автор и о твердой решимости императора Александра I не заключать мира с Наполеоном.

Столь обширный перечень факторов гибели Великой армии в России, на которых останавливается автор, отнюдь не делает рецензируемую работу мозаичной. Скорее наоборот. При этом выводы предлагаемой работы весьма убедительно коррелируют с результатами отечественных исследований, проведенных в последние полтора десятилетия Н.А. Троицким, В.М. Безотосным, О.В. Соколовым, В.А. Бессоновым, А.А. Васильевым и другими, и вряд ли сегодня могут встретить обоснованные возражения.

Как всякое серьезное исследование, монография А.И. Попова выявила множество аспектов истории войны 1812 г., явно требующих дальнейшего изучения. Среди них углубленное исследование роли в войне различных сословий и социальных групп, судьбы русских пленных и др. В ближайшее десятилетие на первый план будут выходить проблемы историко-психологического характера, концентрирующие внимание на феноменах «человека с ружьем», «человека на войне». Это позволит глубже проникнуть во внутренний мир солдат и офицеров Великой армии, увидеть, как в ходе русской кампании проис-

ходили перемены в их мировидении, как эволюционировал дух армии «двенадцати языков». По-видимому, значительно активизируется также стремление исследователей проникнуть в загадки исторической памяти о великом национальном событии – Отечественной войне 1812 г.

Впрочем, мои размышления о перспективах изучения войны 1812 г. вряд ли следует относить к разряду критических замечаний по поводу рецензируемой книги. Очевидными недостатками работы Попова являются только два момента. Во-первых, автор взял на себя инициативу «исправления» неверного, по его мнению, транскрибирования в русскоязычной литературе целого ряда французских и немецких имен участников войны. Так, вместо Иоахима Мюнзера появился Джоашен Мюр, Евгений Богарне превратился в Эжене Баэрнэ и т.д. В этой связи должен заметить, что существует уже давно устоявшаяся традиция называть французских королей Луи Людовиками, а Вильяма Завоевателя – Вильгельмом. Это некие правила, от которых вряд ли стоит отходить, дабы не вносить путаницу в и без того растерянные умы отечественных читателей. Второе замечание относится к отсутствию в работе картографического материала. Не только случайному читателю, но и специалисту иногда бывает трудно ориентироваться в событиях, о которых повествует автор.

**В.Н. Земцов, кандидат исторических наук
(Уральский государственный
педагогический университет)**

О.И. КИЯНСКАЯ. ПАВЕЛ ПЕСТЕЛЬ. ОФИЦЕР. РАЗВЕДЧИК. ЗАГОВОРЩИК. М.: Параллели, 2002. 512 с. Тир. 1000

Нельзя сказать, чтобы Павел Иванович Пестель, лидер Южного общества декабристов, был обделен вниманием историков. О нем писали В.И. Семевский, Н.П. Павлов-Сильванский, С.Н. Чернов, Н.М. Дружинин, Б.Е. Сыроечковский, Н.М. Лебедев и др., но при этом в отечественной историографии до сих пор не было обстоятельной монографии, где комплексно рассматривалась бы жизнь и различные аспекты деятельности этого незаурядного во многих отношениях человека.

Как пишет О.И. Киянская, «на представлениях Герцена и Ленина была основана и советская историографическая концепция биографии Пестеля. Согласно этой концепции, Пестель с самого начала жизни разошелся со своей средой, с юности был вольнодумцем, мечтал об освобождении крепостных крестьян и ненавидел самодержавную власть. И власть платила ему тем же – преследовала, мешала служебному росту, в конце концов арестовала и казнила» (с. 10). Такова была официальная схема,

связывавшая наших историков. И когда в 1925 г. С.Н. Чернов написал большую (5 п.л.) работу о Пестеле, где попытался взглянуть на него в контексте той среды, к которой декабрист принадлежал с рождения, то выводы оказались такими, что о публикации этого исследования в Советской России не могло быть и речи. В итоге в советский период появлялись порой превосходные работы, посвященные отдельным сюжетам, связанным с деятельностью и идеологией Пестеля, но путь к широким обобщениям был закрыт.

Я не рискнул бы назвать книгу Киянской обобщающим трудом, так как, с одной стороны, многие намеченные в предшествующей литературе проблемы не получили в ней дальнейшего развития, а с другой – в монографии поставлено множество совершенно новых вопросов, требующих дополнительного изучения. Трудно поверить, но книга Киянской о Пестеле, о котором, казалось бы, давно все известно, написана на совершенно новой источниковой ба-

зе. Киянская исследовала те фонды Военно-исторического архива, в которые никогда не заглядывали декабристоведы, заведомо уверенные в том, что документов, связанных с движением декабристов, там быть не может. Между тем там хранятся дела, касающиеся финансового обеспечения 2-й армии, в которой Пестель служил сначала адъютантом ее командующего П.Х. Витгенштейна, а затем командиром Вятского полка. Нет необходимости останавливаться на том, какое отношение все это имеет к Пестелю. Отмечу лишь, что финансовые злоупотребления, в которых он был замешан, напрямую связываются автором с его революционной деятельностью. Киянская поставила очень простой вопрос, который до нее никому не приходил в голову: если Пестель всерьез думал о революции, то на какие средства он собирался ее осуществить? Ответ содержится в тех документах, которые Киянская впервые вводит в научный оборот.

Многие известные ранее эпизоды служебной и заговорческой деятельности Пестеля тоже получают у Киянской новую интерпретацию. Детальный анализ материалов, связанных с учебой Пестеля в Пажеском корпусе, позволил развеять историографическую легенду, запущенную в свое время в оборот Н. Нарбутом, о вольномыслии юного пажа, явившемся якобы причиной отрицательного отношения к нему Александра I. В новом свете предстает и такой традиционный сюжет, как бессарабские командировки Пестеля. Киянская убедительно опровергает устоявшуюся версию о якобы сочувственном отношении Пестеля к восстанию Александра Ипсиланти. «Пестелю, однозначному стороннику "революции посредством войска", — пишет она, — были равнозначны и "освободительное", и "революционно-освободительное" народные движения». И далее: «Декабрист не мог не учитывать также, что если война в помощь революционной Греции все же начнется, то она сделает весьма призрачными надежды на революцию в России» (с. 136).

От бессарабских командировок Киянская логично переходит к взаимоотношениям Пестеля и Пушкина. Проведя сопоставительный анализ донесения Пестеля о ходе греческого восстания и письма Пушкина, предположительным адресатом которого является В.Л. Давыдов, исследовательница приходит к выводу о знакомстве Пушкина с текстом этого секретного донесения Пестеля. Отсюда, по ее мнению, у Пушкина, как и у многих других его современников, сложилось негативное отношение к декабристу.

Особенно удачным представляется раздел «В погоне за полком», где впервые детально прослеживается почти детективная история назначения Пестеля на должность командира Вятского полка. Киянская опровергает устоявшееся представление о том, что не расположенный к Пестелю Александр I якобы задерживал его продвижение по службе. Царское недружелюбие, как полагает автор, если

оно действительно имело место, не оказалось решительно никакого влияния на карьеру Пестеля. Дело в том, что «Витгенштейнов адъютант» был очень молод не только по возрасту, но и по стажу военной службы, причем у него полностью отсутствовал опыт строевого командира, и это не давало ему формального права на занятие должности командира полка (с. 145). В конечном счете командиром Вятского полка, как показано в книге, Пестель стал в результате не только активного ходатайства со стороны Витгенштейна и начальника штаба 2-й армии П.Д. Киселева, но и собственной умелой интриги против своего предшественника на этой должности полковника П.Е. Кромина.

Вообще служебно-карьерные сюжеты, связанные с Пестелем, — это наиболее сильная часть книги. Они явно перевецивают в ней собственно декабристскую тематику. Более сложные и объективно значимые стороны пестелевского декабризма, в первую очередь идеологического плана, к сожалению, не получили у Киянской должного освещения. Возможно, автор рецензируемой книги посчитала данные сюжеты изученными, хотя это далеко не так. Важная проблема взаимоотношений Пестеля с членами Северного общества изложена Киянской не совсем внятно и противоречиво. Она считает, что не «Русская правда», а «бонапартизм» Пестеля сделали невозможным слияние Южного и Северного обществ. Отметив, что один из трех членов северной Думы безоговорочно принял программу Пестеля, а два других спорили и колебались (с. 183), Киянская пишет: «Гораздо более сложными оказались переговоры о конкретном плане действий по захвату власти и введению нового строя» (с. 184). И еще: «У северян были совершенно другие представления о конкретных революционных действиях» (с. 185). Однако почти тут же следует утверждение: «Трубецкой пытался реализовать тактический замысел, близкий к тому, что предлагал Пестель» (с. 186). О сходстве тактических установок Пестеля и Трубецкого подобно говорится в 4-й главе, где, в частности, утверждается, что Трубецкой делал ставку на личность бонапартистского типа, имея в виду М.Ф. Орлова или А.Г. Щербатова. Из всего этого трудно понять, были тактические расхождения у Пестеля и северян или нет, и почему Орлову и Щербатову можно было «глядеть в наполеоны», а Пестелю нет?

Думается, дело обстояло несколько иначе. Конечно, не «Русская правда» как таковая явилась камнем преткновения, а все то, что за ней стояло, причем дело было не в бонапартизме, а в демократизме Пестеля. Прежде всего нельзя сопоставлять, как это часто делается, «Русскую правду» Пестеля и Конституцию Никиты Муравьева как два конституционных проекта. «Русская правда» — не только не конституция, а нечто ей прямо противоположное. Единственное, что она гарантирует, это диктатуру, но не личную, разумеется, а диктатуру народа, т.е.

диктатуру демократическую. Следует учесть, что на политическом языке того времени, восходящем к французской терминологии, понятия «демократия» и «конституция» могли быть не только синонимами, но и антонимами. В 1793 г. якобинское правительство отменило конституцию ради диктатуры народа. Народ выше законов – такова была излюбленная идея Руссо, якобинцев и А.Н. Радищева. Конституция гарантирует права личности, диктатура – права *всего народа* от посягательств со стороны отдельных индивидуумов. Естественными врагами народа являются, во-первых, монарх, похитивший народную свободу, а во-вторых, аристократы как субъекты социального гнета. Эти идеи были близки Пестелю с той лишь разницей, что главного врага народа он все-таки видел не в монархе, а в аристократии, стоящей стеной между монархом и народом.

Трубецкой, Щербатов и Орловы были аристократами и думали совершенно по-другому. Для них в равной степени неприемлемы как единовластный монарх, так и безграничный суверенитет народа. И тому, и другому должна противостоять конституция, защищающая права личности. Диктатура народа для них столь же гибельна, как и абсолютизм. Пестелевская неприязнь к аристократии, конечно же, не внушила им доверия. Они хотели юридического равенства граждан при фактическом сохранении своих прав. Чтобы понять, как это должно было выглядеть на практике, достаточно сравнить проекты отмены крепостного права Пестеля и Н. Муравьева. Последний предлагал освободить крестьян от юридической зависимости, наделив их при этом лишь приусадебными участками, тогда как почти вся земля оставалась в руках помещиков. Экономическая зависимость крестьян от помещика сохранялась, но если помещик нарушал человеческие права крестьянина, последний мог начать против него судебное преследование. Это обстоятельство и должно было придать взаимоотношениям помещиков и крестьян цивилизованный характер.

Пестель же своим разделением земель на частные и общественные искоренил любой вид зависимости крестьян от помещиков, соединив их в едином классе землевладельцев. Это выглядело весьма радикально, но при определенных условиях с таким

решением вопроса могли согласиться и Муравьев, и Трубецкой. Опаснее было другое. Выступая против аристократии, Пестель вместе с тем не был сторонником народной революции. Народная стихия была ему не менее чужда, чем аристократическая спесь. Чтобы избежать ее, он решил создать *новый* народ, живущий по единым строгим законам, или, говоря иначе, стремился добиться национального и сословного единства всех россиян. Его оппонентам из Северного общества это было хорошо знакомо из опыта Французской революции. На языке того времени это и называлось *демократией*. Вот в этом, как представляется, и заключался корень разногласий «якобинца» Пестеля и северян, ориентировавшихся на постреволюционную либеральную мысль Франции.

Вообще вопросам идеологии в книге Киянской уделено явно недостаточно внимания. Автор рассматривает в основном практическую деятельность Пестеля и делает это мастерски. Перед читателем предстает живой человек в его повседневной жизни с многочисленными служебными и конспиративными связями. Автору, безусловно, удалось создать яркие, запоминающиеся портреты современников Пестеля. Среди них и хорошо известные читателю С.П. Трубецкой, К.Ф. Рылеев, С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин, и те, о которых читатель либо мало осведомлен, либо вообще узнает впервые – А.Г. Щербатов, А.В. Сибирский, А.Я. Рудзевич, А.И. Майборода, Н.К. Ледоховский и др. Все это помогает лучше представить атмосферу той эпохи, в которую жил главный герой книги. Монография написана прекрасным литературным языком и отличается хорошо продуманным композиционным построением. В приложении публикуются уникальные архивные материалы.

Значение рецензируемой книги в том, что она не только не закрывает проблему феномена Пестеля, а напротив, открывает новые перспективы исследования, которые отныне невозможны без учета открытых, сделанных Киянской.

**В.С. Парсамов, доктор исторических наук
(Саратовский государственный университет)**

Ф.М. ЛУРЬЕ. НЕЧАЕВ. М.: Молодая гвардия, 2001. (Серия «Жизнь замечательных людей»). 432 с. Тир. 5000

Рецензируемую книгу можно считать весьма характерной для нашего времени, когда читательское внимание часто стремится завоевать «неординарными» подходами к «неординарным» темам. То, что эта тенденция коснулась и авторитетной серии ЖЗЛ, можно было бы принять как неизбежное проявление «требований рынка», если бы многие рос-

сийские читатели не сохранили особых чувств не только к героям этой серии, действительно выдающимся людям, но и к качеству самих книг, представивших, за редкими исключениями, образец научно-художественной биографии.

Стоит ли говорить, что фигура Нечаева, названного при жизни и «бесом» (Ф.М. Достоевский), и

«прокуратором», «проходящим и прохвостом» (К. Маркс и Ф. Энгельс), ни по каким меркам не может быть отнесена к когорте «замечательных»? Понимая неловкость ситуации, редакция серии в предисловии попыталась оправдать прецедент тем, что «замечательность (знаменитость) людей вовсе не подразумевает их положительность» (с. 6). Аргумент спорный. Не убеждает и ссылка на примеры книг о Лойоле, Торквемаде, Иване Грозном, Ротшильдах, Наполеоне и Талейране, изданных в этой серии. Такое соседство невольно укрупняет масштаб личности Нечаева, который этому уровню вовсе не соответствует (если уж помнят Лойола, то основателя «Народной расправы» можно назвать мелким и недобросовестным эпигоном отца иезуитов на российской почве). Сомнителен – если не сказать спекулятивен – также издательский аргумент о «сугубой актуальности изучения фигуры Нечаева» в связи с «разгулом терроризма в современном мире». Актуальность только тогда приобретает действенную силу, когда она не просто продекларирована, а подкреплена строгим научным анализом реальных сопряжений того или иного исторического явления с современностью. Разумеется, требовать от биографической книги еще и четких социологических выкладок трудно. Тем не менее от Ф.М. Лурье, автора нескольких добрых книг по истории русского освободительного движения, можно было ожидать менее «раскованного» и более методологически строгого повествования о Нечаеве.

Нельзя сказать, что Лурье в данном и других случаях идет хожеными тропами. Нет, практически в каждый эпизод нечаевского дела он привносит собственные архивные находки, подчас очень интересные. Таковы, например, данные о происхождении Нечаева и его фамилии, почерпнутые из архивов Ивановской обл. Оказывается, отец Нечаева был незаконнорожденным сыном шуйского мещанина Павла Елишкова, отсюда и его фамилия, обозванная от слова «ничей» («нечей» в старой орографии). Вероятно, этим отчасти можно объяснить тот комплекс неполноценности, которым с детства страдал Нечаев (другой очевидной причиной было унижение, которое он испытывал на службе лакеем и полотером у богатых хозяев). «Ненависть ко всему, что выше» – такова была основная черта Нечаева, и, приводя эту характеристику в своей книге (с. 304), Лурье, к сожалению, упускает случай сосредоточиться на ней, хотя именно психология, структура личности носителей экстремистских идей являются, пожалуй, наиболее актуальными аспектами нечаевской истории.

Несмотря на обилие фактов, потрет Нечаева у автора получился достаточно размытым, не прояснена мотивация его поступков. На мой взгляд, можно определенно говорить о наличии в его характере психопатических черт. Не случайно В. Богучарский (его наблюдением Лурье, к сожалению, пренебрег) в свое время заметил: «Сложись для Нечаева обсто-

ятельства иначе, и в русских условиях из него мог бы выйти шеф жандармов и начальник III отделения, смотревший на мир теми же самыми глазами, но обрекавший на истребление другие общественные элементы». Подобная амбивалентность характера лишает Нечаева ореола «борца за народное счастье» (недаром он щеголял фразой «Любить народ – значит вести его под картечь»).

«На Руси самозванству всегда везло», – метко заметил в ходе нечаевского процесса А. Суворин. «Самозванцем», апеллируя к образу Григория Отрепьева, называл Нечаева и Достоевский. У Лурье такие исторические ассоциации обойдены, а жаль. Он справедливо пишет, что «нечаевщина родилась в борьбе революционных сил с абсолютизмом, в ее появлении повинны обе противоборствующие стороны» (с. 13), однако не всегда последователен в развитии этого тезиса. Странно читать, например, такую характеристику М.Н. Каткова: «Катков действительно был реакционером. Но ради чего он встал на этот путь? Чтобы преградить дорогу такому явлению, как нечаевщина...» (с. 191). В действительности, как это ни парадоксально, именно редактор «Московских ведомостей» сделал дотоле безвестному провинциальному широкую политическую рекламу. В номере от 24 мая 1869 г. своей популярной газеты, пользуясь слухами и полицейскими донесениями, он назвал Нечаева «коноводом», «поджигателем молодежи» и озвучил легенду о том, что он «ухитился бежать из-под стражи, чуть ли не из Петропавловской крепости». О такой рекламе Нечаев мог только мечтать – именно она во многом облегчила ему вхождение в круг М.А. Бакунина после побега за границу. Вот к чему приводят иногда излишнее усердие в борьбе с «крамолой»... Обходя подобные факты, Лурье, на мой взгляд, упрощает подоплеку нечаевской истории, в основе которой лежали, с одной стороны, недомыслие и доверчивость окружающих, а с другой – мистификации и прямой обман.

Следовало бы, как представляется, уточнить и понятие «нечаевщина». Автор определяет его как «вседозволенность в политической борьбе» (с. 12), однако далее пользуется этим понятием не всегда корректно, нередко склоняясь к отвлеченному морализаторству. Книга насыщена пространными сентенциями, которые подчас вызывают недоумение: «Нечаев не только заимствовал уже известные приемы, но и внес свой вклад во вседозволенность, усвоенную вслед за ним всеми революционными партиями» (с. 12); «пример практической деятельности Нечаева показал грядущим поколениям, что есть иная, нетрадиционная мораль, новая, пахнущая человеческой кровью, корпоративная революционная мораль, что только она может обеспечить успех социальных перемен. Действительно, те перемены, которые произошли в начале XX в., требовали новой морали, внущенной Нечаевым» (с. 169) и т.д. Не слишком ли большая историческая роль приписывается молодому человеку с маниакальными иде-

ями, изолированному в Алексеевском равелине за уголовное преступление (убийство товарища)? Каким партиям и что он внушил, если до 1917 г. имел в среде либеральной, оппозиционной российской интеллигенции одиозную репутацию «монстра» (Н.К. Михайловский) и «революционного обманщика» (В.Г. Короленко)? Конечно, отдельные по-клонники у Нечаева существовали и в начале века (между прочим, не без влияния некоторых сенсационных публикаций журнала «Былое»), но вопрос о его «реабилитации» возник, как известно, только в 1920-е гг. Не утруждая себя анализом причин возникновения этого вопроса (причин, заметим, не только политических, но и историографических, связанных с большими «белыми пятнами» в тогдашних знаниях о нечаевском деле), историк Лурье делает вывод в духе современной газетной публицистики: «Большевики отнеслись к Нечаеву с сочувствием, они реализовали многие его идеи – законспирированность, железную дисциплину, обман во благо своекорыстных интересов, вероломство» (с. 21). Стоит ли полемизировать с подобными масштабными обобщениями? Не нужно ли выяснить хотя бы, какие представления имели тогда деятели большевизма о подлинном лице Нечаева и на чем эти представления основывались? Ведь рожденные стремлением выдать желаемое за действительное легенды о том, что Нечаев убил «шпиона, а не невинного человека», что он создал «прообраз революционной партии», а не химерическую «Народную расправу» и вел себя «героически» на царском суде и в равелине, а не блефовал на каждом шагу до последней минуты жизни, стали в первые годы Советской власти лейтмотивом всех оценок его деятельности. Следует напомнить, что дискуссия о реабилитации Нечаева развернулась в 1926 г., в период утверждения на вершине власти Сталина, который, как свидетельствуют некоторые источники, испытывал симпатию к самому Нечаеву и его «Катехизису революционера». Приходится только сожалеть, что Лурье уклонился от этих чрезвычайно важных и интересных преломлений темы о реальной «нечаевщине», ни разу даже не упомянув имени Сталина. Зато он обратился к не получившему пока подтверждения источнику о симpatиях к Нечаеву со стороны Ленина – воспоминаниям В.Д. Бонч-Бруевича, опубликованным в 1934 г. в журнале «30 дней» и воспроизведенных Н.М. Пиуромовой в журнале «Родина» (1990, № 2). Восторженность отзывов Ленина о Нечаеве в интерпретации бывшего управляющего делами Совнаркома, как представляется, сильно преувеличена. В 1934 г., в период «пика» героизации Нечаева в СССР (что не могло обойтись без санкции Сталина, непосредственно руководившего Агитпропом и исторической наукой), на то имелись очевидные конъюнктурные причины.

Что же касается действительного отношения Ленина к Нечаеву, то этот вопрос требует специального исследования, которое давно назрело, так как

публикацию в «Родине» некритически цитируют уже многие авторы (ваша она и в известный труд Д.А. Волкогонова «Ленин»). И, пожалуй, главный вопрос, который встает при этом, – это вопрос о том, как Ленин относился к известной работе Маркса и Энгельса «Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих», направленной против Бакунина и Нечаева, разделял ли он ставшую позднее, в 1920–1930-х гг., инструктивной в партийной среде точку зрения на нее как на памфлет, содержащий «полемические преувеличения»? Стоит заметить, что упомянутая работа основоположников марксизма имела в России трудную, драматичную судьбу. Она была переведена и напечатана в полном виде в СССР только в 1940 г., после чего к Нечаеву утвердилось однозначно отрицательное отношение. Причины этой метаморфозы пока изучены недостаточно, однако очевидно, что они связаны с неоднократно подтвержденным манипулированием наследием Маркса и Энгельса со стороны Сталина.

В этой рецензии прозвучало уже много сожалений, но еще без одного не обойтись. Автор новой книги о Нечаеве демонстративно и, вероятно, «по убеждению» умолчал об острой борьбе, которую вели против бакунинско-нечаевских идей Маркс и его единомышленники. В именном указателе о Марксе сказано предельно лапидарно: «философ, экономист», а в тексте есть многозначительное замечание о том, что нечаевская анархическая «Программа революционных действий» написана под влиянием «Манифеста Коммунистической партии» (с. 56). У неискушенного читателя – а таковых теперь в нашей стране много – может сложиться впечатление, что Маркс и Энгельс причастны к возникновению нечаевщины. Приходится признать, что в этой части книга Лурье не только порывает с наследием советской исторической науки (блестящий пример здесь представляет монография Б.П. Козьмина «Русская секция I Интернационала», где воспроизведены все перипетии борьбы Маркса с Бакуниным и Нечаевым), но и попросту скатывается в антиисторический провинциализм. Последнее важно подчеркнуть, поскольку на Западе гораздо лучше знают и помнят эту страницу нечаевского дела. Ближайший пример тому – известный роман французского писателя Х. Семпруна «Нечаев вернулся» (1987, русский перевод 1996 г.) о левом экстремизме нового времени. Его герои (и, разумеется, автор) прекрасно ориентируются в российской истории, знают все подробности нечаевских похождений, и для них является непреложным тот факт, что «Маркс считал Нечаева типичнейшим псевдореволюционером, олицетворяющим разрушительное безумие терроризма».

Все вышеизложенное, как представляется, имеет самое непосредственное отношение к недавно опубликованному «Отечественной историей» (2002. № 3) данным социологического опроса на тему исто-

рической памяти населения России. В анкете был вопрос: «Из каких источников Вы получаете знания об истории России?» Большинство людей, как выяснилось, черпает их в учебниках, кино, телевидении, мемуарах и художественной литературе. К какому жанру можно отнести книгу Ф.М. Лурье, сказать трудно. Но к специальной исторической литературе

отнести ее, пожалуй, нельзя. Между тем проблема исторической памяти в нашей стране обострилась до крайности. Где выход? Не вернуться ли к научной редакции популяризаторских, просветительских книг? Или полагаться на то, что читатель разберется сам?

В.В. Есипов
(Вологда)

А. В. МАКУШИН, П. А. ТРИБУНСКИЙ. ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ МИЛЮКОВ: ТРУДЫ И ДНИ (1859–1904) / Серия «Новейшая российская история: исследования и документы». Т. 1. Рязань, 2001. 439 с. Тир. 500

В отечественной и зарубежной историографии уже сформировалась традиция изучения научной и общественно-политической деятельности выдающегося русского историка и политического деятеля Павла Николаевича Милюкова¹. Не случайно в мае 1999 г. в Москве состоялась международная конференция «П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат»². Учитывая существующие в историографии наработки, раскрывающие ранний этап жизни и деятельности Милюкова, который и стал предметом анализа в рецензируемой монографии, остановлюсь на том новом, что удалось сделать ее авторам, а также на проблемах, еще не получивших достаточно полного освещения.

Прежде всего следует обратить внимание на введение в научный оборот документов и материалов из отечественных и зарубежных архивов. При этом и уже известные в литературе материалы подверглись фронтальному критическому изучению и сравнительному анализу. Положительной оценки заслуживают и приложения к монографии, содержащие перечень печатных работ Милюкова за 1886–1904 гг. и А.С. Милюковой за 1895–1902 гг.; ведомости успеваемости Милюкова в гимназии и университете; названия спецкурсов, читавшихся им в 1886–1895 гг., и другие интересные сведения. Авторами книги опубликован оригинальный иллюстративный ряд, причем некоторые фотографии публикуются впервые.

Новизна и оригинальность данной работы прослеживается и в ряде сюжетных линий. В отличие от своих предшественников, авторы монографии более тщательно «выписали» процесс становления личности Милюкова. В книге впервые дана характеристика рода Милюковых, выявлены подспудные «пружины» далеко не простых взаимоотношений в семье, что, бесспорно, наложило свой отпечаток на характер героя повествования. Много нового добавлено авторами в анализ формирования мировоззрения Милюкова в гимназические и студенческие годы, которые сыграли определяющую роль и при выборе им профессии историка. Перед читателем

предстает образ динамичного талантливого человека, с ранних лет уверовавшего в свои потенциальные творческие способности и проявлявшего задатки лидера в науке и общественно-политической жизни. В итоге информация о гимназических и студенческих годах Милюкова, которая обычно имеет эскизный и вспомогательный характер, в данном исследовании приобретает самоценное значение, дает возможность лучше понять его судьбу.

Обстоятельное ознакомление читателя с кругом чтения Милюкова в гимназии и университете демонстрирует широту его интеллекта, внимание к новейшим достижениям мировой общественной науки, незаурядные способности генерировать собственные оригинальные идеи и использовать научные наработки в общественно-политической деятельности. По сути Милюков являлся не только прирожденным историком, обладающим аналитическим мышлением, но и общественным деятелем, способным адекватно понимать и отвечать на вызовы времени. Вместе с тем авторы справедливо обращают внимание на такие черты характера Милюкова, как излишняя педантичность, склонность к схематизму, предубежденность в оценках трудов коллег.

В монографии проанализирован значительный пласт материала, характеризующего далеко не простую обстановку в научно-преподавательских кругах Москвы и Петербурга. Авторы рассматривают круг дискутируемых исторических проблем, процесс выбора тем для магистерских и докторских диссертаций, ход апробации научных исследований в печати и публичных диспутах. Еще будучи студентом, Милюков, помимо интенсивного овладения наукой, занимался репетиторством. Имея прекрасных учителей в лице В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова, он от курса к курсу расширял диапазон исследовательской работы, находя время и на участие в общественной студенческой жизни. Неслучайно уже в 1882 г. он попал под негласный надзор полиции. Высоко оценивая данные разделы книги, хотелось бы обратить внимание на необходимость дополнительного осмыслиения причин конфликта

между Милюковым и Ключевским. В предшествующей литературе акцент делался на том, что Ключевский якобы не желал поощрять карьерные устремления своего ученика. В книге содержится материал, показывающий, что и Милюков занимал не всегда корректную позицию по отношению к своему учителю, да и не только к нему. Поэтому он, по всей вероятности, сам являлся виновником ухудшения своих отношений с Ключевским. Как известно, Ключевский неоднократно выручал Милюкова из разного рода общественных «передряг». Достаточно сказать, что именно он помог молодому историку получить должность приват-доцента еще до защиты им магистерской диссертации.

Приводится в книге много новых фактов и об общественной деятельности Милюкова. Авторам удалось осветить его участие в легальных, полулегальных и нелегальных студенческих обществах, уточнив некоторые выводы своих предшественников. Так, например, можно согласиться с их выводом о том, что Милюков не принадлежал к членам партии «Народного права» (с. 127). Внимания заслуживает также информация об устойчивом интересе к Милюкову Г.В. Плеханова, П.Б. Аксельрода, о встречах Милюкова с представителями революционной эмиграции – П.Л. Лавровым, М.П. Драгомановым, Н.В. Чайковским, В.И. Лениным и др. Авторы правы и в том, что в нелегальной студенческой и интеллигентской среде Милюков играл более заметную роль, чем это было принято считать ранее. Подробно охарактеризована работа Милюкова в разного рода научных обществах Москвы и Петербурга, участие его в качестве обозревателя русской художественной и научной литературы в английском журнале «The Athenaeum», а также показаны его связи с зарубежными учеными П. Буайе, Ж. Легра, И. Поливкой, И. Богданом.

Интенсивное привлечение материалов из центральных и местных архивов (в частности, Рязанского) позволило авторам впервые воссоздать емкую картину пребывания Милюкова в ссылке в Рязани (1895–1897). Так, им удалось уточнить день отъезда Милюкова из Москвы, показать круг его знакомых, а также раскрыть научную, просветительскую и общественную деятельность в Рязани. Изучение материалов болгарских архивов и прессы помогло вплоть до мельчайших деталей реконструировать ранее слабо освещенный в литературе период жизни и деятельности Милюкова в Болгарии и Македонии (1897–1899), показать его связи с научными и общественно-политическими кругами болгарского общества, выяснить причины конфликта с сотрудниками русского посольства, который привел к его отставке.

Рассказывая о последующем пребывании Милюкова в Петербурге, авторы демонстрируют расширение общественно-политических связей Милюкова как с либеральной оппозицией (кружок «Беседа», подготовка журнала «Освобождение»), так и с

народниками и социал-демократами. По существу им удалось убедительно проиллюстрировать фактическим материалом известную милюковскую формулу – «вести борьбу на границе легальности», которой сам он придерживался в ходе своей общественно-политической деятельности. Заслуживает внимания и факт подготовки Милюковым проекта программы «Организации для охраны существующих прав личности, общества и их расширения». Положительно оценивая раздел монографии «Торжество политика над исследователем (1899–1901)», хотелось бы обратить внимание на следующий момент. В тогдашних условиях высоконтеллектуальные и высоконравственные люди, разделявшие идеи солидарности и справедливости, не могли ограничиться одними научными изысканиями. Так, в освободительном движении активно участвовали В.И. Вернадский, кн. Д.И. Шаховской, С.А. Муромцев, Ф.Ф. Кокошкин и многие другие русские интеллигенты, искренне озабоченные судьбами своей страны. Не мог уйти в науку и Милюков. Вместе с тем историческая наука всегда оставалась для него той исходной творческой основой, которая способствовала выработке рационального подхода к действительности. Плодовитость Милюкова как ученого, если брать в расчет количество его научных публикаций, несколько сократилась к 1902 г., когда он стал активнее заниматься политической деятельностью. Но это, разумеется, ни в коей мере не означало, что он перестал быть исследователем. Речь может идти о корректировке приоритетов, но не о «торжестве» политики над наукой. Уже сформировавшийся учений, получивший признание не только у себя на родине, но и за рубежом, Милюков диалектически соединял в себе исследователя и политика.

В заключительной главе, посвященной уже традиционному анализу теоретико-методологических и собственно исторических взглядов Милюкова, авторы в русле отечественной и современной зарубежной историографической традиции обстоятельно рассмотрели систему представлений своего героя, проанализировали содержание его трудов, дали оценку общим выводам и наблюдениям историка.

В целом можно утверждать, что рецензируемая монография является серьезным вкладом в отечественную историческую науку и заслуживает пристального внимания специалистов по истории общественной мысли и историографии дореволюционной России.

**В.В. Шелохаев, доктор исторических наук
(Российский государственный архив
социально-политической истории)**

Примечания

¹ R i h a T. A Russian European Paul Miliukov in Russian Politics. Notre-Dame; London, 1969; Медушевский А.Н. Милюков: учений и политик // Ис-

тория СССР. 1991. № 4; Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: историк и политик, М., 1992; Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости (Исторический портрет П.Н. Милюкова). М., 1993; Брейер С. Портрет Милюкова // Отечественная история. 1993. № 3; Stockdale M. Paul Miliukov and the Quest for a Liberal

Russia, 1880–1918; Ithaca; London, 1996; Вонн Т.М. Russische Geschichtswissenschaft von 1880 bis 1905. Pavel N. Miljukov und die Moskauer Schule. Köln; Weimar; Wien, 1998.

² П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы Международной научной конференции. Москва. 26–27 мая 1999 г. М., 2000.

СБОРНИК ПАМЯТИ Ю.И. КОРАБЛЕВА (Гражданская война в России. События, мнения, оценки). М.: Раритет, 2002. 695 с. Тир. 1000

В предисловии к книге, написанном доктором исторических наук И.Х. Уриловым – учеником и другом Юрия Ивановича Кораблева (1918–1996), есть прекрасные и верные слова об этом выдающемся историке и прекрасном человеке: «Ю.И. Кораблев любил трудиться. Он был историком по призванию. Историческая наука и преподавательская деятельность являлись делом его жизни» (с. 14). Это был честнейший, благородный человек. Свою гражданскую смелость, принципиальность и бескомпромиссность Юрий Иванович проявил, например, тогда, когда добровольно ушел с поста заместителя директора Института истории, защищая добroе имя П.В. Волобуева, на которого обрушился гнев отдела науки и вузов ЦК КПСС, пытавшегося навязать историкам антенаучную концепцию истории России и советского общества. Свою статью И.Х. Урилов завершает такими словами: «Главное в жизни Ю.И. Кораблева – служить людям и Отечеству» (с. 24).

Название книги выбрано не случайно, поскольку история Гражданской войны всегда находилась в центре научных интересов Ю.И. Кораблева. Кроме биографических материалов, в рецензируемый сборник включены две его принципиально важные статьи: «Почему Троцкий?»¹ и «Советская власть и военные специалисты», дающие представление о взглядах и творческой манере этого незаурядного исследователя, а также ряд исследований других ученых по истории Гражданской войны.

Сейчас уже совершенно очевидно, что роль Л.Д. Троцкого в Гражданской войне усилиями Сталина, Ворошилова была искажена и сфальсифицирована. Троцкий был председателем Реввоенсовета Республики и народным комиссаром по военным и морским делам. Его деятельность на этих постах впоследствии была представлена Сталиным и его «школой» как деятельность «предателя», «шпиона», «агента мирового империализма». Примерно такую же точку зрения в то время разделяли и Кораблев, и автор этих строк.

В статье же «Почему Троцкий?» Кораблев соудоточился на нескольких знаковых сюжетах из биографии Троцкого: его взаимоотношения с Лениным; сталинские искажения биографии Троцкого; действительные и мнимые ошибки и промахи этого политического деятеля в годы Гражданской войны. Не будем забывать, что Ленин выдвинул Троцкого на высокие посты в советском государстве, хорошо зная о его дооктябрьском «небольшевизме». Он высоко ценил роль Троцкого в создании Красной армии и ее победах на фронтах Гражданской войны. Именно Троцкий еще накануне IX съезда РКП(б) одним из первых заговорил о нэпе². Но это не значит, что между Лениным и Троцким не было разногласий. Они имели место в период заключения Брестского мира, 3-го похода Антанты и др. Об этом подробно пишет и Кораблев. Но все эти разногласия разрешались в ходе совместной практической работы Ленина и Троцкого в Совнаркоме. Что касается Сталина, то он очень ревниво относился к успехам Троцкого и, как показал Кораблев, лично и через Ворошилова всячески принижал роль Троцкого в советской истории и неоднократно фальсифицировал высказывания Ленина по этому поводу.

Дальнейшее исследование роли Троцкого в нашей истории во многом связано с расширением источников базы. До сих пор крайне недостаточно вводятся в научный оборот книги Троцкого «Моя жизнь», «История русской революции», «Сталинская школа фальсификации», «Преданная революция», а также четырехтомник «Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 гг.» В целом же ясно, что без изучения троцкизма во всех его проявлениях история советского общества будет неполной и односторонней.

Помещенную в сборнике статью казанского историка А.Л. Литвина «Размышляя о Гражданской войне в России» можно рассматривать как попытку восполнить указанный пробел. Опираясь на современные представления о Гражданской войне, автор попытался определить ее сущность, хронологические рамки и итоги. Литвин хорошо знает труды ака-

демиков И.И. Минца и Ю.А. Полякова, а также работы В.П. Наумова, В.Д. Поликарпова и других историков, не говоря уже о пятитомнике «История Гражданской войны в СССР»*. По его мнению, сущность Гражданской войны определяется борьбой за власть «политических партий, вождей, кланов, увлекающих за собой людей популистскими обещаниями "лучшего" устройства их жизни, которые чаще всего обираются национальной трагедией» (с. 327). Мне представляется, что Гражданская война в России являлась борьбой победившей в революции 1917 г. новой власти в лице рабочих и крестьян, части интеллигенции («красных») и потерпевших в ней поражение «белых», стремящихся сохранить свое былое господство в России. Большевики победили в ней благодаря массовой поддержке большинством населения страны их доктрины, идеалов и лозунгов. При этом большевистская партия выдвинула из своих рядов блестящую плеяду политиков и полководцев, в том числе и Троцкого, руководствовавшихся новой стратегией и тактикой, основанных на теории марксизма-ленинизма.

В сборник включены статьи ученых из Твери, Уфы, Ярославля, Оренбурга, Гомеля. Можно лишь пожалеть о том, что к участию в нем не были привлечены исследователи из других городов России и стран СНГ.

Помещена в книге и статья бывшего главы Кокандской автономии (1918 г.) Мустафы Чокаева «Национальное движение в Средней Азии», написанная в 1926 г. Автор считал, что в возникновении басмачества повинна национальная политика советского правительства Туркестана. Последующие исследования Ю.А. Полякова, А.И. Чугунова и мои собственные³ показали, что басмачество не являлось общенациональным движением, а было направлено на свержение Советской власти в Туркестане и развивалось при активной поддержке Англии.

В книге имеется также статья И.В. Михайлова по историографии и источниковедению истории Гражданской войны, направленная против нового мифотворчества в истории советского общества. Михайлов – один из немногих историков и историографов, выступающих ныне против идеализации «белых» и превращения их в неких «рыцарей без страха и упрека» (с. 642). Примером именно такого толкования является включенная в книгу статья В.Ж. Цветкова «Забытый фронт», где нет ни единого слова о существовании на Закаспийском фронте Красной армии и ее борьбе против среднеазиатской

* У меня хранится подаренная И.И. Минцем рукопись первого тома этого издания с пометками Сталина. Собираюсь опубликовать их и проанализировать в специальной статье.

контрреволюции (с. 569–578). Михайлов верно считает, что такая трактовка истории Гражданской войны противоречит исторической действительности. В заголовке своей статьи Михайлов ставит вопрос: виден ли свет в конце тоннеля?

Где же «свет в конце тоннеля»? Ответ однозначен: нужно исследовать историю Гражданской войны всесторонне и объективно писать и о «красных», и о «белых».

Проблема интеграции источников на примере истории Гражданской войны на Урале исследуется А.С. Верещагиным, сумевшим решить ряд важных вопросов. Автор, на мой взгляд, верно заметил, что вопросы, которые задавали советские историки, исследуя источники 1920–1980-х гг., носили односторонний политический характер: Кто развязал Гражданскую войну? Какую роль сыграла тогда иностранная военная интервенция? Как большевики мобилизовали массы на защиту завоеваний Октября? Данное наблюдение в основном верно. Нужно лишь добавить, что в последние годы историки впервые получили доступ к ранее закрытым источникам, позволяющим ответить не только на перечисленные, но и на многие другие, порой неожиданные вопросы. Это, в частности, подтверждается статьями Е.Г. Гимпельсона и В.Л. Телицына, вошедшими в рецензируемый сборник, который дает значительное «приращение знаний» (выражение академика М.В. Нечкиной) не только о Ю.И. Кораблеве, но и о процессе переосмысливания истории Гражданской войны в России.

**А.И. Зевелев, доктор исторических наук
(Московский государственный
университет сервиса)**

Примечания

¹ Статья «Почему Троцкий?» была впервые опубликована в журнале «Политическое образование» в 1989 г. под рубрикой «На вопросы читателей отвечает историк». Годом ранее Ю.И. Кораблев выступил с докладом «Троцкий и Сталин в Гражданской войне» в Доме ученых и в Центральном лектории Всесоюзного общества «Знание». Он также прочитал развернутый доклад на эту тему в Институте истории АН СССР.

² Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 327, 333.

³ См.: Поляков Ю.А., Чугунов А.И., Зевелев А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981; Зевелев А.И. Из истории Гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959.

В. К О В А Л Ъ Ч У К. МАГИСТРАЛИ МУЖЕСТВА. Коммуникации блокированного Ленинграда. 1941–1943. СПб., 2001. 518 с. Тир. 1 000

Монография В.М. Ковальчука – опытного морского офицера времен Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., известного военного историка, специально занимающегося проблемой военных коммуникаций, – посвящена использованию советским командованием Ладожского озера для снабжения блокированного Ленинграда. Автор не впервые обращается к изучению этой темы. В 1975 г. вышла его книга «Ленинград и Большая земля», в 1984 г. – «Дорога победы осажденного Ленинграда».

Рецензируемая работа делится на две части. Первая озаглавлена «Ладожская дорога жизни в 1941–1943 гг.» и состоит из пяти глав, отражающих бои за Ленинград как одно из решающих сражений Великой Отечественной войны. В книге показано использование Ладоги осенью 1941 г., создание ледовой дороги через нее зимой 1941–1942 гг., функционирование ее в 1942–1943 гг., строительство ледовой железнодорожной переправы. Вторая часть книги – «Дорога победы осажденного Ленинграда в 1943 г.» – рассказывает о строительстве, эксплуатации и защите Шлиссельбургской железнодорожной магистрали и навигации 1943 г. на Ладожском озере.

От работ предшественников, затрагивающих отдельные стороны рассматриваемой проблемы, рецензируемое исследование отличается стремлением к глубокой и всесторонней проработке темы, опорой на широкий круг разнообразных источников – на большой массив материалов из государственных и ведомственных архивов, личных архивов военных деятелей – участников боев под Ленинградом, мемуары и дневники деятелей Ладожской коммуникации (в том числе ранее не публиковавшиеся), прессу военного времени. Обе части книги начинаются главами, анализирующими ход военных действий под Ленинградом в 1941–1943 гг. и их последствия для положения города, его населения, обороны ющих частей армии и флота.

В 1941 г. группа армии «Север», обойдя правым флангом Прибалтику, из района озера Ильмень с боями вышла на север к Ладоге, 8 сентября захватила Шлиссельбург, перерезав все сухопутные коммуникации, связывающие Ленинград со страной. Для руководства обороной города ставка ВГК направила Г.К. Жукова, который, приняв командование 13 сентября, заявил: «Ленинград сдавать не будем!» 17 сентября противник девятью дивизиями начал наступление на город, но не сумел прорвать его оборону. Часть сил ему пришлось направить к Москве. Гитлер и его окружение считали, что снабжать фронт, флот и миллионное население города в условиях блокады невозможно, и надеялись, что город запросит пощады. Хотя сентябрьский штурм Ленинграда был сорван защитниками города, в критические дни обороны Москвы в октябре, Верховный

Главнокомандующий и его советники считали, что Ленинград придется оставить, так как помочь ему Ставка не имела возможности.

Октябрь 1941 г. – кризисный момент всей войны, когда стало очевидным несовершенство руководства вооруженными силами СССР, ошибочность решения ни в коем случае не отдавать противнику ни пяди советской земли и не отходить в глубь территории. Половина войск первого эшелона была потеряна в приграничном сражении. Но Ленинград, Москва, Ростов и Севастополь устояли и тем сорвали планы вермахта – покорить Советский Союз в течение одной военной кампании, т.е. до наступления зимы.

Для обороны Ленинграда были использованы войска ПВО, силы флота, воинские формирования населения, а снятые с позиций несколько частей войск фронта были перевезены для обороны Тихвина и района реки Свирь. С 24 октября через Ладожское озеро были перевезены свыше 20 тыс. человек, 129 орудий, 974 лошади и значительное число боеприпасов.

В результате усилий трехмиллионного города, войск фронта, частей и кораблей флота, вооруженных формирований народа противник был остановлен у стен города, что было равнозначно крупнейшему поражению вермахта и повлияло на дальнейший ход войны.

Советское командование предприняло две попытки прорвать блокаду в 1941 г. и две – в 1942 г. Лишь с пятой попытки, в январе 1943 г., блокада была прорвана. Заслуга автора в том, что он подробно описал эти операции, доказал необходимость их проведения как способа срыва подготавливаемого противником штурма города и превращения его в город-фронт.

Подготовка к строительству ледовой дороги через Ладожское озеро была начата Военным советом Ленинградского фронта в октябре 1941 г., еще до окончания навигации. В книге показана огромная работа по изучению метеорологических условий и ледового режима озера, структуры и свойств льда, его грузоподъемности и т.д. Автор проанализировал обеспечение трассы обслуживающим персоналом, гужевым и автомобильным транспортом, показал самоотверженный, героический труд советских людей.

Август–сентябрь 1942 г. в истории боев под Ленинградом завершился срывом фашистского плана штурма Ленинграда. Следует поддержать автора в его оценке роли Синявинской операции, несмотря на то, что наступление наших войск не привело к прорыву блокады. Чтобы остановить его и предотвратить катастрофу, немцы вынуждены были использовать силы, предназначенные для штурма.

Развернулось, на мой взгляд, встречное сражение южнее Ладожского озера. Я считаю, что оно закончилось вничью, но план захвата города штурмом был сорван. Манштейн признал, что в ходе этих боев немецкие армии понесли значительные потери. Вместе с тем была израсходована большая часть боеприпасов, предназначавшихся для наступления на Ленинград. Поэтому о скором наступлении не могло быть и речи.

Для предотвращения дальнейших действий немцев в этом направлении необходимо было ликвидировать последствия блокадной зимы для жителей города, превратить Ленинград в неприступную крепость, а для этого усилить роль Ладоги. В четвертой главе подробно рассматриваются мероприятия по ремонту имеющегося на Ладоге флота, постройке новых плавучих средств, реконструкции и расширению действующих и созданию новых портовых сооружений на обоих берегах Шлиссельбургской губы.

Зимой 1942–1943 гг. наряду с обеспечением нужд города Ладога снабжала всем необходимым готовившиеся к прорыву блокады силы Ленинградского фронта и Балтийского флота. Кроме автогужевых трасс через Шлиссельбургскую губу была начата постройка ледовой железнодорожной переправы. Однако в связи с прорывом блокады Ленинграда в январе 1943 г. она была прекращена. Строители, материалы и оборудование были использованы для

создания на узкой полосе земли вдоль освобожденного от немцев узкого участка на юге Ладоги железнодорожной магистрали Шлиссельбург – Поляны. Об этом вторая часть книги. Построенная дорога стала главной в снабжении еще находившегося в блокаде Ленинграда, а коммуникация через Ладожское озеро приобрела дублирующее значение.

Нельзя не сказать о Ленинградской партийной организации. Несмотря на многие ошибки и просчеты, она возглавила борьбу населения с врагом. Я согласен с английским исследователем А. Вертом в том, что она создала эффективную противовоздушную и противопожарную оборону Ленинграда, организовала в городе наиболее справедливое в тех условиях нормирование продовольствия, поступавшего с Ладоги, настаивала на использовании всех возможных средств связи с тылом страны.

Захота северных земель страны обошлась государству очень дорого. Потери в самом блокированном городе (по Ковальчуку) составили 700 тыс. ленинградцев. Однако гитлеровский план молниеносной войны был сорван, она превратилась в длительную, затяжную, в ходе которой группа армий «Север» два с половиной года просидела в болотах и лесах северо-запада России и затем была вынуждена поспешно отходить в Восточную Пруссию.

А.В. Басов, доктор исторических наук

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ. XVIII–XX века. Автор и сост. проф. Э.А. Иванян. М.: Международные отношения, 2001. 692 с. Тир. 3 000

Отрадным фактом последних лет стало появление все большего числа энциклопедических и справочных изданий. Одно из них – «Энциклопедия российско-американских отношений XVIII–XX века» (автор и составитель Э.А. Иванян при участии В.И. Батюка, М.А. Литвиновой и В.О. Печатнова), опубликованная издательством «Международные отношения» при помощи и финансовой поддержке Посольства США в Российской Федерации.

Подобная фундаментальная работа, претендующая на освещение трехвековой истории отношений между Россией и США, предпринята в нашей стране впервые. При этом напряженный многолетний труд в архивах и библиотеках двух стран стал возможным благодаря грантам ряда фондов и научных центров.

Хронологические рамки энциклопедии охватывают не только XVIII–XX вв., но и более ранние события. Среди них первое упоминание в 1540 г. (на самом деле «вскоре после 1548 г.»¹) «Нового света» в одной из рукописей Максима Грека (с. 325),

первое упоминание на русском языке в 1584 г. «великого острова "Америка", который нашел "Аммерикус Веспучиа"» (с. 598), контакты Петра I с Уильямом Пенном в 1698 г. и его интерес к далекому американскому континенту (с. 396–397), начало торговых отношений между нашими странами, отмеченное в одном из стихотворений 1732 г. В.К. Тредиаковского (с. 548).

Много интересной и полезной информации приводится в таких объемных статьях, как «Российская Американская компания», «Русская Америка», «Русская диаспора в США», «Торгово-экономические связи между Россией (СССР) и США», «Эмиграция из России в США», «Первые русские публикации об Америке», «Ленд-лиз» и др. В статье «Дипломатические отношения между Россией (СССР) и США» и примыкающих к ней статьях «Российско-советско-американские отношения...», «ОСВ-1», «ОСВ-2» подробно прослеживается история взаимоотношений между двумя странами и рассматрива-

ются документы о сотрудничестве в самых разных областях – от культуры и медицины до ограничения стратегических вооружений. Энциклопедия выделяется редким для подобного рода изданий обильным цитированием, позволяющим познакомиться с мнением того или иного персонажа о многих событиях, явлениях или лицах из первых рук.

Существенную часть книги занимают биографии лиц, в той или иной степени причастных к отношениям между нашими странами. Среди них российские императоры и генеральные секретари ЦК КПСС, президенты США, главы МИД России (СССР) и госсекретари США, послы и посланники, писатели, произведения которых переводились соответственно на русский и английский языки и оказали большое влияние на культуру обеих стран, ученые и инженеры, промышленники и коммерсанты, журналисты и общественные деятели, композиторы и дирижеры, балерины и танцовщики, певцы и музыканты. Наряду с персонажами, широко известными, в энциклопедии помещено много биографий эмигрантов, особенно деятелей искусства, чей жизненный путь зачастую малоизвестен в России. Особо стоит отметить весьма детальные биографии разведчиков как российских (А.И. Абель, В.Г. Барковский, Г.Н. Большаков, Л.Г. Квасников, супруги Коэн, П.Ю. Орас, А.С. Феклисов, «Ким» Филиби, А.А. Яцков), так и американских (Д.К. Пул, Э.Э. Смит, Н.К. Стайнс и др.). О жизни и деятельности многих из них читатель узнает, пожалуй, впервые столь подробно.

Много места уделено коммунистической партии США, ее печатным органам, лидерам и функционерам. Среди них Э. Браудер и Г. Холл, У.З. Фостер и Ч. Рутенберг, Б. Гитлоу и Анджела Дэвис. Две страницы занимает биография Джона Рида, страница отведена обстоятельствам появления и пересылки в США «Письма американским рабочим» В.И. Ленина. Однако, исходя из посылки автора энциклопедии, согласно которой «такая информация доступна в любом справочном издании» (с. 8), особенно в выходивших в последние десятилетия XX в., следует, на мой взгляд, признать подобное многословие излишним.

В энциклопедии помещены биографии всех московских американистов (историков и правоведов, политологов и экономистов), причем даже тех из них, кто никогда не занимался российско(советско)-американскими отношениями. Из провинциальных ученых этой чести удостоились только два петербуржца: член-корреспондент РАН Р.Ш. Ганелин и академик РАН А.А. Фурсенко. Забытыми оказались профессора С.Б. Окунь, написавший одну из первых монографий о Русско-американской компании, В.К. Фураев, занимавшийся именно советско-американскими отношениями и воспитавший десятки учеников – докторов и кандидатов наук, Б.П. Полевой, А.В. Гринев, С.Г. Федоров и многие др. Между тем помимо столиц американисты в Рос-

сии живут и работают во многих местах – от Севера до Дальнего Востока. Профессор Поморского университета М.Н. Супрун много лет успешно занимается изучением ленд-лиза и северных конвоев, А.И. Алексеев – автор многих работ о Русской Америке и ее исследователях, К.Т. Тихий из Уссурийска исследует американское общественное мнение о Советском Союзе и т.д. Примеры можно продолжить. Подобное высокомерно-пренебрежительное отношение к коллегам не делает чести столичному изданию.

Столь же непонятным является подход к американским исследователям. В энциклопедии имеются биографии Р. Пайпса и М. Шульмана, А. Шлезингера и А. Даллина, Дж.Л. Гэддиса и Н. Соула, ряда других ученых. Абсолютно неясно, по какой причине в нее не попали такие признанные мэтры американской русистики, как Э. Кинан и М. Раев, Л. Хеймсон и У. Розенберг, А. Рабинович и Р. Уортмен, А. Уайлдмен и Т. фон Лауз, Ф. Стэрр и Г. Фриз и др. Не упоминается и Е.М. Двойченко-Маркова – одна из родоначальниц изучения российско-американских научных связей.

Аналогичная ситуация и с дореволюционными российскими исследователями. Вполне заслужили включения в энциклопедию профессор А.В. Лохвицкий, первым издавший тексты Декларации независимости и Конституции США на русском языке и высоко их оценивший, и П.А. Тихменев – автор капитального труда «Историческое обозрение Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени» (СПб., 1861–1863), дважды, в 1938 и 1978 гг., издававшегося в США на английском языке, который, по справедливой оценке академика Н.Н. Болховитинова, «до сих пор остается наиболее подробным исследованием истории русской Америки»². В этот список можно было бы включить и таких широко известных в американистике специалистов, как А.В. Бабин, М.Н. Ковалевский, П.Г. Межуев, М.Я. Острогорский и др.

Русской Америке в энциклопедии, как уже отмечалось, отведено заслуженно много места. Можно лишь сожалеть, что из 13 главных правителей Русской Америки биографических справок удостоились только Л.А. Гагемейстер и барон Ф.П. Врангель. В энциклопедии, например, даже не упоминается А.К. Этолин, бывший, по мнению российских американистов, «выдающимся руководителем российских колоний в Новом Свете»³, не говоря уже о других его предшественниках и преемниках на этом высоком посту. А ведь им посвящены многие страницы 3-томного капитального труда «История Русской Америки» и несколько американских изданий⁴.

К сожалению, на страницах энциклопедии не получил отражения ряд событий и сюжетов из истории взаимоотношений наших стран. Так, даже не упоминается о работе по спасению участников американской арктической экспедиции под командова-

нием Дж.В. Де Лонга, предпринятой в 1881 г. российскими властями по просьбе госдепартамента США. Практически ничего не сообщается о дипломатической деятельности в США в 1911–1917 гг. Ю.П. Бахметева. Зато нашлось место для Б. Коверды (с. 258), убившего советского дипломата П.Л. Войкова, по той лишь причине, что местом своей эмиграции он в 1956 г. избрал США. Помещена и подборная, с перечислением всех титулов и званий биография академика И.И. Минца, связь которого с Америкой ограничилась предисловием к мемуарам генерала Л. Грейвса «Американская авантюра в Сибири».

Жанр энциклопедии, т.е. систематического свода знаний, подразумевает точность и полноту содержащейся в ней информации. Тем не менее в тексте рецензируемого издания, к примеру, имеется немало пробелов и вопросительных знаков при указании годов жизни различных персонажей. Установить же их зачастую не составляет большого труда. Так, сын президента США Ф.Д. Рузвельта Эллист Рузвельт скончался в 1990 г. (с. 462), любавичский раввин Менахем Мендель Шнеерсон – в 1994 г. (с. 621), известный русский генерал журналист В.А. Яхонтов – в 1978 г. (с. 638). Кстати, в биографической справке о В.А. Яхонтове стоило бы отметить, что после реэмиграции в СССР он был награжден орденом Дружбы Народов, а погребен в Александро-Невской Лавре – событие в советские времена крайне редкое. Капитан 2-го ранга П.Н. Головин, даты рождения и смерти которого вообще отсутствуют, родился в 1832 г., а скончался в 1862 г.

Энциклопедия не свободна, к сожалению, от ошибок и неточностей. Так, из биографии Дж.К. Адамса (с. 11) следует, что он был «посланником США в Голландии (1794), затем в Португалии (1796)». Но если в Голландии Дж.К. Адамс представлял свою страну до 1797 г., то в Португалии он вообще не был. Дж. Вашингтон действительно назначил его в Лиссабон, но прежде чем попасть на Иберийский полуостров Дж. Адамс, заменивший Вашингтона в качестве главы государства, счел, что его сын должен представлять США в Пруссии, где он и пробыл до 1801 г. Но об этом в энциклопедии не говорится.

Российский посланник в США барон Э.А. Стекль был награжден орденом Белого Орла, а не мифического Большого Орла (с. 515). Кстати, непонятно, почему российское правительство выдало ему за заслуги в операции по продаже Аляски «вознаграждение в размере 20 тыс. долл., ежегодную пенсию в 6 тыс. долл.» (там же). Денежной единицей России всегда был рубль, и именно рубли значатся в соответствующих документах.

Американский профессор Б. Рубл, многие годы возглавляющий washingtonский Институт русских исследований им. Дж. Кеннана, почему-то стал директором нью-йоркского Института высших исследований России им. А. Гарримана (с. 458), Секретарь командующего американской морской экспедицией

1866 г. капитана Г.В. Фокса был по происхождению французом, а потому известен как Дж.Ф. Луба, а не Дж.Ф. Лубат (с. 32). Вряд ли правомерно называть Национальный институт содействия науке, основанный в 1840 г., одним из «первых научных учреждений США» (с. 356). Классическое сочинение В. Ирвинга «История Нью-Йорка», опубликованное на русском языке в серии «Литературные памятники», не заслужило определения «литературный комикс» (с. 234).

Первым американским ученым, приехавшим в Пулковскую обсерваторию по приглашению известного российского астронома Отто Струве, был, как утверждается в энциклопедии, астроном Эндрю Д. Уайт (с. 13). Э.Д. Уайт действительно посетил в 1855 г. обсерваторию, но был он не астрономом, а секретарем дипломатической миссии США в России, недавно закончившим Йельский университет. В дальнейшем Уайт стал известным ученым, но не астрономом, а историком, основателем и первым президентом Корнельского университета и посланником США в России. Именно посланником, а не по-слоном, как сообщается в краткой биографической справке Уайта (с. 558). На уровень посольств дипломатические отношения между нашими странами были подняты спустя несколько лет, и первым послом США в России в 1798 г. стал Э.А. Хичок.

Утверждение о том, что известный российский литератор, художник и дипломат П.П. Свинин «по возвращении на родину собирался издать свои труды об Америке, но завершить их издание не успел» (с. 488), не соответствует как фактам публикации этих работ, так и дальнейшему содержанию биографической статьи об этом персонаже. Канцлером Российской империи был граф Н.П. Румянцев, а не Романцов (с. 11). Чихачева звали не Петр, а Платон Александрович (с. 611). Джон Пол Джонс провел на Черном море только одну навигацию 1788 г., а не «несколько лет» (с. 188). ЛГУ носил в свое время имя А.А. Жданова, а не А.И. Герцена (с. 5). Почти ни одна из биографических статей энциклопедии не содержит сведений о родителях соответствующего персонажа. Поэтому абсолютно непонятно, зачем понадобилось в биографии журналиста Д.У. Чэмбера сообщать, что он «родился в проблемной семье гомосексуалов (sic! – В.П.) и алкоголиков» (с. 613).

Думается, что многих ошибок и неточностей, как отмеченных, так и оставшихся за рамками рецензии, удалось бы избежать, если бы рукопись энциклопедии прошла процедуру рецензирования, почему-то позабытую в последние годы.

Несмотря на отмеченные недостатки, «Энциклопедия российско-американских отношений» является капитальным трудом, который будет востребован исследователями, журналистами и широким кругом читателей, интересующихся нелегкой трехвековой историей взаимоотношений России и Соединенных Штатов.

Ценным дополнением к энциклопедии служат приложения, в которых помещены Хроника российско-американских отношений с 1540 г. до 30 октября 2000 г.; списки послов (посланников) США в Российской империи, СССР и Российской Федерации и соответственно послов (посланников) нашей страны в США, а также обширная библиография, включая электронные базы данных.

**В.Н. Плешков, доктор исторических наук
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)**

Примечания

¹ Б у л а н и н Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984. С. 46–52.

² История Русской Америки. В 3 т. Т. 1. М., 1997–1999. С. 7.

³ Там же. Т. 3. С. 61.

⁴ См., напр.: Pierce R.A. The Russian Governors: Builders of Alaska, 1818–1867. Kingston. Ont. 1986; Russian America. A Biographical dictionary. Kingston, Fairbanks, 1990.

ОПЫТ РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ. XVIII–XX века. М.: Наука, 2001. 246 с. Тир. 700

В центре внимания коллектива авторов рецензируемой монографии, подготовленной Институтом истории и археологии УрО РАН (ответственный редактор академик РАН В.В. Алексеев), находятся процессы перехода от традиционного к индустриальному обществу в России, вступающей на путь постиндустриального развития. В качестве теоретико-методологической основы исследования используется теория модернизации – одна из самых востребованных сегодня в отечественной исторической науке макротеорий. Такой выбор представляется вполне оправданным, поскольку эта теория рассматривается многими учеными, изучающими социальные процессы, в качестве наиболее адекватного познавательного инструмента при исследовании исторического развития многих стран в течение последних столетий.

Само понятие «модернизация» – не слишком четкое, многомерное. Его содержание менялось с течением времени. В XIX – начале XX в. им обычно обозначали рост рациональности и атеизма, борьбу против деспотических режимов и суеверия. В середине XX столетия термин «теория модернизации» был введен рядом западных авторов в определенные концептуальные рамки и стал чаще использоваться в качестве синонима экономического роста и внедрения либеральных ценностей (У. Ростоу, М. Леви, Д. Лернер и др.). Постепенно пришло осознание того, что существуют различные пути к современному обществу (Б. Мур, С. Эйзенштадт, Г. Тёрборт, В. Цапф и др.). Теория модернизации не потеряла актуальности и сегодня. Дополнительный импульс ее развитию дали, в частности, процессы, протекающие в последние десятилетия в странах Юго-Восточной Азии, а также на посткоммунистическом пространстве Центральной и Восточной Европы, Северной и Средней Азии.

Ученые продолжают использовать концепт «модернизация» не только потому, что он часть популярного научно-теоретического дискурса, но и

потому, что множество частных изменений, наблюдавшихся в различных областях человеческой жизни в процессе трансформации традиционного общества, связаны между собой и многие страны проходят через процесс всесторонних изменений на основе определенных закономерностей.

Модернизация, если под ней понимать длительный и разновременный для различных регионов процесс перехода от традиционного к современному обществу, включает множество коренных сдвигов на протяжении последних 400–500 лет в некоторых западных странах и по меньшей мере полстолетия в так называемых развивающихся странах. Применительно к России данный период охватывает приблизительно три века, начиная с эпохи петровских преобразований. По масштабам и значимости модернизация трактуется как одна из крупнейших трансформаций в истории человечества, сравнимая разве что с неолитической революцией.

Исследование опыта российских модернизаций проведено авторами монографии на основе скрупулезного анализа богатейшего историографического и документального материала, зачастую впервые вводимого в научный оборот. Логичным представляется построение монографии. Издание включает теоретический раздел с критическим обзором модернизационной парадигмы (глава 1 – В.В. Алексеев, И.В. Побережников); анализом процессов модернизации на общероссийском уровне (глава 2 – В.В. Алексеев, И.В. Побережников, А.С. Сенявский, О.Л. Лейбович); сопоставлением динамик модернизации и регионального развития (глава 3 – К.И. Зубков, В.В. Алексеев, И.В. Побережников). Особую роль играет последний раздел (главы 4 и 5), в рамках которого проведено исследование индустриализации, урбанизации, формирования городского образа жизни – основных составляющих модернизации – на материале уральского региона (А.Э. Бедель, В.Г. Железкин, К.И. Зубков, С.П. Постников, С.В. Воробьев, О.Л. Лейбович, Л.Н. Ма-

ртюшков, А.Г. Оруджиева, О.Н. Яхно). Подобный подход позволяет сопоставлять макро- и мезотенденции модернизации на страновом и региональном уровнях.

Конкретно-историческому анализу модернизационных процессов в монографии предшествует серьезный историографический раздел, в котором проанализирована эволюция теории модернизации, выявлены основные ее теоретико-методологические и дисциплинарные течения, обсуждены теоретические и методологические проблемы ее применения. Авторы отмечают изменение фокуса исследований (переход от абстрактного и обобщенного конструирования «идеальных» систем к конкретно-историческому анализу, позволяющему с помощью теории объяснить эмпирические, в том числе уникальные и ситуационно-детерминированные явления и процессы); сдвиг от рассмотрения процесса модернизации как линеарного иteleологического к видению его в качестве многовариантного и открытого; отказ от изображения модернизации в виде элементарной замены традиционных институтов и ценностных систем современными; признание реальности и плодотворности взаимодействия традиционности и современности в процессе модернизации, наличия потенциала саморазвития у традиционного комплекса. К числу наиболее важных особенностей эволюции школы модернизации авторы относят, в частности, рост внимания к конфликтам в ее процессе и влиянию на данный процесс внешних (по отношению к изучаемой стране) факторов; инкорпорацию в теоретическую модель фактора исторической случайности; признание циклической природы процесса модернизации и др. (с. 44–45). В данном разделе идентифицированы основные теоретико-методологические (системно-функциональный, социально-процессуальный, компаративный) и дисциплинарные подходы в изучении модернизационной перспективы и определены их сильные и слабые стороны. В результате операционализации понятия «модернизация» определено общее и специфическое содержание данного термина в контексте категорий «капитализм», «социализм», «индустриализация», «урбанизация», «бюрократизация». Представляет интерес данная авторами оценка западных работ об опыте российских модернизаций (с. 23, 39 и др.). Думается, однако, что большего внимания заслуживает рассмотрение «органичной» и «догоняющей» моделей модернизации.

Авторам в целом удалось показать, что теория модернизации – не застывшая догма, она продолжает развиваться, в определенной мере пересматриваться и совершенствоваться в процессе формирования реакций на развитие и критику со стороны конкурирующих теорий. Корректировка методологических и теоретических основ данной научной парадигмы, по мнению авторов, способствовала повышению уровня ее общности, многомерности и чувствительности по отношению к изменяющейся исторической действительности. Однако и с учетом

этого оказалось непросто оценить характер трансформаций советского общества в контексте теории модернизации. Авторы приходят к выводу о том, что, с одной стороны, «страна шла по пути модернизации в русле мирового процесса»; с другой – модернизация носила догоняющий характер и «насаждалась сверху железной диктатурой», которая «не решала многих задач классической модернизации, таких, как создание полноценного рынка товаров, капиталов и труда, не обеспечивала свободу личности» (с. 69).

На основе теоретической и историографической разработок в книге предложена теоретико-методологическая модель российского модернизационного перехода, адаптированная к изучению процессов на региональном уровне. Данная модель основана на использовании эволюционного и цивилизационного подходов и ориентирована на изучение модернизационных сдвигов в геополитическом, институциональном, экономическом и социокультурном контекстах, в организации которых существенную роль играют корневые характеристики цивилизационно-социокультурного ядра общества. Выявлена существенная роль в процессе модернизации социокультурного фактора, в частности традиционного наследия, не только придававшего своеобразный оттенок эволюции доиндустриального общества в современное, но и интегрировавшегося в данный процесс.

Большой исторический и теоретический интерес представляет по существу поставленная впервые в отечественной историографии в рецензируемой монографии проблема взаимодействия модернизации и региональной динамики. Сложен и вопрос о том, как процесс модернизации в конечном итоге соотносился с развитием пространственно-географического базиса российской экономики. Несомненно, что политика модернизации, основанная на вовлечении в экономический оборот естественных ресурсов, способных дать значительную и быструю отдачу, не могла не вести к «очаговому», несколько искусственно и одностороннему, хозяйственному росту новых территорий. Это убедительно доказывается в монографии. Сопоставляя модернизационную и региональную динамики, авторы приходят к выводам, которые в определенной степени отличаются от устоявшихся представлений о природе модернизации и характере колонизационного процесса в России. Установлено, например, что территориальные последствия политики модернизации, служившей инструментом ускоренного преодоления социально-экономической и культурной отсталости страны, носили на протяжении последних веков российской истории «маятниковый» характер. Обычно расширение участия государства в реализации политики территориального размещения производительных сил происходило за счет ослабления роли рыночных регуляторов развития экономики, нарушающих базовых соотношений между затратами и результатами. В долговременной исторической пер-

спективе необходимая мера диффузии индустриального потенциала создавала предпосылки расширения общего территориального базиса развития общества, но в краткосрочной перспективе такая политика заметно страдала отсутствием экономической рациональности, усиливая механизм блокирования технологического и социального развития.

В книге показано, что естественно-географические факторы в целом играли в процессе модернизации России существенную роль. Формирование географической модели организации промышленного производства (и вообще того, что в XX в. будет названо политикой размещения производительных сил) на ее начальном этапе почти целиком определялось перевесом природно-естественных факторов продуктивности (наличие богатейших и доступных для разработки ресурсов – руды, леса, водной энергии и т.п.) над социально-экономическими и технологическими. Не будет преувеличением сказать, что именно благодаря исключительным естественно-природным факторам и экстенсивным резервам роста экономики становилась возможной сама политика модернизации страны, в которой выделяются три волны: первая, начатая царствованием Петра I; вторая, связанная с «великими реформами» 1860-х гг., и третья – советская. Заслуживает внимания наблюдение о значительной роли периферийных территорий в формировании импульсов складывания новой властно-политической структуры. В этом случае мы, по-видимому, имеем дело не с исключительно российским явлением. Подобные ситуации можно проследить и на примере западноевропейских государств.

Теоретико-методологическая модель, развивающая авторами книги, апробировалась при изучении модернизационных перемен на конкретно-историческом региональном (в качестве объекта исследования взят Урал) материале в следующие эпохи: промышленная колонизация (XVIII–XIX вв.); капиталистическая модернизация пореформенного периода и начала XX в.; сталинская индустриализация; начало научно-технической революции. Рассматривая индустриализацию как «ядро» модернизационного процесса и отмечая характерные черты и осо-

бенности индустриализации Урала на различных ее этапах, авторы уделяют внимание и социокультурным аспектам процесса урбанизации, исследуя как количественные, так и качественные характеристики этого противоречивого процесса. Установлено, что российская модернизация приобретала форму эпигенеза в двух отношениях: не только в виде заимствования новых институциональных и технико-экономических форм, но и в территориально-географическом разрезе – в виде подведения под экономику новой пространственной и ресурсной базы и, как результат, формирования на этой основе новых властно-политических институтов и отношений.

Большой научный интерес представляет наблюдение о том, что модернизация не может описываться в соответствии с «классическим» каноном как телесный процесс гомогенизации и однозначного распространения наиболее передовых институциональных и технологических форм. Так, в ходе раннеиндустриальной модернизации, как отмечают авторы, на протяжении второй половины XIX в. наблюдался непрерывный рост «протоиндустриальной промышленности» – мелких промысловых кустарно-ремесленных заведений, опровергающий представление о модернизации как процессе нивелировки производственных систем, выравнивания их по стандарту «индустриального капитализма».

Актуальность данной монографии не вызывает сомнений. Без основательного, глубокого изучения особенностей российского варианта перехода от традиционного, аграрного общества к современному, индустриальному невозможно объяснить специфику национального исторического процесса, выявить место России в мировой цивилизационной динамике. Издание представляет собой удачное сочетание серьезного теоретического труда и конкретно-исторического исследования. В целом монография позволяет глубже осмыслить историю как России в целом, так и Уральского региона. Можно лишь сожалеть об отсутствии в книге именного и географического узателей.

**Л.И. Бородкин, доктор исторических наук
(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова)**

РОССИЯ В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА / Под ред. чл.-корр. РАН А.Н. Сахарова. М.: Новый хронограф, 2002. 744 с. Тир. 1000

В процессе бурного развития отечественной исторической науки в последнее десятилетие происходит, с одной стороны, освоение новой проблематики, в силу идеологических причин ранее недоступной для исследователей, а с другой – научное переосмысление сделанного ранее. Рецензируемая монография удачно сочетает в себе оба достоинства.

Книга вышла в основанной в 2002 г. серии исследований «Россия. ХХ век», под общей редакцией академика РАН А.Н. Яковлева. Издание осуществлено при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). Монография включает в себя введение «Россия в начале ХХ в.: народ, власть, общество», написанное чл.-корр. РАН А.Н. Сахаровым,

а также 17 разделов, подготовленных авторским коллективом в составе А.Н. Баханова, Л.С. Гатаговой, А.Е. Иванова, Н.А. Ивановой, А.П. Корелина, Л.В. Кошман, Ю.А. Петрова, Г.Н. Ульяновой. Авторы книги хорошо известны профессиональным историкам по исследованиям многих актуальных проблем истории России XIX–XX вв.

Предметом специального анализа в коллективной монографии являются основные доминанты российской государственности, о которых говорится во введении. Следует отметить, что обширный очерк А.Н. Сахарова «Россия в начале XX века: народ, власть и общество» вряд ли можно назвать «введением» в привычном для нас смысле этого слова. По прочтении этой части книги еще раз убеждаешься в том, что если судьба любой страны определяется не только состоянием ее экономики, уровнем развития технологий, количеством населения и военным потенциалом, но и geopolитическими факторами, то для российской государственности последние значили особенно много. Во введении отмечается, что русское централизованное государство складывалось в жестком противоборстве с Ордой и Великим княжеством Литовским как мощная милиаризованная организация и довольно рано перешло от обороны своих рубежей и борьбы за независимость к масштабной экспансии. Важнейшей предпосылкой и духовной основой централизации стало формирование во второй половине XV в. национально-государственной идеологии, совпавшей по времени со становлением автокефальной Русской православной церкви. Идеологическая доктрина «Москва – третий Рим» была призвана объединить многочисленные народности России и закрепить статус страны как европейской державы.

Таким образом, переходу российской государственности в фазу имперского развития непосредственно предшествовал период консолидации Московского княжества, приобретавшего при этом черты национальной государственности. Эти черты латентно сохранялись и в ходе формирования империи, чему способствовала глубокая укорененность православной традиции в менталитете населения и гипертрофия государства над общественными структурами. Уже в XVI–XVII вв. в российской государственности все более укоренялись черты восточного деспотизма, а также наиболее жестких моделей авторитарных монархий Запада. Заслуживает особого внимания новаторский тезис А.Н. Сахарова о том, что названные выше черты российского политического строя стали «ответом России на вызов окружающей действительности, результатом которого явилось формирование *абсолютно российской политической системы*, развивавшейся на огромных евразийских пространствах в окружении порой совсем иных цивилизационных тенденций» (с. 13). Несмотря на крупномасштабные попытки модернизации страны в XVIII–XIX вв., эта система мало изменилась к началу XX в., хотя процессы, происходив-

шие в экономической, социальной и культурной сферах общества, требовали ее модификации.

Два очерка А.Н. Баханова – «Государство и власть» и «От самодержавной к самодержавно-парламентской монархии» – посвящены анализу государственно-правовой системы Российской империи до и после принятия Основных государственных законов 1906 г. Автор отмечает, что перемены в государственном управлении страной произошли по двум важным направлениям. Во-первых, впервые в России практически была осуществлена идея об органе представительной власти, находившаяся в центре общественных дискуссий на протяжении всего XIX в. Во-вторых, частично была легализована оппозиционная политическая деятельность, что позволило сформировать многопартийную систему, которая стала оказывать определенное влияние на управление государством. Характеризуя органы управления империи, А.Н. Баханов основной акцент делает на анализе государственного аппарата и особенностях российской бюрократии. Вероятно, очерки заметно бы потеряли в передаче самого «духа эпохи», если бы их автор не затронул вопроса о личности Николая II и его мировоззренческих установках. Последний император России унаследовал трон в период, когда некоторые элементы традиций православного царства еще сохранились, однако все более перемещались в периферийные зоны политической культуры, приобретая чисто ритуальный характер. Невзирая на попытки проправительственной печати реанимировать в общественном сознании представления о провиденциальном и сакральном характере российской государственности и царской власти, в стране, по словам А.Н. Баханова, обнаружились «очертания роковой политической диспозиции общественного раскола и разлада, не только просуществовавшей до самого падения монархической государственности в России, но во многом способствовавшей этому страшному крушению» (с. 459).

Состояние российской экономики начала XX в. проанализировано в содержательном очерке Ю.А. Петрова, где с привлечением обширного статистического материала убедительно показывается ход и последствия реформ С.Ю. Витте. Особый интерес вызывают разделы о кредитно-банковской структуре и налоговой системе России в начале XX в., что понятно, так как автор является создателем фундаментальной монографии по этой проблематике¹. Два очерка А.П. Корелина также посвящены проблемам, над которыми историк работает долго и плодотворно, – сельской России на рубеже XIX–XX вв. и столыпинской аграрной реформе. Самого серьезного внимания заслуживает взвешенность оценки А.П. Корелиным аграрных преобразований П.А. Столыпина, которые оказали неоднозначное воздействие на сельское хозяйство, да и сам реформатор стал заложником косной авторитарной политической системы.

Большой массив нового статистического материала впервые вводит в научный оборот Н.А. Иванова в двух разделах о социально-демографической ситуации и о городах Российской империи. Необходимо заметить, что для российской историографии последнего времени характерен возросший интерес к внешнеэкономическим, социокультурным истокам российских революций начала XX в. Крах буржуазной модели развития России некоторые историки объясняют отнюдь не исчерпанием возможностей для осуществления модернизации страны, а напротив, несоответствием модернизации традиционному мировосприятию большинства населения. При этом отмечается, что динамизм развития российской экономики, во многом связанный с экономическими реформами Витте, не привел к социальной и политической стабильности в стране. Незаконченная модернизация экономики не смогла снять социальную напряженность в обществе, поскольку любая реформаторская политика есть искусство возможного в рамках правящего режима, но вызывала существенные социальные сдвиги в стране, а также усиливала инверсии социокультурного развития. Если урбанизация населения в западноевропейских странах развивалась в направлении нивелирования местных, сословных, этнических и классовых особенностей общественного и частного быта, то для России оставалась характерной большая степень фрагментированности общества. Можно согласиться с Б.Н. Мироновым, что три главных группы населения – дворянство, горожане и крестьянство – «из-за различных типов социальной динамики в конце XIX в. находились на разных стадиях социального развития и социальной организации, жили в значительной мере в разных социальных, правовых и культурных условиях, несмотря на то, что постоянно взаимодействовали и влияли друг на друга»². В этом отношении требует уточнения утверждение Н.А. Ивановой о том, что «основные исторические и экономические закономерности развития были в России такими же, как и в других западных странах» (с. 106). Правда, несколько далее она говорит о своем намерении проанализировать социально-демографическую ситуацию в России с учетом многих параметров, исходя из особенностей ее geopolитического положения, социальной структуры и др. Несомненно, это будет интересное исследование, и остается только ждать его выхода в свет.

В краткой рецензии невозможно детально проанализировать все 17 представленных в книге очерков. Однако о двух из них все же хочется сказать несколько слов. Разумеется, говоря о Российской империи начала XX в., невозможно исключить из сферы научного исследования состояние межэтнических отношений в стране (автор – Л.С. Гатагова). Интересна предложенная исследователем схема, позволяющая выделить специфические этнополитические регионы страны, для которых характерны разные модели межэтнических характеристик

(ассимиляции, компромиссных взаимоотношений центра и периферии и др.) Попытка Л.С. Гатаговой определить понятийный аппарат представляется менее успешной. Этнополитология – молодая отрасль науки, но она интенсивно развивается в России. Только за два последних года в свет вышло много серьезных исследований по данной проблематике, знакомство с которыми, безусловно, позволило бы автору избежать упрощенных схем классификации этнических конфликтов в России (с. 141)³.

Рецензируемая монография выглядела бы не полно без разделов о науке и образовании, здравоохранении и художественной культуре конца XIX – начала XX в. Среди этих разделов особенно хочется выделить очерк, написанный Г.Н. Ульяновой «Национальные торжества (1903–1913 гг.)». Возможно, что у части авторского коллектива были определенные сомнения в целесообразности анализа этих сюжетов: ведь еще полтора десятилетия назад автор могла бы быть причислена к «махровым монархистам». К счастью, времена изменились, и историки обрели творческую свободу в выборе интересующей их тематики. Данный раздел придает монографии интересный колорит и, несомненно, окажет практическую помощь в изучении самых разнообразных вопросов.

Таким образом, рецензируемая монография создает широкое полотно российской жизни начала XX в. У читателя создается цельный образ дореволюционной России, он может почувствовать весь драматизм, противоречивость ее развития, где часто уживаются полярные явления.

Вместе с тем нельзя не отметить, что, несмотря на заявленный монографический жанр, книга больше напоминает серию очерков, хотя и имеющих предметом исследования общие географическое и временное пространство, но не связанных единством концептуальных установок авторов. Разумеется, такой большой научный труд не может не содержать ряд мелких погрешностей и неточностей. Так, в частности, вызывает сомнение утверждение Л.В. Кошман о том, что только К.С. Малевич является создателем русского авангарда (с. 719). С полным правом на эту роль может претендовать и один из создателей абстракционизма В.В. Кандинский. Говоря о традициях и новаторстве в художественной культуре рубежа двух веков, вряд ли можно пройти мимо такого феномена, как русский модерн в архитектуре, одной из ярких звезд которого был Ф.О. Шехтель. В отдельных разделах книги встречаются и повторы. Так, в частности, немало страниц отводится погромному движению в главах о Первой российской революции (автор – Ю.А. Петров) и межэтнических отношениях в стране (автор – Л.С. Гатагова).

Однако эти замечания, конечно, носят частный характер. Большой исследовательский потенциал и творческие возможности авторов – залог того, что они могут написать еще не один насыщенный новы-

ми фактами и оценками труда. В заключение хотелось бы отметить еще одно обстоятельство, которое делает настоящую книгу особенно желанной для многих историков. Пятнадцатилетний опыт работы в вузе позволяет рецензенту утверждать, что, несмотря на кажущееся изобилие учебников по истории России, многие из них далеки от высокого уровня научного осмысливания материала, страдают компилиативностью, а то и просто повторяют набившие оскомину схемы доперестроечного периода. Разумеется, появляются и серьезные работы этого жанра⁴. Большинство же преподавателей, чтобы восполнить создавшийся дефицит литературы для студентов, идут по пути издания внутривузовских учебников силами своих кафедр, что не всегда им по силам. Книга же «Россия в начале XX века», несомненно, станет очень важным подспорьем как при подготовке преподавателей к лекциям, так и в качестве рекомендованной студентам дополнительной

литературы с целью углубленного изучения этого периода истории России.

Л.А. Жукова, доктор исторических наук
(Государственный университет управления)

Примечания

¹ Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. – 1914. М., 1998.

² Миронов С.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 1999. С. 291.

³ Тураев В.А. Этнополитология. М., 2001; Чернявский А.Г. Региональная политика. М., 2000.

⁴ Новейшая история Отечества XX в.: Учебник для вузов. В 2 т. / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М.Щадина. М., 1999.

А. С. АХИЕЗЕР, А. П. ДАВЫДОВ, М. А. ШУРОВСКИЙ, И. Г. ЯКОВЕНКО, Е. Н. ЯРКОВА. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ И СМЫСЛ БОЛЬШЕВИЗМА. Новосибирск: Сибирский историограф, 2002. 607 с. Тир. 1 000

За последние 15 лет в отечественной исторической, социологической и политологической литературе сложилась традиция критического изучения истории России XX в. и одной из ее центральных проблем – истории большевизма. Тем не менее многие направления в рамках этой проблематики остаются неизученными не из-за недостатка источников, а из-за того, что у исследователей отсутствуют методологически выверенные ориентиры в подходе к решению этой задачи. Поэтому так интересно исследование о социокультурных основаниях и смысле большевизма, где ставится множество проблем, которые могут стать отправной точкой для последующих исследований историков.

Это направление в науке, несмотря на его многолетнюю разработку А.С. Ахиезером, И.Г. Яковенко, А.П. Давыдовым и другими философами¹, остается мало востребованным историками главным образом потому, что оно активно вторгается в интимную сферу исторического сознания, взламывает границы запретных тем, провоцируя этим кризис исторической самоидентификации у читателей и исследователей. Лишь малая часть затронутых вопросов касается объективных естественноисторических процессов. Большинство же тем неразрывно связаны с личностным выбором человека, его социальными и культурными корнями.

В этом смысле содержание книги гораздо более конфликтогенно, чем известные этим качеством те-

ории многоукладности отечественной экономики или евразийских корней российского авторитаризма. Поиск причин победы и краха большевизма ведется в сфере культуры, с которой так или иначе соотносит себя каждый человек, а значит, и каждый историк. Социокультурная история – это история ревизии жизнеспособности общества. Она ставит под сомнение способность личностей, групп, сообществ и всего общества воспроизводить себя, используя смысловой запас языка и культуры, преобразуя ее нормы и ценности в программы и решения, т.е. в соответствии с наработанной традицией. Одновременно это и критика способности исторических субъектов изменять, интерпретировать сконцентрированный и организованный в культуре опыт, формировать новые смыслы как своего рода «атомы» культуры и при помощи этой стратегии преодолевать неудачи, опасности, катастрофы и обеспечивать выживание, социальное и культурное воспроизводство. Современный фон этой теоретической деятельности – очевидный кризис российской культуры как системы, вынужденной в ходе общественной дискуссии переопределить свои основания. Данную ситуацию можно отчасти сравнить с той, которая была характерна для ФРГ в 1950-е гг., когда немецким социологам и историкам пришлось «переоткрывать» Германию как неизвестную страну.

В центре проблематики книги – закономерность появления большевизма как идеологической и по-

Остановимся на значении этой книги, уже получившей высокую оценку в философской и литературной периодике, для развития исторического знания. Такая постановка вопроса оправдана намерениями и претензиями самих авторов, которые достаточно широко используют работы историков И.Ф. Гиндина, В.В. Поликарпова, К.Ф. Шацкого, Л.В. Милова, Б.Н. Миронова, В.П. Булдакова, В.А. Козлова и др. Сразу же оговорюсь, что рецензируемое исследование носит философско-социологический характер, что следует из самого его названия. Речь в нем идет преимущественно не о большевизме в его исторической ипостаси, а о большевизме как *идеальном типе* в том смысле, в каком это понятие употреблял М. Вебер, т.е. о познавательной модели, ярко, порой схематично обозначающей контуры исторического явления в его сущностно важных чертах. При этом авторами решаются проблемы соотнесения большевизма с *другими идеально-типическими конструкциями*, такими, как российская цивилизация, социокультурный раскол, марксизм, «предбольшевизм», либерализм, утилитаризм и др. Такой подход в значительной степени противостоит традиционному для исторической науки анализу явлений прошлого в их исторической преемственности, многообразии форм и путей развития, но позволяет задавать новые вопросы, полезные и для историков.

Позиция авторов позволяет им отойти от упрощенного восприятия большевизма как системы, замкнутой на свои идеологические потребности и имевшей антиутилитарный характер. Они успешно преодолевают одностороннюю характеристику большевизма как романтического, традиционалистского течения, весьма распространенную в западной

литературе. Им удается показать, как в утилитаристской формуле «благо народа», характерной как для российской интеллигенции, так и для большевиков, происходит соединение идеалов модернизации и традиционализма.

Большевизм описывал мир как совокупность реальных и потенциальных средств для удовлетворения растущих потребностей населения и побед над врагом.

Главным из этих средств был традиционный для русской культуры «дисциплинированный энтузиазм» народа (Н. Данилевский), позволявший сохранять господствующую власть при любой угрозе извне или изнутри. Но обсуждение потребностей тех или иных групп и путей их удовлетворения зачастую велось не на языке современной культуры, а на языке мифологии данной группы. В сущности это был ритуал, символизирующий стремление большевиков к народному благу, а не реальный общественный диалог. Это было возможно только в ситуации глубокой дезорганизации и ценностной дезориентации, характерной для переходных обществ, в том числе России. Тем самым идеалы модернизации и архаики были смешаны, переходность общества была законсервирована. Реальные, вызванные модернизацией, а не ритуальные, связанные с этатистской самоидентификацией, потребности населения оказывались все в большей степени неудовлетворенными, так как в стране просто отсутствовал механизм их анализа (см.: ч. III, гл. 9 и ч. IV).

По-новому освещается в книге вопрос о предпосылках большевизма и его противниках. Традиционным стало соотнесение Октябрьской революции и крестьянского движения 1902–1922 гг. Но насколько глубоким было взаимодействие большевистской и городской субкультур, в частности субкультуры интеллигенции? В книге как социокультурные предтечи большевизма обозначены не только разночинская интеллигенция и народничество, воспроизведшие в новых условиях архаические элементы народной культуры, но и мелкий чиновник и мещанин как человеческий тип («маленький человек»). Индивидуализм «маленького человека» («диктатора-крепостного») рассматривается как форма проявления в городской среде крестьянского локализма, неспособности воспроизводить ценности большого общества и модернизации. Это определяет роль мещанства как культурной среды распространения «предбольшевизма» (ч. III, гл. 10). Тем самым проявляется амбивалентность индивидуализма и колLECTивизма в переходных обществах. Такой необычный и спорный подход к теме заслуживает внимания и всестороннего обсуждения.

Как антипод и главный идеинный противник большевизма в социокультурном контексте обозначен либерализм. Однако он понимается не как политическая теория или общественное движение (как известно, российский либерализм оказался неспособным организовать вокруг себя общество не только в нача-

ле ХХ в., но и столетие спустя), но как особый тип культуры, порожденный сложным диалогом традиционализма и модернизации. Он ориентирует общество не на борьбу и противостояние сложившихся в культуре смыслов, а на их взаимодействие, движение в «межсмысловом» пространстве. Его носителями объявляются российское образованное дворянство и русская литература начиная с А.С. Пушкина, искавшие неразрушающие, «срединные» пути развития российской культуры и государства. При этом в своем стремлении к модернизации просвещенное дворянство оказывается антиподом не только большевизма, но и православия, а идея о сочувствии русской литературы к «маленькому человеку» разоблачается как миф (с. 251–252, 260). Однако замкнутость этой культурной группы, порожденная расколом российской культуры, по мнению авторов, приводит к тому, что задача формирования «срединной» культуры, без которой невозможно обеспечить органическую (т.е. идущую снизу, а не инспирированную государством) модернизацию общества, до сих пор остается нерешенной.

Новые подходы позволяют авторам занять собственную позицию в спорах, которые ведутся историками и социологами вокруг специфики российской цивилизации. Вопреки распространенному мнению об активном влиянии *архаики* на современную культуру России при постепенном размыкании этого элемента культуры (Л.В. Поляков) в книге обосновывается интересная версия прогрессирующей *архаизации* российской культуры в процессе модернизации страны. Несмотря на некоторые преувеличения, игнорирование противоречий процесса укрепления общины во второй половине XIX – первой половине ХХ в., этот подход представляется очень перспективным. Корни архаизации прослеживаются в культурном расколе.

Вопреки взглядам Б.Н. Миронова, постулировавшего идею о «молодости» России как государства, авторы сосредоточивают внимание на «инфантальности» русской народной культуры, блокирующей развитие ответственности граждан и их активности в формировании общественного диалога, в ходе которого трансформируется политическая, правовая и экономическая база государства. Российское общество развивается поэтому как общество «высоко дезорганизованное» (с. 549) и заражает своей дезорганизацией государство. Исторический процесс превращается в «выравнивание разницы потенциалов дезорганизации между обществом и государством» (с. 555). Это фактически обрекает государство на авторитаризм, порождает бюрократию как парадоксальную форму самоорганизации общества и тормозит модернизацию «снизу» как единственным органическим типом модернизации.

Наиболее очевидной слабостью книги представляется практическое отсутствие социокультурного анализа гегельянства и марксизма, в которых намного раньше 1917 г. соединились просвещенческие

и романтические идеи, были отыграны стратегии псевдодиалога с общественными группами и институтами (например, государством и рабочими), были заложены основания для колективистской и государственной трактовки утилитаризма, принятой большевиками. Довольно поверхностным и противоречивым представляется анализ российской власти и православия как социокультурных явлений. Это связано с соединением в книге двух разнородных версий происхождения российского авторитаризма, связывающих это явление соответственно с крестьянским общинным локализмом (А.С. Ахнезер) и манихейскими, мироотречными чертами православного мировоззрения (И.Г. Яковенко). При этом в первом случае игнорируется соединение в имперском сознании универсализма и изоляционизма (на что указывала С.В. Лурье²), а во втором – народное понимание мирской деятельности не только как службы царю, но и как службы Богу (об идеале служения в русской культуре см. у Н.Н. Зарубиной³). Совершенно игнорируется огромная проблема происхождения и развития политической культуры российской власти, представляющей собой особый культурный мир, опирающийся скорее на византийские и ордынские, чем собственно русские традиции (об истоках этого писал А.А. Горский⁴). Взаимополняемость «культуры терпения» народа и характерной для российской власти «культуры колонизатора-временщика», ярко проявившаяся в советский период, нуждается в развернутом анализе.

Либеральный идеал отрывается в книге от демократического и даже отчасти противопоставляется ему. Вина за бюрократизацию и неуспех реформ, за националистическую политику государства целиком возлагается исследователями на народ и интеллигенцию (хотя все герои-реформаторы, описанные в книге, – как на подбор убежденные националисты или же замешаны в подавлении национальных движений). Авторы не видят того, что разночинцы дали России не только народовольцев и большевиков, но и земскую интеллигенцию, без опосредующего влияния которой идеалы классической русской литературы никогда не нашли бы путь к большому обществу, не видят демократической альтернативы самодержавию и большевизму.

Последние замечания сделаны не в укор книге, которая представляет собой важный шаг в исследовании как нашего недавнего прошлого, так и социокультурной специфики России в целом. Она наполнена важными и интересными мыслями, которые могут помочь историкам найти новые пути к анализу источникового материала, лучше сориентироваться в современных дискуссиях. Отмеченные недостатки характеризуют сложности взаимодействия философского, социологического и исторического знания в анализе таких ключевых для нашего общества тем, как большевизм. Путь преодоления этих трудностей – в развитии и укреплении контак-

тов историков со специалистами других областей знания.

**И.Н. Ионов, кандидат исторических наук
(Институт всеобщей истории РАН)**

Примечания

¹ См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 3. М., 1991; Яркова Е.Н. Утилитаризм как тип культуры: концептуальные параметры и специфика России. Новосибирск, 2001;

Давыдов А.П. «Духовной жаждою томим»: А.С. Пушкин и становление «срединной культуры» в России. М., 1999 и др.

² Лурье С.В. От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // Общественные науки и современность. 1997. № 4.

³ Зарубина Н.Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М., 1998.

⁴ Горский А.А. О титуле «царь» в средневековой Руси // Одиссей. Человек в истории. М., 1996.

РОССИЯ И МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

В гуманитарных знаниях России сложилась негласная традиция публиковать собрания своих сочинений где-то под « занавес» научного творчества. Директор Института актуальных международных проблем и проректор по науке Дипломатической академии МИД РФ, видный синолог-международник Е.П. Бажанов нарушил эту традицию, опубликовав в 2000–2001 гг. трехтомник своих трудов общим объемом в 87 п.л. Здесь собраны работы самого разного жанра – научные разработки и газетные статьи, журналистские очерки и выступления на различных формах. Всех их объединяет главная идея – отражение труднейшего процесса вхождения постсоветской, обновляющейся России в глобальное цивилизационное пространство на рубеже XX и XXI вв. При этом автор принадлежит к тому новому поколению российских политологов, которые сумели отбросить во многом мифические великоледственные предубеждения советской эпохи, взглянуть на окружающий мир в контексте наших реальных национально-государственных интересов и складывания нового постбиполярного полипрентрического мирового порядка.

В первом томе автор анализирует современный глобальный миропорядок, внешнеполитическую стратегию России и ее многоплановые отношения с внешним мировым пространством. В числе новых факторов современного мирового развития все более значимый характер приобретают противоречивые процессы глобализации, качественное обогащение интеграционных процессов, бурное нарастание регулирующих функций транснациональных институтов. Вместе с тем, как полагает автор, «в XXI веке главными действующими "лицами" на мировой арене не останутся суверенные государства, и жизнь на земле будет и впредь определяться взаимоотношениями между ними... В конечном счете возможности и позиции государств будут по-прежнему зиждаться на их совокупной мощи» (с. 293). Другими словами, вы-

зовы глобализации не отменяют классических закономерностей международного соперничества и взаимодействия.

С интересом читаются суждения автора по проблемам эволюции России как своеобразной политечнической державы. «Советский Союз в итоге раскололся под грузом системных проблем. По воле демократического большинства и под напором национальных чаяний» (с. 391). Это аргументированный ответ тем, кто все еще продолжает искать какие-то случайные, сугубо субъективистские причины обвальной дезинтеграции могущественной прежде державы. Автор не без успеха пытается найти невидимые связующие звенья между этносепаратизмом и властью «коррумпированной финансовой олигархии», социально-экономической деградацией и активизацией фундаменталистских религиозных фанатиков, раздеванием децентрализации и автономизации и разрушением целостного правового и управлеченского пространства, наследием тоталитарного прошлого и ностальгии по авторитаризму. Бажанов полагает, что, несмотря на противодействие и соперничество различных «внешних сил», процветающая, демократическая и миротворческая федерация в России станет в XXI в. реальностью (с. 401).

Второй том рецензируемого труда целиком посвящен двум узловым сюжетам: проблемам Азиатско-тихоокеанского региона (АТР) и геополитическому положению Китая в системе глобальных координат современности. Историческая судьба отвела России весомую роль на геопространстве АТР, но на протяжении ряда десятилетий советские лидеры придерживались на Востоке Евразии державной стратегии, которая почти полностью игнорировала наши реальные и долгосрочные интересы. «Советский Союз, не имея в регионе сколько-нибудь солидных экономических позиций, растеряв из-за ссоры с Китаем даже тот политический капитал, которым располагал раньше, приступил в 70-х годах к форси-

* Е.П. Бажанов. Актуальные проблемы международных отношений. Избранные труды. В 3 т. М.: Научная книга, 2000–2001. Т. 1. 464 с. Т. 2. 480 с. Т. 3. 480 с. Тир. 1 000.

рованному наращиванию в АТР военного потенциала» (с. 23), – справедливо отмечает автор. Последствия столь недальновидной стратегии не только не усилили, а напротив, ослабили советские geopolитические позиции в регионе.

Российское руководство не сразу пришло к осознанию новых реальностей в Восточной Азии. И этому в немалой степени содействовала принципиально новая, миротворческая ситуация, позволившая Е.П. Бажанову высказать ряд своих рекомендаций, касающихся общей российской стратегии в регионе. В их числе: объективная необходимость гибко балансировать между США и другими государствами, добиваясь налаживания тесных, доверительных отношений с ними; проведение последовательного курса на сохранение регионального статус quo, исключающего какие-либо экспансионистские амбиции в отношении РФ; дистанцирование от разных недальновидных замыслов «лидерства» в системе коллективной или кооперативной безопасности, включая оформление некоего военно-политического треугольника Москва – Пекин – Дели и т.д. Эти рекомендации в немалой степени были учтены при разработке Концепции внешней политики Российской Федерации (2000 г.).

Е.П. Бажанов не оставляет в стороне самые острые вопросы наших взаимоотношений с Китаем, например вопрос о том, надо ли России продавать оружие Пекину. Автор убедительно доказывает, что уходом российского ВПК с китайского рынка немедленно воспользуются другие крупные торговцы оружием, а это нанесет не только косвенный, но и прямой ущерб нашим национально-государственным интересам. «Напротив, продолжение курса на военно-техническое сотрудничество с гигантским соседом постепенно привяжет его материально к российской оборонной промышленности» (с. 375). При этом главное состоит в том, что КНР не представляет в обозримой перспективе какой-либо угрозы для России.

Большое место уделено в исследовании Бажанова и взаимоотношениям России с Корейской Народно-Демократической Республикой и Республикой Корея. Весьма осторожно, хотя в целом и позитивно, Бажанов оценивает и наметившиеся в Северной Корее сдвиги к рынку и реформам, которые, по его мнению, неизбежно «будут способство-

вать изменениям в северокорейском обществе в лучшую сторону», подготовят экономическую почву и моральный климат для грядущего воссоединения КНДР и Южной Кореи.

Японию Бажанов воспринимает как одного из наиболее вероятных кандидатов на роль «сверхдержавы в XXI в.» Японская модель развития становится все более притягательной для стран и народов, ищащих ключ к секретам модернизации и процветания (с. 237). Однако Москва и Токио пока не нашли путей конструктивного диалога и взаимодействия. Россия с ее громадным потенциалом занимает лишь 20-е место в экспорте Японии, многократно уступая по этому показателю Китаю, Южной Корее, другим государствам региона (с. 241). Подытоживая позитивные внутренние сдвиги в России, автор берет на себя «смелость утверждать, что момент для прихода японских инвесторов в самые различные отрасли нашей экономики созрел» (с. 245).

Внешнеполитическая стратегия США и вопросы российско-американских отношений затрагиваются косвенно почти во всех разделах и главах трехтомника. Тем не менее автор освещает эти сюжеты и в отдельной главе монографии. Нелегко и непросто людям с традиционным мышлением в России, и в США сознавать, что Москва и Вашингтон перестали быть непримиримыми противниками, совершив почти фантастический переход к стратегическому взаимодействию. На международной конференции в Италии (август 2000 г.) автор убежденно говорил о том, что отныне «ничто не препятствует тесному и дружественному партнерству между Россией и Соединенными Штатами», что становление рыночной экономики и демократии в РФ вполне соответствует стратегическим устремлениям США и что «ни Соединенные Штаты, ни Россия не имеют ни малейшего намерения вступать в войну друг против друга» (с. 380).

В заключение хотелось бы отметить, что книги Бажанова «Актуальные проблемы...» стablyно входят в перечень рекомендуемой литературы во всех ведущих высших учебных заведениях России по международной политологии, и с трехтомником его трудов с интересом и пользой ознакомятся российские и зарубежные читатели.

**В.Ф. Ли, доктор исторических наук
(Дипломатическая академия МИД РФ)**

О РЕЛИГИИ И ИМПЕРИИ: МИССИИ, ОБРАЩЕНИЯ И ВЕРОТЕРПИМОСТЬ В ЦАРСКОЙ РОССИИ / Под ред. Роберта Джераси и Майкла Ходарковского. Итака; Лондон: Издательство Корнелльского университета, 2001. 356 с.*

Проблемы межнациональных отношений в Российской империи, интерес к которым значительно возрос после распада Советского Союза, превраща-

ются в последние годы в одну из главных тем отечественной и западной историографии. Стремление осмыслить прошлое России и понять возможные

перспективы ее развития привело к появлению ряда диссертаций, монографий, сборников статей¹. В настоящее время изучение «имперской» проблематики выходит на новый уровень – от преимущественно регионального к проблемно-тематическому подходу, к углубленному анализу отдельных аспектов имперской истории России. Одним из проявлений данной тенденции является рецензируемый сборник – первая работа по истории миссионерской деятельности, религиозных обращений и веротерпимости в императорской России.

Выбор религии в качестве основной темы исследования не случаен. Составители сборника подчеркивают, что «религии были носителями базовых ценностей и форм самосознания дальше, чем любое другое человеческое установление» (с. 2). По словам одного из авторов сборника Т. Уикса, «в донациональную эпоху религия была куда более ощущимым, создающим прочные связи аспектом идентичности, нежели смутные "национальные чувства"» (с. 71). Составители отмечают, что религиозные верования в императорской России не ограничивались рамками духовного опыта личности или замкнутой общиной. Они взаимодействовали со сферой политических убеждений, с различными формами идентичности – национальной, региональной, языковой, словесной, расовой, профессиональной и гендерной.

Должно ли было обращение в православие не-пременно вести к русификации? Можно ли было остаться русским, не будучи православным (иными словами, возможен ли был «русский католик», «русский баптист» и др.)? Являлось ли отпадение от «господствующей церкви» актом политической не-loyalности? К чему вело использование миссионерами на окраинах местных языков – к сближению с центром или, напротив, к усилению национализма? Какие мотивы – религиозные или социально-экономические – преобладали при переходе в православие социальных низов окраин? Эти и многие другие вопросы, тесно связанные с проблемой самосознания подданных Российской империи, нашли отражение в книге.

При освещении столь многогранной темы, как имперская история России, перед составителями сборника стояла сложная задача – сочетать анализ конкретных проблем с освещением общей перспективы развития национально-религиозных отношений. В целом составители успешно с ней справились. Двенадцать статей сборника объединены в три раздела – «Западные регионы: христианство и иудаизм», «Обращение анимистов и буддистов», «Перед лицом ислама». Некоторые авторы рассматривают политику государства и Церкви по отношению к крупным конфессиональным группам – народам Поволжья, Приуралья и Сибири в XVI–XVIII вв. (М. Ходарковский), иудеям (Дж. Клайер), униатам Западного края (Т. Уикс), аборигенам Аляски (С. Кан), ламаитам – калмыкам и бурятам (Д. Шорковитц), мусульманам Северного Кавказа и Закавказья в XIX в. (Ф. Моста-

шари). Другие сосредоточились на анализе конкретных вопросов – деятельности епископа Афанасия Холмогорского в Архангельской епархии в конце XVII – начале XVIII в. (Дж. Михельс), отношении официальной иерархии к харизматическим движениям в православии на рубеже XIX–XX в. (Ю. Клэй), «возрождении язычества» у мариццев (П. Вергт), роли женщины в сохранении исламских традиций среди татар Поволжья (А. Кефели), деятельности православной миссии в Казахстане (Р. Джераси). Интересна попытка Ш. Келлер сопоставить дореволюционное миссионерство с распространением марксизма-ленинизма в мусульманских районах после 1917 г., хотя эта единственная работа по советскому периоду выглядит скорее исключением среди остальных статей.

Лейтмотивом сборника является мысль об «экстраординарной связи православной миссии с государством, отличающей ее от западных аналогов» (с. 3, 141). Следует отметить, что такая связь во многом была обусловлена объективными обстоятельствами – континентальным характером России, отсутствием четких границ между центром и периферией, исторически сложившейся слабостью гражданского общества. В этих условиях формально господствующая Православная церковь нередко была на окраинах обороняющейся стороной, а частые в устах миссионеров термины «восстановление православия», «возвращение отпавших к православию» – отнюдь не только риторической фигурой.

Нуждается в дополнительном анализе и вопрос о специфике православной миссии в сравнении с западными аналогами. Лишь детальное исследование позволит выявить ее своеобразие в таких сферах, как связь с государством, соотношение принудительных и культурно-просветительских мер и др. В сборнике присутствуют элементы сравнительно-го подхода. Так, католическая Контрреформация сопоставляется с деятельностью Афанасия Холмогорского и отношением официальных миссионеров к народным харизматическим движениям на рубеже XIX–XX вв. (с. 36, 69). Статус испанских «conversos» сравнивается с положением обращенных язычников и мусульман (с. 142), проводятся параллели между распространением православия и миссионерской деятельностью во французских и испанских колониях (с. 140). При всей важности подобных сопоставлений они знаменуют лишь начальный этап длительной и сложной работы в рамках сравнительно-исторического подхода.

Материалы сборника позволяют серьезно скорректировать устоявшиеся представления о характере национально-религиозных отношений в Российской империи. Под покровом внешних привилегий Православной церкви в XVIII – начале XX в. развивались явления, заметно противоречившие ее официально-му статусу. Власти России, озабоченные поддержанием целостности огромной империи, сохранением социальной стабильности и охраной гигантской растяну-

тых границ, в своей политике очень часто отодвигали интересы Церкви на второй план. Это вело к хроническим, хотя и подспудным конфликтам: иерархи жаловались на недостаточную помощь гражданских властей и их «потворство» иноверию, а те отвечали указаниями на недостаток эффективной деятельности миссионеров.

Препятствия для миссионерской деятельности могли возникать и в результате межведомственной борьбы – так, Министерство государственных имуществ защищало интересы состоявших в его ведении калмыков (статья Д. Шорковитца), а Кавказское наместничество протестовало против подчинения Синоду Общества восстановления православного христианства на Кавказе (статья Ф. Мосташарий). В работе Шорковитца рассмотрены конфликты между церковной и светской администрацией в связи с обращением бурят во второй половине XIX в. Подобные конфликты были характерны для пореформенной эпохи, когда в политике светских властей значительно усилились начала веротерпимости. Проведенный Шорковитцем анализ можно дополнить рядом других примеров. Так, в 1860–1870-е гг. власти упорно отказывались применять репрессии против протестантского движения «штундистов», охватившего губернию Южной России. Указывалось, что иноверцы не нарушают гражданских законов, государственному порядку не угрожают, а гонения, с одной стороны, ожесточат их, спровоцируют конфликты, с другой же – создадут вокруг иноверия ореол мученичества.

В Поволжье в эти же годы власти отказывались преследовать крещеных татар и башкир, отпавших от господствующей церкви. Иерархи жаловались, что «полицейские власти... хладнокровно встали на сторону отпадающих, как будто утесненных стародавним насилием православия». И даже в регионах с традиционно жесткой вероисповедной политикой (Привислянском и Западном краях) власти в конце 1870-х гг. склонялись к уступкам, перечисляя «упорствующих» униатов в католицизм².

Попытка переломить ситуацию была предпринята в начале 1880-х гг., когда на пост обер-прокурора Синода был назначен знаменитый консерватор и ближайший советник Александра III К.П. Победоносцев. В эти годы предпринимались решительные попытки отстоять господствующий статус Православной церкви, наполнить его реальным содержанием. Усилилось финансирование миссионерской деятельности, создавались новые церковные структуры, принимались законы, ограничивающие иноверие, однако большинство этих мер не увенчалось успехом. Миссионерская деятельность и административно-политический натиск на иноверие глушились на окраинах саботажем местных элит и низшим чиновничеством, которое в основном состояло из местных уроженцев. Даже после унификации административно-судебных структур окраин по общемперскому образцу у местной верхушки сохранялись ее земли и социальный статус. Организации религиозных пресле-

дований препятствовали в пореформенную эпоху и позиция прессы, и связи России с Западом, и наличие независимого от государственной власти суда. Закономерным итогом подобной ситуации стало в начале XX в. движение к разделению государства и Церкви, в частности принятие 17 апреля 1905 г. указа «Об учреждении началь веротерпимости».

Разумеется, при всех возникавших на практике ограничениях православие официально оставалось «господствующим вероисповеданием», и нередко это вело к нежелательным, с точки зрения светских властей, последствиям. Местные администраторы, ориентируясь на официальный статус православия, могли инициировать масштабные вероисповедные кампании, доставлявшие немало хлопот Петербургу. В статье Уикса показано, что именно так начались кампании по обращению униатов Западного края в 1830-е и 1870-е гг. (первая окончилась для Петербурга сравнительно благополучно, вторая же привела к тяжелым последствиям). Сходным образом в 1880-е гг. были инициированы меры против лютеран в Прибалтике, вызвавшие недовольство самого Победоносцева.

Местные власти, как правило, не обладали крупозором центральной администрации, поэтому для них оставались непонятными аргументы Петербурга, призывавшего к осторожности. Руководители правительства не могли остановить начавшегося движения и оказывались заложниками ситуации. Это показывало, что связь Церкви с государством к началу XX в. стала приобретать разрушительный характер и их разделение превратилось в настоятельную необходимость.

Так чем же все-таки была Российская империя как поликонфессиональное государство? Что преобладало в политике ее властей – принуждение или терпимость? Анализ материалов сборника показывает, что это не столько взаимоисключающие определения, сколько характеристики разных этапов вероисповедной политики правительства. На раннем этапе (XVI–XVII вв.) религиозное самосознание редко отделялось от национального и социального, а смена веры чаще всего была делом социального и политического выбора (этот период детально проанализирован М. Ходарковским). В православие переходили представители знатных родов, оно распространялось благодаря движению переселенцев и смешанным бракам. Широко применялись «прянник» и «кнут» – подарки, освобождение от податей, прощение преступлений, с одной стороны, и уничтожение храмов, земельные конфискации, раскладка на некрещеных дополнительных повинностей – с другой. Действовала и собственно религиозная миссия (архиепископ Гурий, митрополит Гермоген в Казанской епархии), однако ее успехи не могли быть прочными при отсутствии у Православной церкви развитой системы образования.

Иной становится ситуация после проведения петровских реформ. В этот период смягчилось от-

ношение к западным исповеданиям, была осознана необходимость изучения иных культур для успеха миссионерской деятельности. Одновременно ужесточилось отношение к конфессиям восточных регионов страны – исламу и язычеству, с непривычной для традиционно-патриархального государства жестокостью утверждалась идеологическая унификация. В 1740–1760-е гг. была развернута массовая насилиственная христианизация народов Поволжья и Сибири, усилился натиск на старообрядчество (к сожалению, последний аспект не нашел отражения в сборнике). Провал насилиственных мер, приведших к крупным восстаниям и бегству иноверцев за границу, побудил государство ограничить поддержку Православной церкви и фактически свернуть на время деятельность миссии.

Вторая половина XVIII в. – время максимально благоволения Петербурга иноверию и наиболее заметного отхода от покровительства Православной церкви. Власти узаконили привилегии неправославной иерархии, ее права по отношению к пастве, в некоторых случаях искусственно создавали управленческие структуры иноверных исповеданий (ислама, иудаизма, ламаизма). Эти меры, как подчеркивают авторы сборника, во многом были призваны «отсечь» иноверие от внешних центров влияния – Тибета, Монголии и Китая (в случае с ламаитами), Турции и Ирана (в случае с мусульманами). Государство даже пыталось охранять «чистоту веры» приверженцев неправославных исповеданий, а иногда и поощряло их распространение. Так, именно покровительство Российского государства во многом сподвигало утверждению в XVIII в. ислама среди казахов и киргизов.

Легализация неправославных исповеданий вызывала острый протест господствующей Церкви. Между тем этим путем государство решало собственные задачи – приобретало важный рычаг воздействия на иноверие. Светские власти получали возможность регламентировать численность духовенства и религиозных учреждений иноверцев, влиять на взаимодействие духовенства с паствой, на характер религиозного образования и др. Вызывая протест у Православной церкви, такая ситуация без энтузиазма воспринималась и самими иноверцами. До поры до времени стороны предпочитали худой мир доброй ссоре, однако со второй половины XIX в. существовавшая в России система национально-религиозных отношений стала подвергаться ударам и «справа» и «слева», что стало важным симптомом ее кризиса.

Параллельно с политико-административными мерами в XVIII и особенно XIX вв. развивалась миссия, опиравшаяся в своей деятельности на культурно-просветительские средства. Активизацию деятельности подобной миссии в начале XIX в. авторы сборника связывают с влиянием идей романтизма, когда «национальная принадлежность начала рассматриваться как проявление определенной внутренней сущности, а не только как дело внешнего конфор-

мизма» (с. 340). В статье С. Кана о деятельности на Аляске Иоанна (в монашестве Иннокентия) Вениаминова детально проанализированы главные использовавшиеся им средства – употребление местных языков при проповеди Православия, терпимое отношение к местным обычаям, обучение более прогрессивным приемам хозяйства, защита от злоупотреблений светских властей. Подобный подход позволил миссии приступить на Аляске глубокие корни и выстоять в соперничестве с протестантами после перехода территории под власть США. Вместе с тем причину успеха Иоанна нельзя видеть лишь в отдаленности территории от остальной России и относительно слабой связи миссии с государством, как это делает Кан. На схожих с Аляской принципах основывалась Алтайская миссия архимандрита Макария (Глухарева), расположенная в глубине России. Очевидно, дело было не только во взаимоотношениях с государством, но и в успешном развитии системы православного образования с начала XIX в. К сожалению, деятельность Алтайской миссии не нашла отражения в сборнике, что серьезно искажает общую перспективу истории миссионерской деятельности Православной церкви в XIX – начале XX в.

Если первая половина XIX в. была временем успешного развития «культурной» миссии, то вторая принесла с собой ряд конфликтов и проблем. Усилилась национальная мобилизация и интеграция на окраинах империи, вызывая, в свою очередь, подъем националистических тенденций в среде великорусского населения. В этих условиях ранее предоставленные иноверцам права стали восприниматься как угроза социально-политической стабильности, а желанной целью оказалась максимальная национально-религиозная гомогенизация страны. Континентальный характер Российской империи вызывал у теоретиков национализма определенную аберрацию понимания: Россия воспринималась как возникающее национальное государство, а не как полизначная империя, что вело к многочисленным конфликтам. В статье Р. Джераси показано, как нарастание националистических тенденций в среде русских поселенцев в Казахстане серьезно затрудняло здесь дело православной миссии.

В целом перед миссионерами на востоке империи остро стоял вопрос – использовать местные языки или настаивать на культурной ассимиляции местного населения? Эта дилемма, представленная именами Н.И. Ильминского и Евфимия Малова, так и не получила разрешения до конца существования Российской империи, отразив сложности формирования русского национального самосознания.

Наряду с ростом национализма важной особенностью пореформенной эпохи было усиление индивидуализма, высвобождение личности из рамок словесно-патриархальных структур. Это способствовало подъему народных харизматических течений, проанализированных в статье Ю. Клэя («беседчики» и «трезвеники» Самарской губ., «подгорновцы»

Харьковской губ., «иоанниты», «имяславцы» и др.). По мнению Клэя, неспособность официальной иерархии найти подход к «харизматикам», наладить диалог с ними явилась важным симптомом кризиса официального православия. В то же время трудно согласиться с автором, что причиной кризиса стало шедшее из духовных академий влияние рационализма. Как раз для конца XIX в. была характерна иная тенденция – власти духовного ведомства во главе с Победоносцевым открыли решительный поход против всего, что несло печать рационализма. Делались попытки «опростить» преподавание в духовных академиях и семинариях, ужесточить контроль над учениками, ограничить свободу научного поиска рамками «народных преданий», наполнить клир и миссионерскую среду «людьми из народа» без специального образования. Представляется, что именно эти меры, а не чрезмерный рационализм академий в конечном счете способствовали неудаче Церкви при столкновении с конфликтами и противоречиями XX в.

Очевидные слабые стороны православной миссии, ее неудачи в борьбе за духовное единство государства побудили авторов в целом критически оценить миссионерскую деятельность Православной церкви. Между тем подобный подход представляется односторонним. Так, трудно согласиться с категоричным выводом Уикса о том, что «массы униатов-украинцев не желали быть поглощенными Православной церковью», а «католическо-униатское единство было намного сильнее, чем связь униатов с Россией и православием» (с. 81). Действительно, при обращении униатов Холмщины применялись массовые насилия. Однако далеко не все униаты присоединились к православию под давлением репрессий. Если к 1875 г. в православие было обращено около 250 тыс. униатов, то после указа 17 апреля 1905 г. на территории Холмщины в католичество перешла меньшая часть обращенных – около 120 тыс. Более того, по словам Д. Поступовского, «за двадцатилетнее владычество над этими краями религиозно крайне нетерпимого польского межвоенного режима... переходы в католичество были единичными и редкими». Схожей была ситуация в Прибалтике. Здесь к началу 1880-х гг. числилось от 120 до 150 тыс. православных, за 1880-е гг. к господствующей церкви присоединилось от 18 до 28 тыс., а после 1905 г. отпало в лютеранство около 11 тыс. человек. Очевидно, факторы, притягивавшие к православию социальные низы окраин, нуждаются в дополнительном изучении³.

Нельзя принять без оговорок и тезис Уикса о том, что «"просвещенная" политика Екатерины II была в значительной степени направлена против католической церкви как института» (с. 73). Известно, что после первого раздела Польши были сохранены средства католической кафедры в Белоруссии, в 10 раз превышавшие средства местной православной кафедры. За католическими монастырями были утверждены их владения (в то время как православные секуляризованы), на территории России

сохранен орден иезуитов, было практически разрешено обращать униатов в католичество⁴. Нуждается в серьезном уточнении тезис о том, что «теория официальной народности» С.С. Уварова являлась формулировкой национализма и господствующей идеологией Николая I (с. 1, 278). Формула Уварова никогда не имела статуса государственной идеологии (тем более неуместно ставить ее в один ряд с марксизмом-ленинизмом). Режим Николая I в целом был далек от национализма, опирался на сословно-легитимистские, династические начала (движение эстов и латышей к православию в 1840-е гг. было остановлено силами правительства в угоду влиятельному ортодоксальному дворянству). В целом вопрос о русском национализме, времени его появления и этапах развития нуждается в дополнительном изучении.

Важным недостатком сборника является отсутствие материалов о положении старообрядцев и сектантов. Видимо, об этом стоило упомянуть во введении или заключении. Без такого упоминания теряется представление о важных закономерностях вероисповедной политики и конфессиональных процессов в Российской империи (так, натиск на мусульман и язычников в 1740-х и 1830–1840-х гг. сопровождался ужесточением репрессий против старообрядцев и сектантов, а подъем харизматических течений в православии совпал по времени с возникновением «штундизма» и других протестантских движений). Стоило подробнее сказать и о Прибалтике (то, что вероисповедная борьба затронула этот ранее спокойный край, являлось важным показателем кризиса религиозной политики государства в конце XIX в.). Следовало уделить больше внимания эволюции русского религиозного законодательства, особенно во второй половине XIX – начале XX в. (такой важной мере, как указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» посвящены разрозненные упоминания в отдельных статьях, из-за чего характер этой меры остается не совсем ясным).

Структура сборника отразила характерное для современной западной историографии преобладание культурно-антропологического подхода над институциональным и правовым – в ее основу положены регионы и национально-религиозные меньшинства, в отношении которых осуществлялась правительственная и миссионерская деятельность. Между тем при таком подходе во многом теряется целостность изложения, отходит на второй план то общее, что объединяло все описанные в сборнике меньшинства, – религиозная политика имперского государства. Возможно, более уместным для сборника было бы размещение материала не по тематическому, а по хронологическому принципу.

Несмотря на указанные замечания, работа западных историков заслуживает, на мой взгляд, положительной оценки. Во введении составители предупреждают, что книга – «рекогносцировка в неизвестную сферу, которая в ближайшие годы должна стать объектом более тщательной разработки».

Представляется, что рекогносцировка удалась. Даже те положения сборника, с которыми хочется не согласиться, плодотворны – они стимулируют научную дискуссию. Можно утверждать, что сборник оживит исследования по данной теме, а поднятые в нем вопросы подвергнутся дальнейшему изучению.

**А.Ю. Полунов, кандидат исторических наук
(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова)**

Примечания

* Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / Ed. by Robert P. Geraci and Michael Khodarkovsky. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001.

¹ Укажу лишь некоторые из этих работ: Geraci R. Window on the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca and London, 2001; Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca and London, 1992; Klier J. Imperial Russia's Jewish Question, 1855–1881. Cambridge, 1995; Russia's

Orient: Imperial Borderlands and Peoples. 1700–1917 / Ed. by D. Brower and E. Lazzerini. Bloomington, 1997; Steinwedel Ch. The Local Politics of Empire: State, Religion and National Identity in Ufa Province, 1865–1917. PhD dissertation. Columbia University, 1996; Weeks T. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1861–1914. DeKalb, 1996.

² См. об этом: Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996; I dem. Church-State Relations in Nineteenth-Century Russia // Russian Studies in History. Spring 2001. Vol. 39. № 4.

³ Преображенский И.В. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. СПб., 1897. С. 53; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910. С. 29–31; Пospelовский Д. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. С. 123.

⁴ Знаменский П.В. Учебное руководство по истории русской церкви. СПб., 1896. С. 388–391.

Письмо в редакцию

ИССЛЕДОВАНИЕ И КОМПИЛЯЦИЯ (по поводу книги С.Д. Мартынова «Государство и экономика: система Витте»)

В 2002 г. в журнале «Отечественная история» была опубликована весьма содержательная статья В.Г. Вовиной-Лебедевой «К вопросу о методах исследования нарративных текстов»¹. Несмотря на такое, казалось бы, узкоспециальное название и источниковедческую направленность речь в статье идет также и о многих вопросах историографии, в особенности, о таких старых, но неумирающих явлениях, как невнимание к работам предшественников, научная недобросовестность, поверхностность, некомпетентность. К сожалению, приходится признать, что подобное отношение к изучению прошлого получает распространение. Свидетельство тому – появление на прилавках книжных магазинов работы С.Д. Мартынова «Государство и экономика: система Витте» (СПб.: Наука, 2002. 405 с. Тир. 2 000), которая заявлена как «научное издание». В аннотации к книге говорится, что она предназначена «для специалистов».

К моменту выхода этого издания в свет прошло ровно 3 года, как была опубликована монография Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина «Сергей Юльевич Витте и его время» (СПб., 1999). Всякий специалист и просто человек, знакомый с проблемами экономической истории, взяв в руки книгу С.Д. Мартынова, ожидал бы, что ее автор вступит в полемику со своими предшественниками и утвердит собственный взгляд на деятельность известного государственного деятеля. Однако читателю, по меньшей мере, приходится удивляться. Монография Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина в труде С.Д. Мартынова даже не упоминается. Всользь и по частным поводам упомянуты более ранние монографии о Витте – книги А.П. Корелина и С.А. Степанова и Т. фон Лауз².

Автор рассматриваемой работы по образованию экономист. Он особо обращает внимание читателя на то, что решил рассмотреть деятельность С.Ю. Витте именно «с позиций экономиста» (с. 5). По этому поводу, однако, следует заметить, что, обращаясь к исследованию событий примерно столетней давности, представитель любой отрасли научного знания, если он хочет исполнить свою задачу объективно, просто вынужден поступать как историк, иными словами – критически рассмотреть источники с целью заполнить историографические лакуны или, полемизируя с другими исследователями, дать собственную трактовку изучаемых явлений. Специфика подхода экономиста здесь, как представляется, должна состоять в преимущественном внимании к статистическим материалам, интерпретировать которые экономист способен с большей компетентностью по сравнению с «обычным» историком. Какова же источниковая база рассматриваемой книги? Из 500 ссылок только 204 на источники, среди которых к указанной категории можно отнести следующие публикации: «Торгово-промышленные съезды» (с. 39), записка Н.Х. Бунге о состоянии бюджета России (с. 48), «Общая государственная роспись доходов и расходов на 1893 год» (с. 118), «Статистический ежегодник России. 1904 г.» (с. 120, 219), «Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1899 год» (с. 163), доклад С.Ю. Витте «О положении нашей промышленности» (с. 183), а также записка об исчислении народного дохода (с. 215, 325). В то же время в издании содержится 106 ссылок на различные воспоминания и дневники, в том числе 65 на воспоминания самого С.Ю. Витте. Каждому из специалистов, на внимание которых рассчитывает С.Д. Мартынов, хорошо известна субъективность и весьма относительная достоверность мемуарных свидетельств, а воспоминаний Витте – тем более. Едва ли этот источник должен занимать основное место в книге экономиста.

Перейдем к историографии. Из 97 упоминаемых С.Д. Мартыновым авторов как минимум 28 – историки, на работы которых в книге дается 135 ссылок. Не очень понятно, как можно отмежеваться от «исторического» взгляда на рассматриваемые С.Д. Мартыновым проблемы при таком «засильи» историков среди цитируемых авторов. Цитирование и ссылки на работы историков имеют в книге весьма оригинальный характер. Похоже, что С.Д. Мартынов не представляет, что исследователи, к трудам которых он обращается, имели или имеют (в книге даже покойные авторы упоминаются в настоящем времени) свои концепции, часто несходные друг с другом. Так, в главе о дальневосточной политике Витте С.Д. Мартынов попеременно обращается к работе Е.В. Тарле³ и монографии Б.А. Романова⁴, то ли не желая обратить внимание читателя на несходность их подходов к указанной проблеме, то ли просто не будучи об этом осведомленным сам. Кроме того, С.Д. Мартынов приписывает Е.В. Тарле указание на «конкретную сумму» лихунчжанского фонда (с. 227), тогда как сам ученый ссылается в этом случае на работу Б.А. Романова. Обилие ссылок и цитат, которые дает экономист на работы историков, соседствует, как уже говорилось, с игнорированием основных исследований по теме. Для С.Д. Мартынова не существует ни уже названной книги Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина, ни написанной Б.В. Ананьичем главы о системе Витте в коллективной монографии «Власть и реформы», на которую дается только одна глухая ссылка без упоминания имени автора этой главы (с. 68).

Один раз по частному поводу дается ссылка на монографию Т. фон Лауз. Зато без большого преувеличения можно сказать, что один из основных источников сведений С.Д. Мартынова о С.Ю. Витте – статья в «Новом энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрана. На эту статью дается 11 ссылок (больше, чем на книгу А.П. Корелина и С.А. Степанова). Традиционно в научной литературе приоритет принадлежит монографическим работам по сравнению со статьями в справочных изданиях. Причины своего предпочтения С.Д. Мартынов не объясняет. Кроме того, авторство указанной статьи целиком приписывается Н.Н. Кутлеру, тогда как у него есть соавтор – Л.З. Слонимский.

С.Д. Мартынов – автор компилятивных брошюр об истории предпринимательства, благотворительности и общественного управления, составленных на основании исследовательских работ историков (В.И. Бовыкина, Б.В. Ананьича, В.А. Нардовой и др.⁵). Усвоенный им метод компиляции он применяет и при составлении «научного издания», предназначенного «для специалистов». Так, программы Витте 1893 и 1899 гг. излагаются в основном по монографии Л.Е. Шепелева⁶, вопросы, связанные с внешними займами, – по книге Б.В. Ананьича⁷, проблемы политических преобразований 1905 г. – по трудам Р.Ш. Ганелина⁸, дальневосточная политика, как уже отмечалось, по работам Е.В. Тарле и Б.А. Романова. Нигде С.Д. Мартынов не вступает в полемику с этими авторами, а просто более или менее близко к тексту пересказывает содержание их книг или приводит из них цитаты. Цитируя источники, С.Д. Мартынов допускает многочисленные по-грешности. Из 65 ссылок на мемуары Витте по изданию 1960 г. как минимум 14 не соответствуют оригиналу (на с. 93, 151, 191, 238, 240, 241, 242, 244, 265, 275, 332, 378, 385, 390), это же относится и к другим авторам, труды которых приводятся в рассматриваемом издании (например, работы А.Ф. Кони, В.И. Ленина, Б.А. Романова). Мало того что приводимых цитат нельзя найти на указанных С.Д. Мартыновым страницах, во многих случаях они даются с искажениями. В других случаях автор вообще не утруждает себя ссылками на первоисточник. Приведем сравнение.

С.Д. Мартынов

Е.В. Тарле

Витте был актером в страшно трудной пьесе, но разыграл он ее так блестательно, что Рузвельт официально заявил японцам к концу переговоров, что за время переговоров симпатии американского общественного мнения передвинулись заметно на сторону России. Конечно, не в том только было дело, что Витте либеральничал с прессой (тогда как Комура не пускал никого к себе на порог); что беспрепятственно позволял себя произвольное количество раз фотографировать; что побывал в англиканской церкви; что ездил кататься по еврейским кварталам Нью-Йорка и целовал там ребятишек; что (к удивлению и удовольствию газет) всегда жал руку машинистам возивших его поездов и неясно давал понять при случае, что и сам он будто бы тоже был в свое время чем-то недалеко от машиниста... (Тарле Е.В. Сочинения. Т. 5. М., 1958. С. 547).

Витте был игроком в очень трудной пьесе, но разыграл он ее так блестательно, что президент Т. Рузвельт признал к концу переговоров, что симпатии американского общественного мнения заметно передвинулись на сторону России. Конечно, дело было не только в том, что Витте залиберальничал с прессой, тогда как глава японской делегации Комура никого не пускал к себе на порог. Русский дипломат вообще вел себя неслыханно для европейского политика эпохи закрытой дипломатии. Он ездил по бедным кварталам Нью-Йорка и целовал детишек, всегда жал руку машинистам возивших его поездов...

(с. 299).

Разумеется ссылки на текст Е.В. Тарле С.Д. Мартынов в данном случае не дает. Чтобы у читателя не создалось впечатления, что это единичный случай, сделаем еще одно сопоставление.

С.Д. Мартынов

А.Н. Боханов

Русское общество, казалось, совсем еще недавно выказывавшее равнодушие к экономическим проблемам, вдруг с невиданным жаром погрузилось в оживленные дискуссии о путях и методах финансовой реконструкции. Трудно было найти газету или журнал, на страницах которых не дебатировалась бы эта проблема; лекции по этому вопросу собирали полные залы; тема проникала в за-

Русское общество, казалось еще совсем недавно равнодушное к экономическим проблемам, вдруг с невиданным жаром погрузилось в дискуссии о путях и методах финансовых реконструкций. Трудно было найти газету или журнал, на страницах которых не дебатировалась бы эта проблема; лекции по вопросу собирали полные залы; тема проникала в за-

ли полные залы; тема проникла в закрытые клубы и в аристократические салоны. Конкретных и весомых контраргументов у противников золотого рубля было мало, их возражения и нападки имели в большей степени чисто эмоциональный характер, а не трезвый и спокойный расчет. Звучали утверждения о грядущем «разбазаривании национальных богатств», об обнищании страны, о превращении России в колонию – «вторую Индию» и т.д. и т.п. (Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М., 1994. С. 127).

Стоит ли говорить, что и в данном случае тоже не приводится никакой ссылки.

Об уровне компетенции автора свидетельствуют утверждения о том, что М.Н. Катков «проповедовал создание "интернациональной" российской экономики» (с. 45), что сам Витте был «инородец по происхождению» (с. 63), а также такие выражения, как «абсолютизм самодержавия» (с. 137), «священный синод» (с. 141), «помещики-земледельцы» (с. 216), «присвоив ему звание графа» (с. 301). Текст книги С.Д. Мартынова изобилует неточностями, также фиксирующими степень квалификации автора. Известный экономист М.И. Фридман выступает на страницах книги Мартынова то под инициалом Н. (с. 135), то под инициалами М.Н. (с. 218), П.Л. Ковалько превращается в П.Л. Ковалько (с. 45, 50), труд В.П. Литвинова-Фалинского «Наше экономическое положение и задачи будущего» – в «Полное экономическое положение и задачи будущего» (с. 103). В.Г. Дацьшен у Мартынова то автор книги «Русско-китайская война», то «Русско-японская война» (с. 285, 286). Причем речь идет об одной и той же работе. Этот список ошибок и нелепостей далеко не исчерпывающий.

Вывод напрашивается сам собой. Перед нами обычная компиляция с элементами плагиата, изобилующая ошибками и явно стремящаяся ввести читателя в заблуждение по поводу оригинальности текста. Во всяком случае, указание на то, что книга является «научным изданием», совершенно неуместно. Выход в свет этой книги свидетельствует лишь о том, что жизнь и деятельность Витте достаточно глубоко исследована в историографии, и потому на основе научной литературы оказалось возможным составлять компиляции. На эту книгу, по большому счету, не стоило бы обращать особого внимания. В компиляциях никогда не было недостатка. Их тираж и тематика диктуются политической и коммерческой конъюнктурой. Важно и достойно сожаления другое – издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 01-02-16006д) в ущерб проектам, действительно имеющим научное значение, сама же книга опубликована в академическом издательстве «Наука», которое для многих поколений исследователей является синонимом понятия, которое оно избрало своим названием.

С.Г. Беляев, доктор исторических наук
(РГИА, Санкт-Петербург)

Примечания

¹ Отечественная история. 2002. № 4. С. 124–135.

² Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998; Laure Th. Sergei Witte and the Industrialization of Russia. N.Y.; London, 1963.

³ Тарле Е.В. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики // Тарле Е.В. Соч. Т. 5. М., 1958. С. 509–566.

⁴ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907 гг. М.; Л., 1955.

крытые клубы и аристократические салоны. Конкретных аргументов у противников золотого рубля было мало, их возражения имели в большей степени эмоциональный характер. Звучали утверждения о «разбазаривании национальных богатств», о превращении России в колонию – «вторую Индию» и т.п. (с. 160).

⁵ Мартынов С.Д. Предприниматели, благотворители, меценаты. СПб., 1993; его же. Финансы и банкирский промысел. СПб., 1993; его же. Исторический опыт местного самоуправления в С.-Петербурге. СПб., 1996.

⁶ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981.

⁷ Ананьев Б.В. Россия и международный капитал. 1897–1914. Л., 1970.

⁸ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991.

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН В 2002 ГОДУ

Публикаторская деятельность

В 2002 г. Институт российской истории РАН продолжил всестороннюю разработку основных проблем цивилизационного развития России с древнейших времен до конца XX в. Для работ, опубликованных сотрудниками Института в минувшем году, как и в последние годы вообще, характерны научная объективность и взвешенность подходов к специфике исторического пути России. Документальные публикации, серийные издания, коллективные и индивидуальные монографии сотрудников ИРИ РАН воссоздают сложную, полную драматизма картину многовековой истории нашего государства. Из этих работ видно, как российская история с ее цивилизационными взлетами и падениями накладывает отпечаток на нашу сегодняшнюю жизнь и во многом определяет наше будущее. Именно это обстоятельство делает исследования Института актуальными и востребованными.

Большое внимание ученые ИРИ РАН уделяют исследованию истории XX в., вызывающей особый интерес общественности как в нашей стране, так и за рубежом.

Огромное значение для изучения отечественной истории XX в. имеет многотомное фундаментальное издание документов «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)» под общей редакцией чл.-корр. РАН А.Н. Сахарова, академика РАН Г.Н. Севостьянова, к.ю.н. В.С. Христофорова, профессоров А. Гетти (США), Т. Вихавайнена (Финляндия) и др. Институт российской истории РАН в 2002 г. продолжил работу над этим важным проектом фондовой публикации, где представлена широкая картина жизни народов СССР во всем ее противоречивом многообразии. Документы существенно расширяют и детализируют наши представления о подлинном положении и настроениях различных слоев населения страны, показывают их отношение к политике коммунистической партии и советского правительства, характеризуют межклассовые и межнациональные проблемы. В 2002 г. вышел третий том (в 2 кн.) данного издания, содержащий документы 1924 г.

В то время как издание «Совершенно секретно» является публикацией документов центральных архивов, международный проект «Общество и власть. 1917–1980-е гг.» предусматривает фондовую публикацию материалов провинциальных архивов. В 2002 г. вышел первый том издания «Общество и власть. Российская провинция (1917 – середина 1930-х гг.)» (руководители проекта – А.Н. Сахаров, А.П. Арефьев, А.А. Кулаков, В.В. Соколов (Нижний Новгород), Ф. Коккен (Франция), В. Берелович (Франция). В издании широко представлены новые документы из архивов Нижегородской обл., долгие годы недоступные для российских и зарубежных исследователей. Публикация незаменима для изучения процессов формирования и функционирования местных органов власти, соотношения между официальной политикой и общественной практикой, анализа реакции людей на события в годы тоталитарного режима. В научный оборот вводятся документы партийных, советских и судебных органов, следственные материалы, письма-жалобы и предложения граждан, личная переписка, дневники и воспоминания, справки и донесения об общественных настроениях по материалам органов безопасности.

В рамках международного проекта «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1936 гг.», который разрабатывает группа по истории аграрных преобразований (руководитель – д.и.н. В.П. Данилов), в 2002 г. вышел четвертый том этого издания, где помещены документы, характеризующие состояние сельского хозяйства, правовое и материальное положение колхозников и единоличников в середине 1930-х гг. после потрясений, вызванных массовой коллективизацией. Документы показывают, как власть пыталась поднять трудовую активность колхозников, не ослабляя экономического и внеэкономического давления на крестьянство.

Продолжалась также работа над российско-французским проектом «Деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939 гг.» (руководитель – д.и.н. В.П. Данилов). В 2002 г. вышел третий том (в 2 кн.) этого документального издания.

Группа по истории аграрных преобразований ИРИ РАН начала разработку нового международного проекта «Аграрно-крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.» (руководитель –

д.и.н. В.П. Данилов), осуществляемого при участии Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентр) при Московской высшей школе социальных и экономических наук, центральных и местных архивов. В рамках этого проекта в 2002 г. вышел в свет сборник документов и материалов «Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.»

Для анализа проблем истории России первой половины XX в. имеют большое значение и другие документальные публикации, осуществленные сотрудниками ИРИ РАН. Завершено трехтомное издание документов «Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ» (отв. редактор и составитель – д.и.н. А.П. Корелин). В издании представлены журналы и материалы съездов уполномоченных губернских дворянских обществ – одной из наиболее известных политических организаций России начала XX в. Документы дают представление о программных установках, тактике и деятельности этой организации, знакомят с попытками дворянства самоопределиться в сложных социально-экономических и политических условиях, демонстрируют его отношение к острым вопросам политической, общественной и экономической жизни страны. Все это позволяет понять особенности формирования российской партийно-политической системы, оценить уровень политической культуры в стране, уточнить место и роль дворянства в назревшем кризисе старого политического режима.

Вышли в свет «Мемуары графа И.И. Толстого» (отв. ред., автор предисловия и комментариев – д.и.н. А.Е. Иванов в соавторстве с чл.-корр. РАН Р.Ш. Ганелиным). Это воспоминания министра народного просвещения в кабинете С.Ю. Витте, охватывающие период с октября 1905 по апрель 1906 г. Мемуары обладают высокой степенью достоверности и рассказывают о работе Совета министров, Государственного совета, Министерства народного просвещения и о докладах Толстого императору в конце 1905 – начале 1906 гг.

В 2002 г. вышли также в свет второй и третий тома документальной публикации «Совершенство лично и доверительно». Б.Л. Бахметев, В.А. Маклаков. Переписка 1919–1951 гг. (составитель, автор вступительной статьи и комментариев – д.и.н. О.В. Будницкий). Это издание вводит в научный оборот материалы Гуверовского архива (США), в том числе большое количество фотографий.

Введение в оборот новых материалов, избавление от идеологических шор, свобода мышления в сочетании с плюрализмом подходов позволяют историкам по-новому взглянуть на многие проблемы отечественной истории, в том числе и самого близкого нам ХХ в. Так, в 1990-е гг. было принято решение о создании 10-томной серии под названием «Россия. ХХ век» под общей редакцией академика РАН А.Н. Яковлева. В 2002 г. вышел первый том этого труда «Россия в начале ХХ века. Исследования» (руководитель авторского коллектива и автор статьи-введения – А.Н. Сахаров). На основе анализа ранее неизвестных и малоизвестных источников в книге рассмотрен противоречивый и полный событиями исторический период 1900–1913 гг. Историографическое значение книги – в широте спектра поднятых в ней проблем, в недогматическом рассмотрении их на строго документальной основе. Для авторов этого исследования характерны новые подходы ко многим вопросам, явлениям и личностям, включая последнего русского императора. В томе анализируются самые разные стороны общественной жизни, которые раньше исследовались очень мало (например, благотворительность, состояние здравоохранения, празднование крупных исторических дат и т.д.).

В монографии Ю.А. Петрова «Московская буржуазия в начале ХХ в.: предпринимательство и политика» рассматривается комплекс проблем, характеризующих деловую активность и общественно-политическую деятельность наиболее влиятельной группы российских предпринимательских кругов. Автором исследована социально-имущественная структура московских предпринимателей, взаимоотношения делового мира первопрестольной с самодержавной властью, участие ведущих представителей «Москвы купеческой» во Временном правительстве.

Д.и.н. С.В. Тютюкин посвятил свою работу феномену меньшевизма и его роли в политической истории России. В его книге «Меньшевизм: страницы истории» впервые в отечественной и зарубежной литературе прослежена вся история меньшевизма как идеально-политического течения и леворадикальной партии с 1903 до середины 1920-х гг., когда деятельность меньшевиков на территории СССР была насилием прекращена советскими карательными органами. В монографии проанализирована динамика стратегии и тактики меньшевиков до и после 1917 г., основные события внутрипартийной жизни, состав партии. Показаны принципиальные отличия меньшевизма от большевизма и причины поражения меньшевиков в борьбе с большевиками.

Д.и.н. Т.Ю. Красовицкая в монографии «Российское образование между реформаторством и революционизмом» впервые исследовала противостоявшие друг другу либерально-демократическую и большевистскую концепции народного образования и показала, как новая власть

России использовала образование для решения проблемы воспитания так называемого нового человека.

Вышло новое издание в серии «Россия в XX веке» под редакцией Г.Н. Севостьянова. В основу книги легли материалы международной научной конференции «Реформы и революции в XX веке», которую ИРИ РАН проводил в 2001 г. совместно с Научным советом РАН по истории реформ, социальных движений и революций. Историки анализируют и дают оценку преобразованиям в области политики, экономики, культуры, размышляют над революционными процессами, их влиянием на судьбу России, сопоставляют опыт российских и зарубежных реформ.

Сотрудники ИРИ РАН обращаются также к таким темам истории страны в XX в., которые уже давно дискутируются в отечественной историографии. В минувшем году вышла в свет книга д.и.н. Б.С. Илизарова «Тайная жизнь Сталина. Портрет на фоне его библиотеки и архива (К историософии сталинизма)», написанная на основе материалов рассекрченного архива Сталина и других ранее неизвестных документов. Здесь впервые дается описание сохранившихся частей личной библиотеки Сталина с его маргиналиями. В монографии дается интеллектуальный портрет Сталина, который был умным, разносторонне начитанным, но одновременно душевно инфантильным, эмоционально неразвитым и жестоким человеком. Все проблемы рассмотрены автором на фоне истории формирования архива Сталина и анализа состава его библиотеки, а также постепенно складывающейся историософии сталинизма.

Демографические процессы в России XX в. являются одной из основных проблем современной демографии. В ИРИ РАН каждый год появляются работы историко-демографического направления. В 2002 г. д.и.н. О.М. Вербицкая опубликовала монографию «Население российской деревни в 1939–1959 гг.: проблемы демографического развития». В этой работе на основе большого количества архивных материалов исследованы численность, половозрастной, социальный и национальный состав сельского населения России, представлены особенности рождаемости, смертности и брачности. Особое внимание уделено воспроизводству сельского населения в годы Великой Отечественной войны.

В 2002 г. был опубликован сборник статей «Этот противоречивый XX век», посвященный 80-летию академика РАН Ю.А. Полякова. В книгу были включены исследовательские статьи, мемуары, документы.

Современный этап развития российской исторической науки отмечен и новыми методологическими подходами, и появлением новых исследовательских направлений, и стремлением найти новые грани при анализе тем, всегда находившихся в центре внимания российских историков. Речь идет о полном переосмыслении всей истории России, которым отмечены все последние годы.

К практически заново разрабатываемым темам в отечественной историографии относится история Русской церкви. 11 лет назад в ИРИ РАН был образован Центр истории религии и Церкви. В течение прошедших лет он занял лидирующие позиции в этой области исторического знания. О работах, явившихся результатом научных исследований в рамках этого центра и привлекших внимание научной общественности, уже сообщалось в отчетах прошлых лет. Минувший год не стал исключением.

В 2002 г. опубликована книга «Мазуринская кормчая. Памятник межславянских культурных связей» (составители, авторы научных статей и комментариев – к.и.н. Е.В. Белякова и чл.-корр. РАН Я.Н. Щапов в соавторстве с к.и.н. И.П. Старостиной, О.А. Князевой, Е.В. Соколовой). Это первое лингвистическое издание новой для исследователей славянского церковного права Мазуринской кормчей по наиболее раннему списку третьей четверти XIV в. из собрания Ф.Ф. Мазурина в РГАДА. Памятник включает канонические правила, созданные в течение многовековой истории христианской Церкви. Текст издан с разночтениями по трем русским спискам XV–XVI вв. Все тексты опубликованы впервые. Издание сопровождается научными статьями, комментирующими происхождение памятника, его состав и процесс распространения на Руси.

В 2002 г. вышла в свет коллективная монография «Монашество и монастыри в России. XI–XX вв.» (отв. ред. и автор предисловия – д.и.н. Н.В. Синицына). Авторы монографии избрали предметом своего исследования генезис и первые века русского монашества, реформы преподобного Сергия Радонежского и митрополита Алексея, распространение пустынно-ножительства и рост числа монастырей в XV–XVI вв., полемику по поводу типов монастырского устройства и задач монашеского служения, значение секуляризации XVIII в. для монашества и монастырей, русское старчество, возрождение института монашества в наши дни и др. Аналогов этой работы в современной историографии нет.

В 2002 г. издан 5-й выпуск ежегодника «Церковь в истории России», приуроченный к 10-летию Центра истории религии и Церкви ИРИ РАН. В сборнике дан обзор научной деятельности его сотрудников. Значительное место в нем занимают статьи, написанные на основе документов, ко-

торые только недавно стали доступны историкам. В сборник включены, например, статьи, посвященные малоизученным страницам истории Церкви – женским монастырям, участию духовенства в Отечественной войне 1812 г. и др.

Д.и.н. Н.Н. Лисовой опубликовал монографию «Чудотворные иконы. Обретение, чудотворение, молитвы». Книга содержит более 20 очерков о самых известных в русской истории иконах Богоматери, святых Георгия Победоносца и Николая Чудотворца. Рассматривается история появления каждой из них, связь с реальными событиями политической и духовной жизни страны, степень исторической документированности, характер народного почитания. Даётся также анализ национальных и культурологических особенностей культа чудотворных икон в России в сравнении с западными и византийскими традициями.

В 2002 г. была опубликована монография к.и.н. Л.В. Мельниковой «Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года». В ней рассмотрено положение Православной церкви в Российской империи начала XIX в.: ее структура, управление, связь с государственной властью. Определены функции, которые выполняла в государстве Православная церковь, степень ее влияния на народ и регулярную армию, показана многосторонняя деятельность православного духовенства, направленная на организацию движения сопротивления. Автор показывает, что роль Православной церкви в войне 1812 г. не ограничивалась фактами непосредственного участия духовенства в основных событиях 1812 г., а была тесно связана с духовной жизнью всего русского общества.

Следует упомянуть также монографию к.и.н. И.А. Курляндского «Иннокентий (Вениаминов) – митрополит Московский и Коломенский (1868–1879 гг.)» о деятельности этого выдающегося церковного, государственного и общественного деятеля.

Использование новой методологии исторических исследований, характерное для данного этапа переосмысливания отечественной истории, приводит к появлению новых подходов в области периодизации истории России. В этих условиях ученые ИРИ РАН обращаются к масштабным сквозным темам, охватывающим не один век истории нашего государства. Так, д.и.н. А.Н. Боханов издал монографию «Самодержавие. Идея монархической власти в России». Его книга посвящена анализу русской государственно-национальной традиции от времени возникновения единого Московского царства на рубеже XV–XVI вв. до падения монархии в 1917 г. Основная цель автора – рассмотреть самобытность монархической традиции в России, определить смысловое содержание верховной власти, показать ее исторические возможности и пределы. А.Н. Боханов отстаивает идею исторической органичности государствообразующего процесса в России, противопоставляя свою концепцию тем авторам, которые рассматривают смысловую сторону российского самодержавного авторитаризма в русле западничества.

С концептуально противоположных позиций некоторые проблемы истории государственностии России рассматриваются в книге д.ф.н. А.Н. Медушевского «Сравнительное конституционное право и политические институты». Автора интересует российский и мировой опыт развития конституционного процесса. В работе прослеживается становление конституционных институтов в различных политico-правовых традициях, даётся сравнительный анализ конституционных кризисов и способов выхода из них. Особое внимание уделяется динамике такого явления, как конституционная модернизация. С этих позиций А.Н. Медушевский рассматривает и российский конституционный процесс.

Еще один пример сквозного взгляда на проблемы отечественной истории – книга д.и.н. Я.Е. Водарского, к.и.н. О.Е. Елисеевой и д.и.н. В.М. Кабузана «Население Крыма в XVIII–XX вв.». В ней впервые в отечественной историографии даётся очерк истории вхождения в состав России Крыма, уточняется датировка многих связанных с этим событий. Детально рассматривается территориально-административное устройство Крыма, анализируется национальный и сословно-классовый состав его населения за период почти в 300 лет.

Обращение к крупным темам может выливаться и в ряд монографий по какой-либо одной исторической проблеме. Книга д.и.н. О.А. Шватченко «Светские феодальные вотчины в эпоху Петра I» является продолжением предыдущих монографий автора по истории светского землевладения XVI – начала XVIII в.

В книге к.и.н. И.А. Христофорова «Аристократическая оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.)» проанализированы состав, деятельность, идеологическая ориентация и конкретная социально-политическая программа одной из наиболее влиятельных политических группировок предреформенной и пореформенной России. Подробно характеризуется место так называемой аристократической оппозиции в общественном движении, взаимоотношения ее представителей с правительством, выявляется влияние «аристократов» на внутриполитический курс. Материалы книги позволяют по-новому взглянуть на такие проблемы, как сущ-

ность отечественного консерватизма, динамика реформаторских и контрреформаторских тенденций во внутренней политике России и др.

В результате поворота российской исторической науки к новым темам среди исследователей наряду с традиционным интересом к «трудящимся классам» повысился интерес к средним слоям, предпринимателям, купечеству, труду которых в неменьшей степени преумножалось благосостояние России. Каждый год появляются работы на эту тему. В 2002 г. издана монография д.и.н. А.В. Демкина «Городское предпринимательство в России на рубеже XVII–XVIII вв.» В работе исследуются различные виды городского производства и промыслов в связи с предпринимательской деятельностью различных категорий городского населения по пяти регионам России (Север, Северо-запад, Центрально-земледельческий район, а также Урал и Предуралье).

В ИРИ РАН всегда уделялось большое внимание разработке проблем российской внешней политики. Долгие годы Институт является базовой организацией Научного совета РАН «История международных отношений и внешней политики России». При этом внешняя политика исследуется как система взаимосвязанных процессов на различных направлениях – в Европе, Азии, на Дальнем Востоке, в Америке. Особое внимание уделяется влиянию экономики и внутренней политики на международную деятельность российских правительств, анализируется ее зависимость от состояния военного потенциала страны. Поднимаются вопросы, связанные с механизмом принятия внешнеполитических решений. Большое внимание уделяется персоналиям и такой ранее малоизученной проблеме, как позиция общественности России в вопросах внешней политики.

В 2002 г. опубликован трехтомник «Очерки истории Министерства иностранных дел России». Первый том этого издания, а также три главы второго тома, охватывающие период с древнейших времен до конца первой четверти XX в., написаны сотрудниками ИРИ РАН. Ответственным редактором первого тома является А.Н. Сахаров. Этот фундаментальный труд приурочен к 200-летнему юбилею МИД России и по своим параметрам сравним только со «Столетником» 1902 г., существенно отличаясь от него как более широкой документальной базой, так и научным уровнем и временным охватом событий. Работа написана на основе материалов Архива внешней политики Российской империи, Архива внешней политики РФ и Российского государственного архива древних актов, щедро предоставленных исследователям соответствующими ведомствами. Актуальность этого труда объясняется особой ролью, которую играл МИД, решая сложные задачи защиты национально-государственных интересов России за рубежом. Представляется, что трехтомник будет способствовать самоидентификации России как великой державы. В нем использованы современные методы исследования, в том числе психолого-личностный подход, позволяющий более объективно и взвешено оценить роль различных государственных и политических деятелей и дипломатов.

Д.и.н. Н.М. Рогожин издал книгу «...У государевых дел быть приказано», которую также посвятил 200-летию МИДа России. В книге рассказывается о событиях, происходивших в царствования Ивана Грозного, Бориса Годунова, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича Романовых. Раскрывается выдающееся значение и суть деятельности Посольского приказа – одного из важнейших центральных государственных учреждений России XVI–XVII вв. Сопоставляя судьбы организаторов отечественной дипломатии, автор показывает, как на протяжении двух столетий эволюционировали их образ, самосознание и методы работы.

В минувшем году вышла из печати монография к.и.н. Е.П. Кудрявцевой «Россия и Сербия в 30–40-х годах XIX века» о русско-югославянских связях.

Опубликованы также интересные документы по истории внешней политики России в XX в. Вышел из печати сборник документов «СССР – Италия. 1920–1939 гг. Политика и дипломатия Кремля» (ответственный составитель – д.и.н. И.А. Хормач). Сборник содержит уникальные документы Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и правительственные ведомства, в том числе наркоматов иностранных дел, внешней торговли, обороны и др. В нем впервые раскрывается механизм принятия политических решений на высшем уровне, показано, как формировался внешне-политический курс в отношении Италии в различные периоды между Первой и Второй мировыми войнами.

Д.и.н. Ф.И. Новик опубликовала книгу «"Оттепель" и инерция "холодной войны" (Германской политика СССР в 1953–1955 гг.)». В книге анализируется важный, но до сих пор практически не исследованный переломный период германской политики СССР в конце правления и в течение трех лет после смерти И.В. Сталина.

В ИРИ РАН продолжается работа семинара «Россия и внешний мир» по малоизученным проблемам взаимовосприятия культур или проблемам имеджинологии, находящихся на стыке истории, культурологии и социальной психологии. На основе материалов этого семинара публику-

ются сборники статей «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия» (руководитель проекта – к.и.н. А.В. Голубев). Хронологические рамки второго выпуска, который вышел в 2002 г., охватывают XVI–XX вв. В книге рассматриваются такие актуальные проблемы, как культурные и политические аспекты восприятия Запада в России; формирование «взгляда извне» на Россию в странах Запада: процесс взаимопроникновения культур. Отдельный раздел раскрывает особенности взаимовосприятия России и Японии в конце XIX–XX в. Наконец, в сборнике рассматривается динамика образа Запада в отечественной культуре 1990-х гг.

Плодотворный опыт постоянно действующего семинара используется ИРИ РАН и при разработке других исследовательских направлений в области отечественной истории. Такая форма работы позволяет оперативно и гибко формировать творческие группы для решения ряда исследовательских задач.

В 2002 г. Институт начал публиковать серию «История России: теоретические проблемы», предназначенную дать выход результатам работы, проводимой в рамках междисциплинарного семинара, организованного ИРИ РАН и посвященного разработке теоретических проблем российской истории. К работе над этой серией привлекаются не только историки, но и философы, культурологи и представители других отраслей обществознания, придерживающиеся самых различных взглядов, что способствует их взаимному обогащению. Первый тематический выпуск серии вышел в минувшем году под названием «Российская цивилизация: опыт исторического и междисциплинарного изучения» (руководитель проекта – д.и.н. А.С. Сенявский).

С 2000 г. в Институте работает семинар по военной антропологии (руководитель – д.и.н. Е.С. Сенявская). За это время в рамках его деятельности прошло три общероссийских «круглых стола», которые показали, что возникло новое исследовательское направление, вызывающее большой интерес научной общественности. В 2002 г. под грифом ИРИ РАН вышел из печати первый выпуск сборника статей «Военно-историческая антропология», подготовленный по материалам семинара.

Цивилизационный подход к изучению истории в целом ставит в центр любой проблемы не классы и социальные группы, а отдельных людей и их интересы. С момента, когда наметился современный поворот в исторической науке, ученые ИРИ РАН были среди первых, кто проявил стремление «оживить» и «очеловечить» отечественную историю. В исторической литературе появились новые персонажи, а также переосмыслена роль тех личностей, с которыми мы были знакомы по прежней историографии. Проблема роли личности в истории была освобождена от многих штампов, устоявшихся в прошлой истории Российского государства.

В прошедшем году вышло второе издание монографии д.и.н. Д.И. Исмайл-Заде «Императрица Елизавета Алексеевна. Единственный роман императрицы». В ней предпринята попытка реконструировать биографию жены императора Александра I Елизаветы Алексеевны, проникнуть в ее внутренний мир, вывести ее из тени венценосного супруга, показать влияние императрицы на российское общество. Впервые публикуется «секретная глава» из книги об императрице вел. кн. Николая Михайловича (1908–1909), посвященная любви Елизаветы Алексеевны и кавалергарда А.Я. Охотникова и запрещенная лично Николаем II.

Д.и.н. Р.В. Овчинников, опубликовав в 2002 г. книгу «По страницам исторической прозы А.С. Пушкина», внес достойный вклад в российскую пушкиниану. В ней рассматриваются документальные, повествовательные и фольклорные источники, использованные Пушкиным при создании «Истории Петра I», автобиографических записок, «Истории Пугачева» и других произведений о людях и событиях российской истории XVIII столетия. Воссоздана картина работы Пушкина в ведомственных архивах и частных рукописных собраниях, охарактеризованы хранившиеся в них документы, приведены сведения о людях, оказавших содействие поэту-историку в сборе интересовавших его материалов или поделившихся с ним старинными преданиями и воспоминаниями.

В минувшем году в серии ЖЗЛ вышло в свет второе, доработанное издание книги Ю.П. Глушаковой, написанной в соавторстве с И.Н. Бочаровым, «Кипренский». Книга о выдающемся русском художнике, воспетом А.С. Пушкиным, написана с использованием широкого круга новых материалов, найденных авторами в зарубежных и отечественных музеях, архивах и частных коллекциях.

В центре внимания ученых оказываются также и «простые люди» с их повседневными интересами и проблемами. В 2002 г. была опубликована книга бывшего аспиранта ИРИ РАН к.и.н. Д.Т. Целорунго «Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения: историко-социологическое исследование». В монографии на основе архивных материалов представлен обобщенный социальный портрет офицера русской армии – участника Бородинского сражения, приведен значительный объем новой информации по истории русского офицерского корпуса эпохи

Отечественной войны 1812 г., выявлены взаимосвязи, существовавшие между сословным происхождением офицеров, уровнем их образования и продвижением по службе.

Новые подходы к историческим исследованиям проявляются и в том, что в наши дни в особом положении оказываются проблемы вспомогательных исторических дисциплин – генеалогии и геральдики, особенно в области отечественной истории. Д.и.н. М.Е. Бычкова посвятила свою книгу «Генеалогия в России: история и перспективы» вопросам создания родословных документов в России с середины XV до конца XVII в. и их изучению в научной литературе XVIII–XX вв. Рассмотрена проблема влияния результатов генеалогических работ на формирование общественного сознания XVI–XVII вв., а также обоснована необходимость проведения генеалогических исследований при решении конкретных проблем истории России и развития исторической науки.

В рамках Государственной программы патриотического воспитания населения д.и.н. Н.А. Соболева, которая уже давно занимается проблемами геральдики, издала в 2002 г. книгу «Российская государственная символика. История и современность». Она рассказывает о символах нашего государства – гербе, флаге, гимне, история которых до сих пор оставалась малоизвестной. Автор в доступной для широкого читателя форме излагает сложный материал о появлении двуглавого орла и воина-драконоборца на государственной печати создателя единого Русского государства Ивана III, прослеживает становление государственного герба Российской империи, анализирует статус традиционной эмблемы России в современном обществе. История российского государственного флага изложена в контексте эволюции знамен и флагов в Европе и основных событий отечественной истории. Становление в России музыкальной символики также рассматривается на фоне возникновения европейских гимнических произведений. В книге обобщен большой фактический материал о государственной символике Российской империи, советского государства и современной России.

Современный этап развития исторической науки в России серьезно изменил лицо еще одной области исторических знаний – русской историографии. В рамках программы поддержки мега-проекта «Развитие образования в России», предпринятого Институтом «Открытое общество», сотрудниками ИРИ РАН и кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета была подготовлена и вышла в свет книга «Мир историка. XX век» (под редакцией А.Н. Сахарова). В этой коллективной монографии предпринята попытка реконструкции мира историка XX в., который представлен как сложный, многообразный, пронизанный страстями и противоречиями микрокосмос. Специальный раздел монографии отведен документам и материалам, характеризующим «историографический быт». Особое внимание уделено научной лаборатории историка и ее трансформации на протяжении столетия.

В 2002 г. опубликован второй выпуск историографического вестника «История и историки». В нем большее внимание уделено историческому сообществу как интегрирующему целому, а также роли индивидуальных, личностных начал в творчестве историка. Большой раздел отведен документальным публикациям по истории исторической науки. Документы по истории исторической науки России публикуются и отдельными изданиями. Вышли в свет документальная публикация «Историки – эмигранты» (отв. редактор – А.Н. Сахаров) и документальный сборник «П.Н. Милюков. Очерки истории исторической науки» (составитель и автор вступительной статьи – д.и.н. М.Г. Вандалковская). Опубликованные в сборниках документы позволяют существенно дополнить наши представления о развитии русской исторической мысли в XX в. Несколько лет назад было трудно даже предположить, что исследовательские достижения русских историков, оказавшихся волею судеб за рубежом, будут на равных правах включены в историю исторической науки России.

Коллектив ученых ИРИ РАН видит одну из своих основных задач в том, чтобы граждане нашей страны знали отечественную историю. Поэтому каждый год из-под пера сотрудников Института выходят научно-популярные работы, учебники и учебные пособия по истории России. В 2002 г. была опубликована книга д.и.н. Л.Е. Морозовой «Затворницы. Мифы о великих княгинях». В ней представлены по крупицам собранные сведения о пяти выдающихся русских великих княгинях – дочери Дмитрия Донского Евдокии, жене Василия I Софье, жене Ивана III Софье Палеолог, матери Ивана Грозного Елене Глинской и его жене Анастасии.

В 2002 г. вышла также книга недавно ушедшего из жизни сотрудника ИРИ РАН д.и.н. А.А. Преображенского «Веков связующая нить... Преемственность военно-патриотических традиций русского народа (XIII – начало XIX в.)».

Сотрудники ИРИ РАН опубликовали в московских издательствах серию учебников для 6-х, 7-х, 8-х, 10-х классов средней школы. Переиздавались и другие учебники и учебные пособия по истории России для школы и исторических факультетов вузов, подготовленные в ИРИ РАН.

Конференции

В рамках празднования Года Украины в России ИРИ РАН провел 23 октября 2002 г. научную российско-украинскую конференцию «Россия и Украина: исторические истоки, традиции, преемственность». Впервые за последнее десятилетие российские и украинские историки совместно обсуждали ключевые проблемы истории Древней Руси, ставшей колыбелью восточнославянской государственности, ее экономику, культуру, этнические и духовные процессы времени ее существования. Многие из этих вопросов носят дискуссионный характер. Причем на конференции они свободно и открыто обсуждались с учетом современных научных разработок как российских, так и украинских историков, новых данных письменных, генеалогических источников, богатейшего археологического материала. На конференции были поставлены вопросы об общих корнях российского и украинского народов, роли древнерусской цивилизации в мировой истории, христианизации Руси и ее значения в жизни Восточной Европы, о геополитике Древней Руси и ее наследии. В конференции приняли участие крупнейшие специалисты по истории Древней Руси из России и Украины.

Сотрудники Института также участвовали в конференции «Рюриковичи и российская государственность», прошедших в Калининграде в сентябре 2002 г. Сотрудники Института отстаивают в своих работах версию южно-балтийского происхождения Рюрика в противовес версии скандинавской. Разработка этой проблемы на конференции и была поручена ИРИ РАН. В Калининграде Институт был представлен пленарным докладом А.Н. Сахарова и Н.М. Рогожина «Рюрик, Рюриковичи и традиции русской государственности», а также секционными докладами д.и.н. В.А. Кучкина и к.и.н. В.Б. Перхавко. В связи с проведением этой конференции в «Российской газете» была опубликована статья А.Н. Сахарова «Рюрик и истоки российской государственности».

В рамках научного сотрудничества между ИРИ РАН и Тольяттинским государственным университетом Институт стал соорганизатором «Татищевских чтений», проведенных в Тольятти в октябре 2002 г. На конференции были затронуты проблемы развития и историографии городов Урала, истории промышленности и рыночных отношений в Поволжье, создания поволжской школы ученых и др.

Институт российской истории РАН – лидер в изучении проблем нэпа, хотя многие необоснованно считают эту тему исчерпанной и устаревшей. В сентябре 2002 г. в ИРИ РАН была проведена научная конференция «Экономические, политические и социокультурные аспекты нэпа». Конференция выявила новые тенденции в изучении этой проблематики. Расширился круг рассматриваемых вопросов: докладчики помимо собственно экономических и политических вопросов обращали внимание на социальные, социокультурные и демографические проблемы, связанные с нэпом.

В ноябре 2002 г. в Институте был проведен «круглый стол» на тему «Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из ХХI в.». Это научное мероприятие было посвящено 450-летию присоединения Среднего Поволжья (Казанского ханства) к Российскому государству. Это событие послужило поворотным пунктом в исторической судьбе поволжских народов и всего Российского государства. Участники «круглого стола» говорили о причинах и исторических обстоятельствах завоевания Иваном IV Казанского ханства, о политических, культурных, этнодемографических и других последствиях этого события, об отражении присоединения Среднего Поволжья к России в историографии, преподавании истории, а также в исторической памяти народов.

В феврале 2002 г. был проведен очередной ежегодный «круглый стол» «Россия и внешний мир» (руководитель – к.и.н. А.В. Голубев).

В ноябре состоялся очередной «круглый стол» по военной антропологии (руководитель – д.и.н. Е.С. Сенявская).

В течение всего года сотрудники Института участвовали также в различных конференциях в научных и учебных учреждениях Москвы и Российской Федерации.

**Е.Н. Рудая, кандидат исторических наук
(Институт российской истории РАН)**

ПРЕМИЯ ИМЕНИ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО 2002 года

Президиум РАН постановлением от 24 декабря 2002 г. присудил премию имени В.О. Ключевского академику Ю.А. Полякову, д.и.н. В.Б. Жиромской, к.и.н. И.Н. Киселеву за серию научных работ и документальных публикаций по истории населения России в 1930-е гг. Авторами впервые опубликована с обстоятельным источниковедческим анализом «опальная» в прошлом статистика 1930-х гг., прежде всего перепись населения 1937 г. и ранее «закрытые» материалы переписи 1939 г. В результате многолетней и кропотливой работы, итогом которой стала коллективная монография «Полвека под грифом "секретно"» и монография В.Б. Жиромской «Демографическая история России в 1930-е годы: взгляд в неизвестное», этим научным коллективом осуществлено фундированное исследование малоизученных проблем истории российского населения в 1930-е гг.: людские потери, рождаемость, смертность, национальный, конфессиональный состав и миграционные процессы. Указанные работы получили высокую оценку научной общественности.

ДОКТОРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ, УТВЕРЖДЕННЫЕ ПРЕЗИДИУМОМ ВАК МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЯНВАРЕ – АПРЕЛЕ 2003 г. (специальность 07.00.02 – отечественная история и 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования)

1. *Багдоновская Нела Михайловна*. «Северская земля: историко-этническое формирование и развитие населения в VIII–XVIII вв.» Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова, где работает соискательница.

2. *Веденников Юрий Леонидович*. «Развитие общего среднего образования в Сибири: проблемы, тенденции, решения (вторая половина 60-х – начало 80-х гг. XX в.)» Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Иркутском государственном медицинском университете, где работает соискатель. Защищена в Иркутском государственном университете.

3. *Шувалов Владимир Иванович*. «Социально-психологический аспект изучения истории в российской историографии последней трети XIX – первой половины XX в.» Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена и защищена в Московском педагогическом университете. Соискатель работает в Пензенском государственном педагогическом университете им. В.Г. Белинского.

4. *Быкона Геннадий Федорович*. «Формирование и особенности сословно-социального статуса военно-бюрократического дворянства Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в.» Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Красноярском государственном педагогическом университете, где работает соискатель. Защищена в Иркутском государственном университете.

5. *Ангаева Сэсэгма Пурбоевна*. «Формирование бурятской государственности (конец XIX – первая треть XX в.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московской гуманитарно-социальной академии. Соискательница работает в Восточно-Сибирском государственном технологическом университете.

6. *Павлова Ирина Владимировна*. «Механизм власти и строительство сталинского социализма». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Институте истории Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН, где работает соискательница.

7. *Умбрашко Константин Борисович*. «"Скептическая школа" в исторической науке России первой половины XIX века». Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена и защищена в Институте российской истории РАН. Соискатель работает в Новосибирском государственном педагогическом университете.

8. *Шаповалов Владимир Анатольевич*. «Дворянство Центрально-Черноземного региона России в постреформенный период». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском педагогическом государственном университете. Соискатель работает в Белгородском государственном университете.

9. *Акманов Айтуган Ирекович*. «Аграрная политика правительства и землевладение башкирских общин во второй половине XVI – начале XX в.» Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Соискатель работает в Башкирском государственном университете.

10. *Попов Александр Сергеевич*. «Школа Ключевского: синтез истории и социологии в российской историографии». Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена в Пензенском государственном педагогическом университете им. В.Г. Белинского, где работает соискатель. Защищена в Московском педагогическом университете.

11. *Вербицкая Ольга Михайловна*. «Сельское население Российской Федерации в 1939–1959 гг. (Демографические процессы и семья)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Институте российской истории РАН, где работает соискательница.

12. *Иванова Галина Михайловна*. «ГУЛАГ в советской государственной системе (конец 1920-х – середина 1950-х годов)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Институте российской истории РАН, где работает соискательница.

13. *Дьяченко Анатолий Александрович*. «Опыт ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС: деятельность государственных органов СССР (1986–1991 гг.)». Специальность 07.00.02.
Диссертация выполнена и защищена в Институте военной истории Министерства обороны РФ. Соискатель – пенсионер.
14. *Серова Майя Игнатьевна*. «Политическая культура декабристов в контексте Российской истории XIX века». Специальность 24.00.01 – теория и история культуры.
Диссертация выполнена и защищена в Краснодарском государственном университете культуры и искусств Министерства культуры РФ, где работает соискательница.
15. *Ястребский Анатолий Михайлович*. «Деятельность государственных и военных органов по развитию Войск ПВО страны во второй половине 80-х – 90-е годы: историческое исследование». Специальность 07.00.02.
Диссертация выполнена и защищена в Военном университете Министерства обороны РФ. Соискатель работает в Военном финансово-экономическом университете Министерства обороны РФ.
16. *Панина Наталья Вячеславовна*. «Исторический вклад советских женщин в обеспечение стабильности тыла и организации помощи фронту в годы Великой Отечественной войны (по материалам Российской Федерации)». Специальность 07.00.02.
Диссертация выполнена и защищена в Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. Соискательница работает в Московском государственном институте электроники и математики.
17. *Зубанова Светлана Геннадиевна*. «Социальное служение Русской православной церкви в XIX веке». Специальность 07.00.02.
Диссертация выполнена и защищена в Московском государственном социальном университете Министерства труда и социального развития РФ, где работает соискательница.
18. *Ерохин Юрий Семенович*. «Технология социальной работы: история и современность». Специальность 07.00.02.
Диссертация выполнена и защищена в Московском государственном социальном университете Министерства труда и социального развития РФ, где работает соискатель.
19. *Запарий Владимир Васильевич*. «Черная металлургия Урала в 70–90-е годы XX века». Специальность 07.00.02.
Диссертация выполнена в Уральском государственном техническом университете, где работает соискатель. Защищена в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН.
20. *Морозов Сергей Дмитриевич*. «Население Центральной России в 1897–1917 гг.» Специальность 07.00.02.
Диссертация выполнена в Институте российской истории РАН. Соискатель работает в Пензенской государственной архитектурно-строительной академии.
21. *Колоницкий Борис Иванович*. «Политические символы и борьба за власть в 1917 году». Специальность 07.00.02.
Диссертация выполнена и защищена в Санкт-Петербургском институте истории РАН, где работает соискатель.
22. *Купцов Василий Петрович*. «Проблемы перестройки народного хозяйства и эволюция мирного населения в годы Великой Отечественной войны». Специальность 07.00.02.
Диссертация выполнена и защищена в Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова, где работает соискатель.
23. *Соколов Виктор Владимирович*. «Туркестанский край в составе Российской империи: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития (вторая половина XIX – февраль 1917 г.)». Специальность 07.00.02.
Диссертация выполнена и защищена в Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. Соискатель работает в Московском государственном техникуме технологий, экономики и права им. Л.Б. Красина.
24. *Федоров Василий Игнатьевич*. "Якутия в начале XX в.: социально-экономическое и общественно-политическое развитие (1800 – февраль 1917 г.)». Специальность 07.00.02.
Диссертация выполнена и защищена в Институте гуманитарных исследований АН Республики Саха (Якутия), где работает соискатель.

Составлено по Протоколам
Президиума ВАК Министерства
образования Российской Федерации

НОВЫЕ КНИГИ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

(по материалам «Книжного обозрения» за март–апрель 2003 г.)

- Алексеев В.В.** Мир русских календарей: Памятная книга по истории Отечества. М.: Академкнига, 2002. 240 с.
- Альман И.А.** Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР: Учебное пособие для вузов. М.: Фонд «Холокост», 2002. 319 с.
- Арутюнов А.** Ленин: Личностная и полит. биогр.: В 2 т. М.: Вече, 2002. (Досье без ретуши). Т. 1: 480 с. Т. 2: 480 с.
- Асов А.** Священные прародины славян. М.: Вече, 2002. 496 с. (Тайны земли русской).
- Базоркин М.М.** История происхождения ингушей. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 290 с.
- Бакальчук-Фелин М.** Воспоминания еврея-партизана/Пер. с идиша. М.: Возвращение, 2003. 224 с.
- Барабанов В.В., Николаев И.М., Рожков Б.Г.** История России с древнейших времен до конца XX века: Учебное пособие. М.: АСТ, Астрель, 2003. 496 с. (Для поступающих в вузы).
- Бардадым В.** Замечательные кубанцы. Краснодар: Сов. Кубань, 2002. 256 с.
- Бегунов Ю.** Александр Невский: Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М.: Молодая гвардия, 2003. 262 с. (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.).
- Беловинский Л.В.** Энциклопедический словарь российской жизни и истории XVIII – начала XX в. М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 912 с.
- Белякова З.И.** Великие князья Николаевичи в высшем свете и на войне. СПб.: Logos, 2002. 330 с. (Дворцы. Судьбы. История).
- Бережков В.И., Пехтерева С.В.** Женщины – чекистки. СПб.: Изд. Дом «Нева»; М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 384 с. (Рассекречено).
- Бокова В.М.** Эпоха тайных обществ: Рус. обществ. организаций первой трети XIX в. М.: Реалии-Пресс, 2003. 656 с.
- Великие тайны России XX века/Авт.-сост. В.В. Веденеев.** М.: Мартин, 2003. 608 с. (Великие XX века).
- Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг./Сост. А. Артизов, О. Наумов.** М.: Междунар. фонд «Демократия», 2002. 872 с. (Россия. XX век. Документы).
- Во главе первенствующего ученого сословия России: Очерки жизни и деятельности президентов Императорской С.-Петербургской Акад. наук. 1725–1917 гг./Отв. ред. Э.И. Колчинский.** СПб.: Наука, 2002. 206 с.
- Володин А.П.** Ительмены. СПб.: Дрофа, 2003. 160 с. (Народы Севера РФ).
- ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960/Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; Науч. ред. В.Н. Шостаковский.** М.: Материк, 2002. 888 с. (Россия. XX век. Документы).
- Гумилев Л.Н.** Древние тюрки. СПб.: СЗКЭО, Кристалл; М.: АСТ, 2002. 576 с. (Вехи истории).
- Гумилев Л.Н.** Открытие Хазарии. СПб.: СЗКЭО, Кристалл; М.: АСТ, 2002. 352 с. (Вехи истории).
- Гумилев Л.Н.** Тысячелетие вокруг Каспия. СПб.: СЗКЭО, Кристалл; М.: АСТ, 2002. 416 с. (Вехи истории).
- Данилевский Н.Я.** Россия и Европа. М.: Древнее и современное, 2002. 548 с.
- XX век: хроника московской жизни. 1911–1920/Сост. С.Г. Муранов и др.** М.: Мосгорархив, 2002. 584 с.
- Дело генерала Л.Г. Корнилова: Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. – июнь 1918 г.: В 2 т./Под ред. Г.Н. Севостьянова.** М.: Междунар. фонд «Демократия», Материк, 2003. (Россия. XX век. Документы). Т. 1. 568 с. Т. 2. 592 с.
- Деревянко А.П., Шабельникова Н.А.** История России с древнейших времен до начала XX века: Учебное пособие для вузов. М.: КноРус, Право и закон, 2002. 688 с.
- Димон В.** Потемкин в жизни: Свод свидетельств о жизни и деяниях основателя Новороссии. М.: Классика, 2003. 560 с.
- Добров В.Н.** Убийство социализма, или Как избавлялись от преемников Сталина: Докум.-худож. отчет о «круглом столе» основных участников событий. М.: Патриот, 2003. 287 с.
- Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы/Сост. В.Ю. Афиани и др.** М.: РОССПЭН, 2002. 912 с. (Культура и власть от Сталина до Горбачева).
- Достойны памяти потомков: Городские головы Казани. 1767–1917: Сб. документов и материалов/Сост. А.М. Димитриева и др.** Казань: Гасыр, 2002. 352 с.
- Драма российской истории: большевики и революция/О.В. Волобуев и др.** М.: Новый Хронографъ, 2002. 449 с. (Россия. XX век. Исследования).
- Дубинин Ю.В.** Время перемен: Записки посла в США. М.: Авиа-Рус 21, 2003. 464 с.
- Дубнов С.М.** Новейшая история еврейского народа: От фр. революции до наших дней: Т. 3: Эпоха антисемитской реакции и национального движения. 1881–1914, с эпилогом 1914–1938. М.: Мосты культуры, 2002. 488 с. (Памятники еврейск. ист. мысли).
- Евдокимов Д.** Кремль и Красная площадь. М.: ИТРК, 2003. 272 с.
- Екатерина II.** Памятник моему самолюбию/Сост. И. Лосиевский. М.: Эксмо, 2003. 544 с. (Антология мудрости).
- Забвению не подлежит: Книга Памяти жертв полит. репрессий Омск. обл.: Т. 6: Н – П/Отв. ред. О. Соловьева.** Омск: Кн. изд-во, 2002. 440 с.
- Загорулько В.И.** Этюды о декабристах. СПб.: Наука, 2002. 200 с.
- Залесский К.А.** Наполеоновские войны. 1799–1815: Биогр. энцикл. словарь. М.: АСТ, Астрель, 2003. 825 с.

- Зуев М.Н.** История России: Учебник для вузов. М.: ПРИОР, 2003. 688 с.
- Ибрагимова З.Х.** Чеченская история: Политика, экономика, культура: Вторая пол. XIX в. М.: Евразия+, 2002. 448 с.
- Иловайский Д.** Собиратели Руси. М.: АСТ, Астрель, 2003. 637 с. (Ист. б-ка).
- Император Николай I:** Николаевская эпоха. Слово русского царя. Апология рыцаря. Незабвенный/Сост. М.Д. Филин. М.: Рус. міръ, 2002. 752 с. (Рус. мір в лицах).
- Ионов И.Н., Хачатуриан В.М.** Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб.: Алетейя, 2002. 384 с.
- Историческая хроника:** Республика Коми с древнейших времен/И.Л. Жеребцов и др. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002. 344 с.
- «Исторический архив». 1919–2001 гг.: Указатель опубликованных материалов/Сост. И.А. Кондакова, А.В. Чернобаев. М.: РОССПЭН, 2002. 192 с.
- Историки-эмигранты:** Вопросы русской истории в работах 20-х–30-х годов/Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2002. 479 с.
- История и историки, 2002:** Историограф. вестник/Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2002. 223 с.
- История России. XVIII–XIX вв.:** Хрестоматия: Учебное пособие/Науч. рук. А.Н. Сахаров. М.: Вербум-М, 2003. 408 с.
- История России с древнейших времен до конца XVII века:** Хрестоматия/Науч. рук. А.Н. Сахаров. М.: Вербум-М, 2003. 336 с.
- Кандель Ф.** Книга времен и событий: Т. 3: История евреев Советского Союза. 1917–1939. М.: Мосты культуры, 2002. 488 с.
- Карамзин Н.М.** История государства Российского. М.: Эксмо, 2002. 832 с.
- Катков Г.М.** Дело Корнилова. М.: Рус. путь, 2002. 240 с. (Исслед. новейшей рус. истории).
- Ключевский В.** История России: Статьи. М.: АСТ, Астрель, 2003. 463 с. (Ист. б-ка).
- Книга Памяти:** Сов.-Финляндская война. 1939–1940: Т. 2/В.Ю. Бодрова и др. СПб.: Вести, 2002. 267 с.
- Коняев Н.М. Романовы:** Расцвет и гибель династии. М.: Вече, 2003. 544 с. (Тайны земли Русской).
- Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938:** Кн. 2/Сост. Ку С, Ли Хен Кын. М.: Возвращение, 2002. 288 с.
- Кузнецов И.А.** Прошлое Ростова: Очерки истории города Ростова-на-Дону. Ростов н/Д.: NB, ГинГо, 2002. 276 с.
- Кузнецов С.А.** Курмыши: История села с древнейших времен и до наших дней. Н. Новгород: Барс XXI век, 2002. 160 с.
- Курляндский В.В.** Тайна Санкт-Петербурга: Сенсац. открытия возникновения сев. столицы. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 480 с.
- Леонов Н.С.** Крестный путь России. 1991–2000. М.: Рус. Дом, 2003. 528 с.
- Ломоносов М.В.** Записки по русской истории. М.: Эксмо, 2003. 704 с. (Антология мысли).
- Мировая энциклопедия биографий:** В 12 т./Науч. ред. Т.К. Варламова. М.: Мир книги, 2003. Т. 9: Пи – Ро. 256 с. Т. 10: Ро – Тю. 256 с.
- Молчанов Л.А.** Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны: Окт. 1927–1920 г. М.: Изд-датофпрес, 2002. 272 с.
- Москва – Рим: Политика и дипломатия Кремля. 1920–1939:** Сб. документов/Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2003. 483 с.
- Муравьев В.** Святая дорога: Никольская улица, Лубянка, Сретенка, проспект Мира, Ярославское шоссе. М.: Эксмо, Изографус, 2003. 512 с. (Истории моск. улиц).
- Носовский Г.В., Фоменко А.Т.** Русь и Рим: Правильно ли мы понимаем историю Европы и Азии?: Кн. 4: Русско-ордынская империя и Библия. М.: АСТ, Олимп, 2003. 488 с.
- Орешника М.А.** Русский Север начала XX века и научно-краеведческие общества региона. М.: Рос. о-во историков-архивистов, 2003. 360 с.
- Основы курса истории России:** Учебное пособие/А.С. Орлов и др. М.: Простор, 2002. 651 с.
- Отечественная история:** Учебное пособие для вузов/Под ред. А.А. Радугина. М.: Центр, 2003. 400 с. (Alma Mater).
- Павленко Н.И. Анна Иоанновна:** Немцы при дворе. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. 384 с. (Ист. расследование).
- Павленко Н.И.** Петр I. Изд. 4. М.: Молодая гвардия, 2003. 428 с. (Жизнь замечат. людей. Серия биогр.).
- Панкевич И.** Сударыня масленица. М.: Быстров, Эксмо, 2003. 544 с.
- Г.А. Потемкин:** От вахмистра до фельдмаршала: Воспоминания. Дневники. Письма/Сост. З.Е. Журавлева. СПб.: Изд-во «Пушкин. фонд», 2002. 296 с. (Гос. деятели России глазами современников).
- Поцелуев В.** Ленин. М.: Алгоритм, Эксмо, 2003. 512 с. (Полит. биографии. История в лицах и фактах).
- Рахмир П.Ю.** Идеи и люди: Политическая мысль первой половины XX века: Учебное пособие для вузов. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. 368 с.
- Романова А.А.** Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Булатин, 2002. 430 с.
- Руководители Санкт-Петербурга/Отв. за вып. С.З. Байкулова, Я.Ю. Матвеева. СПб.: Изд. Дом «Нева»; М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 576 с.**
- Святая Русь.** Русский патриотизм: Большая энциклопедия рус. народа/Сост. А.Д. Степанов. М.: Энцикл. рус. цивилизации, 2003. 928 с.
- Сельское и городское самоуправление на Урале в XVII – начале XX века/Е.Ю. Апкаимова и др. М.: Наука, 2003. 381 с.**
- Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тригуб Г.Я.** Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в.: Очерки истории. Владивосток: Дальнаука, 2002. 296 с.

- Серков В.** Кладезь народной мудрости: Сб. примет рус. народа. Смоленск: СМЯДЫНЬ, 2002. 200 с.
- Синенко С.** Город над Белой рекой: Краткая история Уфы в очерках и зарисовках. 1574–2000 гг. Уфа: Башкортостан, 2002. 184 с.
- Сироткин В.** Наполеон и Александр I: Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. 416 с. (История в лицах и фактах).
- Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в.**/Отв. ред. И.И. Лещиловская. М.: Наука, 2003. 315 с.
- Смирнов А.** Атаман Краснов. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 368 с. (Биографии).
- Смирнов И.Н.** Мордва: Ист.-этногр. очерк. Саранск: Кр. Окт., 2002. 296 с. (Наследие).
- Соколов Б.** Берия: Судьба всесильного наркома. М.: Вече, 2003. 432 с. (Досье без ретуши).
- Солженицын А.И.** Двести лет вместе: Ч. 2. М.: Рус. путь, 2002. 552 с. (Исслед. новейшей рус. истории).
- Соловьев С.** Император Александр I: Политика, дипломатия. М.: АСТ, Астрель, 2003. 639 с. (Ист. б-ка).
- Соловьев С.** История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М.: АСТ, Астрель, 2003. 445 с. (Ист. б-ка).
- Ступникова Т.** Ничего кроме правды: Нюрнбергский процесс. Воспоминания переводчика. М.: Возвращение, 2003. 200 с.
- Суходеев В.** Столин в жизни и легендах. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. 544 с. (Сталиниада).
- Троицкий Н.А.** Россия в XIX веке: Курс лекций: Учебное пособие для вузов. Изд. 2, испр. М.: Высш. шк., 2003. 431 с.
- Труайя А.** Иван Грозный/Пер. с фр. М.: Эксмо, 2003. 288 с. (Рус. биогр.).
- Труайя А.** Николай II/Пер. с фр. М.: Эксмо, 2003. 480 с. (Рус. биогр.).
- Трубецкой А.** Александр I/Пер. с англ. М.: Эксмо, 2003. 416 с. (Рус. биогр.).
- Уездные столицы:** Ирбит, Алапаевск, Камышлов, Красноуфимск/А. Смирных и др. Екатеринбург: Сократ, 2002. 368 с. (История городов в лицах).
- Уткин А.** Первая мировая война. М.: Эксмо, Алгоритм, 2002. 672 с. (История России. Соврем. взгляд).
- Учебно-методический комплект по специальности 032600 История/**Отв. ред. А.В. Лубков. М.: Флинта, Наука, 2002. 664 с.
- Файн Л.Е.** Российская кооперация: Ист.-теорет. очерк. 1861–1930. Иваново: ИвГУ, 2002. 600 с.
- Федорченко В.** Дом Романовых: Энциклопедия биографий. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 384 с. (Хроники. Портреты. Биографии).
- Хрестоматия по истории России:** Учебное пособие/А.С. Орлов и др. М.: Проспект, ТК Велби, 2003. 592 с.
- Чекалин С.В.** Под солнцем юга: Кавказ. войны в лицах. М.: Воскресенье, 2002. 336 с.
- Чекуров М.В.** Неизвестные страницы истории. М.: Кн. находка, 2003. 192 с. (Зеркало загадок).
- Шафаревич И.** Русский народ в битве цивилизаций. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. 448 с. (История России. Соврем. взгляд).
- Шашилло В.** Первая мировая война. 1914–1918: Факты. Документы. М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 480 с. (Архив).
- Юшко А.А.** Феодальное землевладение Московской земли XIV века. М.: Наука, 2003. 239 с.

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- Frank A.J.** Muslim Religious Institutions in Imperial Russia: The Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh inner Horde, 1780–1910. Leiden, 2001. XI, 341 p.
- Gender in Russian History and Culture/**Ed. by L. Edmondson. New York, 2001. XVIII, 223 p.
- Hahn G.M.** Russia's Revolution from above, 1985–2000: Reform, Transition and Revolution in the Fall of the Soviet Communist Regime. New Brunswick; London, 2002. XVII, 618 p.
- Jonca K.** Wojna polsko-sowiecka 1920 roku w dokumentach niemieckiej dyplomacji. Wroclaw, 2002. 616 p.
- Keller Sh.** To Moscow, not Mecca: The Soviet Campaign against Islam in Central Asia, 1917–1941. Westport; London, 2001. XIX, 277 p.
- Lauchlan I.** Russian Hide-and Seek: The tsarist secret Police in St. Petersburg, 1906–1914. Helsinki, 2002. 405 p.
- Mayer A.** The Furies: Violence and Terror in the French and Russian Revolutions. Princeton, 2000. XVIII, 716 p.
- Moulis Vl.** Besove ruske revoluce. Praha, 2002. 204, (I) p.
- Perrie M.** The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. New York, 2001. XV, 255 p.
- The Russo-Japanese War in Cultural Perspective, 1904–05/**Ed. by D. Wells, S. Wilson. New York; London, 2002. XIII, 213 p.
- Stalinism: New Directions/**Ed. by S. Fitzpatrick. London, 2000. XVIII, 377 p.
- Simes D.** After the Collapse: Russia Seeks its Place as a Great Power. New York, 1999. 272 p.
- Русская культура на пороге нового века /**По материалам междунар. симпоз., 15 июля 2000 г. // Ред. Т. Митидзуки. Sapporo, 2001. 299 с.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ФЕДОРОВИЧА МАМОНОВА

Владимир Федорович Мамонов (1945–2001) занимал среди уральских историков второй половины XX в. особое место как талантливый исследователь и популяризатор исторической науки, умный публицист и искусный полемист, как человек щедрой души, пророжденный педагог, Учитель с большой буквы.

В 1970 г. В.Ф. Мамонов заочно окончил исторический факультет Челябинского педагогического института, в 1973 г. защитил кандидатскую, а в 1989 г. – докторскую диссертации. В центре его научных интересов в тот период была экономическая политика Советской власти в годы Гражданской войны. В 1970–1980-е гг. он работал преподавателем в Челябинском политехническом институте и институте физкультуры, в 1990–1994 гг. – заведующим кафедрой теории и истории социально-политических отношений Челябинского госуниверситета, а с ноября 1994 г. и до конца жизни – заведующим кафедрой истории, социологии и права Челябинского госпедуниверситета. Именно в 1990-е гг. особенно ярко раскрылся его талант ученого и организатора научных исследований. Так, именно он стал основателем «Вестника Челябинского ГУ» (Серия история), «Вестника Челябинского государственного педагогического университета» (Серия исторические науки) и комплексного научного журнала по проблемам geopolитики и диалога цивилизаций под названием «Уржумка».

В научном наследии историка можно выделить три обширные темы, которые В.Ф. Мамонов интенсивно изучал в этот период. Он уделял серьезное внимание теоретическим и методологическим проблемам исторической науки, в частности особенностям ее развития в современных российских условиях¹. В своих работах Владимир Федорович убедительно показал, что на сегодняшний день в исторической науке существует три научно обоснованных методологических подхода: линейный, цивилизационный и евразийский. Отметив их плюсы и минусы, он подчеркивал, что речь должна идти не о поиске «идеального» обоснования исторического процесса и не о создании некоего «гибрида» из этих подходов, а о разумном многообразии методологических концепций. При этом он отмечал, что линейный подход нельзя отождествлять с формационной теорией, поскольку его приверженцами были многие дореволюционные отечественные и зарубежные историки, не имевшие отношения к марксизму. В.Ф. Мамонов отдавал должное и цивилизационному подходу, напоминая, что в числе его творцов были выдающиеся русские мыслители – П.Я. Чаадаев, Н.Я. Данилевский и др. В 1990-е гг., полагал ученый, в виде учебных пособий появилось немало работ, в которых под маркой «новых концепций» демонстрировалось элементарное незнание исторических фактов. Кроме того, по мнению Владимира Федоровича, едва ли правильно использовать в качестве учебников книги зарубежных авторов, где при всех их достоинствах встречается немало ошибок.

Другая крупная проблема, находившаяся в центре внимания В.Ф. Мамонова, – история общественных движений и политических партий в России. Он подготовил и издал курс лекций по этой тематике, был редактором сборника статей «Российский консерватизм: теория и практика», а также сборника программных документов российских политических партий². Особое внимание ученый уделял зарождению и началу формирования в нашей стране в конце XVIII – начале XIX в. консерватизма и либерализма. В числе факторов национального и общеевропейского характера, которые способствовали становлению консерватизма, он выделял кризис политики просвещенного абсолютизма, пугачевщину, плебеанизацию дворянства, влияние английского ториизма и, конечно, Великой французской революции³. Характеризуя российский либерализм, В.Ф. Мамонов подчеркивал его неразрывную связь с западноевропейским и особенно французским Просвещением. Другую его особенность он видел в преимущественном внимании к политическим, а не социальным вопросам, что объяснялось спецификой преимущественно дворянской социальной базы российского либерализма.

Более четверти века ученый занимался также историей казачества. Формирование и развитие казачества, превращение его в военно-служилое сословие рассматривалось им в тесной связи со сложными социально-экономическими, демографическими и политическими процессами. Прежде всего, ученого занимала проблема происхождения казачества и его развитие в XV–XVI вв., роль казачества Урала в обороне восточных рубежей страны, а также его участие в Отечественной войне 1812 г.⁴ Особенно важен вклад Владимира Федоровича в изучение ранней истории казачества на Дону, в Польско-Литовском государстве, Поволжье, на Тереке, Урале и в Сибири. Историк указывал на преимущественно славянские корни казачества, хотя и признавал значение тюркского элемента в его формировании. Заслугой Владимира Федоровича можно также считать выявление общих черт в развитии Московского и Польско-Литовского государств в XV–XVI вв., которые и привели к появлению казачества. В одной из своих монографий он обстоятельно ис-

следовал отношение казаков к государственной власти и политике Бориса Годунова, причины поддержки ими Болотникова и самозванцев, а также польско-шведской интервенции. При этом он считал упрощенным взгляд многих историков, в том числе и С.М. Соловьева, на казачество в этот период как на оплот антигосударственных элементов⁵.

Активно занимался В.Ф. Мамонов изучением роли казачества востока России в 1917–1920 гг.⁶ Он раскрыл сложный и противоречивый процесс раскола казаков в этот период, рассмотрел причины перехода до 80% казаков азиатской России на сторону Белого движения и трений правительства А.В. Колчака с Оренбургским и Забайкальским казачьими войсками.

В заключение хотелось бы сказать, что в Челябинском государственном педагогическом университете уже стали традиционными исторические Мамоновские чтения, участники которых продолжают дело этого талантливого, многогранного исследователя.

**Н.В. Коршунова, Н.С. Сидоренко, кандидаты исторических наук;
А.Л. Худобородов, доктор исторических наук
(Челябинский государственный педагогический университет)**

Примечания

¹ См.: Мамонов В.Ф. Кризис исторической науки // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. 1993; № 2; е го же. В поисках твердой почвы // Новая и новейшая история. 1996. № 6; е го же. История России с позиций цивилизационного подхода // Уржумка (Челябинск). 1996. № 1; е го же. Кризис и историческая наука. Проблемы теории, методологии, методики. Сб. статей. Челябинск, 1997.

² См.: Мамонов В.Ф. История общественных движений и политических партий России. Ч. 1. Курс лекций. Челябинск, 1993; Программные документы политических партий и организаций России (XIX – начало XX вв.) / Под ред. В.Ф. Мамонова. Челябинск, 1991; Путь к многопартийности. Сб. документов государственных и общественных организаций. В 2 ч. / Под ред. В.Ф. Мамонова. Челябинск, 1993; Российский консерватизм: теория и практика. Сб. науч. трудов / Под ред. В.Ф. Мамонова. Челябинск, 1999.

³ Мамонов В.Ф. К вопросу о зарождении консерватизма в России // Российский консерватизм: теория и практика. С. 20.

⁴ Мамонов В.Ф. Рождение казачества Урала: легенды, факты, гипотезы. Челябинск, 1991; е го же. История казачества России. Т. 1. Екатеринбург; Челябинск, 1995; Мамонов В.Ф., Форстман Г.В. Гроза двенадцатого года: казаки Урала в Отечественной войне 1812 г. Челябинск, 1991; Мамонов В.Ф., Кобзюк В.С. Пограничная линия: казаки Урала на защите рубежей Отечества. Челябинск, 1992; История казачества Урала / Под ред. В.Ф. Мамонова. Оренбург; Челябинск, 1992.

⁵ Мамонов В.Ф. В дни мятежей и смут кровавых: казачество во времена смуты в Московском государстве на рубеже XVI–XVII вв. Челябинск, 1999.

⁶ Мамонов В.Ф. Гибель русской Вандеи: казачество востока России в революции и гражданской войне. Челябинск; Екатеринбург, 1994; История казачества Азиатской России. В 3 т. / Под ред. В.В. Алексеева. Т. 3. Гл. 1, 2. Екатеринбург, 1995.

СОДЕРЖАНИЕ

Над чем работают уральские ученые

✓ Академик РАН Алексеев В.В., Алексеева Е.В. (Екатеринбург) – Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции	3
✓ Фельдман М.А. (Екатеринбург) – Культурный уровень и политические настроения рабочих крупной промышленности Урала в годы нэпа	20
✓ Плешкевич Е.А. (Троицк) – Временное областное правительство Урала: дискуссия о причинах образования	30
✓ Вершинин Е.В. (Екатеринбург) – Землепроходец Петр Иванович Бекетов	35
✓ Курлаев Е.А., Манькова И.Л. (Екатеринбург) – Участие иностранных мастеров в развитии горнорудного дела России в XVII веке	49
— Нефедов С.А. (Екатеринбург) – О возможности применения структурно-демографической теории при изучении истории России XVI века	63
— Тертышный А.Т., Трофимов А.В. (Екатеринбург) – Уральский исторический вестник	73
✓ Лаптева Т.А. – К вопросу о расширении социальной базы дворянского сословия в XVII веке (поворот в дети боярские представителей других сословий)	81
— Дищеева О.В. – Безработица в дореволюционной России (библиография по проблемам рынка труда)	96
✓ Зорин В.Ю. – К вопросу об этноконфессиональном компоненте внутренней политики России начала XX века	104
✓ Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П. (Тюмень) – Опыт социального освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1960–1980-е годы)	111

Историческая публицистика

✓ Медведев Р.А. – Почему распался Советский Союз? (Окончание)	119
---	-----

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

— Соколов А.К. – Перспективы изучения рабочей истории в современной России (Окончание)	130
— Зубок В.М. (США), Печатнов В.О. – Отечественная историография «холодной войны»: некоторые итоги десятилетия (Окончание)	139
✓ Савельев А.В. – Номенклатурная борьба вокруг журнала «Вопросы истории» в 1954–1957 годах ...	148
— Пономарев В.Н. – История Русской Америки. 1732–1867. В 3 т.	163

Критика и библиография

Уткин А.И. – История России. Люди. Нравы. События: взгляды и оценки. В 3 кн.	172
Земцов В.Н. (Екатеринбург) – А.И. Попов. Великая армия в России. Погоня за миражем	173
Парсамов В.С. (Саратов) – О.И. Киянская. Павел Пестель. Офицер. Разведчик. Заговорщик	175
Есипов В.В. (Вологда) – Ф.М. Лурье. Нечаев	177
Шелохаев В.В. – А.В. Макушин, П.А. Трибунский. Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904)	180
Зевелев А.И. – Сборник памяти Ю.И. Кораблева (Гражданская война в России. События, мнения, оценки)	182
Басов А.В. – В. Ковальчук. Магистрали мужества. Коммуникации блокированного Ленинграда. 1941–1943	184
Плешков В.Н. (Санкт-Петербург) – Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века	185
Бородкин Л.И. – Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века	188
Жукова Л.А. – Россия в начале XX века	190
Ионов И.Н. – А.С. Ахиезер, А.П. Давыдов, М.А. Шуровский, И.Г. Яковенко, Е.Н. Яркова. Социокультурные основания и смысл большевизма	193
Ли В.Ф. – Россия и мировое сообщество в условиях глобализации	196
Полунов А.Ю. – О религии и империи: миссии, обращения и веротерпимость в царской России	197

Письмо в редакцию

- Беляев С.Г. (Санкт-Петербург) – Исследование и компиляция (по поводу книги С.Д. Мартынова «Государство и экономика: система Витте»).....

203

Научная жизнь

- Рудая Е.Н. – Институт российской истории РАН в 2002 году 206
Премия имени В.О. Ключевского 2002 года 214
Докторские диссертации по отечественной истории 215
Новые книги по отечественной истории 217
Новые поступления зарубежной литературы по отечественной истории 219
Памяти Владимира Федоровича Мамонова 220

CONTENTS

Scientists of the Urals: What Are They Working On

- RAS Academician Alexeyev V.V., Alexeyeva Ye.V. (Yekaterinburg) – The Collapse of the USSR in the Context of the Theories of Modernization and Imperial Evolution 3
Feldman M.A. (Yekaterinburg) – The Cultural Level and the Political Mood of the Workers in Urals Major Industries in the Time of the NEP 20
Pleshkevich Ye.A. (Troitsk) – The Provisional Government of the Urals Region: The Debate on the Reasons of Its Formation 30
Vershinin Ye.V. (Yekaterinburg) – A Discoveror Pyotr Ivanovich Beketov 35
Kurlayev Ye.A., Mankova I.L. (Yekaterinburg) – Participation of Foreign Master Craftsmen in Developing Russia's Mining Industry in the XVIth Century 49
Nefedov S.A. (Yekaterinburg) – The Structural Demography Theory and Its Likely Application for Considering Russia's History of the XVIth Century 63
Tertyshny A.T., Trofimov A.V. (Yekaterinburg) – The Urals Historical Bulletin (Uralsky Istoricheskiy Vestnik) 73

- Lapteva T.A. – Concerning the Expansion of the Social Basis for the Nobility in the XVIth Century (The Initiation into «Deti Boyarskiye» (the Boyars' Children) of Representatives of Other Estates)..... 81
Dineyeva O.V. – The Unemployment in the Prerevolutionary Russia (The Bibliography on the Labour Market Issues) 96
Zorin V.Yu. – Concerning the Ethnoconfessional Component of Russia's Home Policy in the Early XXth Century 104
Gavrilova N.Yu., Karpov V.P. (Tyumen) – The Experience of the Social Development in the Oil – and Gas-Producing Areas of West Siberia (1960s–1980s) 111

Historical Journalism

- Medvedev R.A. – The Soviet Union: Why the Collapse? (*The Ending*) 119

Historiography, Historical Sources, Methods of Historical Research

- Sokolov A.K. – The Prospects for Studying the Working Class History in the Present-day Russia (*The Ending*)... 130
Zubok V.M. (USA), Pechatnov V.O. – The Russian Historiography of the «Cold War»: Summing Up for the Decade..... 139
Saveliev A.V. – The Nomenklatura Struggle Around the Journal «Voprosy Istorii» (The History Issues in 1954–57) 148
Ponomarev V.N. – The History of Russian Amerika. 1732–1867. In 3 Vs 163

223